

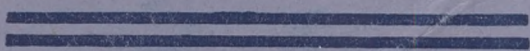
Н О В Ы Й
М И Р

10

Н О В Ы Й
М И Р

1957

10

1957

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIII

№ 10

Октябрь, 1957 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПЕРЕДОВАЯ — Главная линия	3
НА СОРОКОВОМ ГОДУ. ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
А. ХАВИН — Новая география научного творчества	10
<hr/>	
СОФЬЯ ВИНОГРАДСКАЯ — Первые годы, рассказы	26
МИХ. ШЕСТЕРИКОВ — Огонек моей юности, лирическая поэма	63
ВЛ. СОЛОУХИН — Владимирские проселки. Окончание	75
АЛЕКСАНДР КОРЕНЕВ — Истоки, стихи	135
Е. ДРАБКИНА — Котелок. Из рассказов о днях революции	139
СТЕПАН ЩИПАЧЕВ — Два стихотворения	158
СОРОК ЛЕТ НАЗАД. ОКТЯБРЬ, 1917 год...	159
А. АНТОНОВ — Именем Военно-революционного комитета	
Р. БОРИСОВА — У волгарей	
А. БРАТАЛЬСКИЙ — В Белгороде	
Б. ЭТИНГОФ — Начало новой эры	
С. СТРИЕВСКАЯ — В новом ВЦИКе	
ИЗ ДОКУМЕНТОВ ТЕХ ДНЕЙ	
<hr/>	
ПУБЛИЦИСТИКА	
Министр культуры СССР Н. МИХАЙЛОВ — Праздник мира и дружбы	188
А. ЛЕОНИДОВ — Заговор душителей революции	195
<hr/>	
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
В. ОЗЕРОВ — Ум, честь и совесть нашей эпохи	213
ЗА ИДЕЙНУЮ ЧИСТОТУ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА! (Новые материалы из литературного наследия А. А. Фадеева)	236
<hr/>	
<i>Перечитывая книги...</i>	
Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ — Песнь о битве народной	246
<hr/>	
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i> 254	
Вл. Баскаков. Судьбы народные. — Борис Слуцкий. «Живу в двадцатом веке». — А. Наркевич. Русские очерки. — Сергей Наровчатов. Светлый талант. — Г. Брейтбурд. Новый роман Альберто Моравиа.	

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
<i>Политика и наука</i>	268
В. Невзоров. Ученый-революционер.— Е. Ковалев. Великая сила Китая.— А. Мельчин. Жизнь героя.— Полковник Н. Денисов. Третья тысяча...— Л. Василевский. Управляемые снаряды США.— Г. Толокольников. Быть всегда начеку.	
ОТГОЛОСКИ МИНУВШЕГО	282
А. Дун. Судьба одной пародии.— А. Ротштейн. Письмо в редакцию.	
КОРОТКО О КНИГАХ	284
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	287

ГЛАВНАЯ ЛИНИЯ

С порога пятого десятилетия мы глядим нынче на свою страну. За сорок лет, которые скоро минуют со дня победы Великой Октябрьской социалистической революции, мы привыкли видеть все новые и новые плоды преобразующего труда, привыкли к постоянно меняющейся экономической карте Родины. Однако таких захватывающих масштабов работ, приближающих коммунизм, какие открываются взгляду с нынешнего рубежа, мы еще не видывали.

На необозримых родных просторах происходят сегодня грандиозные перемены. Древняя Волга превращается в цепь полноводных «морей» — водохранилищ. Только что мы широко раздвинули днепровские берега у Каховки, а уже работает армия строителей под Кременчугом, снова и снова меняя облик украинских степей, подчиняя себе стихию. Во всех республиках, в только что созданных экономических районах поднимаются новые мощные заводы. Стремительно и неузнаваемо меняются громадные пространства советской земли на восток от Урала, до тихоокеанских побережий. Сколько новых точек на карте возникло за последние два-три года там, где от века обозначалась лишь пустынная целина казахстанских и алтайских степей, в глухой забайкальской тайге, на берегах песенных рек — Иртыша, Ангары, Енисея и Лены!.. Миллионы тонн нового хлеба дает сегодня земля, которой лишь недавно впервые коснулся труд советских людей. А ведь новь социалистического труда — это не одни лишь сразу поражающие взгляд перемены на карте. Велики и радостны сдвиги в жизни нашего колхозного крестьянства. Они со всей ошутимостью выразились в призыве партии — в ближайшие годы догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения. Плоды кипучего соревнования, охватившего совхозы и колхозы страны на пути к решению этой задачи, видны уже и сегодня. Их ощущает каждая советская семья.

Двадцатый съезд КПСС с поистине ленинской глубиной и прозорливостью проанализировал все итоги пути, пройденного нашей страной, сделал выводы из величественных побед, достигнутых ею, беспощадно обнажил и до конца вскрыл ошибки и недостатки, допущенные в прошлом. Этот большевистский, всесторонний и мужественно суровый анализ облегчил дальнейшее поступательное движение строителей коммунизма, указал путь к новым подъемам. Двадцатый съезд партии вооружил весь советский народ ясным пониманием того факта, что у нас есть ныне все условия, чтобы в исторически короткий срок решить стоящую перед нами основную экономическую проблему — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения.

Исторические решения Двадцатого съезда победоносно выполняет весь советский народ под руководством Коммунистической партии. Они, эти решения, находят свое развитие в законе о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством, в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих, в постановлении о развитии

жилищного строительства в СССР и многих других важных государственных решениях.

Во всех областях жизни народа итоги прожитого сорокалетия огромны. Каждый этап нашего сорокалетнего развития благодаря самоотверженным трудам партии и народа мощно двигал вперед дело построения социализма. Особенно велики и поразительны плоды последних лет, достигнутые в тот период, когда партия решительно и последовательно восстанавливала ленинские нормы в партийной жизни, устраняла последствия ошибок и извращений, которые порождены были культом личности и нанесли ущерб делу партии, делу народа.

Подъем всех творческих сил нашел свое выражение и в новых достижениях научной мысли, оставляющих позади многое из того, что сумели до нашего времени достигнуть ученые в странах капитализма. Наша наука ушла дальше Запада в ряде отраслей мирного применения атомной энергии, советские конструкторы создали машины, которым удивляется мир. Америка покупает у нас чертежи наиболее совершенного турбобура для нефтяных промыслов, восторженно встречает на аэродроме Макгайр самолет «ТУ-104А», на несколько лет обогнавший, по признанию зарубежной печати, уровень самолетостроения самых передовых в техническом отношении западных стран... Вчера еще полуфантастические грезы мечтателей о межпланетных полетах и искусственных спутниках Земли стали сегодня для советской науки очередным практическим делом.

Итог сорокалетия таков же во всех областях социалистической культуры.

Библиотека советского романа, серия избранных произведений советской поэзии, многотомное издание лучших пьес советской драматургии, — когда мы в нынешнем юбилейном году читаем названия многочисленных книг, выходящих во всех этих сериях, то с особой гордостью снова и снова убеждаемся в том, как много сделано и советской литературой за годы, минувшие после Октябрьской победы, обозначившей рубеж в жизни всего человечества.

Но, как и во всех иных областях жизни, в дни юбилейного года советские писатели не только подводят итоги сделанному, не только оглядываются назад, но и с особой пристальностью всматриваются вперед, оглядывая новые рубежи и высоты, которые должны быть заняты в общем движении к победе коммунизма, формулируя задачи, которые предстоит решать литературе и которые, в свою очередь, непосредственно связаны с теми грандиозными проблемами, какие решает ныне под руководством Коммунистической партии весь советский народ.

Большую помощь в этом оказал литературе и всему советскому искусству опубликованный недавно партийный документ — сокращенное изложение выступлений Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа».

Этот документ сжато и сильно разворачивает перед художниками величественную картину сегодняшней борьбы советских людей за дальнейший подъем промышленности и за ее техническое могущество, за новые успехи сельского хозяйства, которые еще выше поднимут благосостояние трудящихся. Это вдохновенное движение масс, как всегда, возглавлено Коммунистической партией. Вся жизнь народа проникнута организующим воздействием партии. Каждая наша победа — результат осуществления ленинской генеральной линии, которую неумоимо отстаивает и проводит в жизнь Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет.

Только теснейшая, постоянная связь с жизнью, ясное понимание происходящих в ней процессов позволяют художнику правильно решать

стоящие перед ним задачи, не уходя от главной линии развития советского искусства.

«А главная линия развития, — говорит Н. С. Хрущев, — состоит в том, чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества. Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма».

На всех важнейших этапах своего сорокалетнего пути развития советская литература неизменно получала направляющие, исполненные мудрой заботы указания партии, всегда содержащие ясный и точный анализ побед и потерь нашего искусства, освещающие прямой путь вперед и предостерегающие художника от кривых тупичков и от уводящих назад и в чужую сторону разбитых и грязных проселков. Все эти указания партии сохраняют до нынешнего времени важнейшее принципиальное значение. Они и сегодня помогают нам видеть верное направление и находить корни многих пагубных ошибок, — эти документы, начиная от письма Центрального Комитета РКП, которое в 1920 году, выражая заботу о становлении подлинно боевого передового искусства революционного пролетариата и поддерживая «стремление передовых рабочих поставить на очередь вопросы о более богатом духовном развитии личности», с ленинской непримиримостью разоблачило мелкобуржуазные, социально чуждые элементы в пролеткультовском движении, — и до постановлений по идеологическим вопросам, принятых Центральным Комитетом партии в августе — сентябре 1946 года.

Решения партии, принятые по вопросам литературы и искусства в 1946 году, отмечая успехи советской литературы и констатируя появление ряда значительных и удачных произведений, мобилизовали внимание всех художников на борьбу против произведений безыдейных, идеологически вредных.

«Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, — говорилось в Постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград», — состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия».

Так, начиная с самых первых, Лениным данных, указаний, вела и ведет партия литературу и искусство, последовательно указывая прямой, никуда не сворачивающий, ни от каких временных ситуаций не зависящий единый путь развития, всегда напоминая о том, как необходима художнику недреманная партийная бдительность на идейном фронте, какой непримиримой должна быть борьба против чуждой идеологии, сколь важно глубокое познание окружающей действительности и живая постоянная связь с жизнью народа.

Ленинская забота о судьбах советского искусства пронизывает от начала до конца и обращенный ко всем нашим художникам ныне, на сороковом году жизни Советского государства, знаменательный партийный документ, каким является сокращенное изложение выступлений Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа».

Развернув живую и яркую картину расцвета и всеобщего подъема, характеризующего всю жизнь нашей страны после Двадцатого съезда КПСС, товарищ Н. С. Хрущев подробно остановился на теоретических

обоснованиях тех практических задач, которые выдвинуты партией на нынешнем этапе развития Советского государства.

Н. С. Хрушев напомнил о том, что творческий подход к теории, умение развивать и двигать вперед марксистско-ленинскую науку состоит в том, чтобы на основе научного обобщения живого опыта правильно понять новые назревшие задачи общественного развития и наметить пути их практического осуществления.

Этого не понимают иные поборники «чистой теории», пытающиеся изобразить конкретную заботу партии о благосостоянии народа, ее напряженную и плодотворную деятельность как «узкий практицизм». Попадают такие отдельные чистоплюи и в писательской среде. Можно ли, однако, будучи мало-мальски грамотным марксистом, не видеть и не понимать, насколько глубокий и прочный теоретический фундамент, лежащий в основании каждого практического мероприятия партии?! Теория марксизма-ленинизма, говорит Н. С. Хрушев, есть выражение коренных интересов рабочего класса, коренных интересов трудящихся. «Творческий подход к теории, умение развивать и двигать вперед марксистско-ленинскую науку состоит в том, чтобы на основе научного обобщения живого опыта правильно понять новые назревшие задачи общественного развития и наметить пути их практического осуществления».

Весь советский народ единодушно поддержал решение июньского Пленума ЦК КПСС, разгромившего пытавшуюся сопротивляться этому ленинскому курсу антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова. Эти раскольники мнили себя, как сказал о них Н. С. Хрушев, «жрецами и истолкователями марксистско-ленинской науки», а на деле порвали с ленинизмом и скатились на путь фракционной деятельности, направленной против коренных интересов партии, против коренных интересов народа.

Разгром фракционеров еще прочнее сцементировал монолитные ряды партии, еще более укрепил силы борцов, уверенно идущих к общей цели.

Н. С. Хрушев отметил исключительно важную роль, которая принадлежит литературе и искусству в идеологической работе партии, в деле коммунистического воспитания трудящихся. Писатели, все работники искусства, вся советская интеллигенция активно участвуют своим творчеством в созидательной деятельности советского общества, верно служат своему народу. С понятной гордостью и вместе с тем с чувством сознания огромной ответственности слышали работники литературы и искусства из уст Первого секретаря Центрального Комитета КПСС слова о том, что Коммунистическая партия считает их своими верными друзьями, помощниками, надежной опорой в идеологической борьбе.

Однако, как отметил товарищ Хрушев, говоря о вопросах теории, в сегодняшней обостренной идеологической борьбе «в среде интеллигенции нашлись отдельные люди, которые начали терять почву под ногами, проявили известные шатания и колебания в оценке ряда сложных идеологических вопросов, связанных с преодолением последствий культа личности». В прямой связи с подобными шатаниями находится проявленная некоторыми писателями и художниками в последнее время тенденция к тому, чтобы выискивать в окружающей жизни только недостатки, говорить преимущественно об отрицательных явлениях и замалчивать все положительное. «А ведь именно это положительное,— подчеркнул Н. С. Хрушев,— новое и прогрессивное в жизни и составляет главное в бурно развивающейся действительности социалистического общества».

Есть люди, которые обращенный к писателям призыв — видеть, показывать и осмысливать это главное, то есть новое и передовое, — пытаются толковать как призыв к одностороннему отображению жизни, замалчиванию недостатков и трудностей в нашей действительности. По-

добное толкование является, несомненно, попыткой с явно негодными средствами. Весь исторический опыт нашего советского общества напоминает о том, как последовательно и беспощадно вскрывает и критикует партия все ошибки и недостатки на нашем пути, как вместе с массами намечает она пути устранения этих недостатков и исправления ошибок во имя успехов нашего дела.

Вопрос в том, с каких позиций и во имя какой идеи ведется критика. Партия вскрывает и критикует недостатки и ошибки, чтобы устранить их как помеху на пути борьбы за коммунизм, чтобы укрепить еще прочнее советский строй, чтобы обеспечить новые успехи и более быстрое движение вперед. Не все поняли этот ясный закон единственно плодотворной и действенной критики, рожденный вместе с нашим социалистическим обществом. Иные литераторы берутся за оружие критики, не умея владеть им. Не зная жизни, не обладая необходимым политическим опытом, умением увидеть в жизни главное и определяющее, они выхватывают недостатки и ошибки отдельных работников, валят все в кучу, не разбираясь и не пытаясь осмыслить явления, к которым они прикоснулись, «запугивают, — как сказал Н. С. Хрущев, — себя и пытаются пугать других».

В этой связи в выступлении Н. С. Хрущева прямо и остро сказано о серьезных ошибках, совершенных редакцией журнала «Новый мир».

В незавидное положение человека, взявшегося за оружие критики без умения владеть им, говорит товарищ Хрущев, «попал, в частности, писатель В. Дудинцев. В его книжке «Не хлебом единым», которую сейчас пытаются использовать против нас реакционные силы за рубежом, предвзято надерганы отрицательные факты и тенденциозно освещены с недружественных нам позиций. В книжке Дудинцева есть и правильные, сильно написанные страницы, но общее направление книги неверно в своей основе. У читателя создается впечатление, что автор этой книги не проникнут заботой об устранении увиденных им недостатков в нашей жизни, он умышленно сгущает краски, злорадуется по поводу недостатков. Такой подход к изображению действительности в произведениях литературы и искусства есть не что иное, как стремление показать ее в извращенном виде, в кривом зеркале.

Приходится только пожалеть, что этой нездоровой и вредной тенденции не заметили и не дали ей вовремя правильной оценки и отпора некоторые литературно-художественные журналы и издательства. Редакция журнала «Новый мир» предоставила страницы журнала для опубликования сочинений, подобных книге Дудинцева...» И далее: «Советские люди отвергают и такие, по существу, клеветнические сочинения, как книга Дудинцева «Не хлебом единым», и такие слащавые, приторные фильмы, как «Незабываемый 1919 год» или «Кубанские казаки».

Редакция «Нового мира» испытывает насущную потребность сказать здесь ясно и определенно о своих ошибках и заблуждениях, подвергшихся суровой критике в выступлениях Н. С. Хрущева.

Только очень серьезная критика, прозвучавшая в писательской среде и прежде всего на совещаниях писателей в ЦК КПСС и на приеме писателей руководителями Партии и Правительства, помогла редакции до конца взвесить меру своих ошибок и заблуждений, увидеть вредные последствия, к которым они привели. Это понимание своих ошибок нашло выражение в опубликованных на страницах «Литературной газеты» и «Правды» выступлениях главного редактора журнала К. Симонова и члена редколлегии К. Федина, отразивших единодушное мнение всей редакционной коллегии.

Самой своей серьезной ошибкой редакция «Нового мира» считает публикацию романа В. Дудинцева. Высказанное устами Н. С. Хрущева мнение партии об этой книге как о книге, по существу, клеветнической

есть самая суровая оценка того факта, что журнал «Новый мир» счел возможным опубликовать на своих страницах рукопись Дудинцева.

За отдельными правильными, сильно написанными страницами редакция не сумела увидеть неверное в основе своей направление всей книги. Вина редакции тем большая, что автор книги — молодой писатель. Даже сейчас, после опубликования романа, в основе которого лежит нездоровая и вредная тенденция, Н. С. Хрушев с чувством заботы и человечности говорит о том, что перед Дудинцевым не закрыт правильный путь. Это еще раз подчеркивает, как велики и ответственны были обязанности редакции, которая должна выполнять свою роль воспитателя молодых сил советской литературы и помочь автору, принесшему рукопись, подобную рукописи Дудинцева, сойти с избранного им неверного пути, отказаться от ошибочных и порочных концепций. Однако, вместо того чтобы поставить на правильный путь молодого писателя, редакция сама сбилась с правильного пути и опубликовала роман, показывающий нашу жизнь в кривом зеркале.

Редакция «Нового мира» считает своей ошибкой публикацию рассказа Д. Гранина «Собственное мнение», по сути также являющегося изображением нашей действительности в кривом зеркале.

Для редакции стали очевидными серьезные перекосы и искажения, содержащиеся в поэме Кирсанова «Семь дней недели», — во всяком случае, в том виде, в каком эта поэма появилась в журнале.

Наконец, редакция считает неправильными целый ряд положений статьи главного редактора журнала К. Симонова «Литературные заметки» — положений, которые объективно могли прозвучать, да и на деле прозвучали, как недооценка роли партийного руководства литературой.

Принципиальная, справедливая, острая и в то же время полная веры в художника и заботы о нем критика ряда ошибок, в том числе и ошибок «Нового мира», содержащаяся в выступлении Н. С. Хрущева, для писателей, которые по совести принимают эту критику, — большая помощь в работе. После этих суровых по отношению к ошибкам отдельных литераторов, но высоко ставящих само звание писателя и его труд во имя народа слов Первого секретаря Центрального Комитета нашей партии хочется работать лучше, горячее, целеустремленнее.

Пути для такой плодотворной и целеустремленной работы — для того, чтобы литература наиболее успешно могла выполнять свое высшее общественное назначение, поднимая народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма, — указаны в постановлениях ЦК КПСС, в выступлениях Н. С. Хрущева. Первостепенное значение для каждого художника имеют содержащиеся в этом документе замечания о партийности и народности литературы и искусства.

«Прежде всего нельзя противопоставлять понятия партийности и народности, — говорит товарищ Хрушев. — Сила советского социалистического общества в единении Коммунистической партии и народа. Политика Коммунистической партии, выражающая коренные интересы народа, составляет жизненную основу советского общественного и государственного строя. Поэтому было бы большим заблуждением думать, что в наших советских условиях можно служить народу, не принимая активного участия в претворении в жизнь политики Коммунистической партии. Невозможно желать идти вместе с народом, не разделяя взглядов партии, ее политической линии. Кто хочет быть с народом, тот всегда будет с партией. Кто прочно стоит на позициях партии, тот всегда будет с народом».

Развивая эту мысль, товарищ Хрушев с предельной ясностью показывает, в чем заключается та истинная свобода творчества, которая — и притом одна она, эта истинная свобода, — может привести художника к вершинам художественных достижений, дать ему счастье боль-

ших и полных побед. «Если борьба за идеалы коммунизма, за счастье своего народа является целью жизни художника, если он живет интересами народа, его думами и чаяниями, то какую бы тему он ни брал, какие бы явления жизни ни отображал, его произведения будут отвечать интересам народа, партии и государства.

Такой художник избирает путь служения народу свободно, без принуждения, по собственному убеждению и призванию, по велению души и сердца. В условиях социалистического общества, где народ является действительно свободным, подлинным хозяином своей судьбы и творцом новой жизни, для художника, который верно служит своему народу, не существует вопроса о том, свободен или не свободен он в своем творчестве. Для такого художника вопрос о подходе к явлениям действительности ясен, ему не нужно приспособляться, принуждать себя, правильное освещение жизни с позиций коммунистической партийности является потребностью его души, он прочно стоит на этих позициях, отстаивает и защищает их в своем творчестве».

Именно такая, единственно правильно понятая художником свобода творчества создает условия для наиболее полного проявления творческой индивидуальности и вместе с тем для широкой консолидации сил всей многогранной и яркой литературы социалистического реализма.

Это консолидация единомышленников, готовых к жестокой идейной борьбе и непримиримо ведущих такую борьбу во имя отстаивания своей идеи — идеи коммунизма. И надо полагать, что именно такой консолидации сил будут способствовать и те организационные мероприятия, которые проводит теперь Союз писателей, создав Оргкомитет Союза писателей Российской Федерации. Более тесно объединяя и организуя писателей РСФСР и входящих в нее наряду с краями и областями 14 автономных республик, 7 автономных областей и 10 национальных округов, способствуя росту писательских сил на местах, Союз писателей Российской Федерации поможет писателям еще более укрепить связь с жизнью, находясь в центре проблем, определяющих собой жизнь народа. Нельзя изображать человека, не зная его дела и связанных с этим делом конкретных раздумий и чаяний. Здесь тоже теория самым тесным образом связана с живой практикой народной жизни; без знания этой практики художник перестает быть художником, его создания превращаются в нарочитые бесплотные фигуры, и тут рождается та схема, какой не терпит истинное искусство.

Великая программа действий, над осуществлением которой засучив рукава уже сороковой год повседневно, практически работают партия и народ, не может не быть программой действий и для литературы, готовой разделить народные труды.

Думать иначе — значит не уважать свою литературу, не понимать ее задачи, которые партия всегда, неизменно ставила в тесную связь с жизнью народа, с его борьбой за победу коммунизма.

Указания партии говорят о высокой оценке всего лучшего, что сделано нашей литературой, о вере в ее силы, о надежде на то, что сейчас, в период больших трудов и выдающихся достижений нашей страны, писатели будут работать под стать всем советским людям, так же самоотверженно, смело, победоносно, не отступая перед трудностями.

И есть все основания полагать, что наша литература, руководимая и направляемая партией, не обманет этих высоких надежд и в полную меру своих сил послужит своему великому народу.

НА СОРОКОВОМ ГОДУ

Очерки наших дней

А. ХАВИН

★

НОВАЯ ГЕОГРАФИЯ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

«Только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия. Только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния».

В. И. Ленин.

Несколько параллелей

В последние дни августа весть об успешных испытаниях межконтинентальной баллистической ракеты, созданной учеными и инженерами нашей Родины, облетела весь мир. Еще в начале века основоположник реактивной науки и техники К. Э. Циолковский предвидел то время, когда человечество «в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство». Незадолго до своей смерти замечательный исследователь писал: «Все свои труды по авиации, ракетоплаванью и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды».

Надежды великого ученого оправдались. Его гениальные замыслы претворяются в явь. Эта великая победа знаменует новый этап в развитии советской науки и техники, в укреплении оборонной мощи нашей страны.

Создание межконтинентальной ракеты — важное звено в той цепи великих открытий, которыми наша наука обогатила в самые последние годы человечество.

Достижения советской физики, химии, электроники, механики позволили нашему народу построить первую в мире атомную электростанцию, создать крупнейшую в мире атомную машину — синхрофазотрон, приступить к сооружению мощных атомных электростанций.

Скоростные реактивные самолеты «ТУ-104», быстродействующие электронные счетные машины, точнейшие приборы, могучие турбины мощностью в 200 тысяч квт., вновь открытые месторождения ценнейших ископаемых, близ которых уже растут очаги индустрии, комплексные автоматические цехи и целые заводы — таковы только немногие из выдающихся успехов, достигнутых в последнее время нашей страной. Советский народ справедливо гордится результатами труда всех отрядов своих ученых:

математиков и химиков, биологов и агрономов, архитекторов и медиков. Творчество ученых социалистического общества, как это и предвидел В. И. Ленин, позволяет наиболее рационально использовать производительные силы страны, облегчить труд людей, улучшить, обогатить их жизнь.

Расцвет советской науки предопределен самой природой социалистического общества. Вспомним, какие барьеры вставали на жизненном и творческом пути крупнейших ученых дореволюционной России. Волшебная лампочка Яблочкова зажглась в Париже на много лет раньше, чем в Петербурге: русские промышленники-толстосумы отвергли это замечательное изобретение. Великого Менделеева дважды провалили при выборах в Академию наук. Знаменитый Мечников нашел приют на чужбине, в институте Пастера. Слава и гордость русской геологической науки Л. И. Лутугин был изгнан из Государственного геологического комитета. Преследованиям подвергался П. Ф. Лесгафт. Светила русской науки В. И. Вернадский, П. Н. Лебедев, Н. Д. Зелинский, К. А. Тимирязев, С. А. Чаплыгин вынуждены были уже незадолго до Октябрьской революции покинуть Московский университет. Лишь после революции имел возможность вернуться из эмиграции создатель советской школы биохимии А. Н. Бах.

На всей территории огромной страны, простершейся от берегов Балтики до Тихого океана, насчитывалось всего лишь 289 научных учреждений с ничтожной горсточкой научных работников в них.

К моменту создания Советского государства геологической съемкой была охвачена лишь одна десятая часть территории страны. Надо ли удивляться тому, что Россия считалась страной, бедной углем, не обладавшей сырьем для производства алюминия. Ничего не было известно ни о богатствах калийных солей, ни о восточной нефти, ни о многочисленных других природных ресурсах. Лишь одна пятая элементов периодической системы Менделеева добывалась в промышленных масштабах. А ныне, на рубеже сороковой годовщины Октябрьской революции, нет ни одного элемента, месторождения которого не были бы известны и промышленная разработка которого не производилась бы.

С первых же дней существования Советского государства В. И. Ленин, занятый сверхчеловеческой работой по руководству партией и государством, уделял много внимания и вопросам развития науки.

Уже в апреле 1918 года он набрасывает гениальный план научно-технических работ. Вспомним, с какой страстью продвигал Владимир Ильич изобретение Р. Э. Классона — гидроторф — и ряд других новшеств. В самом разгаре гражданской войны, когда с юга двигались полчища Деникина, геологическая экспедиция по непосредственному ленинскому заданию вела разведки недр Курской аномалии.

В труднейшее для молодой Республики время, в том же 1918 году, родилась Центральная химическая лаборатория ВСНХ, разрабатывавшая новые методы производства. На ее базе впоследствии вырос научно-исследовательский Физико-химический институт имени Л. Я. Карпова, ныне пользующийся мировой известностью. Тогда же при непосредственной помощи В. И. Ленина в Нижнем-Новгороде была создана знаменитая радиолоборатория, которой руководил М. А. Бонч-Бруевич. Так уже в те далекие и суровые дни было положено начало строительству передовой советской науки.

К сороковой годовщине Великого Октября в нашей стране насчитывается почти три тысячи научных учреждений — в десять раз больше, чем до революции, и 240 тысяч научных работников — в 24 раза больше, чем в 1914 году. Нет ни одной отрасли знания, которая не имела бы в СССР выдающихся представителей, нет в нашем многонациональном государстве ни одного народа, который не выдвинул бы своих ученых.

Наряду с Академией наук СССР и в тесном сотрудничестве с нею разрабатывают важнейшие проблемы академии наук союзных республик и специализированные академии (медицинских, педагогических, архитектурных, сельскохозяйственных и других наук).

В царской России было десять университетов. Сколько громких речей было произнесено с думской трибуны, сколько пролито чернил, сколько статей написано, чтобы добиться в 1916 году открытия одиннадцатого университета в Перми!

А в Советском Союзе в прошлом году функционировали 33 университета. В нынешнем году открыли свои двери перед студентами еще два университета — в Башкирской и Кабардино-Балкарской АССР. Общее число учащихся высших учебных заведений больше чем в семнадцать раз превысило число студентов дореволюционной России. По количеству учащихся вузов (на десять тысяч населения) СССР опередил все страны мира. Население вместе взятых четырех крупнейших капиталистических стран Европы (Англии, Западной Германии, Франции и Италии) равно населению СССР, а студентов в этих странах вчетверо меньше, чем в Советском Союзе. Между тем каждый вуз не только готовит кадры, но и является центром научно-исследовательской работы.

Вполне закономерно, что при таком размахе, при таких невиданных в истории масштабах научной и исследовательской работы мир узнает о все новых и новых открытиях советских ученых.

Показатель, которого нет в статистических сборниках

Существует великое множество самых разнообразных показателей, при помощи которых можно безошибочно оценить путь, пройденный страной. Это и величина вновь поднятых посевных площадей и количество выращенного и собранного хлеба, выплавленного металла, добытого топлива, произведенной электроэнергии.

Рядом с этими народнохозяйственными показателями существуют и другие, не менее яркие измерители: цифры, отражающие сдвиги в культурном уровне широких масс, масштабы научной работы.

В 1921 году В. И. Ленин писал: «Посмотрите на карту Р.С.Ф.С.Р. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».

Таково было тяжелое наследие, полученное Октябрьской революцией от помещичье-дворянской России.

А теперь по воле советского народа и его родной Коммунистической партии в самых отдаленных, самых ранее отсталых районах, на берегах Ледовитого океана, в безлюдной ранее Заполярной тундре, в степях Казахстана, в Уссурийской тайге выросли новые города, где работают вузы, научно-исследовательские институты, лаборатории. В Узбекистане и Казахстане, где до революции не было ни одного вуза, теперь обучается почти столько же студентов, сколько во всей царской России.

Наука перестала быть делом узкой группы людей.

Но проблема ведь не только и даже не столько в густоте сети научных учреждений и не в количестве кандидатов и докторов наук.

На вопрос о размахе научного творчества в СССР статистика дает внушительный ответ. Оказывается, за один только 1955 год вышло в свет свыше двадцати восьми тысяч названий книг, посвященных естественным наукам, математике, технике, основным отраслям народного хозяйства. Эта цифра очень красноречива. Но в выпущенном ЦСУ сборнике, посвя-

щественном культурному строительству СССР, не показано, как зарождается этот огромный поток в отдельных областях и районах страны.

Между тем ответить на этот вопрос — значит показать новую географию научного творчества. А она имеет право на внимание.

Вспомним, как выглядела география науки в старой России. В Петербурге, Москве, в известной мере в Киеве, Казани, Харькове, Одессе концентрировалось все научное творчество. Вся остальная великая страна выглядела на карте науки сплошным «белым пятном».

Прошло четыре советских десятилетия. И вот перед нами конкретные результаты работы коллективов научно-исследовательских институтов, вузов, облеченные в форму статей, рефератов, отчетов, опубликованных в ученых трудах, ученых записках, научных журналах.

Огромная научная литература выпускается в Москве, Ленинграде и в других старейших центрах науки. Но цель настоящих заметок рассказать о новом, невиданном еще размахе научного творчества на местах.

...Небольшая, скромно изданная книжка. На титульном листе ее читаем: «Ученые записки Кулябского педагогического института».

Куляб... Признаюсь, это географическое название мне мало что говорило. Пришлось заглянуть в справочники. И в 35-м томе первого издания БСЭ, вышедшем в 1937 году, нашлась характеристика этого молодого города, точнее поселка: оказывается, здесь в 1936 году насчитывалось две с половиной тысячи жителей, в городке работали хлопкоочистительный и маслобойный заводы, ремонтная мастерская, мельница, электростанция, МТС. Такова была скромная экономика Куляба.

А ныне этот прежде небольшой поселок, расположенный в горах Таджикистана, превратился в центр одноименной области. Здесь создан ряд культурных учреждений, в том числе педагогический институт, преподаватели которого ведут и научно-исследовательскую работу.

В первом выпуске Ученых записок института опубликованы труды членов кафедр основ марксизма-ленинизма, педагогики, психологии.

«Кулябский педагогический институт, — скромно пишет в предисловии к сборнику редакция коллегия, — один из самых молодых вузов нашей страны и укомплектован он преимущественно молодыми специалистами. Вполне понятно, что еще многое нужно сделать, чтобы их научно-педагогическая деятельность соответствовала тем высоким и благородным задачам, которые Коммунистическая партия и Советское правительство выдвигают перед высшей школой».

Перенесемся в небольшой городок в глубине Поволжья — Саранск. Этого центра Мордовской АССР также еще совсем недавно нельзя было найти на карте науки. А ныне здесь функционируют педагогический институт, краеведческий музей и научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики. Последний выпуск Ученых записок этого института имеет уже солидный порядковый номер — 17.

Не было на старой карте науки и районного центра Брянской области — Новозыбкова. Таких городов в нашей стране тысячи. Новозыбковский педагогический институт выпустил уже второй том Ученых записок.

Не было очагов науки в таких городах, как Нальчик и Йошкар-Ола, Якутск и Ош, Пенза и Кишинев, Кутаиси и Астрахань, Улан-Удэ и Фрунзе, Ставрополь и Иркутск, Рязань и Псков... А теперь здесь, как и в сотнях других городов, которые ранее были так далеки от больших дорог культуры, деятельно работает научная творческая мысль, публикуются монографии, ученые записки, труды коллективов вузов, научно-исследовательских институтов, краеведческих музеев, селекционных станций, лабораторий.

Многообразна тематика, велик диапазон научных работ на периферии. Вопросы дореволюционной истории нашей Родины, строительства социалистического общества, этнографии и археологии, международного рабо-

чего движения и колониальной политики империализма, литературоведения и истории литературы, математики и физики, всех отраслей техники, агрономии, животноводства — все эти проблемы широко исследуются учеными в самых отдаленных областях, краях и республиках.

Невозможно, да и нет надобности, давать оценку каждому отдельному исследованию, не обязательно искать в каждом сборнике ошеломляющие открытия. Пусть каждое отдельное издание вносит лишь небольшую крупицу, но эти крупинцы соединяются в ручьи, ручьи — в реки, а они вливаются в бескрайнее море советской, передовой науки.

Перелистываю сборник за сборником. Читаю работы историков и экономистов, агрономов и горняков, литературоведов и биологов. Конечно, в условиях современного развития науки невозможно найти человека, которому было бы под силу дать оценку исследованиям в самых различных отраслях науки. Выделяя материалы, с моей точки зрения наиболее интересные, я делаю этот отбор скорее как читатель.

Воссозданные образы

И в суровом Якутске, и в знойной Астрахани, и в городе-курорте Нальчике, и в других городах исследователи много и любовно поработали для того, чтобы воссоздать образы людей, закладывавших под руководством В. И. Ленина основы большевистской партии, облик отважных героев первой русской революции. Знакомясь с этими трудами, убеждаешься в том, сколь много еще предстоит поработать, чтобы во всех деталях раскрыть славное прошлое нашей партии, историю трех революций, их деятелей. Какие замечательные примеры может дать это героическое прошлое для воспитания молодого поколения!

Что вы, читатель, знаете, например, об Антоне Антоновиче Костюшко-Валюжаниче, об Александре Иннокентьевиче Попове-Коновалове, о Ювенале Дмитриевиче Мельникове? Этих славных имен вы не найдете ни в справочниках, ни в хрестоматиях. А между тем бесстрашный язык документов, им посвященных, доходит до самой глубины сердца.

Вот письмо одного из первых руководителей Иркутской большевистской партийной организации, А. И. Попова-Коновалова, адресованное матери и написанное 17 января 1906 года перед казнью:

«Суд признал меня виновным в руководительстве рабочим движением и в призыве к вооруженному восстанию против правительства и приговорил меня к смертной казни через повешение. Вероятно, сегодня или завтра приговор будет приведен в исполнение. Я совершенно спокойно ухожу из этого мира тьмы и насилия, уступая дорогу более молодым силам. Если нам удалось мало сделать, они докончат начатое нами. Я умираю с уверенностью, что наши трупы послужат прочным фундаментом, на котором соиздается лучшее будущее моей многострадальной Родины».

Это письмо и ряд других ценных документов опубликованы и комментированы В. И. Дуловым¹.

Работа П. В. Попова посвящена одному из руководителей знаменитой «романовской» истории в Якутске — А. А. Костюшко-Валюжаничу².

Группа ссыльных революционеров предъявила ультиматум якутскому губернатору. Они потребовали изменить политический режим в ссылке и, в частности, отменить драконовские циркуляры, изданные свирепым генерал-губернатором Восточной Сибири Кутайсовым. После отказа революционеры в виде протеста 18 февраля 1904 года забаррикадировались в до-

¹ Ученые записки Иркутского педагогического института, выпуск XI.

² Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея имени Ярославского, выпуск I.

ме якута Романова. Дом был укреплен, возле него сооружены баррикады, заготовлено продовольствие и топливо. Восемнадцать дней кучка ссыльных стойко выдерживала осаду. А потом «романовцы» перенесли борьбу в зал суда. На всех этапах этой удивительной эпопеи, где на одной стороне находились полиция и воинские части, выполнявшие приказы царского сатрапа, на другой — лишь сильная духом и верой в свое дело кучка революционеров, борьбой руководили А. А. Костюшко-Валюжанич и другой видный большевик, близкий ученик и соратник В. И. Ленина, В. К. Курнатовский.

«Романовский» протест всколыхнул всю страну, нашел широкий отклик за границей и вынудил царских опричников пойти на ряд уступок.

В 1905 году А. А. Костюшко-Валюжанич избирается первым председателем Читинского Совета солдатских и казачьих депутатов, организатором боевых дружин. Вместе с И. В. Бабушкиным и В. К. Курнатовским он стоял во главе Читинской партийной организации. Бесстрашный борец за дело рабочего класса был казнен карателями после подавления революции.

Трагически, во цвете лет, ушел из жизни и замученный царским правительством организатор первых марксистских кружков в Астрахани — Ю. Д. Мельников. Он заложил первые кирпичи Астраханской социал-демократической организации, которая впоследствии под руководством агентов «Искры» — Л. М. Книпович и И. Ф. Дубровинского — стала развиваться как ленинско-искровская организация. Жизнь и деятельность Ю. Д. Мельникова хорошо показаны в исследовании П. С. Сысоева¹, использовавшего не только архивные документы, но и воспоминания старых рабочих.

Очень любопытна и своеобразна фигура Зелимбери Кефеева, поднявшего в 1905 году в Маньчжурии восстание сотни Терско-Кабардинского полка. По приговору военного суда Кефеев был расстрелян. Когда ему перед казнью завязали глаза, он, сорвав повязку, крикнул: «Я смерти не боюсь: теперь дворяне и князья удовлетворены, но расправа с ними еще будет». Автор работы о Кефееве — И. Ф. Мужев — широко использовал ценнейшие фольклорные материалы².

Исследования местных историков значительно расширяют наши знания о революционной деятельности М. В. Фрунзе³, Г. И. Котовского⁴.

Рядом с известным именем М. С. Бейдемана мы находим в одной из работ неведомые читателю имена отважных революционеров — офицеров и солдат, развернувших революционную работу в войсках еще в период проведения крестьянской реформы 1861 года⁵. Так, в Польше царская охранка раскрыла революционный кружок офицеров и солдат. Были арестованы его руководители — поручик И. Арнольдт, подпоручик П. Сливичкий, унтер-офицер Ф. Ростакровский. Царь Александр II приказал судить их «по полемому Уголовному Уложению и приговор приводить в исполнение по всей строгости законов». Арестованные были приговорены к расстрелу и казнены.

Большое и благодарное дело творят историки, разрабатывая биографии деятелей революционного движения.

Знакомясь с новыми исследованиями периферийных ученых, убеждаешься, какие ценнейшие материалы, связанные с разными периодами истории нашего народа, все еще ждут опубликования в местных архивах.

¹ Ученые записки Астраханского педагогического института имени Кирова, том IV.

² Сборник статей по истории Кабарды, выпуск IV. Подготовлен Кабардинским научно-исследовательским институтом при Совете Министров Кабардинской АССР.

³ Известия Молдавского филиала Академии наук СССР, № 7 (27).

⁴ То же.

⁵ Ученые записки Астраханского педагогического института имени Кирова, том IV.

Используя дальневосточные архивы, С. С. Григорцевич рисует картину безудержного хищничества американских колонизаторов в начале XX века на русском Дальнем Востоке¹. Концерн, называвшийся «Северо-Восточным сибирским обществом», хотя правление его находилось в США, получил на Чукотке в концессию площадь в сто тысяч квадратных километров. На этой территории американская компания полновластно распоряжалась, словно она завоевала ее. Для высадки на побережье концессионной зоны требовалось разрешение компании; американцы имели право выселять непокорных с территории «оккупированного» ими полуострова. В одном из материалов, приводимом С. С. Григорцевичем, указывается, что наметилась реальная угроза захвата Чукотки американцами. Перед лицом этих фактов даже царское правительство вынуждено было в 1912 году прекратить деятельность компании.

Интересно документальное сообщение о том, что в годы русско-японской войны в кругах американских империалистов была сильна тенденция «под шумок» превратить Приморскую область в «независимую территорию наподобие одного из американских штатов»; при этом России была великодушно обещана компенсация в районе... Босфора.

Работники Кишиневского университета публикуют исследование, посвященное истории борьбы компартии Франции за народный фронт, Лейпцигскому процессу 1872 года над Бебелем и Либкнехтом². В Иркутске печатается исследование о положении рабочего класса во Франции накануне первой мировой войны³.

Историки и экономисты Мордовской АССР посвящают свои исследования развитию в Мордовии капитализма в период, последовавший за отменой крепостного права, истории революционного движения в годы столыпинской реакции⁴.

В Ученых записках Кулябского педагогического института находим работы о восстановлении и развитии хлопководства Таджикистана в первые годы Советской власти. Много нового читатель найдет в статье Я. М. Копанского, построенной на архивных данных, о борьбе трудящихся Бессарабии против иностранной военной интервенции в 1918 году и об участии румынских солдат в борьбе за установление Советской власти в Бессарабии⁵.

Не всегда название города, области, стоящее на обложке, исчерпывает географию книги. Вот Бюллетень научно-технической информации Всесоюзного научно-исследовательского института масличных и эфиромасличных культур. Бюллетень издается в Краснодаре, где находится институт, но содержание его выходит далеко за пределы Краснодарского края. В нем опубликованы результаты экспериментальных работ и научных изысканий исследователей Узбекистана, Сибири, Молдавии.

Работник Камалинской селекционной станции А. И. Гундаев описывает скороспелые высокомасличные сорта подсолнечника, выращенные коллективом станции. Эти сорта созревают на девять-десять дней раньше обычных сроков и приспособлены для возделывания в климатических условиях Сибири⁶.

¹ Ученые записки Томского педагогического института, том XIV.

² Ученые записки Кишиневского университета. Исторический сборник, том XVI.

³ Ученые записки Иркутского педагогического института, выпуск XI.

⁴ Записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, выпуск XVII.

⁵ Ученые записки Кишиневского университета, том XVI.

⁶ Бюллетень научно-технической информации ВНИИ масличных и эфиромасличных культур, № 2. Краснодар.

В том же номере бюллетеня статья А. И. Ковалева рассказывает о новых высокопродуктивных сортах льна, приспособленных к условиям богарного (неорошаемого) земледелия в Узбекистане. Выведенные Милютинской селекционной станцией виды не уступают по урожайности и масляности семян лучшим сортам.

Ряд ценных работ по селекции новых сортов, совершенствованию агротехники мы находим и в других сборниках. Опираясь на результаты своих трехлетних опытов, преподаватель Томского педагогического института Л. И. Романова убедительно доказывает, что проблема семеноводства люпина (представляющего и превосходное зеленое удобрение и прекрасный корм для скота) в Сибири вполне разрешима путем раннего сева и яровизации¹.

Так советские ученые помогают труженикам полей переделывать природу, продвигать южные культуры на север, осваивать целинные и залежные земли.

По пути технического прогресса

Большие и интересные события происходят сейчас в степях Приднепровья. Взгляните на карту новостроек шестой пятилетки, и вы увидите на ней множество маленьких копров (а каждый из них символизирует строительство новой шахты). Но удивительное дело! Копры эти разбросаны не только по территории Сталинской, Ворошиловградской, Каменской областей, границами которых, как известно из всех учебников, определялся Донецкий угольный бассейн. Теперь копры появились далеко в стороне от исконных районов Донбасса и все же в Донбассе. Они свидетельствуют о рождении Западного Донбасса, простирающегося широкой полосой от Красноармейского района Сталинской области до Приднепровья. В работах геологов появилось новое название «Днепробасс» — Днепровский угольный бассейн.

В свете этих фактов большой интерес представляет коллективный труд Ф. М. Дысса, П. Г. Нестеренко, В. И. Погодиной, А. З. Широкова, дающий первую сводку по стратиграфии каменноугольных отложений западных районов Донбасса. Это исследование опубликовано в очередном XXV томе «Известий Днепропетровского горного института имени Артема».

Ряд других работ, напечатанных в этом томе, также принадлежит коллективам геологических кафедр института. Они исследуют проблемы не только малоизученных районов Донбасса, но и других бассейнов.

«Эти работы, — справедливо пишет редакция во вступлении, — имеют не только теоретическое значение, но главным образом практический интерес, так как позволяют более правильно решать задачи в области геологии основных угольных бассейнов страны».

Ученые-геологи, как и научные работники других отраслей техники, идут в авангарде борьбы за технический прогресс. Сборники научных работ ряда вузов и научно-исследовательских институтов на периферии вошли в историю соответствующих отраслей техники.

Математическое исследование преподавателя Пензенского индустриального института А. И. Кефели «Метрическое соотношение многоугольников и многогранников на базе условно-постоянных»² на первый взгляд носит чисто теоретический характер. В действительности же полученные метрические соотношения позволяют, как указывает автор, облегчить вес математических машин. Эта работа вызвала большой интерес и стала предметом научной дискуссии на двух конференциях института и на се-

¹ Ученые записки Томского педагогического института, том XII.

² Труды Пензенского индустриального института, выпуск II.

минаре по геометрии в Ленинградском университете. Своими письменными отзывами в дискуссии участвовали академики М. В. Келдыш, А. И. Некрасов, В. И. Смирнов, член-корреспондент Академии наук СССР Б. И. Делоне.

Научные труды преподавателей Донецкого индустриального института имени Н. С. Хрущева носят ярко выраженный практический характер. Исследовательская работа, выполненная И. Е. Коробчанским, указывает пути повышения прочности кокса. В. И. Коробчанский разработал скоростной метод полукоксования малоуглеродистых углей, Н. П. Ковлещенко создал гидравлическое устройство для определения и контроля различных объемов¹.

Таковы некоторые из многочисленных трудов, опубликованных на периферии учеными — исследователями в области техники.

О деле хлопотливом и «малоприбыльном»

Ежедневно в больших и малых городах нашей Родины, в ее старых и новых культурных центрах выходит около трех миллионов экземпляров книг и брошюр. Из них немалая часть относится к самым различным отраслям знания — политэкономии и естественным наукам, математике и технике, истории и литературоведению, медицине и агротехнике. Однако далеко не все научные издания выпускаются тиражами, к которым привык советский читатель.

Сборники научно-исследовательских работ, выходящие на периферии, как правило, публикуются гомеопатическими тиражами. В выходных данных Ученых записок Томского педагогического и Пензенского индустриального институтов тираж обозначен одной и той же, всего лишь трехзначной цифрой — 350 экземпляров; Кишиневский университет выпускает свои труды в количестве 600 экземпляров. Так большинство научных сборников становится библиографической редкостью уже в день их выхода. Ознакомиться с ними не так-то легко. В столице их можно, например, получить разве лишь в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

Естественно, возникает вопрос, в какой мере широкий поток научной литературы работает на общее дело и не остаются ли многие исследования неизвестными тем, кто трудится над однородной тематикой, кто, быть может, еще ищет ответы на вопросы, уже решенные его товарищами по науке.

Журнал «Вопросы истории» поместил в трех номерах за 1956 и 1957 годы длинный перечень научных трудов высших учебных заведений и научных учреждений страны. Это — хорошее начало. Жаль лишь, что редакция ограничилась публикацией одних только названий статей, не поместив даже кратких аннотаций. И в этом и в других центральных научных журналах (например, в «Вопросах философии», «Вопросах экономики») не найти материалов, обобщающих исследования ученых, работающих на периферии, критических обзоров местной научной литературы.

Уместно подумать еще и о другом. Почему бы центральным научным журналам не перепечатывать на своих страницах, может быть с некоторыми сокращениями, лучшие работы, публикуемые в сборниках, выходящих столь малыми тиражами. Научная литература, выходящая на местах, уж во всяком случае имеет право на вдумчивую, серьезную аннотацию, пользуясь которой читатель мог бы узнать об интересующих его работах.

¹ Труды Донецкого индустриального института имени Н. С. Хрущева, выпуск I.

Руководители Всесоюзного объединения книжной торговли до сих пор ограничивают свои заботы сбытом многотиражной литературы. Может быть, настало время помочь читателю получить нужную ему книгу, даже если она выпускается в сотнях экземпляров. Правда, дело это хлопотливое и «малоприбыльное», но ведь это еще не резон, чтобы оставлять его беспризорным. Не стоит ли подумать о том, чтобы в Москве, Ленинграде и нескольких других городах наладить продажу книг, выходящих малыми тиражами?

О требовательности к автору и подлинной помощи ему

Достаточно беглого просмотра литературы, издаваемой на местах, чтобы наряду с многочисленными ценными и интересными работами даже невооруженным глазом заметить статьи, заставляющие лишь недоуменно пожимать плечами.

Подчас вызывает чувство досады и острой неудовлетворенности тематика. Естественно и вполне законно, например, стремление периферийных историков разрабатывать историю своей республики, края. Но да будет позволено усомниться в целесообразности избранной Д. Е. Рузавиным темы — «Роль потребительской кооперации в развитии советской торговли Мордовской АССР (1931—1940 гг.)»¹.

Дело не в том, что на работе этой лежит печать узколокального характера. Самое важное, что она не вносит ничего нового в раскрытие ни истории самой Мордовской АССР, ни советской торговли.

Все исследование свелось к воспроизведению многочисленных цифр из баланса Потребсоюза Мордовии и к слишком общим выводам, вроде такого: «Потребительская кооперация в Мордовии в довоенные годы стала окрепшей хозяйственной организацией; она играла видную роль в хозяйственной жизни республики» (стр. 167). Но кому же не известно, что во всем Советском Союзе потребительская кооперация в период, о котором пишет Д. Е. Рузавин, «играла видную роль в хозяйственной жизни». Автор ломится в открытую дверь. Так уже сама тема обрекла его на неудачу.

Порой под видом исследовательского труда публикуются обычные популярные статьи. Так, например, в работе К. Сабирова «К вопросу о консолидации Таджикской социалистической нации»² мы не встретим материалов, разысканных в архивах. К. Сабиров удовлетворился тем, что использовал чрезвычайно ограниченное количество широко известных печатных источников.

Не только литературоведа, но и каждого интересующегося судьбами родной литературы привлечет заглавие работы Я. Р. Кошелева — «В. Г. Короленко в Томске»³. Но, увы, вместо исследовательской работы, содержащей неизвестные факты и материалы, новые выводы и обобщения, автор привел лишь хорошо знакомые отрывки из записных книжек В. Г. Короленко, «Сибирских очерков и записок», из «Записок моего современника» и из других произведений писателя и несколько отрывков из опубликованных уже мемуаров. Впрочем, оговоримся. В статье Я. Р. Кошелева мы находим и один факт, раскрытый автором: оказывается, будучи в Томске, В. Г. Короленко навестил писателя Н. И. Наумова. Этим лаконичным и малосодержательным сообщением исчерпывается все новое, что узнает читатель из статьи.

¹ Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, № 17.

² Ученые записки Кулябского педагогического института, выпуск I.

³ Ученые записки Томского педагогического института, том XII.

Конечно, такого рода материалов мало, и не ими определяется общий характер научной продукции на местах. Тем не менее и эти исключения должны насторожить. Да, к сожалению, на периферии (как, впрочем, и в центре) публикуются еще статьи, появление которых не объяснишь иначе, как стремлением обогатить биографии их авторов еще одним (а порой первым) печатным трудом.

Редакции научных сборников подчас не проявляют достаточной требовательности к авторам и упускают из виду, что должны публиковать лишь работы, носящие подлинно исследовательский характер.

В постановлении, принятом в августе 1956 года, ЦК КПСС и Совет Министров СССР призвали ученых повысить требования к диссертационным работам, поднять их на уровень, предъявляемый современным развитием науки и техники, величественными задачами построения коммунизма в СССР. Этот документ, конечно, относится не только к диссертационным, но и ко всяким исследовательским работам. Помощь кадрам молодых ученых отнюдь нельзя подменять снижением требований к их работам. Точно так же никак не должно влиять на качество материалов ни стремление выдержать периодичность сборников, ни желание во что бы то ни стало опубликовать побольше работ, ни даже важность темы.

Печатная продукция вузов и научно-исследовательских институтов верно отражает и замечательные успехи науки на периферии и слабые ее стороны. При этом далеко не все неудачные работы можно объяснить недобросовестностью, небрежностью авторов. Наоборот, нет почти ни одной статьи, которая не носила бы следов старательного труда. И не вина начинающего научного работника, а его беда, если старшие его товарищи и руководители не посоветовали ему отказаться от ненужной темы, не проявили подлинной научной требовательности, не заставили еще и еще раз переделать исследование, обогатив его новыми материалами, обобщениями, выводами.

И прежде всего недостатки научно-исследовательской деятельности объясняются недочетами планирования науки. Именно в этом причина отвлечения значительных сил на разработку тем, стоящих в стороне от важнейших вопросов, волнующих сегодня народ.

Нельзя не согласиться с самокритическим, но вполне обоснованным выводом историка Сибири В. И. Дулова, справедливо заявляющего, что «пока что историки занимаются ранним периодом в истории Советской Сибири (гражданская война, восстановительный период). Актуальные вопросы истории Советского периода: развитие социалистической промышленности (Кузбасс и другие промышленные районы), период коллективизации и борьбы с кулачеством, союз рабочего класса и крестьянства на различных этапах социалистического строительства, рост культурного строительства городов и сел — не находят надлежащего места в планах и тематике исторических исследований»¹.

Этот вывод можно распространить не только на работы историков ряда других краев и республик, но и на труды экономистов, литературоведов. Молодые литературоведы охотно занимаются нашим классическим наследием. В одном только сборнике Ученых записок² помещены работы, рассматривающие творчество Тургенева, Белинского, Герцена, Добролюбова. Специальная статья трактует оценку Лессинга русской революционной демократической критикой. Экономисты трудятся над раскрытием проблем экономического развития страны в более или менее отдаленном прошлом. Мы читаем работы о формах феодальной ренты в Северо-Восточной Руси в XIV—XV веках³, об условиях возникновения товарного

¹ Ученые записки Иркутского педагогического института, том XI.

² Ученые записки Новозыбковского педагогического института, том II.

³ Ученые записки Могилевского педагогического института, выпуск I.

производства¹. Это все нужно, но в то же время в сборниках мало работ, посвященных советской литературе, теоретическим проблемам социалистической экономики, истории пятилеток, истории Великой Отечественной войны, конкретным узловым вопросам, стоящим сегодня перед народным хозяйством. И в области техники тематика научных работ далеко не всегда соответствует и требованиям жизни и интересам подлинного прогресса самой науки.

Нельзя не пожалеть о том, что в работах, посвященных советскому обществу, многие авторы оперируют в основном архивными данными, не используют свидетельских показаний активных участников описываемых событий, хотя они имели полную возможность это сделать. Между тем такие свидетельства представляли бы огромную историческую ценность, поскольку их не могут заменить никакие документы. Да и вообще в этих статьях почти нельзя встретить живых людей. И. П. Балабешко много потрудился над своей работой «Коммунисты Бежицы в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 гг.»². Он извлек из архивов ценные документы, но статья во много раз выиграла бы, если бы она строилась и на рассказах старых рабочих. В ней названа лишь фамилия одного местного работника, руководителя партийной организации Бежицы тех лет — Игнатия Фокина.

В едином строю

За годы журналистской работы мне пришлось непосредственно наблюдать рождение ряда центров науки в ранее пустынных, полудиких районах.

Наука прокладывала путь строительству новых очагов индустрии; новые промышленные центры в свою очередь вызывали к жизни новые очаги науки.

Тысячи таких центров индустрии и науки выросли на просторах нашей Родины за последнюю четверть века!

В дни, когда народы нашей страны, все передовое человечество готовится отметить сороковую годовщину Октября, в памяти встают отдельные области, города, какими они были двадцать пять — тридцать лет назад.

В 1927 году я совершил свою первую поездку по старинным промышленным гнездам Урала. Я вглядывался в беспорядочно разбросанные, застроенные небольшими деревянными домиками улицы уральских городков, в тихо дремлющие заводские пруды, дряхлые заводы и рудники, и мне казалось, что все они словно сошли со страниц произведений Мамин-Сибиряка.

Даже мой неопытный, неискушенный глаз не мог не заметить, до чего еще примитивна была уральская техника, тяжел труд людей. Один из создателей основ металлургической науки в России, профессор В. Е. Грумм-Гржимайло, в статье, написанной в ту пору, подчеркивал, что заводы Урала предельно изношены. Он шутливо добавил: «Если уральские мартены и домы еще работают, то только потому, что они очень любят Советскую власть; если бы они не любили ее, то давно остановились бы».

Бывая на заводах, знакомясь с ними, я часто вспоминал эти строки. Но и в ту пору уже вырисовывались черты нового.

Единственный большой завод в Свердловске — Верх-Исетский металлургический — поразил меня допотопными методами производства: завалка мартенов, например, производилась вручную. Но даже в этих

¹ Ученые записки Азербайджанского университета имени Кирова, № 7.

² Ученые записки Новозыбковского педагогического института, том II.

условиях уральские умельцы уже осваивали производство динамного, трансформаторного железа и тем закладывали начало советской качественной металлургии.

В Нижнем Тагиле, на древнем Высокогорском руднике, сотни людей долбили землю кирками, вручную грузили руду на тележки.

Но уже проектировался Ново-Тагильский металлургический, строился Красноуральский медеплавильный, разрабатывались проекты реконструкции старых заводов и рудников.

Удивительный путь проделан с тех пор индустрией Урала, фактически созданной заново. Свердловск стал одним из крупнейших центров советского машиностроения. Конструкторы Уралмашзавода создали знаменитые «шагающие» экскаваторы, уникальные высокопроизводительные прокатные и рельсо-балочные станы. Механизмы новейшей конструкции выходят из цехов свердловских заводов химического машиностроения, турбинного, приборостроения. Ветеран советской металлургии, Верх-Исетский завод обрел вторую молодость. Он занял почетное место в качественной металлургии Союза и немало нового внес в ее технологию. Индустриальные гиганты Нижнего Тагила известны далеко за пределами нашей страны.

Невозможно себе представить индустрию Советского Союза без огромных заводов Среднего Урала и точно так же невозможно себе ныне представить советскую науку без лабораторий, конструкторских бюро, вузов, научно-исследовательских институтов этого богатейшего промышленного района.

В Свердловске работают Уральский филиал Академии наук СССР, научно-исследовательские институты черных металлов, химии, обогащения полезных ископаемых, химического машиностроения. Важные научные работы ведут и вузы столицы Урала: ее университет, политехнический, горный, лесотехнический и другие институты. В Нижнем Тагиле новую технику создают коллективы Ново-Тагильского металлургического с его большой сетью лабораторий, Уралвагонзавода, выдвинувшего целую плеяду одаренных конструкторов, технологов, рабочих — новаторов производства.

Десятки других больших и малых городов Урала теперь также превратились в центры не только индустрии, но и науки. Новые исследования, опубликованные уральцами, вошли в золотой фонд советской науки.

Урал уже два с половиной века назад стал колыбелью русской индустрии. А угольная промышленность Караганды зародилась лишь четверть века назад.

На рубеже второй пятилетки мне предстояла поездка в малоизвестную тогда Караганду, где только закладывались первые кирпичи нынешней третьей угольной базы Советского Союза. Готовясь в дорогу, я побывал у известного геолога, профессора Александра Александровича Гапеева. Это он в 1920 году разведал угли Карагандинского бассейна и с тех пор страстно боролся за развертывание там угольной промышленности.

До сих пор я помню яркий, образный рассказ А. А. Гапеева о его длительном путешествии на волах (железная дорога была далеко), о встречах в пути редких аулах, поголовно неграмотное население которых находилось под властью баев, о том, как в этих пустынных местах были разведаны крупнейшие угольные богатства.

Мне довелось наблюдать первый этап строительства молодого угольного бассейна. Юный город угля состоял из неуклюжих стандартных, барачного типа домов. Не хватало питьевой воды. На огромных пространствах раскинулась голая, лишенная растительности степь. Уголь давали лишь карликовые шахтенки. В бассейне не было тогда ни одного казаха инженера. Но первый десяток будущих инженеров-казахов уже учился в Днепрпетровском горном институте.

Ныне Карагандинский бассейн добывает больше угля, чем его давала вся царская Россия. В центре бассейна вырос прекрасный, утопающий в зелени город. В ходе строительства новой угольной базы Караганда превратилась не только в крупнейший промышленный центр, но и в центр культуры, науки. Здесь выросла и своя школа геологов, разведавших новые месторождения, близ которых построены города угля Сарань и Чубурай-Нуринск. В бассейне созданы научно-исследовательский угольный институт, горный институт, готовящий кадры для всех отраслей горной промышленности. Геологи Караганды опубликовали немало оригинальных работ. Исследовательская мысль творчески разрабатывает проблемы горного дела, обогащения углей, автоматизации и механизации. В бассейне произведен ряд ценных исследований. Научно-исследовательскую работу ведут также коллективы медицинского и педагогического институтов. Вузы Караганды еще очень молоды, но можно не сомневаться, что недалеко то время, когда мы будем читать сборники и их работ.

Вспоминается и другой, не менее типичный пример.

В 1929 году мне пришлось побывать на Кольском полуострове. Жизнь здесь ощущалась лишь в узкой полосе единственной, еле пульсировавшей транспортной артерии — Мурманской железной дороги. Поезда по ней ходили только два раза в неделю. Но Коммунистическая партия уже деятельно работала над тем, чтобы вдохнуть жизнь в безлюдные просторы. В этом суровом, пустынном царстве удивительным оазисом выглядело поле Хибинской сельскохозяйственной станции, зародившейся еще в 1923 году. Бессменный руководитель этого первого в тундре очага науки И. Г. Эйхфельд (ныне президент Академии наук Эстонской ССР) заражал своей верой в великое будущее Заполярья. В те же годы академик А. Е. Ферсман, его ближайшие сотрудники, преодолевая все лишения, в упорной борьбе с природой, без транспортных средств, без карт настойчиво искали полезные ископаемые. Их героический труд увенчался замечательным успехом: они нашли неиссякаемые запасы апатита — этого «камня плодородия».

Широким фронтом развернулось руководимое Коммунистической партией наступление на тундру.

Вслед за геологами на Кольский полуостров пришли ученые-химики, обогатители, металлурги, энергетики. Они проложили путь строителям никелевой промышленности Мончегорска, железных рудников Оленегорска, гидроэлектростанций, возведенных на стремительной горной реке Ниве.

Сотни отдельных задач, больших и малых, теоретических и практических, сложных и простых, вставали в процессе комплексного освоения природных богатств Заполярья. Они разрешались строителями, производственниками совместно с выросшим здесь большим коллективом ученых, объединенных в Кольский филиал Академии наук СССР.

Ныне список научных работ, созданных в Заполярье, исчисляется многими сотнями названий. Большую помощь рыбной промышленности Мурманского побережья оказывает Полярный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии. Полярному сельскому хозяйству прокладывает путь полярная опытная станция Всесоюзного института растениеводства. Так наука помогла народному хозяйству, а расцвет народного хозяйства вызвал к жизни новый мощный центр науки.

Ныне, когда на огромной территории, простершейся от верховьев Камы до низовьев Волги, растянулась бесконечная цепь нефтяных вышек, нельзя не вспомнить о жизненном подвиге замечательного ученого-большевика И. М. Губкина, исследования которого сыграли большую роль в создании нефтяной индустрии «Второго Баку». И. М. Губкина нет среди нас, но его ученики продолжают начатое им дело в многочисленных очагах науки, созданных в Башкирии, Татарии, по всему Поволжью. Имена мно-

гих из них уже широко известны в стране. В Уфе создан нефтяной институт, исследовательскую работу в области нефтяной промышленности осуществляет и Башкирский филиал Академии наук СССР.

В 1930 году были заложены первые домы первепца сибирской металлургии. Теперь преподавательский коллектив металлургического института города Сталинска вносит свой вклад в прогресс советской науки.

В Мингечауре и Рустави, в Запорожье и Каховке, в Северо-Осетинской и Дагестанской АССР выросли новые вузы, научно-исследовательские институты, их филиалы, лаборатории, конструкторские бюро, опытные станции.

Сороковую годовщину Октября советский народ встречает под знаком невиданного еще в истории строительства, развернувшегося в степях Казахстана, на берегах Ангары, Енисея, Иртыша, Оби. Это стало возможным только благодаря воле ленинской партии, долгим годам творческой работы советских ученых, разведавших недра, разработавших методы обуздания рек, борьбы с вечной мерзлотой, решивших десятки других сложных проблем. Вместе со строителями в глубь прежде пустынных степей, в дебри таежных лесов в едином строю наступают новые отряды ученых всех видов «оружия» — геологи и горняки, строители и энергетики, химики и металлурги, метеорологи и агрономы.

..*

Ныне мы являемся свидетелями новых коренных сдвигов в географии науки. Ряд вузов и научно-исследовательских институтов переезжает из Москвы и Ленинграда в Поволжье, на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток. Их коллективы будут работать в непосредственной близости от совхозов и колхозов, заводов, шахт, нефтепромыслов. Их работники будут наблюдать жизнь производства не из окон своих московских лабораторий и не во время своих кратковременных «творческих» командировок. В Новосибирске создается Сибирское отделение Академии наук СССР, призванное оказать помощь в решении важнейших проблем использования богатейших природных ресурсов Востока. Туда направляются на постоянную работу из Москвы и Ленинграда научные коллективы, руководимые видными учеными.

Значительная часть из восьмидесяти крупных, так называемых проблемных лабораторий, открываемых при ведущих вузах страны, организуется в восточных районах. Хорошо зарекомендовавшие себя научные коллективы Москвы и Ленинграда создают новые научные центры общетеоретического профиля.

Уже развертывают свою работу научно-технические комитеты при Совете Министров СССР, Советах Министров республик, технико-экономические советы при крупнейших совнархозах. Они будут определять тематику научной работы, учитывая насущные нужды страны, требования производства, продвигать достижения науки в практику. Так создаются организационные условия для нового расцвета науки по всей Советской стране.

Проблема планирования науки, руководства ею приобретает все большее значение по мере зарождения новых и новых очагов науки в самых отдаленных районах страны.

Большие, сложные задачи стоят перед Советской страной. Они будут решаться творческим трудом рабочих-новаторов, инженеров, агрономов, ученых. Все более крепнущие нити тянутся с площадок строек, из забоев шахт, цехов заводов, с колхозных полей, из заводских домов техники, местных краеведческих кружков в центральные научные учреждения, лаборатории, вузы, исследовательские институты.

Сороковую годовщину Великого Октября советский народ встречает, располагая обширной сетью вновь созданных центров науки и культуры. Ученые и писатели, учителя и библиотекари, деятели искусства отдают свой творческий труд прогрессу науки, просвещению народа. В этой армии работников культуры — и люди, имена которых знает весь мир, и рядовые труженики. Но и те и другие творят одно общее благородное дело — развивают социалистическую культуру, вносят свой вклад в строительство нового, коммунистического общества.

Творчески разрешая крупнейшие конкретные проблемы, встающие в процессе осуществления шестой пятилетки, деятели советской науки в то же время уделяют много внимания научно-техническим проблемам перспективного значения.

Такое сочетание ныне под силу не только крупнейшим и авторитетнейшим коллективам ученых старейших культурных центров, но и коллективам всей густой сети научных учреждений, созданной в СССР. Новая география науки позволяет разрабатывать перспективные проблемы и в отдаленных районах страны, силами всей многотысячной армии научных работников и тем самым открывает новые беспредельные возможности перед советской наукой, рожденной Великим Октябрем.

СОФЬЯ ВИНОГРАДСКАЯ

★

ПЕРВЫЕ ГОДЫ

Рассказы

О, память сердца!

КОМПЛЕКТ «ПРАВДЫ»

Ровно в четыре в дверях секретариата появлялся шофер Гиль, одетый с головы до ног в черную сверкающую кожу, как в латы. Лицом и фигурой Гиль был подобен русскому богатырю Добрыне Никитичу — голубоглаз, розовошек, круглолиц, волосом светел, улыбкой добр, летами немолод, телом крепок, духом бодр. Как и полагалось в те первые годы революции, все на нем было кожаное — фуражка, куртка, брюки, сапоги, перчатки с раструбами. Так одевались шоферы гаража ВЦИКа и знаменитые самокатчики — первые фельдъегери революции, лично доставлявшие на мотоциклах правительственные пакеты. Так одевались начальники героических продотрядов, добывавшие хлеб пролетарскому городу. Так одевались легендарные комиссары, чекисты, рабочие железнодорожных мастерских, депутаты Советов. Так одевался первый председатель ВЦИКа Свердлов.

Славная несменяемая боевая кожанка! Милая большевистскому сердцу и глазу тужурка! Она была неписаной формой, своего рода мундиром первых лет пролетарской диктатуры.

После августовских выстрелов на «Михельсоне», когда лицом к лицу со страшным несчастьем ленинский шофер не растерялся, выхватил оружие, бросился за убийцей, вернулся, поднял раненого с мостовой и умчал в Кремль, фигура Гили в черном кожаном неизменно связывалась с его мужественным поведением в роковую минуту.

Там, на заводском дворе, этот богатырь, которому любовь к Ленину продиктовала величайшее самообладание, взял на себя в эти секунды всю ответственность за жизнь Ленина и увез его домой, не дожидаясь, пока раненому будет на месте оказана первая помощь.

Ленин оправился от ран, и старый шофер снова возил его в старомодном высоком черном «роллс-ройсе», который скорее напоминал тарантас, нежели современную автомашину: в то далекое время обтекаемость еще не стала законом автомобилестроения. В этом автомобиле ездили на работу также Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Днем Гиль возил их домой обедать.

Он появлялся в «Правде», где работала Мария Ильинична, ровно в четыре, останавливался у порога секретариата и тихо кивал головой: явился, мол, жду!

Встретив ответный кивок Марии Ильиничны, шофер, так же тихо прикрыв дверь, безмолвно удалялся большими, грузными, медвежьими шагами.

Мария Ильинична поспешно запихивала в свой изрядно помятый портфельчик письма и заметки рабочих.

— Возьму с собой, почитаю после обеда, пока Ильич отдыхает,— говорила она и начинала одеваться. Натягивала короткую, уже тесноватую черную шубку со старенькой скунсовой горжеткой, меховую шапочку с круглым валиком, придававшим такую строгую солидность еще сравнительно молодому лицу. Затем застегивала фетровые с меховой опушкой боты на пуговках, с резиновыми тесемочками петель. Сунув под мышку портфельчик с самым драгоценным грузом — заметками рабочих — и подхватив муфту, Мария Ильинична уходила из кабинета легким плывущим шагом. Дойдя до двери, она неизменно останавливалась, поворачивалась спиной к матовым стеклам, лицом к кабинету и давала Саше последние наставления.

Саше — единственной в то время помощнице Марии Ильиничны — было шестнадцать лет. Сотрудников в «Правде» было совсем мало: все силы партии находились на фронтах. Мария Ильинична работала секретарем «Правды». Она же заведовала отделом «Рабочая жизнь».

Юная Саша, тоненькая, хрупкая, с бледным лицом, с каштановыми косами, уложенными вокруг ушей, казалась совсем девочкой. Уезжая обедать, Мария Ильинична неизменно повторяла:

— Маленькая, значит мы никуда не уходим, пока я не вернусь. И мы сами отвечаем по всем телефонам. Особенно по этому. — Мария Ильинична указывала пальцем вверх, в тот угол, где стоял стол Саши — светлого дуба, шведский, с опускающейся гофрированной крышкой. Позади стола, над Сашиным вращающимся креслом, висел маленький плоский металлический ящик с трубкой на рычажке сбоку. Это был телефон верхнего коммутатора Кремля. Он был связан с квартирой и кабинетом Ленина. По этому телефону соединяли с Лениным. Там, в Кремле, в кабинете Ленина, тоже позади стола, висел такой же аппарат. По этому телефону звонил в «Правду» Ленин. Весь Кремль был соединен нижним коммутатором. С Лениным соединял верхний.

Итак, к четырем часам Мария Ильинична исчезала. Вслед за нею уходили почти все сотрудники. До шести часов Саша оставалась в кабинете одна, «маленькой хозяйкой секретариата», как подшучивали в «Правде».

Она знала — с четырех до шести семья Ленина обедает, отдыхает, читает. Семья Ленина: Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Мария Ильинична. Распорядок дня Ленин соблюдает очень точно. Okolo четырех он иногда звонит сестре сам, и Саше с ее места слышно, как в трубке «верхнего» спрашивают:

— Не удержишься, Маняша?

А Мария Ильинична отвечает:

— Нет, не задержусь.

— Отлично. Надя тоже будет вовремя. Гиль уже поехал за нею.

После этого Мария Ильинична начинает собираться.

Иногда перед обедом Мария Ильинична сама звонит по «верхнему» — «Что-то я сегодня подозреваю Надю» — и спрашивается, поехал ли Гиль за Крупской. Услышав, как она и подозревала, что Надежда Константиновна задерживается на работе и к обеду не успеет, Мария Ильинична нетерпеливо начинала стучать рычажком, затем, сорвав палец с рычажка, требовала у телефонистки верхнего коммутатора: «Срочно соедините с Надеждой Константиновной». У телефона оказывалась не Крупская, а ее секретарь, Дридзо, дочь Лозовского, которая поясняла, что Надежды Константиновны нет в Главполитпросвете, она в Наркомпросе, в другом помещении, очень занята, просила обедать без нее... Все более волнуясь, Мария Ильинична настаивала: «Я прошу ее немедленно позвонить мне. Как бы ни была занята. Я жду ее звонка. Непременно».

И, повесив трубку, возмущалась вслух, расхаживая по кабинету: «Ведь Надя совсем больна. Ей сейчас и вовсе нельзя работать. А мы, извольте, даже обедать не едем. Ведь больна!»

Наконец все улажено. Гиль уже кивнул с порога головой. Мария Ильинична уезжает.

Это повторялось каждый раз. Так было и в тот день, когда произошло событие, которое Саша запомнила на всю жизнь.

В «Правду» Ленин звонил по разным делам нередко. Но обычно с ним разговаривала Мария Ильинична. Случалось, Мария Ильинична уже уедет, а Владимир Ильич справляется по телефону, выехала ли.

— Да, поехала минуту назад. Да, прямо домой, обедать. Никуда по дороге не заедет... — отвечала Саша.

— А, чудесно! — скажет Владимир Ильич. И все.

В тот памятный день Мария Ильинична уже уехала, но не прямо в Кремль.

— Еду, маленькая, тайком от Нади получить по ордеру кое-что для нее. Она совсем у меня обносилась. Бог весть в чем ходит, мерзнет. Сначала заеду в магазин, там недолго, а оттуда обедать...

Мария Ильинична вышла из кабинета, а Саша послала весь просмотренный и подписанный материал в набор. Когда курьерша Поля уже ушла в типографию, Саша вспомнила про утренний набор — надо затребовать гранки в редакцию. Бывшая Сытинская типография помещалась напротив редакции, в том же дворе на Тверской. Чтобы не посылать курьершу вторично, Саша открыла форточку, высунулась и стала поджидать, пока Поля выйдет из подъезда, тогда можно из окна крикнуть о гранках. Но едва синяя куртка курьерши мелькнула во дворе, как над Сашиным креслом зазвонил телефон — тот самый, верхнего коммутатора Кремля. Саша бросилась от окна к телефону и рванула трубку с рычажка. В трубке был голос Ленина.

«Быстрый и круглый» — так определила Саша этот голос. Ленин говорил быстро, но не отрывисто, не резко. Голос не обрывался. Он катился ровно, как хорошо обточенный шар. Может быть, отсутствие рокошущего «р» придавало ему эту обточенность? Это было ее, Сашино, ощущение ленинского голоса, и это ощущение было связано с представлением о том, что этот добрый и круглый голос исходит от большого доброго человека.

Услышав в трубке ленинский голос, Саша уже заранее знала, что за этим последует. Ленин спросит: «А Марии Ильиничны нет?» И Саша ответит: «Она уехала семь минут тому назад».

Саша всегда хорошо запоминала время ее отъезда, чтобы Ленину, если он спросит, ответить точно. От Марии Ильиничны Саша не раз слышала:

«Ильич уважает человека, который в работе точен... Владимир Ильич не терпит, когда что-нибудь не точно... Он очень любит точность...» И Саша всегда отвечала Ленину очень точно и коротко, хотя и волновалась при этом. Так бывало обычно. Но в этот день все произошло иначе.

— Это говорит Ленин, — быстро и кругло прокатилось в трубке. — Кто у телефона?

— Вешнева, — ответила Саша.

— Саша, да? — услышала она неожиданно. И от этой неожиданно — что Ленин знает ее имя и назвал ее по имени — Саша смутилась.

— Да, Саша... — неуверенно произнесла она и насторожилась.

— Вот и отлично! — продолжал все тот же быстрый, круглый, катящийся ленинский голос. — Прошу вас, Саша, посмотрите в «Правде», когда печаталась статья о Суханове...

Саша мысленно пробежала расстояние, отделявшее ее стол от того маленького столика с нижней полкой, на котором лежали комплекты

«Правды». Она попробовала мысленно дотянуться свободной рукой до них, мысленно перелистать газетные страницы, чтобы посмотреть, когда появилась в «Правде» статья об этом меньшевике. Но нет, совершенно невозможно, держа в руке телефонную трубку, заглянуть в комплект — до него не дотянуться! Но так же невозможно выпустить из руки, оторвать от уха, положить на стол трубку, в которой голос Ленина. Что тут делать?

— Владимир Ильич, я посмотрю комплект и сейчас же позвоню вам, — нашлась Саша, радуясь своей находчивости и решимости.

— Нет. Я подожду у телефона, — сказал Ленин.

«Он будет ждать тут, пока я буду перелистывать газеты т а м...» — это положение Саша ощутила, как бедствие. Ведь кто знает, сколько это продлится? Лучше попросить его положить трубку. Так и сказать: «Прошу вас, очень прошу вас, Владимир Ильич, не ждать, пока я...» Но ведь он уже сказал: «Я подожду», так что нечего тут много разговаривать. Быстро, как только несут тебя ноги, мчись туда, к книжному шкафу, у которого стоит этот столик с комплектами, и принимайся за дело.

Прежде чем Саша успела все это подумать, она уже проговорила в трубку:

— Простите, Владимир Ильич, но мне придется отойти от телефона, чтобы посмотреть...

— Да, да! Пожалуйста. Я подожду, — услышала Саша и вмиг очутилась у шкафа. Она откинула огромный картонный переплет годового газетного комплекта «Правды» и стала перелистывать номера, силясь вспомнить, в каком месяце писали о Суханове. А трубка, в которой был голос Ленина, осталась там, позади, на Сашином столе...

Как разбух комплект! Кажется, еще так недавно только начался год, подшивка была совсем тоненькой. Листать, можно сказать, было нечего. А теперь вот, как раз, когда Ленину нужна справка, комплект сразу потолстел. Пока все это пересмотришь, пройдет целый день.

Так размышляла Саша, порывисто перелистывая номер за номером.

«Правда» девятнадцатого года! Гигантские буквы заголовка! Огромные газетные листы. Казалось, они вобрали в себя огонь великих идей грядущего социализма и грохот сражений за это грядущее. Номера, напечатанные в восемь колонок, убористым шрифтом, на серой бумаге! Они будили и воспаляли сознание миллионов. Номера, лишенные всяких украшений! Они таили гигантскую силу революционного взрыва. Газета девятнадцатого года! Она не знала ни фото, ни карикатур, ни заставок, ни диаграмм, ни иллюстраций. Эта роскошь полиграфии появилась позже. Бумага, на которой печаталась «Правда» девятнадцатого года, была «голодной», как и народ, который читал ее. Это была быстро ветшавшая бумага, изготовленная из одной только целлюлозы, без необходимой подкормки. Шрифт был стерт, слепым. Краска плохо просыхала, она смазывала текст. Полиграфия держалась на пределе. Строчки нонпарели и петита походили на искалеченные сушавы. Старые ротационки и линотипы служили прессе революции с героизмом раненых, не покидающих поля битвы.

Каноны верстки были опрокинуты: все подчинялось одному жесткому принципу — экономии и целесообразности. Статьи верстались подряд, одна под другой — переносы никого не смущали. Подверстки не было. Извещения и некрологи «имели хождение наравне» (как тогда говорили) с передовой и статьями и печатались на первой полосе.

Первые фотографии, после долгого перерыва, появились в тот год лишь поздней осенью. То были снимки товарищей, погибших при взрыве в Московском Комитете партии. В примитивных клише РОСТА трудно было узнать Загорского, секретаря МК; московского агитатора большевика Кротова; и уже вовсе неузнаваемой была сотрудница МК Аня.

Ее, как и погибшую райкомщицу Анфису, в партии называли уменьшительно, по имени. С этими именами обе женщины взошли на бессмертные страницы «Правды» и сошли в великую могилу героев революции у Кремлевской стены.

Пока Ленин ждал в Кремле у телефона, Саша переворачивала эти огромные, негибкие, хрупкие, подслеповатые, напечатанные то на желтой, то на серой бумаге номера с гигантским заголовком «ПРАВДА» и с обозначенной, постоянно меняющейся ценой. В тот год номер «Правды» стоил в Москве шестьдесят копеек, на станциях железных дорог и в провинции — семьдесят.

Саша просматривала только нижнюю часть полосы, так как была уверена (запомнила глазом), что статья о Суханове занимала подвал.

«Значит, — сообщила она, — номер был семиколонный, четырехполосный, узкий, потому что в восьмиколонных, двухполосных, так называемых «широких номерах» подвалов не было.

Так что смотреть нужно только вторые и третьи полосы, а широкие номера пропускать. Тогда дело пойдет быстро и Владимир Ильич не навеки задержится у телефона. Но нет, так не годится! Разыскивая статью, надо обязательно заглядывать на первую страницу, чтобы проверить нумерацию и число. Ведь по понедельникам и в послепраздничные дни «Правда» не выходит. А вдруг случилось недопустимое и какой-то номер выпал, не подшит, не попал в переплет. Мало ли что бывает! Ага! Подвал! Но не о Суханове. Это «Правда» выступила по поводу того, что дома буржуазии отводятся не рабочим, а служащим, не детдомам, а канцеляриям.

Саша порывисто откинула еще один номер — нет подвала? — и побежала к телефону. Осторожно, чтобы не задеть шнур, она приложилась ухом к лежащей на столе трубке и вслушалась — он там? Да, ждет. Слышно его дыхание. Саша побежала обратно и опять откинула тяжелую восьмиколонную газету. Пока Саша сверяла номер и число, она невольно успевала «схватить глазом» то заголовок, то лозунг, то шапку.

Шапки «Правды!» Огненные, опаляющие сердце шапки бурных лет революции. Шапки, помещаемые впереди, выше передовой, поверх полосы, во всю ширь всех восьми колонок номера:

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!
К ОРУЖИЮ! К БИТВАМ! К ПОБЕДЕ!**

Снова шуршит газетный лист.

Вот шапка «Правды» в весну кровавого сражения с диктатором Сибири:

**КОЛЧАК НАСТУПАЕТ НА ВОЛГУ. РЕВОЛЮЦИИ ГРОЗИТ
НОВЫЙ СТРАШНЫЙ УДАР.**

Следующие номера:

**СОЮЗНИКИ ПРИЗНАЛИ КОЛЧАКА.
КОЛЧАКА МЫ РАЗБИЛИ!**

Вот снова завязалась отчаянная схватка армии революции с контрреволюцией:

**БЕЛАЯ ГВАРДИЯ ПОДНИМАЕТ ГОЛОВУ.
РАБОЧИЕ, СРУБИТЕ ЭТУ ГОЛОВУ!**

Саша все листает комплект. Где же Суханов? Такое бледное, вытянутое, лошадиное лицо. Серый костюм «в елочку». На носу не то очки, не то пенсне в золотой оправе. А за стеклами — голубые глаза... Жена

у Суханова большевичка, и зовут ее Галя. Пышные волосы расчесаны на пробор, на уши свисают волнистые густые пряди. Как это возможно: жена — большевичка, а муж — меньшевик? Они же все время спорят, наверно?

А, подвал! Наконец-то! Нет, не то. Это впечатления — выводы трех большевиков, уполномоченных ВЦИКа по крестьянскому вопросу. Они ездили по губерниям, деревням. Статья о новой политике партии в деревне, об отношении к середняку.

«Но сколько же времени прошло с тех пор, как он позвонил и я тут копаюсь? Сколько?— Прямо перед Сашей на стене круглые старые, еще сытинские, электрические часы с огромной черной стрелкой, отщелкивающей минуты.— Как! Только одна минута? Не может быть! В самом деле, одна минута с хвостиком. Ну, не страшно!»

Еще один номер, 11 июля 1919 года. Опять леденящая шапка на все семь колонок:

**ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА ГОЛОДАЮТ! РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ
ХЛЕБНЫХ ГУБЕРНИЙ! ВСЕ ВАШИ СИЛЫ ОТДАЙТЕ
НА ОТПРАВКУ ХЛЕБА ГОЛОДНЫМ!**

Снова откинут лист. Нет Суханова, черт возьми! Книжка его вышла у Гржебина, частного издателя,— черт побери и его и эту книжку! Написано в ней только о четырех днях той, Февральской, революции, а искать приходится целую вечность!

«Ой, что я натворила!»

Саша отдернула руку. Она порвала газету пополам, как раз на сгибе, где складка поперек всей полосы. Саша только теперь обнаружила, что порвала не один номер. Она так молниеносно листала комплект, так яростно захватывала большим и указательным пальцами кончик газеты, что хрустящая бумага самого трудного года гражданской войны не выдерживала и ломалась на сгибе.

«Гублю комплект!» — поняла Саша и испугалась. Она осторожно откинула следующий лист и, придерживая его левой рукой, помогла ему упасть невредимым. Осторожно, но быстро! Он ждет. Интересно, зачем понадобилась Ленину эта статья. Ведь он ее уже читал. Ругать будет? Цитировать? Вот объявление о выходе брошюры Ленина «Великий почин». Цена 1 рубль 50 копеек. Наверное, он пишет еще одну брошюру, и поэтому понадобился ему этот Суханов.

«Пропал проклятый подвал! Ведь это было летом. Помнится, когда я отсылала в набор эту статью, было тепло, я сидела в безрукавке».

Какая страшная полоса: падение советской власти в Венгрии, самоубийство Тибора Самуэли. Это тот самый, что сидел однажды тут, в секретариате, вон в том кресле. Покончил с собой там, в Венгрии, чтобы не сдаваться живым их контре.

Опять подвал! Чей? Нет. Это Чичерина. Еще лист. Некролог. Как тиф и чахотка косят партийных работников! А «Правда» почти каждый день печатает извещения о смерти коммунистов. И все от тифа.

Подвал! О чем? Вот! Наконец-то! Он! «Записки о революции». Новая книга Н. Суханова». Ага! В номере от 14 августа 1919 года.

Саша понеслась к телефону, туда, где ждал Ленин, твердя наизусть: «Четырнадцатое августа, четырнадцатое, четырнадцатое...»

— Владимир Ильич, статья о книге Суханова напечатана 14 августа 1919 года,— выговорила Саша четко, но дышала при этом чересчур громко.

— А, отыскали! Хорошо! — услышала она в ответ.— А теперь найдите, пожалуйста, то место, где сам Суханов пишет о Милюкове. И прочитайте мне.

— Вы опять будете ждать или вам позвонить? — снова справилась Саша, тая слабую надежду, что Ленин не станет больше дожидаться у телефона.

— Я подожду.

Этот краткий ответ Ленина Саша ощутила уже как катастрофу. Он опять будет ждать. Только бы не осрамиться, сделать все точно. Саша снова склонилась над дубовым столиком. Теперь она читала статью о Суханове. Не читала, а вбирала быстрым молодым глазом начало каждого абзаца. А статья, оказалось, занимала не один подвал, а полтора, она печаталась и на второй и на третьей полосе. «Одиннадцать колонок,— сразу заметила Саша.— Пока все это прочитаешь... Милюков, Милюков. Где тут о нем? Милюков, кадет, эмигрант, бежал в Париж... В этом абзаце нет о Милюкове. И в этом абзаце ничего о нем. Ах, да, Ленин сказал: «Где с ам Суханов пишет о Милюкове...» —вспомнила Саша. И сообразила — значит, надо искать в цитатах из Суханова. А цитаты набраны петитом. Вот он, густой петит цитат.

Теперь Саша внимательно вчитывалась в каждую строчку петита, боясь пропустить фамилию Милюкова — эту единственную путеводную нить в лабиринте двух газетных подвалов. Наконец она нашла строчки о Милюкове.

«Вот. То самое, что нужно. Абзац начинается с ответа Милюкова на вопрос Суханова о тактике партии кадетов. Сейчас прочитаю ему это место. Прочитаю, и тогда все. Все!»

Но именно в ту минуту, когда Саша уже видела перед собой конец своей миссии, перед нею встало неожиданное препятствие. И встало оно в виде стола. Сашин стол, хваленый, шведский, всегда такой удобный, с полочками и ящичками, с особой ребристой гофрированной крышкой, которая, вылетая из бортов, опускается на стол, как колпак, и закрывает его вместе со всеми полочками,— этот стол в тот момент, когда Саша захотела положить на него комплект «Правды», оказался предательски неудобным. Именно хваленые полочки мешали разложить на нем огромный, туго переплетенный комплект. А номер, где петитом сказано о Милюкове, нельзя отделить от комплекта, нельзя вырвать... Что делать? Саша поставила раскрытый комплект на стол. Он стоял стоймя, придерживаемый рукой на нужной странице.

— Владимир Ильич, я нашла это место о Милюкове. Оно начинается со слов: «Мы, как ответственная оппозиция, несомненно стремились к власти...»

— Отлично! — покатило в трубке.— Прочитайте, пожалуйста, весь абзац, до конца.

Теперь Саша уже знала точно, что катастрофа неминуема. Чтобы прочитать Ленину все, надо комплект положить. А так, когда он стоит, полураскрытый, всех строк не прочитать. Буквы так стерты... «Прочитайте, пожалуйста». Вот тут и прочитай. А Мария Ильинична, видать, еще не добралась домой, а то уж она была бы у телефона, и все было бы просто. Надо же именно сегодня поехать в магазин. Как нескладно все получилось...

Так сетовала Саша на свою судьбу, пока рука ее пристраивала комплект. Она откинула его к полке, но он стал сползать к креслу. Тогда Саша придвинула кресло с вращающейся спинкой вплотную к столу; спинка уперлась в нижний край комплекта — ему некуда было сползать. Став позади кресла, Саша привалилась к комплекту, прижала локтем раскрытую страницу — все было в порядке, комплект был взят в плен. Правда, в таком согнутом положении не очень удобно читать газетные строчки, да еще смазанные, да вслух к тому же. Но когда все делается в такой спешке и Ленин ждет, то тут уже не до удобств. Читай быстрее и соображай, что читаешь.

— Я начинаю, Владимир Ильич,— предупредила Саша и начала читать, но ей показалось, что она произносит слова слишком громко, возможно выкрикивает, и она сразу понизила голос.

— Пожалуйста, медленнее,— раздалось в трубке.— Я буду записывать.

Саша прервала чтение и начала снова. Она произносила слова и одновременно примечала, как становится ровнее ее дыхание, как понижается голос. «Переходит в альт»,— шутила в таких случаях Мария Ильинична. Вот уже последняя строчка абзаца:

— «Вопрос о власти, о ее характере был поставлен в порядок дня социалистических и буржуазных партий». Точка. Кавычки закрыты. Все, Владимир Ильич. Я кончила,— произнесла Саша и, расправив спину, откинулась назад, к стене.

Но тут же ее охватил страх: «Все ли прочитала? Точно ли? Не напутала ли? А вдруг пропустила! Вдруг что не так!»

В трубке в тот же миг послышалось:

— Хорошо. Теперь я вам прочитаю записанное мной, а вы, Саша, проверяйте по газете — точно ли я записал.

«А я сняла локоть! — ужаснулась Саша.— Теперь снова ищи это место. Нет, ничего. Вот оно!»

В трубке снова катился быстрый круглый голос Ленина. Водя пальцем по строчкам петита, Саша вслушивалась в те слова, которые произносил Ленин.

— Все? — Это спросили в трубке.

— Да, все! — ответила Саша.— Все так и напечатано.

— Спасибо, Саша. До свидания.

Это сказал Ленин. Честное слово, все кончилось! И, кажется, хорошо.

Саша снова оторвалась от комплекта, но трубку от уха не снимала. Она продолжала вслушиваться в то, что происходит там, где недавно, вот сейчас, был голос Ленина. Тихо. Но, может быть, Ленин еще тут. Может быть, он снова проверяет то, что она читала ему, и еще что-нибудь скажет или спросит.

...«Дррр!» — словно электрическим током ударило Сашу в барабанную перепонку.

— Повестье трубку! — услышала она уже другой голос — размеренный, четкий, негнувшийся, словно деревянный. Это телефонистка верхнего кремлевского коммутатора. Саша рывком повесила трубку и нажала два раза на рычажок — отъединяюсь, знайте!

Затем Саша потащила на место злополучный комплект, позвонила в типографию, что посылает за утренним набором, вызвала звонком курьера и, когда та пришла, попросила сходить за гранками. Курьера положила на стол новую почту, и Саша стала вскрывать телеграммы и большие пакеты — со статьями. Но то и дело ловила себя на том, что ничего не читает. Сидит вот так, откинувшись, а руки бессильно повисли. Сидит и рассуждает:

«Так никуда не годится! Раз статья напечатана в газете, должна быть карточка на нее. Да, картотека всех статей, помещенных у нас. Вот тогда позвонит Ленин — и даже не Ленин, а кто угодно,— и не надо копаться в комплекте, искать, вспоминать... Тогда будет порядок. Картотека! А кто ее заведет? Ведь людей нет! Сотрудники так много работают, приходят утром, уходят ночью. И комплект один на всю редакцию. Разве можно? И он такой большой, тяжелый. Прямо измучилась с ним!»

Вспомнив о комплекте, Саша побежала к шкафу и вновь принялась перелистывать номера.

«Это какой-то кошмар! — ужаснулась девушка. — Подряд, подряд, номер за номером, без единого пропуска, и каждый лист порван поперек, вот как раз посередине. Где была складка, там и порвано. Хорошо, что дальше не пошло. Хорошо, что я наконец спохватилась! Но что теперь делать? И это случилось именно со мной. А я еще требую от всех, чтобы аккуратнее были с комплектом... Что будет теперь?»

Саша еще долго переживала бы случившееся. Но дверь вдруг открылась, и появилась Мария Ильинична. Она остановилась у входа и, прислонившись к дверному косяку, притворно строго, как разговаривают с детьми, произнесла:

— Маленькая, с кем это мы сегодня разговаривали?

— Мы сегодня разговаривали с Лениным, и мы порвали комплект, — сокрушенно ответила Саша.

— Комплект? — встревожилась Мария Ильинична, шагнула к столу, открыла синий, под мрамор, переплет, полистала номера, пошевелила листы. — Но почему вы их рвали? Что произошло?

— Я сама не знаю. Даже не заметила как! — Саша прижала руки к груди. — От волнения, Мария Ильинична! Ведь я так волновалась. Владимир Ильич ждал у телефона. Вы понимаете, он ждал, я торопилась. Я даже не сразу заметила, что рву. Потом спохватилась. Там, дальше, уже не порвано... Мария Ильинична, что тут было без вас! Если б вы только знали!..

Мария Ильинична еще раз полистала растерзанные листы, потом посмотрела на Сашу и вдруг захохотала. Она смеялась долго, и чем растерянее становилось Сашино лицо, тем громче смеялась Мария Ильинична.

Привлеченный ее смехом, заглянул в секретариат один из редакторов.

— Отчего пальба, и крики, и эскадра на реке? — весело спросил он.

Мария Ильинична приподняла пальцами порванные половинки.

— Полюбуйтесь, пожалуйста, как наша Саша с Лениным разговаривала.

Редактор сначала ничего не понял, а узнав, в чем дело, тоже захохотал и забегал по кабинету.

— Вот так поговорила!

Между тем в секретариате один за другим появлялись члены редколлегии, прибывавшие на заседание. Каждый, услышав рассказ о том, «как Саша с Лениным разговаривала», начинал в свою очередь потешаться над Сашей. А Саша все больше мрачнела. Как нарочно, в кабинет то и дело заходили сотрудники, заведующие отделами — они оставляли для заседания коллегии заявки: сколько строк в номере им требуется. И все они, кто притворно, уже зная о случившемся, а кто ничего не подозревая, смотрели на растерзанный комплект и удивлялись:

— Кто это порвал? Кто тут так хозяйничал?

Саша, бледная, со злым лицом, молчала либо грубо отвечала:

— Не ваше дело. Не беспокойтесь. Кто порвал, тот и зашьет.

К счастью, начиналось заседание редколлегии. Все — Мещеряков, Скворцов-Степанов, Сольц и другие — перешли в редакторскую, и секретариат опустел. Саша достала из ящика тетрадь, в которую она записывала, кому заказаны статьи, по какому вопросу, от кого получено согласие, кто отказался писать, почему и т. д.

В редакторской все уже сидели в глубоких креслах, обитых бирюзовым сукном. Место за редакторским столом занимала Мария Ильинична. Саша, взгромоздившись на спинку кресла, простелилась у края стола. Это было ее любимое место — высоко, в простенке между окнами. Отсюда, как с вышки, ей видно было всех редакторов, утонувших в старых мягких вольтеровских креслах времен «Русского слова».

Когда Саша вошла, Мария Ильинична как раз рассказывала, что Ленин чувствует себя хорошо, головные боли прошли. Затем ни с того ни с сего, как показалось настороженной Саше, Мария Ильинична сказала:

— Сегодня запоздала к обеду. Приехала, а он говорит: «Пока тебя не было, я с твоей Сашей по телефону разговаривал, наводил у нее справку». «Ну, и как?» — спросила я его, боясь, уж не набедокурила ли «моя Саша». «Все хорошо, — говорит Ильич, — она очень быстро и толково справилась».

У Саши в руках подпрыгнул карандаш.

— Ну, примемся за наши дела, — сказала Мария Ильинична, раскрыла папку, и заседание редколлегии началось.

А пострадавший комплект еще долго лежал на столике. И сотрудники, перелистывая его, неизменно поддразнивали Сашу: «Вот как мы с Лениным разговариваем!»

Но Саша уже не злилась, не грубила и смеялась над собой заодно с другими. А потом комплект заменили новым, и эта история позабылась. Только Саша запомнила ее на всю жизнь.

«ПЕРВАЯ ЛЕДИ»

Английская рабочая делегация была первой иностранной делегацией, посетившей Советскую республику. Это произошло весной двадцатого года. В многочисленной делегации были три женщины, среди них известная госпожа Сноуден.

Англичан принимали с радушием и вниманием, на какое только способна была совсем молодая, трехгодовалая, блокированная, разоренная, измученная республика рабочих и крестьян.

То, что увидели иностранные делегаты, переступив рубеж, отделявший новую Россию от всей капиталистической планеты, было горячей лавой Октябрьской революции. Эта лава только-только начинала остывать, принимать форму государства нового, пролетарского типа.

Иностранным гостям показывали все — национализированные заводы, фабрики, рудники, шахты, которые еще носили имена старых владельцев, но уже управлялись рабочими.

Посланцы английских рабочих посетили столичные Советы — воплощение пролетарской демократии.

Англичане увидели Красную Армию — первую в мире армию рабочих и крестьян, которой командовали молодые красные командиры и героические комиссары революции.

Делегатов привели в Большой театр, где каждый зритель был пролетарием.

Они присутствовали на заседаниях государственных органов, где революция творила новое законодательство. В тот год ковались первые советские кодексы гражданской жизни — о труде, судопроизводстве, браке, семье, образовании.

Английским делегатам показали социалистические ростки общественного воспитания детей — ясли, сады, детские дома, размещенные в особняках русской буржуазии.

Они посетили университет, открытый для всех. Они увидели рабфаки — детище пролетарской революции, зародившееся в недрах высшего учебного заведения. Они познакомились с советской школой — бесплатной, трудовой, единой. Они смотрели первые постановки революционного театра без кулис. Они услышали революционные частушки — советский фольклор, творчество народа.

Английские делегаты участвовали в заседаниях фабрично-заводских комитетов, слушали на митингах споры большевиков с меньшевиками. Они изучали охрану труда, младенчества, материнства в первой Советской республике, беседовали с женщинами-работницами, приравненными в правах к мужчинам.

Они ездили по стране, жили в Москве и Петрограде. «Правда» в статье «Our greetings» приветствовала гостей на английском языке.

Первой рабочей делегации был открыт доступ всюду и везде: смотрите, изучайте, судите! Пусть сквозь горы лжи и клеветы, которую мировая буржуазия возвела вокруг первой пролетарской республики, увидят посланцы английских рабочих подлинное, мужественное, героическое лицо этой республики, увидят шрамы, полученные в классовых битвах.

Под конец делегаты посетили Кремль. Английские женщины пожелали встретиться с женами руководителей Советского государства. Госпожу Сноуден и ее коллег принимали в Кремле, на квартирах, в домашней обстановке.

Затем английская делегация уехала. В заграничной прессе стали появляться отчеты о поездке, впечатления о первом социалистическом государстве.

Однажды, дома, Ленин во время обеда прочитал впечатления госпожи Сноуден и ее двух коллег.

Делегатки описывали визиты в Кремль, где посетили «Первую леди — жену русского премьер-министра, жен других министров и лорд-мэра». «Первая леди» весьма удивила их. Несмотря на то, что она очень образованная, отлично изъясняется по-английски, пишет глубоко значительные статьи о женской эмансипации и занимает высокий пост вице-министра народного просвещения, она на леди не похожа. Ее туалет более чем скромнен, он вне всякой моды. «Первая леди» скорее напоминает русскую икону, сошедшую с деревянной доски, чем супругу великого премьера. В стране, правда, она столь популярна, что русский народ называет ее по имени и по ее девичьей фамилии.

Прочитав такое, Ленин весело расхохотался и покачал головой:

— До чего же глубоко засело в них пошлое, мещанское, привитое буржуазией!

Надежда Константиновна снисходительно и застенчиво улыбнулась.

— Они всегда были такие. Ничуть не изменились.

Но Мария Ильинична горячо приняла все это к сердцу и очень обиделась за невестку, которую любила преданно и нежно, как родную сестру или дочь. В тот же день, вернувшись после обеда в редакцию, она высказала Саше свое возмущение:

— Послушайте только, что их удивило в Наде! Что она не леди! Вы послушайте, каким языком пишут, какие эпитеты, названия употребляют: «лорд-мэр, премьер-министр, эмансипация!» Как будто заехали не в Советскую республику, а в обыкновенную буржуазную страну. Все же они лейбористки, видят, что тут рабочие Советы, народные комиссары, а пишут в газете: «лорд-мэр», «вице-министр», «первая леди» и прочую чепуху. Это о Наде! Ни черта они не увидели, ни черта не поняли в ней. Действительно опутала их буржуазная психология. Революцию рабочих понять не могут. Прав Ильич, мещанки они, и больше ничего!

Мария Ильинична еще негодовала немного, потом придвинула к себе папку с письмами рабочих, отбросила английскую газету и забыла о ней.

СЕСТРЫ

Ранним летом двадцатого года в Москве стояла страшная, запомнившаяся всем жара. Вокруг Москвы горели леса, и солнце, застланное дымом ужасающих пожаров, висело над столицей зловещим багровым шаром. В один из таких дней в «Правду» пришла пожилая женщина — сухошавая, низкорослая, в большой шляпе из белого тюля, в чесучовом, с крупными узорными перламутровыми пуговицами, костюме, в митенках, обнажавших длинные, белые, худые пальцы. В руках у нее был отороченный широким, белым, ниспадавшим кружевом зонтик и желтой кожи портфель.

— Здравствуйте, Сашенька, а Маняши нет? — спросила она, оглядываясь вокруг в большом секретариате.

— Здравствуйте, Анна Ильинична! Мария Ильинична в архиве, сейчас зайдет. Пожалуйста, садитесь!

— Фу, жара какая, задыхаюсь! — Анна Ильинична присела к Сашиному столу, сняла митенки, бросила их на колени вместе с портфелем и зонтиком и стала обмахиваться платочком, как веером.

Анна Ильинична, старшая в семье Ульяновых, была ростом ниже всех. Лицом очень схожая со своими братьями и сестрами — их всех роднили общие черты лица, выдававшие скулы, проницательные глаза и светлые волосы, — она все же больше всего походила на Александра Ульянова. Но в облике старшей сестры было что-то, выделявшее ее из семьи Ленина.

Мария Ильинична, Надежда Константиновна были пуританками, с виду несколько суровыми, — одеты всегда очень строго, скромно, в длинные из темной гладкой шерсти юбки, в платья без рукавов, род сарафана, с неизменными английскими полосатыми блузками. И хотя эти женщины большую часть своей жизни прожили в эмиграции, за границей, обликом, одеждой, манерами они напоминали народных учительниц России. Особенно Крупская.

Анна Ильинична была иной. Вместе со своим мужем, Марком Тимофеевичем Елизаровым, она подолгу жила в Петербурге, Финляндии и одевалась, как русские дамы конца девятнадцатого века.

Завидя ее, Саша всегда говорила: «У Анны Ильиничны такой петербургский стиль!» — чем неизменно вызывала улыбки на лицах сестер. «Уж Саша скажет! Чего только не придумает!»

— Сегодня вы, как и всегда, петербургская! — сказала Саша.

— Я сегодня совсем расстроена... — произнесла в ответ Елизарова.

— Чем, Анна Ильинична?

— Обиделась на Володю.

— Как это возможно?.. — ужаснулась юная Саша.

— Не дает мне слова на Совнаркоме...

— Владимир Ильич?..

— Разумеется, Владимир Ильич. Ведь он предсовнаркома. Да, да, обижает меня. Сiju на заседании Совнаркома, стоят вопросы дошкольного воспитания. Это наши вопросы. Посылаю ему записку — прошу слова! Жду. Готова к выступлению. Не дает. Посылаю вторично записку — может быть, забыл обо мне? Жду. Уж выступает кто после меня записался, а он до конца заседания так мне слова и не предоставил...

В это время вернулась Мария Ильинична.

— Анечка! — просияла она и стала нежно целовать старшую сестру.

Анна Ильинична продолжала прерванный рассказ:

— Вот, Маняша, вот и ты слушай. Я после Совнаркома захожу к брату уже на квартиру и спрашиваю его: «Почему ты не дал мне слова?» «А тебя, — говорит он, — я всегда могу выслушать, твое мнение я

и здесь, у себя дома, могу узнать, а их всех я только и вижу что на Совнаркоме...»

Мария Ильинична, хмурясь, слушала сестру.

Вскоре Анна Ильинична ушла, оставив статью о дошкольном воспитании, а Мария Ильинична пошла греметь ключами от книжного шкафа, что было признаком крайнего недовольства. Поймав на себе Сашин взгляд, она проворчала:

— И что за охота жаловаться и обсуждать брата. Не может же он в самом деле всем давать слово. И так работает без отдыха, утомляется...

В своей безграничной, самоотверженной любви к Ильичу Мария Ильинична являла собой образец подвижничества, служения и такой ревнивой преданности, что даже родной сестре не простила ни единой «жалобы».

— Устает он, очень, очень устает. Аня сейчас не живет с нами, она этого не видит. Оберегать его надо, сокращать всякие заседания, а не слова просить...

Она помолчала и, словно что-то вспомнив, продолжала:

— Вот Надя это понимает. Но она и сама много работает, и Ильич за нее беспокоится...

Мария Ильинична вздохнула и принялась читать заметки рабочих. Отдел «Рабочая жизнь» был ее любимым детищем. За чтением заметок она успокоилась.

— Очень хорошо стал писать Дорофеев,— с удовлетворением заметила она.— Прочитала с удовольствием. Даже досада на Аню прошла...

КОТИКОВАЯ ШУБКА

С осени Мария Ильинична хворала — сначала бронхитом, затем воспалением легких. Наконец она немного поправилась, но кашель не проходил. Врач предписал ей тепло одеваться и всячески остерегаться простуд, так как организм ослабел и потерял сопротивляемость.

Болезнь младшей сестры, с которой Ленин со времени своего переезда в Кремль был неразлучен, очень огорчала его. После разговора с врачом он сам осмотрел одежду Марии Ильиничны и встревожился: суконная шубка была короткой, изношенной и вряд ли достаточно грела.

Владимир Ильич решил на этот раз сам позаботиться о сестре, которая обычно несла заботы обо всей семье.

Он попросил, чтобы ей выдали ордер на новую шубу. Прислали ордер, и Олимпиада Никаноровна, помогавшая в доме по хозяйству, поехала за шубой на склад.

Заведующий складом, прочитав в ордере фамилию «Ульянова М. И.», усталый глазами на старушку.

— Вы будете Ульянова? — спросил он удивленно.

Услышав в ответ, что ордер выдан сестре Ленина, которая больна и сама приехать не может, заведующий сам выбрал шубу.

— Вещь очень хорошая — легкая, теплая,— хвалил он.— Это лучшее, что у нас имеется на складе. Больная будет довольна. В такой шубе непременно выздоровеет.

И, уже вручая старушке упакованную, перевязанную шпагатом попку, все приговаривал:

— Товарищу Ленину тоже понравится. Я ведь сам выбрал...

Никаноровна с шубой вернулась в Кремль, когда вся семья Ленина уже собралась к обеду. Старушка передала все, что сказал заведующий

складом, и пошла подавать к столу. Мария Ильинична развернула большой сверток и помрачнела. То была котиковая шубка.

Всю свою жизнь Мария Ильинична одевалась очень скромно. Как и ее невестка, Надежда Константиновна, она не любила никаких излишеств и роскоши в одежде. Котиковая шубка не только смутила ее, но обидела.

— Прислали бог весть что! — ужаснулась она. — Неужто не могли подобрать более подходящее... Или там думают, что мы тут вот такое носим?..

— Возможно, что так и думают, — печально и снисходительно допустила Надежда Константиновна. — По-старому еще думают...

Увидав, какую шубу прислали сестре, Владимир Ильич сначала даже расхохотался, до того нелепым показался ему этот случай. И ему не по душе пришлась нарядная вещь.

— Придется вернуть, — сказала, досадуя, Мария Ильинична. — Попрошу, чтобы переменили на более подходящее.

— Придется надеть, — проговорил после хмурого размышления Владимир Ильич. — Неудобно, Маняша, дважды беспокоить по всяким пустякам. Человек там старался, сам выбирал, хотел сделать лучше. Он ведь проявил внимание, только проявил его по-своему, так, как он понимает. Не надо его обижать...

— Да и склад, поди, бог весть где. Ну, куда в такую даль опять посылать Никаноровну... — поддержала Ильича Надежда Константиновна.

Так была решена судьба котиковой шубки — Мария Ильинична молча убрала ее в шкаф.

Наконец врач разрешил Марии Ильиничне вернуться к работе. Утром она надела свое старое суконное пальтецо со скунсовой горжеткой и собралась ехать в редакцию.

— Маняша, с бронхитами и воспалениями шутить не полагается, — остановил сестру Владимир Ильич и попросил ее надеть новую шубу.

Чтобы не огорчать брата, Мария Ильинична уступила. Так появилась она в редакции впервые после болезни в новой длинной меховой шубке.

Всем было непривычно видеть Марию Ильиничну нарядной, в мехах. А она, чувствуя себя очень неловко в этом чуждом для нее наряде, торопилась как можно скорее скинуть его с плеч и остаться в своем обычном сером платье, со старым шерстяным платком на плечах. Уезжая из редакции, Мария Ильинична так же торопливо натягивала на себя меховую шубку — все движения выдавали, что ей неловко.

В новой шубе Мария Ильинична не нравилась Саше. Шуба делала ее отчужденной, менее доступной. А высокий, «боярский», воротник придавал лицу секретаря «Правды» совершенно несвойственную ему важность. И Мария Ильинична, чувствуя это, мрачно супилась, чем еще более подчеркивала то чуждое, что вдруг появилось в фигуре и лице.

Так продолжалось недолго, пока длились морозы. В первый же день, когда немного потеплело, Мария Ильинична приехала в редакцию в своем старом, знакомом коротком пальтеце с горжеткой у шеи. И в ответ на недоуменный вопрос Саши облегченно, словно избавилась от какой-то тяжести, призналась:

— Бог с ней, с той шубой. Не люблю я ее!

А затем, спохватившись, стала долго, смущенно объяснять, словно оправдываясь в своем легкомысленном поступке:

— Мне ведь в шубе не очень удобно. Даже вовсе не удобно: больно длинна... Выходишь из машины, наступаешь непременно на подол. По лестнице сюда поднимаешься — она в ногах путается...

И, припомнив историю появления шубы, Мария Ильинична стала с юмором в лицах изображать, как все было в тот злополучный день, когда Никаноровна привезла в дом шубу. И под конец повторила облегченно:

— Бог с нею. Не люблю...

С тех пор Мария Ильинична больше ни разу не надела меховую шубу. В своем стареньком одеянии она вновь была прежней, знакомой, простой, доступной и, казалось Саше, еще более милой и близкой...

Однажды — дело уже близилось к концу зимы — в редакции появилась Олимпиада Никаноровна. Она пришла навестить свою дочь, Марию Васильевну, работавшую в «Правде». По старой памяти старушка, убиравшая прежде помещение редакции, обходила все комнаты, беседовала с новой уборщицей, со старыми, знакомыми ей курьершами. Заглянула Журавлева и в секретариат. Саша увидела ее и обомлела: старушка была в котиковой шубке. В той самой, которую она привезла со склада и которую прежде носила Мария Ильинична. Шубка была подпоясана на Никаноровне кожаным ремешком.

— Мария Ильинична, а шубка-то, кажется, знакомая... — лукаво заметила Саша по уходу старушки. — И шубка на ней еще длиннее, чем на вас. Никаноровна-то пониже вас ростом.

В первую минуту Мария Ильинична пришла в легкое замешательство. А потом, как всегда, когда ее что-либо смущало, стала долго, странно объяснять, безуспешно пытаясь потушить на лице смущенную улыбку:

— Да, видите ли, Саша, Никаноровна теперь чаще стала ходить по всяким делам в город, и все через Троицкие ворота приходится ей идти. А там, на мосту, известно, как холодно. Снизу, из Александровского сада, вы же знаете, как ветер поддувает. Еще продует старуху, простудится... Вот ей длинная шуба и кстати. А мне она вовсе ни к чему...

ТРЕТЬЯ ВЕСНА

1. Передышка

Приближалась третья весна революции...

На первой полосе «Правды» появилась новая рубрика — «На бескровном фронте». Он потеснил кровавый фронт сражений с белыми армиями.

Теперь по вечерам на старой Тверской, в глубине длинного узкого типографского двора, в красном кирпичном корпусе редакции, секретарь «Правды» с сотрудницами составляли новую сводку — трудовую.

При свете тяжелых бронзовых ламп под зелеными фарфоровыми колпаками Мария Ильинична, с выбившимися из пучка золотистыми прядями волос, и две молодые сотрудницы в накинутых на плечи пальто складывали, умножали, делили, вычитали, сверяя множество цифр, чтобы установить, сколько человек сражалось с разрухой за день; сколько лошадей, повозок было на вывозке дров.

В то время бойцы труда исчислялись тысячами, лошади — лишь десятками.

Редакторы, участливо поглядывая на усталых, одурманенных цифрами девушек, рифмовавших в сердцах разруху с прорухой, подзадори-вали их юное усердие и, повторяя ходячую шутку, справлялись:

— Ну, Саша, Фира, сколько сегодня насчитали пудо-коней?

Саша обхватила обеими руками голову.

— Ох, у меня в голове смешались телеги, кони, люди...

— И залпы тысячи орудий... — подхватили хором в секретариате.

В те трудные годы шутки и смех никогда не изменяли правдистам.

Помощник секретаря Саша, самая юная из сотрудниц, воспринимала тогда жизнь страны сквозь призму тех политических кампаний, так называемых «недель», которые непрерывно проводила партия и отражала на своих страницах «Правда».

В годы гражданской войны все политические кампании длились неделю. По счету революции неделя была большой мерой времени.

В «Правде», где семнадцатилетняя Саша работала уже второй год, одна неделя всегда торопила другую.

«Неделя топлива» сменяла «Неделю помощи фронту». «Неделя ребенка» спешила за «Неделей раненого красноармейца». «Партийную неделю» нагоняла «Неделя паровоза», чтобы затем уступить время и место «Неделе женщины».

Неделей исчислялся аврал в хозяйственной и политической жизни. Только так, чрезвычайными мерами, напряжением всех сил сразу на одном участке, решала революция свои задачи.

К весне двадцатого года в Москве объявили «Неделю санитарной очистки». За нею сразу наступила «Банная неделя».

Поздним утром, на исходе марта, черный кожаный самокатчик доставил на своем тарахтящем мотоцикле в «Правду» пакет. Саша вскрыла негнувшийся желтый, склеенный из оберточной бумаги конверт с крупной, дважды подчеркнутой надписью: «Срочно. Важно» — и торжественно прочитала во всеуслышание:

— «Московская Чрезвычайная Санитарная комиссия предлагает всему населению Москвы бесплатно помыться в бане. Каждый получит кусок мыла».

— Настала для Сани Центробаня! — тем же торжественным голосом, нараспев завершила чтение Мария Ильинична.

И тотчас, как по сигналу, возникла в секретариате популярная в те годы перестрелка сокращенными названиями советских учреждений, по поводу которых Ленин вспоминал слова Тургенева о прекрасном русском языке.

С легкой руки Марии Ильиничны все имена редакторов, сотрудников, курьеров, постоянных авторов — всех, кто частенько заглядывал в «Правду», — были срифмованы с Центрочаем, Главбумом, Главжиром, Центросолью, Иглониткой и так далее.

— А вот мое имя не зарифмуется! — Дежурный редактор вздел на нос старомодное, на шнурке, покривившееся, с отклеившейся резинкой пенсне и оглядел всех с печально-торжествующей улыбкой. — Для моего имени не найдете ни Главка, ни Центра!

— Центрозвон! — выкрикнула скорая на рифмы Саша.

Но внимание всех было отвлечено могучим басом курьерши. Она вернулась из машинного бюро с перепечатанным Обращением Санчека.

— Мыло-то сегодня на Сухаревке триста двадцать рублей фунт. А тут вот пишут, — курьерша потрясла Обращением, — по куску мыла выдавать будут даром. В бане! Это подумать только! Вот что значит белых-то побили... Рабочий человек сразу чувствует. По куску мыла...

В это время зазвонил настольный телефон. Саша сняла трубку.

— Да, четыре ноль один девяносто два. Да, «Правда»... — и, позабыв о рифме к редакторскому имени, стала принимать телефонограмму.

— Мария Ильинична, это Санитарная чека просит ввиду особой важности борьбы с весенними эпидемиями поместить Обращение о банях на первую полосу.

«Боргес. Разбить на шпоны» — пометил секретарь «Правды» на тексте Обращения, и курьерша, все еще переживавшая предстоящее даровое мыло, отправилась в типографию.

На следующий день Обращение появилось в газетах. Группа Теревсата, как сокращенно именовали новый театр революционной сатиры, стала с площадок агиттрамвая распевать частушки:

Чрезвычайка,
Прибавляй-ка
Пару в банях
Для Москвы!

Затем «Хроника» сообщила в «Правде», что через московские бани прошло до восьмисот тысяч граждан. Каждый получил кусок мыла и мочалку.

— Ну и хохотал сегодня Ильич над этой заметкой, — рассказывала в тот же вечер Мария Ильинична. — «Вот, — говорит, — оказывается, где точная статистика, которой я никак не добьюсь от наших статистиков. Теперь по количеству мочалок мы наконец узнали, сколько народу осталось в Москве. Даже перепись населения не нужна. У Владимира Александровича, оказывается, самая точная статистика...»

Обух Владимир Александрович — врач, большевик, друг Ленина... Это он, захватив хирургические инструменты, помчался тогда, в восемнадцатом году, в августовский вечер страшного несчастья, в Кремль и вместе с врачами Вейсбродом и Минцем провел у постели раненого, лежавшего без пульса, самые страшные часы, когда Ленин находился между жизнью и смертью. В то время Обух заведовал Мосздравом. К весне двадцатого года Обух, чьим именем потом будут названы институт и улица в Москве, вел яростную борьбу с эпидемиями и еженедельно докладывал Московскому Совету о необходимых мерах, принимаемых Санчека.

В ту весну Москва мылась, Москва чистилась.

Извозчики в синих латаных армяках на вате, подпоясанных линиями кушаками, подметали по строгому предписанию все той же грозной Санчека места своих стоянок. На телегах, пролетках, тачках вывозили за город мусор, что горами громоздился на площадях — Сухаревской, Трубной, Смоленской, Сенной, Таганской, Болотной.

В ту весну Москва питалась. Саша сдавала в набор веселые заметки о выдачах — то четверти фунта какао для грудных детей, то фунта сыру для дошкольников, то по пяти фунтов клюквы для каждого.

Десятичную систему мер в то время еще не применяли. Пользовались старой, фунтовой, мерой веса.

В ту весну под лучами теплого солнца отгаивала, казалось, не только измученная, голодная, промерзшая московская земля, но и роскошные слова и понятия, замороженные в памяти людской. К тому времени в столице уже народилось поколение новых граждан, которые еще не отдавали белой булки и не имели понятия о форме и вкусе бублика.

Слова эти просто вышли из употребления.

Теперь, входя в магазины, москвичи с изумлением оглядывали прилавки — балык и шоколад становились реальными, зримыми понятиями. Выдавали их, правда, только по детским талонам, в весьма скромных дозах...

Так — зримо и памятно — наступала весна двадцатого года. Весна передышки.

Так кончилась наконец долгая, запомнившаяся всем зима. Вместе с нею кончилась, казалось тогда, все, что почти три года терзало молодую республику пролетариата: горечь отступлений, бред тифозных больных, гибель бездыханных паровозов на далеких стальных путях, падеж обесцененных лошадей на занесенных снегами мостовых...

В ту памятную зиму завершились победы девятнадцатого года. От Пе-

трограда прогнали Юденича. На юге разбили Деникина. В Сибири арестовали адмирала Колчака.

На гигантской карте фронтов гражданской войны, которую жители пролетарской столицы обозревали ежедневно у розовой стены Страстного монастыря, красные флажки, теснившиеся прежде так близко от Москвы, вдруг очутились далеко на юге, в солнечных краях — у Крыма, Кавказа, Туркестана...

К третьей весне революции границы недавно осажденной республики раздвинулись как-то сразу «от финских хладных скал до пламенной Колхиды». Горизонт стал широким. Даже тучи, все еще теснившиеся там, на западе, где Польша, не казались особенно зловещими. Смертельные схватки за первую республику социализма были, казалось, уже позади.

И когда «в целях экономии топлива» часовую стрелку перевели на час вперед, Саша с юношеским пылом восприняла и это временное мероприятие в масштабах истории и усмотрела в нем знамение революционного времени.

Спешит часовая стрелка, торопит бег больших событий.

Антанта сняла блокаду с Советской России.

ВЦИК отменил смертную казнь — «ввиду ареста Колчака, разгрома Деникина».

Спешит часовая стрелка. Ленин уже подписал постановление Совета обороны о создании первой революционной армии труда. И Седьмая армия, которая спасла Питер от Юденича, ушла добывать для города торф.

Спешит время на часах. Боровицкие ворота Кремля открыты для всех — москвичи осматривают Большой дворец, где пустует трон. Эсеры массами покидают свою партию.

Погоняет время часовая стрелка. На митингах в Лефортове, Хамовниках, Замоскворечье, за Бутырским валом, Симоновой слободой и на Пресне, в Марьиной, Тюфелевой и Сокольничьей рощах ораторы призывают к борьбе не с белыми армиями, а с разрухой. Поэт «Кузницы» восклицает в «Правде»:

Пролетариат, на стройку выйди ныне.
Преобрази всю землю — солнце ты!

Люди ощущают: не сдались! Выдержали! Впереди — жизнь!

Так наступает третья весна революции и собирается Девятый съезд большевиков.

В дни бурного ледохода на Москве-реке Ленин поднялся на кремлевскую трибуну и возвестил о военных успехах, одержанных в гражданской войне. Он говорил о чуде, о том, что совершилось чудо победы.

Сокращая на лету слова, Саша по выработавшейся привычке стремительно быстро записывала в школьную тетрадь ленинские слова:

«Для истории Советской власти время еще не настало. Если бы и настало, то мы, скажу за себя, — думаю, и за ЦК, — историками быть не собираемся, а интересуем нас настоящее и будущее».

Карандаш продолжал бегать по Сашиной тетради. Ленин говорил о победе над Антантой:

«...И только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована. и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи, и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти».

У Саши в руках дрогнул карандаш. Бесчисленные жертвы, о которых упоминал Ленин, встали перед нею длинными списками коммунистов,

уходивших на защиту революции. Теперь списки, которые она сверяла при сдаче в набор, стали уже мартирологом. Мысль ее невольно обратилась к павшим. Среди них был и ее брат...

Но ленинская речь уводила вперед.

После двух лет кровопролитных сражений за власть Советов Ленин призывал партию перейти к еще более длительным, более трудным, но уже бескровным сражениям за социализм — к хозяйственному строительству.

Съезд отвечал аплодисментами, грохотавшими под колоннами, подобно весеннему грому.

Так обозначилась весна передышки.

Уже сияло солнце апреля, в конце которого Ленину исполнилось пятьдесят лет. В последний день съезда весь зал встал, и, совершенно неожиданно для Ленина, зазвучали приветственные речи. Знавшие близко Ленина рассказывали съезду о вожде русского и мирового пролетариата.

Захваченный приветствиями врасплох, юбиляр сердился, хмурился, пытался приостановить чествование. Тщетно!

Наконец, потеряв терпение, Ленин сбежал с заседания, потребовав: — Прекратите это безобразие!

После этого заседания Гиль доставил в «Правду» секретаря редакции. Мария Ильинична поднялась в свой кабинет стремительная, как весенний ветер, носившийся в те дни по улицам Москвы: шляпка набок, шарф выбился наружу, на лице оживленное беспокойство, горячие глаза сверкают.

Вслед за секретарем повалили в редакцию бывшие на съезде сотрудники, редакторы, делегаты.

— И не стыдно! — корила их Мария Ильинична. — Ильича со съезда прогнали!

— Грешны! — каялись все. — Грешны. Казните! Сбежал от нас Ильич. Не захотел слушать...

И, обступив Марию Ильиничну, делегаты выпрашивали:

— Что говорил старик?.. Очень ругался?..

— Еще бы! — укоризненно качала головой и усиленно супила брови Мария Ильинична. И вдруг, закашлявшись, замахала руками, стала утирать брызнувшие от смеха слезы. — Прибежал Ильич домой и кричит: «Глупость и скука! Занимаются глупостями и разводят на съезде скуку наши уважаемые товарищи. Зря давеча я там охаивал резолюции, как самый скучный вид литературы. Юбилейные речи — вот где скука! Вот что надо охаять. Они ку-у-да скучней резолюций! Их надо просто запретить! Декретом запретить у нас в стране!»

Все, улыбаясь, слушали, ничуть не смущенные гневом Ильича.

Спохватившись, что время идет, Мария Ильинична вдруг застучала кулачком по столу.

— Хватит, хватит! Работать! — и, взглянув на часы, вознегодовала: — Вот болтаем тут, а номер еще не сдан!

Тотчас Саша стала гнать всех из секретариата, за рукава тащила делегатов с дивана. Но те упирались, возвращались в кабинет.

— Погодите, Сашенька, тут важное дело! — И, обступив секретаря редакции, уговаривали: — Намечается встреча. В Первом Доме Советов. Вот в номере у этого боярина. Приглашает к себе... Надо непременно собраться. А то скоро опять в дорогу...

На лице у Марии Ильиничны вмиг порозовели маленькие скулы, придававшие ей сходство с братом. Смущенно призналась она, что никак никуда ей не вырваться даже на час.

— Работаем тут за полночь, — вздохнула она. — Прихожу домой, когда мой уже спать укладываются. Ильич даже пожурит за это иной раз. Попробую, но не обещаю...

Секретариат наконец опустел... Все разошлись по комнатам — кто сдавать в набор стенограммы, кто писать о значении закрывшегося в тот день съезда.

Утром, в полной тишине, когда никто не толпился в секретариате, Мария Ильинична готовила к набору заключительную речь Ленина. Как всегда, Саша читала вслух перепечатанную стенограмму, а Мария Ильинична следила по оригиналу, исправленному рукой Ленина.

Когда все страницы были сверены, Саша открыла форточку, в которой плотно, покойно, неподвижно лежал крошечный бочонок — нехитрая техника того трудного времени. Раскрыв донышко бочонка, девушка вложила в него свернутую трубочкой стенограмму речи Ленина, захопнула донышко и, включив маленький рубильник в простенке у окна, подтолкнула рукой деревянный, в обручах, бочонок. Он выскочил из своего оконного убежища и покатился по проводам (короткой троллейной сети), натянутым наклонно между высокими корпусами редакции и типографии. В этом воздушном миниатюрном троллейбусе путешествовали тогда между типографией и редакцией рукописи и гранки набора «Правды».

Высунувшись в форточку, Саша наблюдала плавное движение бочонка к цели. Когда он въехал в гостеприимно распахнутое типографское окно, девушка выключила рубильник и, потирая синеватые от холода, несмотря на весну, зябнувшие руки, побежала к печке-буржуйке с изогнутыми коленами труб, с которых свисали жестяные баночки.

— Ну, теперь не грех и чаю напиться! — Мария Ильинична посмотрела на свет, хорошо ли вымыты стаканы.

Саша достала из ящика своего стола кулечек с размороженной клюквой, насыпала в стаканы, залила кипятком, и обе женщины уселись друг против друга и, как всегда за утренним чаем, стали рассказывать — каждая свое.

На этот раз Мария Ильинична сообщила Саше, что в воскресенье она все же была в «Национале» на вечеринке с друзьями.

Саше, наблюдавшей жизнь секретаря «Правды» изо дня в день, такой случай показался невероятным. Она знала — время Марии Ильиничны заключено между квартирой Ленина в Кремле и секретариатом в «Правде». Два-три раза в году она посещает заседания съездов, конференций. Ездит Мария Ильинична также на все большие выступления Ленина. В театре она бывает редко, всегда с родными, иногда с правдистами. Но если ее заманят на пьесу, которая ей не понравилась, она долго журит виновного и притворно строго грозит пальцем:

— У-у-у! На какую чепуху повели! И не стыдно на это время тратить! Хохлики дурацкие! Ну, теперь с вами никуда никогда ни шагу!

И после такого случая всегда предупреждала Сашу:

— Деточка, вы уж лучше не ходите. Я смотрела эту чепуху с таким чувством, словно сама участвую в глупом деле.

Работа секретаря редакции начиналась ровно в полдень и длилась до глубокой ночи. Воскресные дни были посвящены дому, Ленину и еще письмам рабочих, которые Мария Ильинична забирала с собой, чтобы просмотреть их на досуге.

— Как же в воскресный вечер, когда Владимир Ильич дома, вы отравились на вечеринку? — недоумевала Саша, разгрызая кусочек сахара, который ей настойчиво подсовывала Мария Ильинична.

— Отправилась, и все! — с неожиданно веселой запальчивостью сказала Мария Ильинична, раздавливая на дне стакана кроваво-красную кашницу. — А клюква откуда взялась?

— Выдают в Москве всем по пяти фунтов.

— Ну-у-у! А я не знала. А вот на вечеринке Костя угощал... — Мария Ильинична закатила вверх глаза, помотала восторженно головой.

— Тоже клюквой?..— спросила, смеясь, Саша.

— Как же! — Мария Ильинична фыркнула. — Оладушками! — И, сложив пальцы, показала: — Вот такими крошечными. Сам жарил и подавал.

— Неужто? — удивилась Саша.

— Разумеется! Он и в ссылке все сам делал — и охотился и готовил все, что с охоты принесет!

— Ну, а что было на вечеринке? — любопытствовала Саша.

— Было тесно, вот что было, — рассмеялась Мария Ильинична. — Стульев не хватило. Семинарист все песни перепел — был в ударе. А Коста на гитаре играл. Даже исполнили «Спускается солнце за степи».

Саша знала, что это была любимая песня Ильича, и понимала, что ее спели для Марии Ильиничны.

— Ох, совсем было забыла! — Саша отставила стакан, на дне которого встревожились красные шарики, зашпешила к вешалке, достала из кармана пальто сложенный листок бумаги и протянула его Марии Ильиничне: — Смотрите, какие частушки записала о Ленине.

Частушек было с десяток. Мария Ильинична замахала руками, стала качать головой.

— Чего только не насочиняют!

Уже на ходу закончила она рассказ о вечеринке:

— Вернулась домой — мои спать ложатся. Рассказываю, как время провела, а Ильич говорит: «Вот видишь, Наденька, мы с тобой уже старики, нас на вечеринки не зовут». Потом поглядел на меня и скомандовал: «Молодежь, спать!»

Саша уткнулась в стакан, чтобы не выдать смеха: Марии Ильиничне, которой Ильич скомандовал «Спать!», шел сорок третий год.

Между тем чаепитие кончилось и работа в секретариате возобновилась. Папки заняли место чайных стаканов. Почта уже горой громоздилась на столе перед Сашей. Но сама Саша все еще находилась во власти рассказа о вечеринке старых большевиков и старых друзей.

Только три года назад вышли они из подполья. Как и прежде, называли они друг друга по имени либо кличке, называли уменьшительно-ласково. Между тем их фамилии были уже известны стране, народу. Стоя в первых шеренгах партии, они штурмовали и свергли старый мир. Почти три года вели они отчаянную борьбу за жизнь нового, небывалого никогда на земле пролетарского государства. В эту, третью весну революции ощутили они передышку. И тотчас потянулись друг к другу старые друзья. Атмосфера отошедших уже в историю дореволюционных лет в эмиграции и ссылке вдруг возродилась во всей своей романтической силе в маленьком номере гостиницы «Националь», ставшей Домом Советов.

Юное воображение Саши живо перекинуло мост от Первого Дома Советов к отрогам Уральского хребта, к берегам Женевского озера — к далеким краям, где жили прежде товарищи, занятые теперь кто военным делом, кто партийной пропагандой, кто государственным хозяйством.

Слушая их рассказы о прошлом, Саша всегда испытывала чувство обиды за свою юность — она казалась ей обедненной. Ведь она не успела разделить со старшим поколением опасности подполья, тяжесть борьбы с самодержавием, суровую романтику ссылки жизни... Было обидно даже за то, что не довелось ей вместе с теми пять шемящие сердце, любимые Ильичем песни о колодниках, взметающих дорожную пыль на сибирских этапах...

Героическое прошлое партии, самоотверженная жизнь окружавших ее людей, их дела были озарены в глазах Саши таким ярким ореолом, что в его свете, казалось девушке, бледнеют даже годы, в которые она живет. Значение этих великих лет, первых лет революции, гражданской войны, прорезалось в ее сознании позже.

Давно известно — большое видится на расстоянии.

2. Юбиляр

Третья весна революции совпала с пятьдесят первой весной в жизни Ленина.

К тому времени Московская организация уже насчитывала тридцать пять тысяч большевиков. Они вступали в партию на линии огня — в подполье, в дни тысяча девятьсот пятого, в годы реакции, в канун Октябрьского штурма, в самые опасные для жизни пролетарской республики месяцы.

В партийной организации столицы состояли и старцы, убеленные сединами, и юнцы, бросившие школьную скамью, чтобы встать в ряды борцов за Советскую власть. В ней состояли теоретики коммунизма и трудовой, забытый прежде люд, усваивавший азы коммунизма одновременно с азбукой русского языка...

К Московской организации принадлежал Ленин.

Вечер его пятидесятилетия товарищи стремились провести с ним. Думали устроить встречу в Доме печати. То был самый излюбленный и посещаемый в те годы общественный клуб. Но так много товарищей рвалось туда... А зал был невелик...

Решено было перенести чествование в помещение Московского Комитета. Вдруг вся затея наткнулась на одно немаловажное препятствие — юбиляр категорически отказался приехать на свой юбилей.

— Володя ни в какую! — сообщила по телефону старшей сестре Мария Ильинична. — Да, Анечка, ни в какую! Говорит, его уже потчевали на съезде демьяновой ухой славословий. Сыт по горло!

Услышав этот разговор с Анной Ильиничной, сотрудники и редакторы зашептались: «Ну, раз Владимир Ильич ни в какую, юбилею Ленина не быть!»

Между тем в Москве стихийно то и дело возникали вечера, связанные с пятидесятилетием Ленина. Проходили они, правда, без его участия.

Так, в предвоскресный день 17 апреля Дорполит и партийный подрайон Виндавской дороги устроили неожиданно «Суд над Лениным». Это была своеобразная театрализованная политбеседа. В ту пору «суды» были очень популярной формой политической работы среди масс.

Инициаторы рассуждали: «Ведь капиталистический мир осуждает Ленина за то, что он сверг буржуазию и помещиков, уничтожил собственность, призывает к мировой революции. Вот уже третий год стоит Ленин у власти. Давайте судить его дела».

Идея понравилась всем. На «суд» прибыли рабочие со всей Виндавской дороги. Свидетелями обвинения выступали буржуй, кулак, рабочий-лодырь, дезертир, меньшевик. Свидетелями защиты были русский рабочий, германский пролетарий, раненый солдат империалистической войны, женщина-труженица, бедняк... «Прокурор» обвинял Ленина от имени русской и мировой буржуазии. «Защитником» выступал коммунист, хорошо знакомый с программой партии.

«Суд» из рабочих и крестьян, выслушав свидетелей и прения сторон, удалился на совещание и после перерыва вынес Ленину оправдательный приговор.

Отчет об этом «суде» прислали в «Правду» и просили напечатать.

— Непременно напечатаем, — говорила Мария Ильинична, читая заметку. — И домой возьму, Ильичу покажу...

Вечером Мария Ильинична вернула Саше корреспонденцию:

— Сдавайте в набор. Владимир Ильич прочитал с удовольствием и говорит — доволен...

— Приговором?.. — Саша исподтишка смотрела на Марию Ильиничну.

— ...Что без него юбилей справили, что его не приглашали на «суд»...

— А в МК Владимир Ильич приедет все же или нет? — интересовались сотрудники.

— Сомнительно, — качала головой Мария Ильинична, — судя по его решительному «антиюбилейному» настроению...

— Ну, придется объявить «Неделю уговаривания Ильича», — острили в редакции.

— Киш! Киш! — Мария Ильинична взмахивала руками и гнала остряков из секретариата.

— Все же Владимир Ильич должен понять товарищей. Жить с ним в одном городе и не повидать его в такой день... — сказала Саша, когда секретариат опустел. — Вы сами как считаете, а, Мария Ильинична?

— Пошла тянуть из меня душу.

— Мария Ильинична, я серьезно спрашиваю. Сейчас у всех такое хорошее настроение...

— Ну, деточка, я понимаю. Но знаете, Ильич совершенно не выносит ничего такого... — Мария Ильинична пошевелила кончиками пальцев, собранных шепоткой, словно ощупала что-то неприятное, поморщилась. — ...Ему не по нутру всякие там чествования, торжества. Он на них скучает. И товарищам надо с этим считаться. Зачем насиловать человека?

— А Владимир Ильич иногда скучает? — удивилась Саша.

— Вообще-то ему некогда скучать, — снисходительно разъяснил секретарь «Правды», улыбнувшись наивности своей молодой помощницы. — Но всякие там разговоры «ни для чего», как говорит Ильич, «никчемушные», «о сем да о том» ему смертельно скучны, неинтересны. Владимир Ильич разговаривает о том, что относится к делу, к работе. Его интересует все новое, он любит, когда ему рассказывают о том, чего он не знает...

И, отвернув голову к окну, уставившись по привычке в какую-то ей одной видимую точку, может быть вовсе и не существовавшую, Мария Ильинична как-то глухо, словно погрузившись в глубь времен, произнесла:

— Это было всегда... И дома братья не любили бестолочи, болтовни.

Саша замерла. Уже второй раз Мария Ильинична упомянула в разговоре с нею братьев. И каждый раз у девушки обрывалось дыхание. Казалось, нельзя, невозможно касаться этого. Братья. Александр и Владимир.

А Мария Ильинична уже вышла между тем из своего сосредоточенного состояния, когда она вела разговор как бы сама с собой, ни к кому конкретно не обращаясь. Она снова повернула к своей собеседнице лицо. Вытянув шею, потеряв кончик носа, Мария Ильинична прошептала:

— Ильич даже любит повторять: «Болтать неохота. Лучше я на охоту!..»

Сокрушенная таким открытием, Саша тут же откровенно призналась:

— А я, Мария Ильинична, люблю вот просто так разговаривать. Ведь все так интересно...

Мария Ильинична задумчиво улыбнулась.

— Конечно, интересно... — и после паузы добавила: — Вот с Горьким Ильич никогда не скучает. Когда он с Алексей Максимычем беседует, ему времени никогда не жаль.

— Ленин и Горький! Подумать только! — по-детски наивно, мечтательно произнесла, словно вздохнула, Саша. — Боже мой, как бы мне хотелось хоть раз услышать, о чем они между собой разговаривают! Наверно, все о литературе?..

— И о литературе, — согласилась Мария Ильинична. — Но не только.

— Вот бы записать все их разговоры! А, Мария Ильинична? Все, все записать!

— Ну, еще чего придумала! — Мария Ильинична усмехнулась. — Мы дома всегда стараемся оставить их одних, чтобы вволю наговорились.

Зачем им мешать! Горький всегда много всякого рассказывает — кто там за границей как живет, чем тут у нас ученые занимаются. Он еще только входит в дом, еще пальто, можно сказать, снимает, а Ильич уже устремляется к нему навстречу, усаживает и весело так спрашивает: «Ну, Алексей Максимович, что говорят о нас свергнутые классы?»

— А Горький?

— А Горький усмехается: «Сейчас доложу, Владимир Ильич!»

— Ха-ха-ха! — залилась Саша частым, дробным смехом.

— Ну, пошла смеяться, как на швейной машине стучит! — спохватилась Мария Ильинична. — Заговорила меня тут, тянет...

Она оставила на окно пустой стакан и положила перед собой папку с заметками рабочих корреспондентов. Ими она готова была заниматься дено и ношно. Мария Ильинична стала читать поступивший в отдел «Рабочая жизнь» материал, но выражение нежности и любви к тому, о ком она только что говорила, не сходило с ее обычно сухого, несколько всегда настороженного лица.

Вскрывая на следующий день утреннюю почту, Саша обнаружила в большом белом конверте со штампом МК тугую пачку билетов. Московский Комитет партии приглашал на вечер, посвященный пятидесятилетию Владимира Ленина.

— Мария Ильинична! — вскричала Саша. — Значит, состоится! А вы говорили Анне Ильиничне, что Ильич ни в какую? Ведь вот! Прислали!..

Сестра Ленина взяла в руки пачку, повертела в руках, помолчала, пожевала губами, посмотрела по привычке в окно, где сквозь мутное, еще с осени не мытое стекло ей одной виделась какая-то никому не известная точка, и, упершись подбородком в подставленный кулачок, сидела с минуту неподвижно, что-то соображая, прикидывая в голове.

— Может, согласился наконец? — произнесла она нерешительно, как бы размышляя сама с собой.

Мария Ильинична пересчитала билеты, записала в своем настольном, на деревянной подставке, календарике несколько фамилий сотрудников редакции, а один билет протянула Саше.

К четырем часам Мария Ильинична, как всегда, отправилась в старом тарантасообразном автомобиле в Кремль обедать. Но против обыкновения она почему-то на этот раз долго не возвращалась. Сидя в секретариате в полном одиночестве, Саша так и не могла решить: идти на вечер в МК или нет? Будет там Ленин?

Мария Ильинична вернулась в час, уже приближавшийся к началу вечера. Она заметила растерянно вопрошающие глаза помощницы и, ничего не говоря, стала подталкивать Сашу к выходу. Этот безмолвно обнадеживающий жест означал: «Иди!»

Не задавая ни единого вопроса, уже научившись понимать Марию Ильиничну по одному выражению ее живых, горячих глаз, Саша единым рывком сорвала с вешалки пальто и шапочку, помахала на прощание обеими руками, выскочила из кабинета и с ощущением великого счастья в сердце пронеслась на своих быстрых ногах по коридору, вниз по лестнице, по узкому, длинному, забитому телегами и грузовиками типографскому двору и, очутившись за воротами, побежала по улице, разбрызгивая каблукками весеннюю воду, заливавшую разбитые тротуары старой, узкой, изогнутой, тесно уставленной двухэтажными домишками, увешанной старыми, ржавыми, хлопающими на ветру железными вывесками Тверской.

Добежав до аптеки, над которой помещалась заветная Первая студия Художественного театра, девушка вдруг остановилась. В зеленом свете огромного стеклянного шара, наполненного яркой жидкостью, Саша увидела свое странно расплывшееся отражение и вспомнила, что не пере-

оделась. Но, опасалась Саша, пока добежишь домой, можно опоздать к началу. А вдруг Ленин уже там?

Девушка решительно запахнула пальто, спрыгнула с тротуара и стала поспешно пересекать наискось Советскую площадь.

Прямо перед нею, прислонясь спиной к высокому обелиску Конституции, стояла женщина в свободной античной тунике со множеством складок и в фригийской шапочке. Женщина — образ Революции. Она простирала руку к венецианским окнам Московского Совета, ярко освещенным в этот час изнутри огнями хрустальных люстр. В их свете видны были изящные очертания каменной женской руки с тонкими изгибами каменных пальцев. Внизу, у цоколя, в трех бронзовых полукружиях, соотвествовавших трем граниям обелиска, были начертаны статьи Советской Конституции. Сейчас, в сумерках надвигающегося апрельского вечера, уже нельзя было различить ряды строк. Но днем здесь всегда толпился народ — все больше приезжие — и внимательно вчитывался в бронзовые строки слов, знаменовавших возникновение на русской земле новых законов человеческих отношений.

Обелиск, сооруженный ко второй годовщине революции, был одним из памятников монументальной пропаганды, которую горячо проповедовал Ленин. Он сам выступал вот с того маленького балкончика над подножием обелиска...

Саша помнила тот летний воскресный день, когда разрезали ленточку и упало покрывало, скрывавшее фигуру женщины. Старый Сидович со вздыбленными сединами, сверкая синими стеклами очков, говорил с балкона, ударяя по парапету в такт рукой:

— Вот этот камень мы заложили в увековечение нашей Конституции, Основного Закона рабочего государства. «Кто не работает, да не ест»...

Уже давно Саша воспринимала здания и улицы Москвы как бы двойным зрением того, что здесь было раньше, до революции, и теперь. Все в этом городе менялось на ее памяти и глазах. Как в фильме, когда одна съемка накладывается на другую и сквозь верхний снимок проступают штрихи нижнего, так сквозь новое, порождаемое революцией, видела Саша одновременно и то старое, что революция бурно вытесняла из домов и улиц Москвы.

Здание Московского Совета, восхищавшее своими пропорциями, соотношением окон и простенков, гармоничным чередованием красного и белого цвета, девушка воспринимала сразу и как дом бывшего генерал-губернатора Москвы на Скобелевской площади и одновременно как то историческое здание, где в семнадцатом году находился штаб восстания, Военно-революционный комитет, руководивший Октябрьскими боями в Москве.

Обелиск на Советской площади постоянно напоминал Саше о той конной статуе (генерал Скобелев верхом на коне угрожает саблей), которая стояла на этом месте.

После Октября чугунного генерала свалили вместе с конем. Он долго лежал в соседнем дворе и угрожал небу саблей, пока его не отправили в печь на переплавку.

В сознании Саши вся старая Москва шла на переплавку в плавильные печи революции.

Миновав обелиск, Саша стала поспешно спускаться Столешниковым переулком мимо арки пожарной каланчи, звонко отстукивая каблучками высоких ботинок drobный шаг, гулко отдававшийся на старых каменных плитах наклонного тротуара.

За поворотом, на траверзе Московского Совета, расположился роскошный особняк с узорной чугунной оградой. Прежде в этом особняке помещался знаменитый в Москве литературно-художественный кружок. По

вечерам там спорили теософы, выступали поэты, артисты. До рассвета длилась картежная игра...

После взрыва бомбы в Леонтьевском переулке прошедшей осенью Московский Комитет партии перебрался сюда.

Теперь, апрельским вечером, в этот дом тянулись непрерывной цепочкой большевики Москвы.

Зал, узковатый, длинный, со светлыми дубовыми откидными креслами, уже знакомый Саше (здесь часто собирались агитаторы и пропагандисты), был заполнен до отказа и черен от людей. А народ все прибывал.

Саша уселась на краешек приставного стула, который уступил ей Матвей, рабочий-швейник, знакомый по городскому райкому партии.

— Садись, садись! — уговаривал он, поворачивая к девушке свое квадратное, словно в камне вытесанное лицо с глубокими впадинами, в которых сидели большие тяжелые глаза. — Садись, больше мест нет!

Саша, чувствуя себя смущенной и одновременно счастливой оттого, что очутилась так близко от сцены, закивала благодарно головой. Прислонясь к стене, она стала внимательно наблюдать за тем, что происходит в зале.

Ленина не видно было ни в рядах, ни у трибуны. Уже объявили вечер открытым. Уже произносили речи ораторы — известные деятели партии. Но того, о ком они говорили, ради которого все пришли в этот зал, не было...

«Что же это Мария Ильинична? — расстроилась Саша. — Неужто подшутила надо мной?..»

На сцену вышел Горький. Длинная худощавая фигура слегка горбилась, ежилась, словно ему было зябко. Голова, совершенно остриженная, под машинку, наклонена вниз, в сторону. Топорщатся моржовые усы. По-прежнему глядя не прямо перед собой, не в зал, а куда-то вниз, в сторону, где кусочек паркета свободен от людей, он заговорил, выкидывая вперед крепкие костистые руки с длинными, вытянутыми, прямыми пальцами:

— Есть люди, о которых говорить трудно, значение их как-то не охватишь одним словом. Они, как бы это сказать, играют гигантским таким рычагом, поворачивают историю. В свою сторону.

Горький обернулся и поглядел через плечо назад, словно опасался, не сидит ли там, позади него, тот, о ком трудно говорить и который в свою сторону поворачивает рычагом историю.

— Я, как это принято говорить, художник слова, сознаюсь, не найду слов изобразить его фигуру, — продолжал Горький медленно, словно ища и с трудом находя нужные слова. — ...Ленин — это что-то такое, вот, огромное, земное... — При этом руки говорящего, сильно развитые рабочие руки с вытянутыми пальцами, двигались по кругу, как бы пытаясь очертить, охватить единым жестом то огромное, коренастое, что вмещает в себе понятие — Ленин.

И вдруг, когда все следили за медленным течением писательской речи, за движениями его руки, Горький поднял стремительно голову, обратил прямо к залу просветлевшее лицо, и словно его осенило чем-то, резко, как проводят резцом, выписал деталь земного, обыкновенного, простого в том великом человеке, который был ему другом.

— В Лондоне, когда съезд партии был, приехал в номер ко мне, простыни щупал — не сырые ли... Город Лондон — туманный. Так вот, беспокоился, чтобы не расхворался я. Вот какого Ленина я знаю! Совершенно неожиданного!

Зал наблюдал эту лепку ленинского образа. По рядам проходил то трепет, то изумление.

— А когда Владимир Ленин был у меня на Капри, — все дальше уходил в воспоминания Горький, — то рыбу удил с пальца и так, бывало,

хохочет, как только он один и умеет! Ну, и когда в «тетку» играл — это в карты, — хохотал... Так хохотал...

Все пришло в движение, словно в зал долетели брызги ленинского смеха. Долго не унимались в рядах всплески рук. А Горький между тем, возвращаясь из той заграничной дали, куда его увели воспоминания, подался вперед всей своей длинной фигурой и, вытянув свою стриженую голову, сидевшую на очень худой шее, сообщил доверительно, словно делал важное признание собравшимся большевикам:

— Он, знаете, занят теперь планетарной работой, и мне, уверяю вас, того, жутковато с ним рядом...

Горький снова обернулся и поглядел из-за плеча — нет ли там того, с кем жутковато рядом.

И юная Саша ощутила в своем сердце веселую жуть от сознания своего счастья — жить в такое время, когда живет на земле этот человек. Жить и тоже, насколько есть сил, стараться помогать его делу...

А Ленина в зале не было. Он сидел у себя в кабинете, в Кремле, и не слышал горьковских слов о простом, милом, душевном, смеющемся великолепном смехом русском человеке, который столь велик умом, планетарными делами, что даже такому писателю жутковато с ним...

Затем поднимались на помост пролетарские поэты и читали стихи о юбиляре.

— А юбиляра-то нашего и нет! — сказал Матвей.

Как нежный колокольчик, прозвонил Александровский — худощавый, низкорослый, добрый тонколицый парень:

Потомки не забудут звон
Стального имени наркома!

Невысокий, оплывший лицом, телом, в мягкой, с отложным воротничком, сорочке, подпоясанной алым шнурочком крученого шелка, вышел на помост старичок. Из серебряной рамки совершенно серебряных волос и бороды глядело розовое детское лицо с голубоватыми глазами, излучавшими, несмотря на глубокую старость, ясность, свет. Старый правдист, критик, известный в партийной литературе под псевдонимом «Галерка», неожиданно обратился с приветствием к женщине, незаметно, скромно сидевшей в этот вечер в зале. Все вскакивали со своих мест, подавались куда-то в сторону, хлопали, восклицали. Овации относились к спутнице ленинской жизни.

Нарядная против обыкновения, причесанная ради такого вечера очень тщательно, на прямой пробор, так, что волосы лежали в полном порядке и ни одна прядь не выбилась, Надежда Константиновна прятала застенчиво свое лицо, словно защищалась не то от яркого света ламп, не то от ударов хлопающих рук.

Смушенная неожиданными для нее овациями, она недовольно бормотала сквозь счастливую улыбку, плывшую по ее милому лицу, с такими добрыми мягкими припухлостями вокруг выпуклых глаз:

— Ну, уж я тут при чем?.. Уж меня-то хоть не трогайте!

Надежда Константиновна все еще отстранялась от тянувшихся к ней рук, когда огласили телеграмму:

— «Реввоенсовет Туркестанского фронта посылает в распоряжение В. И. Ленина по случаю дня его рождения двадцать вагонов хлеба. Халатов».

Тут же сообщили распоряжение Ленина о том, чтобы распределить присланный хлеб между детьми Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и торфяниками.

А самого Ленина все не было.

Объявили перерыв. Всех пригласили в буфет. Там, на длинных плоских блюдах с мелким синим «английским» узором, горкой возвышались бутерброды с кавказским овечьим сыром, украинским салом и астраханским белорыбьим балыком — все, что фронты-победители прислали голодной пролетарской столице.

В толстых стаканах с грубыми гранями зеленого стекла дымился настоящий чай. Его пили с ядовито-яркими, прозрачными леденцами.

— А мы чего это в стороне стоим, ничего не жуем? — заметил Саше Матвей и показал на свой бутерброд.

— МК ради такого случая угощает товарищей.

— Не только МК — и Кремль кое-что Москве подкинул, — обронил на ходу, сияя широкой улыбкой, добродушный рыжий великан.

— Начались прения сторон, спор славян между собой. — Локтями прокладывая себе дорогу, в круг спорящих вошел, держась рукой за шнур с кистями, подпоясавший вышитую крестом сорочку, высокий тонкий человек, которого торчком стоящий ежик волос и неожиданный на мужском лице нежный подбородок с ямочкой делали еще тоньше. Оглядывая Сашу своим деланно-насмешливым взглядом, он добродушно пробурчал: — А Саша слушает и не ест. Оттого так худ.

Он разломил надвое свой ломоть хлеба и сунул кусок Саше в рот.

— Чудеса! — развел мягкими белыми руками рыжий великан. — Глаз-топ снабжает московское население не только дровами, но и хлебом!

Привлеченный шумом, в круг вошел еще один человек — грузный, огромный, лицом схожий с Мусоргским, известный Москве Обух. Озирая с высоты своего могучего роста собравшихся, глава Московского здравоотдела, личный друг юбиляра, раздвинул широким жестом заросли своей густой вьющейся бороды, отправил в рот кусочек хлеба с сухим овечьим сыром, пососал золотистый леденец, отпил глоток чая и, подняв, как драгоценную винную чашу, грубо граненный, зеленоватый, пузырчатого стекла стакан, продекламировал:

И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

Все захотали, и пуще всех задышался в смехе могучий Обух.

— А Ильич все еще упрямится! — то и дело поступали в буфет результаты переговоров, которые вели с Лениным по телефону.

— Не верит нам старик, что речи кончились...

— Надежда Константиновна пошла звонить Ильичу...

— Ну, ей Ильич поверит...

Перерыв затягивался. Вдруг все зашумели, заволновались, затолклись на месте. Потом, словно вихрь смел людей, опустел буфет, коридор. В зале, сдвигая и вновь раздвигая кресла, расстраивая ряды и вновь восстанавливая их строй, спешно, кое-как рассаживались, неистово хлопая сиденьями. Саша очутилась далеко от трибуны, где-то в глубине зала. Приподнявшись со своего места, она увидела, как стоявшая в дверях толпа вдруг замерла, осталась на месте и никуда не двигалась.

На трибуне стоял Ленин.

— Приехал! Приехал! — волновался зал.

Как летний дождь, сильный и мгновенный, про шумит, ударяя листву, так пронесли по рядам шумные удары ладоней и вмиг стихли.

В наступившей тишине Саше казалось, что она слышит стук своего сердца и всех, кто рядом с нею.

Когда возбуждение улеглось, в дальних креслах расслышали голос Ленина. Он благодарил за приветствия, которые ему прислали сегодня. И Саша ощутила радость оттого, что в этот день на страницах «Правды»

Ильича приветствовали не только Коминтерн и Сокольнический Совет, где Ленин был депутатом, но приветствовал и отдел «Рабочей жизни».

Ленин благодарил товарищей еще и за то, что они избавили его от обязанности выслушивать такую излишнюю вещь, как юбилейные речи...

Дальше все потонуло в смехе, криках, аплодисментах, овациях. Ленин пытался оборвать их рассекающим воздух жестом. Это лишь усилило взрыв. Ленина это не смутило — он продолжал говорить. Но и зал продолжал свое — все стоя аплодировали. Началось своеобразное единоборство между Лениным и собравшимися. Кто кого... Никто не уступал!

— Создадим более подходящий способ для юбилея... — достигали слуха Саши отдельные фразы ленинской речи, прорывавшиеся сквозь овационную блокаду.

— ...Вот одна из таких карикатур, нарисованная выдающимся художником и посвященная подобному юбилею! — Подступив к самому краю эстрады, подавшись вперед своим коренастым, но гибким телом, Ленин поднял над головой рисунок и оглядел зал с лукаво-победным видом. Победил он — зал насторожился и больше не мешал ему говорить.

Теперь люди вскакивали, чтобы увидеть карикатуру на юбилей, которую сам юбиляр демонстрировал в вечер собственного юбилея. Хохот катился от помоста к рядам.

Но Саше ничего не удалось разглядеть из своей дали. Она видела лишь — Ленин уже вырывается из тесного плена пиджака, он уже зацепился большим пальцем за пройму жилета и шагает вдоль края эстрады, козыряя карикатурой.

— Я ее получил сегодня вместе с чрезвычайно дружеским письмом, — продолжал Ленин сквозь шум и смех зала, — и так как товарищи были настолько любезны, что они от юбилейных речей избавили меня, я передаю эту карикатуру на рассмотрение всех, с тем чтобы избавили нас впредь вообще от подобных юбилейных празднеств!

Ленин снова выбросил вверх руку с рисунком. Роняя пенсне, Луначарский схватил карикатуру. А Ленин упорно продолжал свою линию поведения на юбилейном торжестве: журил товарищей по партии, вышучивал страсть к юбилеям, разносил славословия и здравицы.

В ответ зал ликовал — кричали, хлопали, смеялись. Казалось, радость в том, чтобы вот так, вздыбленными рядами, смотреть на Ленина в вечер его пятьдесят первой весны, когда уже окрепла республика и собирается в новый долгий путь...

Вдруг Ленин сунул руку в карман, развернул бумажку и несколько неожиданно заговорил о зазнайстве, низвергая ливень предупреждений на разгоряченные победами головы:

— Наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение — именно в положение человека, который зазнался. Это — положение довольно глупое, позорное и смешное...

Теперь ряды уже не дыбились, они осели.

— Вот так юбилейная речь!

— Прочесал Ильич мозги!

— Да, всем прочесал!

Затем на помост взошли музыканты. Неся впереди себя инструменты, направлялись они к центру эстрады. Маленький толстый скрипач, спеша за худым, тощим, высоким пианистом, задел Ленина смычком и, мило улыбаясь, стал извиняться. Ленин отходил в сторону, уступая место музыкантам.

Концерт начался. Ленин сел влево от музыкантов. Рядом с ним сидел известный пианист Добровейн. Откинувшись на спинку стула, сложив руки на груди, слушал Ленин, как знаменитое в то время трио — Шор, Пинке и Крейн — исполняло Чайковского. Ленин сидел вполборота к залу, чуть наклоняясь к печально-вдохновенному лицу Добровейна. Време-

нами Ленин ронял неслышимое слово, и музыкант отвечал ему. Глаза Ленина были задумчиво-сосредоточенными, словно он обдумывал какую-то мысль. Потом они стали напряженными — казалось, Ленин вслушивается во что-то, пытается разобрать невнятное, расслышать неслышимое в разговоре смычков и клавишей. Вот Ленин разнял обе руки и закинул, словно уронил от усталости, одну руку за спинку стула. Лицо его постепенно становилось спокойным, черты теряли твердость. Смягчались, расслаблялись складки, и, казалось Саше, легкое дуновение чего-то беспредельно нежного ласкает его лицо, глаза. Звуки ли Чайковского? Свое ли воспоминание?

Ленин все больше откидывал назад голову. Галстук в горошину чуть сбился в сторону, и один его конец лег поверх пиджака. Губы чуть шевелились...

Так, сидя вполборота к залу, рядом с любимым пианистом, слушал Ленин сначала трио, затем квартет имени Страдивариуса. Так, вероятно, слушал он музыку всегда — в детстве, дома, когда играла мать; в Казани и Петербурге, когда посещал оперу; в эмиграции, когда за роялем сидели товарищи по партии — Инесса, Фотиева; на Капри — песни итальянских рыбаков; в Париже — народных певцов...

Отзвучали скрипки Страдивариуса.

Добровейн поднялся со своего стула и направился к роялю.

Под белыми, вдруг взмывавшими, как птицы в полете, руками пианиста зазвучал Бетховен. А из узкого длинного зала товарищи смотрели, как слушает захватившую его «Патетическую сонату» Ленин.

Так в Москве, в третью весну революции, отметили пятьдесят лет жизни Ленина.

Стоял весенний вечер. Уже направляясь к выходу, прощаясь с товарищами, провожавшими его, Ленин на ходу повторял:

— Прелестная, прелестная музыка. Не знаю, как речи, — не слышал. Но музыка прелестна. Спасибо, товарищи! Отличные музыканты. А Добровейн лучше всех! Не Добровейн, а Отличноевейн, Прелестноевейн! Чудесно-чудесноевейн!

Машина выехала за чугуны, с узором, ворота и повернула направо.

Апрель был на исходе. А в мае уже наступал Пилсудский, и республика вновь отбивала очередной поход Антанты.

НАЧАЛО

— Вот, дайте им это, когда приедут. — Мария Ильинична протянула Саше вырванный из блокнота лист с зубчатым краем. Губы ее при этом вытянулись, потом сжались и снова вытянулись, отчего на лице проступило выражение обиды. — Приедут, наверно, после четырех, меня уже не будет, так что вы сами и отдайте.

Мария Ильинична закрыла блокнот, из которого вырвала исписанный листок, оглядела озабоченно свой большой письменный стол (ничего не позабыла, все сделала?) и, словно убедившись, что все в порядке, что делать больше за этим столом сейчас нечего, постучала сложенными пальцами по краю стола. — Ну вот, а в понедельник я не приду. Вот так, Сашура. Так что управляйтесь тут без меня...

И Мария Ильинична оделась и пошла из кабинета уже не обычным, плывущим, а другим, спешащим шагом. Пошла, склонив голову набок, сумрачная, торопливая, с вытянутыми по-прежнему губами, отчего выражение обиды не сходило с ее лица.

Саша, все еще не выпускавшая листок из рук, стрельнула быстрыми глазами по строчкам заявления, затем прочитала его снова, и в третий

раз, словно пытаюсь отыскать в листке еще что-то, чего глаз, быть может, не заметил, упустил. Заявление было написано слегка наклонным почерком, местами чуть схожим с почерком Владимира Ильича. Но буквы были круглее, шире. И не было в почерке ленинской стремительности.

Короткое заявление тайло в себе тревогу. Перечитывая вновь и вновь бумагу, Саша словно искала какое-то ненаписанное, отсутствующее слово. Его не было ни в одной строке. Тревога, которую Саша ощутила, мелькала между строк — неровных, наклонных, съезжавших к концу...

Утром — это была суббота — Мария Ильинична приехала в редакцию необычно рано. Саша, появившаяся в секретариате около одиннадцати часов, удивилась, уже застав Марию Ильиничну на работе. Та озабоченно разбирала типографский «загон», едва кивнула вошедшей Саше, а протянутую руку пожала вяло, словно нехотя. Все это было странно и кольнуло Сашу злым предчувствием чего-то недоброго.

Обычно Мария Ильинична, встречаясь в редакции со своими «девочками», как называла она молодых сотрудниц, задерживала руку каждой в своей руке, поглаживала: «Ай, какие у нас холодные лапки!», «Какая худая ручка!», «Что-то мы сегодня бледные». Все это были молодые девушки, рано связавшие свою судьбу с революцией. Всех их Мария Ильинична называла ласковыми уменьшительными именами. «Крыловочка», Селимочка, Фирочка, Томочка, Наташенька, Лидушка, Татушка-хохотушка... Относилась к ним Мария Ильинична с необыкновенной нежностью и лаской, входила во все их заботы и даже была поверенной их юных тайн и сердечных дел...

Саша появилась в «Правде» раньше других. Она еще застала «Крыловочку», но та вскоре уехала на Урал, затем год спустя вернулась, но тоже ненадолго. У нее было меццо-сопрано. И она ушла в консерваторию. Однажды она пела в доме у Ильича.

Долгое время, в самый трудный год, Саша была единственной помощницей Марии Ильиничны. Позже она привела к Марии Ильиничне Томку и разделила с нею работу в секретариате. Томка работала по вечерам, а Саша стала посещать Московский университет, где занятия были вечерние.

Юношей, работавших в «Правде», Мария Ильинична тоже называла уменьшительными именами — Филиппка, Нюмка, Зуйка...

Все работавшие с Марией Ильиничной сотрудницы были старше Саши. Первые годы, пока Саша не стала вполне взрослой, Мария Ильинична называла ее чаще всего «Маленькой». Прослышав о какой-нибудь Сашиной оплошке, она грозила ей притворно пальцем и вздыхала: «Саша, Саша, как опасны ваши лета!»

Так, в атмосфере сердечности, дружбы, шуток, молодого задора, преданности любимому делу, полного равнодушия к лишениям, к трудностям быта, сопровождавшим первые годы революции, шла день за днем жизнь в редакции, которой заведовала нежно-суровая, ласково-строгая, пури-тански-жизнелюбивая, коммунистически самоотверженная «хозяйка редакции», Мария Ильинична, Маняша, как называл ее Владимир Ильич.

В это субботнее солнечное утро она была замкнута, озабочена, погружена не то в длинные гранки типографского набора, не то в самое себя. Саша молча села за стол, подняла бесшумно крышку и стала писать ответы авторам, чьи статьи обсуждались на редколлегии:

«Дорогой товарищ, редколлегия «Правды» просит вас сообщить, что тема вашей статьи неясна. Вопросы коммунистической морали, поставленные вами абстрактно, вне связи...»

Изредка Саша отрывалась от письма и смотрела вопрошающими глазами на Марию Ильиничну. Та продолжала читать и по-прежнему была безучастна ко всему.

Стрелка на круглых электрических часах уже подвинулась к половине двенадцатого, все чаще хлопала в коридоре дверь на лестницу. Сотрудники собирались на работу. Время шло, а Саша все еще не знала, почему так упорно молчит Мария Ильинична.

Обычно по утрам, пока Мария Ильинична усаживалась за стол, разбирала «загон», оставшийся с ночной верстки, раскладывала папки, она мимоходом, между прочим, рассказывала Саше о том, «что было дома». Рассказ начинала так, словно продолжала прерванную фразу:

— Ну, Надежда Константиновна, как позавтракала, так и собралась уходить; Владимир Ильич следует за нею и спрашивает: «Пальто?» Надя будто не слышит и вот так, бочком, бочком, незаметно, уже к двери пробралась. Ильич загородил дверь: «Где же твое пальто?» Она так умоляюще говорит: «Володечка, на работу опоздаю. Не до пальто сейчас...» А он показывает ей на часы: «Никуда не опоздаем. А без пальто ходить не полагается». Ищем пальто — нет его нигде. Никаноровна говорит: «Да она вчера вернулась без пальто». Ну, тут Ильич давай допрашивать Надю: «Так как? Оставила где-нибудь, забыла или отдала?». Ну, Надя сразу и созналась, что приходила к ней в Главполитпросвет учительница, приехала издалека, дорогой у той пальто украли, ехать ей обратно не в чем, вот и дала Надя свое пальто: «Ведь ей какую даль обратно ехать, пойми, Володечка». «Понял, понял! — засмеялся Владимир Ильич. — И Маняша все тоже поняла». А я уж достала жакетку и даю Наде — надевай хоть жакетку. А Надежда Константиновна так обрадовалась, что еще жакетка есть. Как ребенок!

Подобными рассказами Марии Ильиничны обычно начиналось утро в секретариате. Но сегодня, в это солнечное субботнее утро, Мария Ильинична ничего не рассказала о доме.

Саша уже закончила ответ автору и, подписав: «С ком. приветом. Пом. секретаря «Правды», — вложила письмо в конверт и взялась за следующее. В это время Мария Ильинична неожиданно прервала молчание. Подперев щеку рукой и смотря задумчиво в окно, она произнесла в пространство, ни к кому не обращаясь:

— Не один день, а два дня подряд советуют ему врачи отдыхать — воскресенье и понедельник. И в субботу чтоб уезжал пораньше, сразу после работы. Вот сегодня поедет в четыре часа и пробудет в Горках до вторника.

— Это хорошо, Мария Ильинична. Давно надо было так сделать, раз врачи велят...

— Придется и мне там побыть до вторника, — вздохнула Мария Ильинична.

«Так вот оно что! — поняла Саша. — Вот почему «хозяйка» приехала так рано и просматривает весь «загон» за неделю. Уедет сегодня до вторника и готовит на всякий случай резерв».

Уразумев это, Саша подошла к Марии Ильиничне, сгребла с ее стола весь «загон», перекинула его на свой стол.

— Не надо вам с ним возиться! Обойду сейчас все отделы и скажу, чтобы сегодня сдавали в набор на два дня. Попросим типографию все срочно набрать, составите сразу два номера.

Прежде чем Мария Ильинична дала свое согласие, Саша проворно побежала по длинному редакционному коридору мимо ряда дверей, струивших сквозь шершавые матовые стекла медовый свет. В то время в редакции были отделы: «Партийная жизнь», «Рабочая жизнь», «Профессиональное движение», «По России», «Хроника», «За границей» и «Литературный». Последним делом заведовал поэт, печатались в отделе только стихи и ответы авторам стихов.

То было начало, детство советской литературы. Как и полагается, оно начиналось с поэзии.

Сразу за большим редакторским кабинетом, еще пустым в этот ранний час, помещался в узкой длинной комнате отдел «Партийная жизнь». Заведующая отделом, женщина лет около сорока, была одета всегда в одно и то же темное длинное платье со стоячим воротничком. У нее были мягкие, миловидные черты лица, карие теплые глаза, смущенная улыбка. Она была сдержанной, мало разговорчивой, скромной, несмотря на свое положение, сотрудницей маленького, сплоченного, самоотверженного коллектива «Правды». Среди сотрудниц она была самой образованной марксисткой. Все в редакции относились к ней с большим уважением, хотя и прозвали «Сойкой».

Как и все сотрудники редакции, она голодала, работала в неотапливаемой комнате (печка-буржуйка была только в секретариате). Два-три в неделю, собрав изрядную долю своей заработной платы, она вместе с Сашей отправлялась в Леонтьевский переулок. Там, в мрачной квартире первого этажа, уставленной тяжелыми столами, бледная, отекающая, простоволосая, в оренбургской шали на плечах, Ольга Онуфриевна, вдова депутата Государственной думы, кормила московскую интеллигенцию обедами по баснословным ценам.

Около шести часов, когда Мария Ильинична возвращалась с обеда, редакторы, Сойка, Саша шли обедать. Они шагали мимо Страстного монастыря. Под розовой монастырской стеной старухи кормили крошками голубей.

Правдисты останавливались и наблюдали, как разгуливают по площади сизокрылые птицы. Сойка, в черном пальто с большим отложным котиковым воротничком, в шапочке, с муфтой, не вызывала в богомольных старухах никаких чувств. Но Саша в ее оленьей северной кухлянке с чукотским орнаментом, вышитым по подолу, на кумаче, вызывала в них ненависть. Эта яркая, как знамя, кайма приводила их в ярость:

— Ишь, поневу украсила! Чертов цвет! Иди, иди!

У розовой стены монастыря, за спиной старух, поднималась карта фронтов гражданской войны. На ней наглядно сражались две армии — Красная Армия революции с белой армией контрреволюции. Кольцо во круг Советской республики то сжималось, то расширялось, то рассекалось. Причудливая, гибкая, вечно подвижная линия красных флажков, воткнутых в черные кружочки городов, приковывала взгляды миллиона граждан, населявших советскую столицу. В глазах людей, читавших эту карту военной судьбы революции, мелькали то надежда, то страх, то отчаяние, то ликование, то печаль, то торжество. Карта была поднята высоко. Под нею старухи холили монастырских голубей и шипели, завидя красный цвет. Все противоречия той эпохи были обнажены.

Затем сотрудники «Правды» шагали по Тверской, мимо знаменитых некогда магазинов, булочных, кафе — теперь пустых, холодных, но еще сохранивших фамилии старых хозяев: Елисеева, Филиппова, Абрикосова. Оглядывая эту зарывшуюся в снежных сугробах узкую, кривую, с двухэтажными домишками улицу — центральную артерию столицы, — они формулировали «борьбу противоречий в пролетарской революции». Дойдя со своими спутницами до Леонтьевского переулка, где в угловом доме, у Малого Гнездииковского переулка, находилась спасительная столовая, редакторы обычно говорили:

— Ну, здесь простимся. Мы пойдем обедать в кремлевку, а вы сейчас будете вкушать пшенку вот в этой цитадели частного капитала и сим фактом подтвердите наличие еще одного противоречия в эпоху пролетарской диктатуры.

Так бывало обычно.

Но в это утро Саша поспешила в узкую комнату партотдела, чтобы рассказать Сойке: Мария Ильинична уезжает в Горки до вторника, материал придется сдать сразу на два номера.

— Так что об Ольге Онуфриевне сегодня забудем — некогда обедать, — заключила Саша.

Затем, пересекая коридор, она направилась в иностранный отдел. Низкорослая, растрепанная, усталая сотрудница, по прозвищу «Боярыня», казалось, потонула в ворохе иностранных газет. Она беспомощно развела руками.

— Саша, вы же знаете, телеграммы РОСТА поступают только вечером, а ноты Чичерин присылает только ночью...

Саша махнула рукой и побежала в конец коридора. Там «Рабочая жизнь». Там изъявили готовность сдать материал хоть на неделю.

— Вот хорошо-то! Старуха обрадуется! — воскликнула Саша. «Старухой» за глаза называли Марию Ильиничну — в той молодой редакции сорокатрехлетняя «хозяйка «Правды» была старше всех, старше редакторов и сотрудников.

В следующей, узкой комнате Саша задержалась недолго.

— Фира, сдавай «бескровный фронт» сразу на два дня, и немедленно.

Черноволосая, черноглазая, смуглая девушка только сверкнула в ответ синими белками — она уже знала, в чем дело.

Болезненный, наголо обритый, нервный, с вечно закушенной папиросой юноша заведовал очень интересным отделом «По России». У него наготове лежало всегда много отличных корреспонденций с мест, написанных талантливыми молодыми журналистами с острым глазом и литературным вкусом. Среди них были будущие литературные знаменитости — фельетонист, драматург, публицист... Все были молоды, веселы, жизнерадостны, остроумны, героичны и влюблены в «Правду», в ее атмосферу, в ее дух, стиль, товарищество. Едва Саша объявила, в чем дело, как в нее стали стрелять заметками «По России».

— Вот острая по теме! Вот блестящая по стилю! Еще! Динамический диалог!

Саша спаслась бегством. Под конец она заглянула в отдел поэзии. Им ведал автор книги «Эра славы». Рыжие волосы поэта доходили до плеч. Сквозь очень толстые стекла очков без оправы голубели близорукие глаза. Поэт носил длинную, до колен, толстовскую рубаху. На этот раз Саша не стала называть его ни Сирано де Бержераком, ни космическим поэтом, а только серьезно произнесла:

— Филиппка, весь набор сдать моментально.

Вернувшись в секретариат, Саша сообщила Марии Ильиничне, что к трем часам все будет готово, все, вплоть до «поэтического почтового ящика».

Мария Ильинична оживилась, стала звонить в типографию. Саша послала курьершу за вечерней машинисткой. Затем считывали статьи. В секретариате уже толпились сотрудники, что-то спрашивали, чего-то требовали. Мария Ильинична отвечала то извиняющимся, то недовольным, то мягким, то сухим голосом, просила зайти в другой раз...

Шел лихорадочный предвоскресный рабочий день. Редакционная машина была пущена на полный ход. Стрелка стенных часов двигалась толчками, отщелкивая минуты. Курьерша хлопала дверями и безостановочно носила в типографию набор.

В четыре часа в дверях появился Гиль. Завидя его, Мария Ильинична и передала Саше то самое заявление, которое было написано на листке из блокнота с зубчатым следом отрыва. Мария Ильинична просила у редколлегии разрешения впредь не бывать в редакции по понедельникам, так как врачи настаивают на том, чтобы Ленин проводил в Горках два дня подряд.

«Значит, она не только сегодня, а все время будет ездить, значит, это надолго, значит, это серьезно. Значит, опять мучат Ильича головные боли».

Беспечность слетела с Сашиного лица. Еще ничего нет. Беда еще не пришла. Но что-то постучалось в сердце. Что-то безотчетное, незримое. Саша сидела, уставившись в глянцеви́тый листок с зубчатым краем, смотрела на сбегающую вниз подпись — «М. Ил...» За этим застал ее похожий на Чехова редактор. Саша протянула ему заявление — и посмотрела на него молча, вопрошающе. Саша увидела: по лицу редактора тоже прошла тень тревоги.

Потом пришел другой редактор — грозный на словах, но добрейший в душе, — в сапогах, в синей косоворотке и пиджаке, давно не глаженном, с оттопыренными карманами. Остановившись у Сашиного стола, он прочитал заявление Марии Ильиничны. По его лицу прошла та же тень тревоги. Он снял пенсне, протер и молча ушел из секретариата.

Затем приехал еще один редактор — светлый лицом, волосами, улыбкой. Прочитав заявление, он заморгал голубыми глазами и сразу стал молчаливым, мрачным. Он унес заявление с собой в редакторский кабинет.

Вскоре Сашу вызвали туда и сообщили решение редколлегии — разрешить Марии Ильиничне в связи с переутомлением товарища Ленина не посещать по понедельникам редакцию.

Саша все записала в свою тетрадь. Все молчали. Еще никто не подозревал несчастья. Еще никто не признал: «Болен».

Это слово появится позже. Пока еще ничего не случилось. Нужен был только отдых — не один, а два дня в неделю. Но безотчетная тревога почему-то задела всех сидевших в этом просторном, двухоконном, солнечном кабинете.

— Что там у нас для номера? — прервал молчание один из редакторов. Голос был раздраженный.

Саша принесла папку статей для воскресного номера — они уже были набраны. И виноватым голосом, словно она была в чем-то повинна, сказала:

— Мы сегодня должны сдать и на вторник.

Заседание коллегии проходило без Марии Ильиничны. В кабинет были вызваны заведующие отделами. Так теперь будет всегда по субботам и по понедельникам — понимали все. Светловолосый, обычно приветливо улыбающийся редактор сидел, закрыв глаза. Тревога носилась по кабинету, бросая тени на лица...

В ЯНВАРСКУЮ НОЧЬ

Все было кончено. Ленин лежал в Колонном зале. Дни и ночи текла по московским улицам к Дому союзов река. Вдуваясь, как в паводок, река врывалась в подземды, поднималась вверх, заливала мраморные ступени белых лестниц, затопляла фойе и, докатившись до зала, устремлялась к гробу.

Гроб Ленина стоял, как утес, а вокруг него в траурных берегах знамен, скрывших белый мрамор колонн, текла, не прерываясь, черная вскрывшаяся река народного горя.

Сменяясь каждые пять минут, стояли неподвижно фигуры почетного караула. А между ними сидели две женщины — самые близкие, самые любимые, верные, преданные, неразлучные... Жена и сестра.

Они были при нем до конца.

Этих двух женщин страна знала по имени-отчеству. Их служение больному было подвигом столь безмерным, что врачи отметили его рядом с

описанием всех стадий роковой болезни, оборвавшей ленинскую жизнь. В волнуемом деталями бюллетене были строки о том, что занятия с Лениным до самого конца проводила Надежда Константиновна. Заботу о физическом благополучии взяла на себя Мария Ильинична.

Фамилий этих двух женщин официальный бюллетень не назвал. Это было не нужно. Народ знал, о ком шла речь. Народ их знал.

Всегда с Лениным, они неотлучно находились при нем и там, в белом загородном доме, куда его в последний раз — год назад — привезли из Кремля.

Когда это случилось, обе женщины покинули посты, на которые их поставила партия, оторвались от любимого дела, которому каждая из них служила всем сердцем, всем разумом, уехали из Москвы в Горки и долгие месяцы сидели у ленинского изголовья.

Надежда Константиновна занималась с Лениным, читала ему вслух. Мария Ильинична со связкой ключей в кармане носилась по дому, из угловой, где лежал Ленин, на кухню и каждую чашку бульона сама, своими руками, подносила больному.

Без слов, только по выражению ленинских глаз, угадывали эти женщины его желания. Изумляя врачей, читали они его мысли и молча, без слов, исполняли желания. Он болел долго. Их безмерное служение длилось долго, бессменно, до конца.

Зимним январским утром Ленина унесли навсегда из белого дома. По снежным дорожкам парка, усыпанным зелеными ветками хвои, прошли за ним, как всегда, две женщины — жена и сестра.

Затем в Москве, в белом зале, снова сидели они дни и ночи у его изголовья. Черная река народного горя обтекала гроб с двух сторон, омывала ступени, подножие. Женщины сидели молча, бессменно, неподвижно.

О чем они думали?

В первую же ночь людской поток Москвы помчал к Дому союзов и Сашу. Ее прибило на миг к гробу и понесло дальше, за красный барьер, мимо шпалер часовых, в те широкие фойе, где два человеческих потока, обтекавших гроб, распадались на множество русел, ручейков, струй и стекали по черным лестницам вниз, во дворы и улицы траурной Москвы.

Но Саша никуда не ушла. За барьером ее задержали. Кто-то настиг девушку, придержал за локоть: «Сюда, пожалуйста, на минуту!» — и вывел из колонны. Затем под лестницей, ведущей на хоры, открылась дверца, и Саша очутилась в маленькой комнатушке. Койка с несмятой подушкой. Плед на диванчике. А на столике знакомое — женская шерстяная шапочка. Серая с алым доньшком. Шапочка Мария Ильиничны. Та самая, которую подарил Малышев Сергей Васильевич, старый правдист, человек с добрыми голубыми глазами и длинной благообразной каштановой бородой. После революции старый приказчик стал председателем Нижегородской ярмарки. Вот с первой ярмарки и привез Малышев, прозванный газетами «красным купцом», эту шапочку.

Саша долго смотрела на знакомую шапочку. Дверца приоткрылась, и вошла уже седая Мария Ильинична в своей неизменной, старой, короткой, тесноватой суконной шубке, накиннутой теперь на плечи.

У Саши дрогнули губы. Мария Ильинична молчала. Потом, не глядя на Сашу, спросила:

— Как там у нас?.. Что в «Правде»?..

Снова открылась дверца. Вошла Надежда Константиновна. Теперь Саша уже не видела ничего, кроме больших, очень усталых, сильно припухших глаз Крупской.

— Много еще там народу? — тихо спросила Надежда Константиновна. — Уже ночь...

«Как они могут об этом сейчас спрашивать?» — подумала Саша. Но Крупская продолжала расспрашивать о народе, который там, внизу, за

этими стенами, всю долгую зимнюю ночь шел московскими улицами мимо пылающих костров к Ленину.

— Куда же доходят очереди?.. Где кончаются?..

— Вы сколько стояли?

— Зачем же по два раза ходят?

— А венки — это лишнее. Руки поморозят.

— Детей, детей зачем берут?

— Просятся, — сказала Саша, — их не удержишь!

— А костров достаточно? Не поморозится народ?

— Костров очень много. Все греются, — отвечала Саша.

В комнату заглянул кто-то. В белом халате. Врач? Постоял, вышел. Женщина в ватной кофточке причесла чай в голубых фаянсовых кружках. Мария Ильинична сказала ей что-то. Та закивала головой: «Сейчас, сейчас передам, чтобы принесли». И ушла.

Товарищи заходили ненадолго и уходили. Потом вошел невысокий, худощавый, с лицом рабочего, утомленный человек в военной гимнастерке с черно-красной повязкой на рукаве, в брюках, направленных в валенки, и жестом исполняемого приказа протянул Марии Ильиничне белый пропуск с широкой красной полосой наискось.

— Вот, постоянный, как просили!

— Спасибо! — Мария Ильинична взяла пропуск и, не задерживая в руке, передала его Саше. — Вам покажут, куда пройти, — сказала она при этом и вдогонку уходящей Саше пояснила: — Оттуда его видно.

Прежде чем Саша постигла, что ей вручили сейчас такой пропуск, по которому она может войти в Колонный зал и остаться там и с м о т р е т ь на Ленина, она уже очутилась за дверцей, унося в душе навсегда все, что услышала сейчас.

Затем Саша стояла на высоком помосте зала, с которого когда-то выступал Ленин. Теперь там рыдали скрипки, виолончели и всхлипывали, теснясь друг к другу, люди. Немолодые осиротевшие люди партии Ленина.

С помоста был виден гроб — Ленин на красной подушке, во френче с боевым орденом Красного Знамени.

Под помостом скульптор мят глину, пытаясь запечатлеть ленинские черты. Черты того, кого лишилась партия, кого оплакивал народ, по ком горевала страна.

В зале колыхались, плыли густые черные ряды. В рядах вскрикивали, падали. Крик, падение тела заглушали на миг струнный плач. Санитары уносили упавшего, ряд смыкался, смычки вновь выводили что-то горестное, безмерное, вечное. У гроба вновь сидели две женщины. Сидели неподвижно, бессменно, казалось, вечно.

А черное, колышущееся все врывало в зал двумя потоками. Это был народ. О нем думали и говорили в эту первую ночь эти две женщины. Движение народа не прерывалось, не задерживалось, не останавливалось. Оно было непрерывным и, казалось Саше, вечным.

МИХ. ШЕСТЕРИКОВ

★

ОГОНЕК МОЕЙ ЮНОСТИ

Лирическая поэма

1

Ночь...

Лихим комарьем покусанный,
Он сидит в лесу, у огня.
И ему, пареньку безусому,
Не видать оттуда меня.

У него мой тогдашний голос
И улыбка тоже моя.
И дремучий, с рыжинкой, волос...
Он, тот юноша, — это я.

У него рука не отпилена.
Зубы белые — полон рот.
Он угрюмо слушает филина,
Что опять за рекой орет.

И в глазах у него сияние —
Костерка отраженный свет.
Разделяет нас расстояние —
Двадцать пять отгремевших лет.

Пронеслись они в тучах пыли,
В скрипе льда и реве огня.
Как они меня опалили,
Как виски мои побелили!..

Впрочем, он не видит меня.

И не ночь его ослепила,
А таков извечный закон:
Человек видит то, что было,
А что будет — не видит он.

Что он знал тогда, этот парень,
Из деревни Большие Гари?

Прибыл он сюда на строительство
Ставить первенец — автозавод.
Хоть прописан в барак на жительство,
Но пока в шалаше живет.

В комсомольской Первой бригаде,
Что гремит на весь автострой,
Он работает на эстакаде
И среди героев — герой.

Сколько тонн одного металла,
 Выпиравшего вкривь и вкось,
 На его горбу побывало,
 С барж на берег перебралось!

И когда пудов на семь штука
 На его лежала хребте,
 Он кричал ребятам:
 — А ну-ка,
 Приплюсуй еще сироте!

Ну, а те, добра не жалея,
 Клали штуки потяжелее.

Ночью спать бы ему по праву.
 Но команда вставать дана:
 Срочно надо копать канаву —
 Вдруг понадобилась она.

Да, друзья, в том времени дальнем
 Все я делал: носил и рыл.
 Был тогда и краном порталным,
 Эскаватором тоже был.

...Вижу я: он сидит под елью.
 Песни, смех в его шалаше.
 Одному ему нет веселья —
 Горько, пасмурно на душе.

Да, плохи у парня дела,
 У доверчивой деревенщины:
 Обещала — и не пришла.
 А чего с нее спросишь, с женщины?

Я смотрю на него. И жаль,
 Что не скажешь ему сквозь даль:

Эта девушка заревая,
 Нелюдимый, лесной дичок,
 Твоих мук не подозревая,
 Сладко спит сейчас, дурачок.

Улыбается. Ей приснилось:
 Ты ее целуешь опять.
 Так зачем же, скажи на милость,
 Ей с тобой по ночам гулять?

Завтра ей вставать на работу,
 Кирпичи носить на леса.
 У нее пропала охота
 Изучать с тобой небеса.

Все уснули.
 А он не спит,
 У костра горюет веселого.
 И о Мане своей грустит,
 Опустивши на руки голову.

Все твердит про ее глаза:
 Бирюза,
 Гроза,
 Слеза...

И не верится мне, друзья,
Что тот юноша — это я.

2

Одноруким седым ветераном
Я стою сейчас у окна.
А на кухне, под буйным краном,
Домывает посуду жена.

Позабыла она про Кинешму,
Родилась где и где росла.
Превратилась в Марию Лукиничну
Та, что Маней тогда была.

Скоро ляжет она в кровать,
Книжку спросит и по привычке
Одолеет две-три странички,
Выключателем — щёлк! — и спать.

Спит жена моя крепко очень,
За одним исключением, впрочем.

Стоит мне с замиранием сердца
Приоткрыть у буфета дверцу,
Расстается тут же со сном
И допрашивает:
— Эй, товарищ,
Что ты ночью в буфете шарить?
Или снова графин с вином?
И приходится ей ответить,
Милой, чуткой моей жене,
Что я книжки ищу в буфете.

А она заявляет мне:
— Мы с тобой условились вроде,
Что их надо искать в комодке.

Ночь...

А я у окна стою
И не трогаю боль мою.

Спит жена. И заснул весь дом.
И слышней на улице ветер.
Нет уж, мать, никаким вином
Не залить мне тоски по детям.

Не ушли от бомбы они,
Соловьи, запеть не успевшие.
И остались нам одни
Фотографии пожелтевшие...

Но по-прежнему мы о них
Вспоминаем, как о живых.

Повстречается нам студентка.
Щеки с ямочками. Милá.
Мы вздохнем: — И наша Еленка
Вот такой бы тоже была!

Или в юношеском забеге
Мальчуган не жалеет ног,
А мы думаем об Олеге:
— Был таким бы и наш сынок!

И когда гуляем в народе,
 Нам все кажется, где-то тут
 Наши взрослые дети ходят,
 Только нас никак не найдут.

И пока, видно, жизни срок
 Не пройдет, и пока нам светит
 Нашей юности огонек,
 Будут живы и наши дети.

3

Милый, светлый мой огонек,
 Как ты близок и как далек!..

Вот у всей земли на виду
 Ты горишь в тридцатом году.
 Из годов шестой пятилетки
 Я на пламя твое иду.

Мне видны другие костры
 На местах необжитых, новых:
 У привольной воды Ангары,
 И на Волге — у гор Жигулевых,
 И в далекой беззвездной мгле
 На степной целинной земле.

Золотые ночные огни,
 И тепло и свет новоселов!
 Сколько дум рождают они,
 Молодых, горячих, веселых —

О любви, о славе, о том,
 Что пожившие в горьком дыме
 Через год в родительский дом
 Побывать приходят другими.

Вот в ночной тайге паренек,
 В окруженьи спящих товарищей,
 Бережет такой огонек,
 Жарким золотом отливающий.

И летят из костра угольки,
 Как трассирующие пули,
 На разостланные пиджаки
 Тех, что рядом с костром уснули.

На потертый ворс пиджака
 Угодит прыгун раскаленный —
 И знакомо у костерка
 Вдруг потянет ниткой паленой.

А ребята всю храпят —
 Чаш сибирских первые жители.
 Входит, входит сила в ребят,
 Отдыхающих градостроителей.

Здесь плотиной реку запрут,
 И возьмется вода за труд
 И начнет за людей ворочать.
 (Как легко нам стало пророчить!)

Я смотрю на спящий народ,
Однорукий седой калека,—
И завидка меня берет,
Работающего человека.

Попросить бы у них топор,
Тронуть лезвие деловито.
И уйти бы в кедровый бор,
Наработаться бы досыта!

4

Память, память моя живая,
Вновь я горе переживаю!

До конца войны за три дня,
Второпях, под местным наркозом,
На столе кромсают меня —
И черны в глазах мои слезы!

Что он делает, чертов врач,
Пилит руку, словно полено,—
Только что не прижал коленом.
Но все кончено: плачь не плачь.

Я прощаюсь с правой рукой,
Что мне в жизни служила немало.
Ею поле пахал сохой,
Ею ставил завод над Окой,
И пилила она, и тесала,
И в тетрадке строку за строкой
На вечернем рабфаке писала.

Ею в цехе ковал металл,
Раскаленный, глухой к удару.
Добрым людям ее подавал
И держал заздравную чару.

Ею в зябком саду весной
Топором по колышкам тюкал
И на ней в тишине ночной
Своего сынишку баюкал.

И фашиста за горло брал
Кузнецовской, смертельной хваткой.
Под огнем окоп отрывал
Посветлевшей с краев лопаткой.

Вплавь спеша через реки ненастные,
Загребал я правой рукой,
Автомат и диски запасные
Левой выставив над водой.

А вернулся в родимый дом
Без нее, с пустым рукавом.

Как мне жить без тебя, рука?
В сторожа подаваться, что ли?..

А на Запад идут войска
Без меня,
упавшего в поле.

Молодая пехота идет:
Начала у Волги поход
И пошла за горы Карпаты —
Опаленный войной народ,
Повидавшие смерть солдаты.

Наших танков видны стволы,
Напрямик поспешающих к бою.
Грунт тяжел, и они тяжелы.
Но у них дорога с собою.

В дыме, в скрежете, сквозь бои
Продрались они в эти дали
И на гусеницы свои
Столько тысяч верст намотали.

5

Время движется наоборот:
Сорок пятый... четвертый год.

Я иду от руин Берлина...
Одер...
Днепр...
Берега Донца.
Словно кто-то войны картину
Мне показывает с конца.

Земляки, что убиты были,
И не думают о могиле —
Месяц грязь фронтовых дорог,
Знать не зная, когда их срок.

И рука у меня цела,
Все такая же, как была.

И в печурке горит огонь,
Небогатый теплом и светом,
И поет в землянке гармонь,
Как поэт написал об этом.

Гармонист — безусый пока,
Но талант, талант несомненный —
Не спускает глаз с огонька
Своей молодости военной.

И неведомо никому,
Что недолго играть ему.

Над землянкой метет пурга.
Что ты, белая, расставалась?
Или знаешь, что три шага
До могилы ему осталось?

Где он столько силы возьмет,
Этот юноша белокурый,
Чтобы встать перед амбразурой
И закрыть собой пулемет?

Но пока он сидит живой
И играет, играет, играет.
И не знает, что он герой,
И никто об этом не знает.

6

Я иду сквозь время назад...
Степь спаленную дождик мочит.
День и ночь горит Сталинград,
Но сдаваться немцу не хочет.

Не дают прохода врагу
Каждый камень и каждый выступ:
Встали насмерть на берегу
Коммунисты и некоммунисты.

Вновь я вижу, как я — Сергей
Иванов, в обмотках и каске,—
С поредевшей ротой своей
На горячем держусь участке.

Вижу смелого Одица,
И насупленного Прокошева,
И Шальнова Юрку — бойца,
С Васей Теркиным очень схожего.

Наш окоп на самом юру
И кругом засыпан осколками.
Кучи их — как шишек в бору
В урожайном году под елками!

Что же, враг не первый денек
Обдаёт нас горячим градом:
Каждый ржавой стали кусок —
Это смерть, упавшая рядом.

Вот он в сотый, в двухсотый раз
Вновь из пушек землю кромсает.
С самолетов черных на нас
Бомбы,
бочки,
рельсы бросает.

Что творится над головой!
Зажимаем руками уши,
Но летит на нас смертный вой,
И тротильный дым нас душит.

А потом опять и опять
Лезут вражеские солдаты.
Мы пускаем в ход автоматы,
Чтоб к земле их огнем прижать.

А когда стихает в ночи,
Просыхаем долго от пота,
И стволы в руках горячи,
И в глазах мельтешит пехота,
Лезет в легкие едкий чад,
И повязки кровоточат.

В темноте мы хороним павших
Над притихшей волжской водой.

Роем новый окоп, не спавши,
 Про запас. И пишем домой,
 Что пока хорошо живем,
 Бьем фашиста и хлеб жуем.

7

А за Волгой ночной налет.
 В черноте стервятники рыщут.
 Ищут наш номерной завод,
 Огонек нашей юности ищут.

Бьют зенитки. Ходит земля
 Под ногами. И тяжело дышит.
 Небо черной лавой угля,
 Обвалившись, грохочет в крыши.

Но стоит номерной завод,
 Темпа взятого не сдает.

И спокойна моя жена
 В этом скрежете, уши режущем.
 Над станком склонилась она,
 Не уходит в бомбоубежище.

Восемь месяцев дни и ночи
 Для снарядов стаканы точит.

И тоску в душе затая,
 Я шепчу ей из грозной дали:
 Маня, милая ты моя,
 Как глаза у тебя запали,
 Как твоя исхудала грудь,
 Шла бы ты домой отдохнуть.

А к кому ей идти домой,
 Если бомбой убиты дети?
 Лечь в постель и в тоске немой
 Слушать мокрый осенний ветер?
 И всю ночь гадать обо мне:
 Жив ли, нет ли я на войне?

8

Я все дальше назад иду,
 И война от меня отстала —
 В мирном тридцать шестом году
 Далеко до ее начала.

Цел наш дом. Стоит, как дворец,
 Черной бомбой не разворочен.
 В легкой клетке свистит скворец
 От утра и до темной ночи.

И дочурка — как и была —
 В маму, с ямочками на щечках,
 Ленту первый раз заплела
 В свои белые волосочки.

И жена от новых забот
 Не присядет до позднего вечера

И на свой высокий живот
Мою руку кладет доверчиво.

И я слышу не первый раз
Жизнь, возникшую в добром теле...
Мы с женою сына хотели —
И родился сынок у нас.

Не могли мы заранее знать,
Что война заскрежешет на свете,
Что вернется с работы мать
И увидит: убиты дети.

Это все еще ждало нас,
Не настал еще горький час.

И хотя мы его не ждали,
Но не тратили даром дни:
За Уралом и на Урале
Домны новые задували,
Зажигали вокруг огни.

Мы спешили, недосыпали,
При кострах, не боясь зимы,
На сырой песок шпалы клали,
Костыли с двух взмахов вбивали —
Припасали дороги мы.

Пусть глаза кололи метели,
Пусть нам руки морозом жгло,
Что поставить тогда успели —
После здорово помогло
И несдавшемуся Ленинграду
И захваченному Белграду.

И легко сейчас говорить:
То не так у нас, то не этак.
Нет, нас надо благодарить
За высокий темп пятилеток!

9

Я назад иду, и видна
Мне тогдашняя наша страна.

Мокрым снегом заносит след,
Убывают месяцы, годы.

Там, где встанут позднее заводы,
Ничего пока еще нет.

На дорогах весенних скользко.
Лужи — каждые три шага.
Нету города Комсомольска,
Там, где будет, шумит тайга.

Нету вниз по Днепру дороги —
Только строится Днепрогэс.
Заливает вода пороги,
Слезы-брызги летят до небес.

И ползут в серых тучах пыли
Одинокие автомобили.

И томит степная жара
Слабосильные трактора.

Но пришла и наша пора.
И в осенней лесной печали
Там, где быть заводу,
с утра
Топоры наши застучали.

И веселые наши костры,
Освещая ночные тучи,
У Магнитной зажглись горы,
У Оки и на волжской круче.

Не судите их вкривь и вкось:
Ими многое началось.

А не всякий помнит сейчас
То, что первые дива из стали,
Прежде чем работать на нас,
На спине у нас побывали.

Мы их подняли из земли,
Нашей силой они пошли.

10

Огонек мой горит все ближе,
Нестареющим сердцем храним.
И не только его я вижу,
Я сижу опять перед ним.
В комсомольской Первой бригаде
Я работаю на эстакаде.

Все уснули.
А я не сплю.
Я сижу у костра веселого.
Каждый шорох слухом ловлю,
Подперевши рукою голову.

И к реке иду.
И про милую
Чей-то складный стих декламирую.

Вслух шепчу про ее глаза:
Бирюза,
Гроза,
Слеза.

Вдруг навстречу из темноты —
Платье белое.
— Маня, ты?!
— Я, Сереженька, это я,
Забрела вот в твой края!

И опять, как тогда в лесу,
Я ее на руках несу.

А она жарко шепчет мне:
— И не верится, как во сне.

Я ее до зари донес,
 До большого яркого света.
 И мокры мои щеки от слез,
 От росы ль, что падала с веток.

Где мы с ней?
 Далече-далече,
 Где земли и неба конец...

И трясет меня кто-то за плечи:
 — Ты чего это плачешь, отец?

Я очнулся не у костра
 Первой памятной пятилетки.
 Дома, в пятом часу утра,
 Я сижу на своей кушетке.

А со мною рядом она —
 Друг мой, Маня,
 Моя жена.

И сердца наши бьются в лад,
 Как и двадцать пять лет назад.

II

С заводским я гудком встаю
 И в седьмую школу свою
 По проспекту Ленина следую —
 Я хозяйством в школе заведую.

Покупаю стекло, замазку,
 Мел, приборы и горы книг.
 Достаю олифу и краску.
 Целый день кружусь —
 и привык.

И когда пристают с вопросом:
 — Не пора ли, Сергей, на покой? —
 Я шучу: работать завхозом
 И с одною можно рукой.
 Пусть другие над речкой сонной
 Дремлют с удочкой пенсионной.

Ну, а если всерьез ответить:
 Здесь не только служба моя —
 Здесь мои дорогие дети,
 Здесь моя большая семья.

Ближе к ночи звонит жена:
 — Что ты там опять допоздна? —
 И уже в девятом часу
 Захожу в «Гастроном»
 и Мане

Что-нибудь повкусней несую
 В левом, главном моем кармане.

И невольно гляжу туда,
 Где давным-давно ель стояла,
 Где тогда речная вода
 Лишь один огонек отражала,

А теперь
 вон сколько над ней
Золотых заводских огней!

И светлеет в душе моей,
Как тогда, в молодые годы.
Мы еще поживем, Сергей,
Мы еще послужим народу!

Ни в какой поре, отдаленной
От пройденных нами дорог,
Не исчезнет с земли
 зажженный
Нашей юностью огонек.

Нет, он будет гореть века,
Новой эры живая дата.
Он от ленинского костерка,
Что в Разливе горел когда-то!

ВЛ. СОЛОУХИН

★

ВЛАДИМИРСКИЕ ПРОСЕЛКИ*

День тринадцатый

III просиживая длинные зимние вечера в Ленинской библиотеке, однажды я наткнулся на тоненькую, но любопытную книжицу под названием «Сельцо Вески, Владимира Васильевича Калачева», год издания 1853.

Начиналась книга с сообщения, что сельцо Вески расположено под 56°33' северной широты и 57°21' восточной долготы, что среднегодовая температура там +2,65°, что от Владимира до Весок 72 версты, а от Юрьева-Польского — 12,5, от торгового села Симы — 7 верст и, наконец, от Москвы — 170.

От нечего делать помещик Владимир Васильевич Калачев решил описать свои владения. Чего-чего тут не было! И сколько в сельце мужиков, и сколько женского населения, и сколько сенокоса по рекам да оврагам, и сколько сенокоса в кустарнике, и сколько дровяного леса береженого, и сколько дровяного запущенного, и сколько выхухoley и карасей в четырех прудах. Тут был и урожай разных культур — ржи, овса, гречихи, чечевицы, ячменя, гороха, конопли, и численность коров и лошадей, и цены на все товары, и размеры оброков и податей.

Говорилось также и про одежду крестьян. Например, у мужиков: «полушубок, у более зажиточных — дубленый, кафтан из сукна, в праздник — плисовые шаровары, в будни — портки из пестряди, сапоги или лапти. Шеголи носят картузы, степенные мужики — пояркового шляпы с узкими полями.

Бабы носят сарафан, платок, под которым по праздникам бумажный колпак, шерстяные чулки и коты».

Сообщалось также, что крестьяне в Весках «кротки и трудолюбивы, в разговорах вежливы, говорят владимирским наречением... от лихоманки берут медный пятак или две копейки серебром, накаливают докрасна и бросают в стакан с вином, который весь выпивают зараз. Часто от одного приема прекращается. В простудах парятся в печи и натираются липковым маслом. От поноса отваривают алтейный корень... Свадьбы справляют по любовному согласию и разрешению помещика... Телят до шести недель держат в избах... а живут с белыми трубами и освещаются лучшей... Посреди деревни — столб с колоколом».

Понятно, что, зайдя в Вески, первым делом поискали мы глазами этот столб: не уцелел ли с тех пор? Но столба с колоколом не было.

У двух женщин-молодаек, чернявых, бойких на язык, шедших с поля, мы спросили: в этих ли Весках был некогда барином помещик Калачев? На что молодайки отвечали, что был когда-то барин (вон в тех кустах его

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 9 с. г.

дом стоял), но Калачев ли он был, не знают. Значит, «кроткие, трудолюбивые» крестьяне давно забыли своего «благодетеля».

У одной из этих женщин мы купили молока, такого густого и холодного, что еще за весь поход не встречалось лучшего. Женщины нам сказали, что в правлении теперь никого нет — все в поле. На самом же деле в одной из комнат я нашел молодого парня, разбирающего за столом бумаги. Парень не брился несколько дней, и теперь на подбородке и над верхней губой у него выросли длинные редкие волосики. Он, не поднимая глаз от бумаг, протянул мне руку, предложил сесть, и так друг против друга мы сидели некоторое время.

Потом парень кончил читать бумаги, откинулся на спинку стула и представился здешним агрономом. Звали его Александром Михайловичем Дьячковым.

Я долго не мог объяснить цель своего прихода. Начал издали — о Ленинской библиотеке, о помещике Калачеве, о его книжке. И вот, мол, потянуло зайти посмотреть. Как-никак, прошло сто лет.

Александр Михайлович все очень хорошо понял, обрадовался, заинтересовался, бросил свои бумаги.

— Так-так, значит, освещались лучиной? Здорово! И свадьбы с разрешения помещика? Ну, а оброк каков?

Копаясь в записях, я стал отыскивать нужное: «Оброк пятнадцать рублей серебром в год, да казенных податей и земских повинностей с тягла — по три с полтиной. А за выгоны по полубарану, одной курице и двадцать яиц. А бабы доставляют по десять аршин холста. Барщина три дня в неделю».

— Так. Ну еще что про наших предков пишут?

— Вот... «Человек пять крестьян есть грамотных. Несколько мальчиков обучаются, по распоряжению помещика, церковной грамоте и ремеслам: колесному, тележному, кузнечному, сапожному».

— Ишь ты, пять грамотных! Да у нас теперь все грамотные. Однако насчет ремесел — упущение. Ни колесников, ни тележников нет.

— «Земля обрабатывается пароконной косулей и деревянной бороной... — читал я дальше, — весь хлеб снимают серпом, и осенью, более по ночам, обмолачивают цепями. Молотильщики нанимаются за сто снопов двадцать копеек серебром, на хозяйских харчах...»

— Чудно, — удивлялся агроном, — словно не про нашу деревню, а про другое царствие.

— Это и было другое царствие. Однако не смейтесь! Сейчас я прочитаю нечто интересное, особенно вам, агроному. Слушайте: «На будущий год я попробую сажать картофель по маркеру, проезжая им крест-накрест, для того чтобы можно было пропахивать картофель вдоль и поперек борозд».

— Черт возьми! — закричал агроном, вскочив с места. — Да ведь это квадратно-гнездовой способ в чистом виде... У нас, в Весках, сто лет назад! Да это я сейчас же списать должен. Это же лучшая агитация для колхозников: барин умел, а мы что — хуже? Или вот что, ты мне скажи, где достать эту книжку, я ее выпишу.

— Обратитесь в Ленинскую библиотеку, они, может быть, вышлют. Случай исключительный!

— Вышлют? Не могут не выслать. Я в район пойду, все отношения возьму. Это же агитация! Ну, а про урожай он ничего не пишет?

— Пишет... «Рожь на помещичьем поле родилась сам-пят. У крестьян, видимо, меньше».

— Так, — обрадовался агроном. — Переплюнули мы барина. У нас в колхозе рожь — сам-шест. А овес? А пшеница? А греча? — засыпал меня вопросами Александр Михайлович.

Я снова зарылся в записи.

— Пшеницы ему не удавались, а овес... Про овес я не записал и про гречу не записал.

— Жалко. Ну да я выпишу эту книжку. Должны мне ее прислать, как вы думаете? А колхоз у нас семеноводческий. Элиту выращиваем, зернышко к зернышку.

Он вышел проводить меня на крыльцо, и мы, оба довольные встречей и разговором, тепло попрощались.

— Стой! — закричал вдруг агроном. — А там ничего нет насчет навоза?

Пришлось снова доставать бумаги.

— Насчет навоза... Так... «Бельмо лечат...» Это не то... «Сена семь тысяч пятьсот пудов...» Не то... «Картофель на патоку...» Не то. Ага, нашел: «Навоза валят семьдесят возов на десятину, возят в начале июня два дня, на третий запахивают».

— Вот спасибо. Да вы дальше-то куда? Пешком? Не годится. Мы вас мигом.

Через пять минут к правлению подкатил грузовик. Александр Михайлович так начал обижаться на наш отказ, что пришлось залезть в кузов. Автомобиль рванулся навстречу выползающей из-за леса фиолетовой туче. Крупные дождины хлестали нас, подобно картечи. Но по земле, истомленной в зное, разливалась свежесть, прохлада и неизъяснимая легкость, от которой хотелось петь и орать несообразное.

Еще не скоро, недели через три, дождь станет проклятием. Пока он был благодатью, и люди поднимали навстречу золотистым, летящим из голубизны каплям просветленные улыбки и надеждой лица.

В Числовских Городищах мы постучали в крышу кабины.

Крупный дождь, успевший прибить пыль, но не успевший развезти грязь, перестал. В воздухе сталкивались во время дождя, бились, раздроблялись друг о друга капли, порождая мельчайшую пыльцу. Теперь тонкая пыльца эта висела в воздухе, не опускаясь на землю. Она загля близкую, широкую, яркую радугу. Обрывки тучи торопливо уплывали в эту роскошную арку.

О Числовских Городищах в музее нам прожужжали все уши. Но интересны они, видимо, в том случае, если взять лопаты и начать планомерные, на научной основе, длительные раскопки. Тогда будут попадаться и арабские монеты, и черепные коробки, пробитые стрелами, и дубовые поленья, по которым можно судить, какие это были городища.

А так — село как село. В середине села прекрасно сохранился высокий вал, окруженный водой. То, что до сих пор стоит во рвах вода, и делает Городища уникальными. Ведь нигде больше этого нет. Но ни вал, ни вода не разбудили нашего воображения, потому что мы не знали, как и никто не знал конкретно, что здесь происходило столько-то веков назад.

Другое дело — широкая и глубокая долина между Авдовой и Юрьевой горой, так называемое Липецкое поле. Оно начало погружаться в предсумеречную дымку, когда мы вступили на него. Именно здесь мог проезжать в свое время Руслан, восклицая знаменитые слова: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»

Костей, правда, теперь не было видно. Обычное луговое разнотравье да низкий кустарник посреди долины — вот и весь пейзаж. Реку затащило за эти века, кустарник обозначает, где было русло. Ведь ясно сказано в летописи: «Битва при реке Липеце». Однако мы невольно стали внимательнее смотреть под ноги, надеясь увидеть либо наконечник от копья, либо ржавый боевой топор, либо шишак от истлевшего шлема. Но толь-

ко обломки деревянных граблей, явно более позднего происхождения, попался нам.

Теперь мы стояли на дне долины, как раз между двумя холмами, то есть на месте самой жестокой сечи. Русская земля впитала здесь потоки русской крови. Только русской, и никакой другой.

В конце концов все князья остались целы — и те, что разбежались, и те, что победили, долину же устилала мужицкие трупы. Ну ладно, если бы гибли мужики за свободу родины, за независимость нации, за высокие идеалы. Ну ладно, если бы гибли они в смертельной схватке с чужеземным войском, чтобы доказать и на последующие времена, что значит сила и удаль славянского топора. Но ведь ясно сказано в летописи: «Сын шел на отца, брат шел на брата».

Я не склонен идеализировать нашу древность. Русские князья в течение многих столетий только и делали, что резали друг друга. Горше всех при этом доставалось простому люду. Вот и эта Липецкая битва. Славу, что ли, принесла она русскому оружию? Благо, что ли, принесла она русской земле?

Однако пора, может быть, рассказать и самые обстоятельства битвы. Я читал о ней по Костомарову, Соловьеву и Карамзину, а также частично и по летописи. В результате прояснилось следующее.

Сыновья князя Всеволода Большое Гнездо — Константин и Юрий — спорили после смерти отца за место на суздальском престоле. Другой их брат, Ярослав, в это время сильно насолил господину Великому Новгороду, перерезав обозную дорогу к нему и устроив мор. Родители из-за куска хлеба продавали в рабство своих детей, люди умирали с голоду на улицах и площадях. Мертвые валялись по дорогам, и собаки терзали их. Новгородцы посылали к Ярославу просить его к себе. Но тот задержал посланных людей и ничего не ответил. Тогда, по словам летописца, в Новгороде была великая печаль и вопль.

Тогда-то и явился у новгородцев Мстислав Удалой, решивший постоять за Великий Новгород. Ударил вечевою колокол, новгородцы взяли топоры.

Мстислав объявил и вторую цель — навести мир между самими суздальскими князьями. Однако он предложил Ярославу решить все мирным путем.

Ярослав ответил: «Не хочу мира. Пошли, так идите — сто наших будет на одного вашего».

Вся Суздальская земля вооружилась. Из сел погнали на войну земледельцев. К суздальцам пристали муромцы и сбродные шайки восточных степей. У Мстислава тоже было сводное войско: с ним шли псковичи, смоляне и родной брат суздальских князей — Константин.

Войска встретились на реке Липеце, близ города Юрьева, то есть там, где мы стояли теперь посреди летней, омытой недавним дождем сумеречной долины.

Мстислав еще раз предложил мир: «Освободи мужей моих новгородских... Верни волости Новгородские... Возьми с нами мир и целуй нам крест, крови проливать не будем».

Ярослав отвечал: «Мира не хотим, мужи ваши у меня; издалека вы пришли, а вышли как рыбы насухо».

И снова воззвал терпеливый Мстислав: «Братья Юрий и Ярослав! Мы пришли не кровь проливать... не дай бог дойти до этого; мы пришли управиться между собою; мы одного племени...»

Ярослав отвечал: «Прийти то вы пришли, а как то думаете уйти?»

После этого он с братом и боярами затеял в шатре пир. Захмелевшие бояре подзадоривали молодых задиристых князей. «Князья Юрий и Ярослав, — кричали они, — никогда того не бывало, ни при отцах ваших, ни при дедах, ни при прадедах, чтобы кто вошел ратью в сильную Суздаль-

скую землю и вышел бы из нее цел. Да хоть бы и вся русская земля пошла на нас, и Галицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, — да и тогда ничего с нами не поделают; а что эти полки, — так мы их седлами закидаем!»

История умалчивает, какие речи вели в это время рядовые дружинники, расположившись станом возле шатра. Захмелевшие же князя захмелевшим боярам говорили так: «Сам товар пришел в руки: достанутся вам кони, брони, платья; а кто человека возьмет живым — сам убит будет; хоть у кого и золотом будет шито оплечье — и того бей: двойная от нас будет награда! Не оставим в живых никого. А кто из полку убежит, да поймем его, тогда прикажем вешать да распинать».

Потом, отпустив бояр, ухари-князя принялись делить между собой волости побежденных. «Мне, брат Ярослав, — говорил Юрий, — Володимирскую и Ростовскую земли, а тебе — Новгород, а Смоленск — брату нашему Святославу, а Киев дадим черниговским князьям, а Галич — нам же!»

Ночью войска двинулись навстречу друг другу. Причем в стане новгородцев взыграли на трубах и ратники вдруг дружно крикнули. От этого крика на суздальцев нашел будто бы переполох. Несколько времени враги смотрели друг на друга при утреннем солнце и не начинали битвы.

И в четвертый раз Мстислав отправил к суздальцам парламентаров: «Дай мир, а не дашь мира — то либо вы отсюда отступите на ровное место, а мы на вас нападём, либо мы отступим к Липеце, а вы на нас нападите».

«Мир не принимаю и не отступлю, — ответил Ярослав, — вы прошли через всю нашу землю, так разве этой заросли не перейдете?»

Тогда Мстислав воззвал к войску: «Братья, гора нам не может помочь, и гора не победит нас; воззрите на силу честного креста и на правду: пойдем к ним!»

В его стане были славные витязи: Александр Попович со слугой Торопом и Добрыня Резанич, по прозванию Золотой Пояс. Проезжая между рядами воинов, князь призывал: «Братья, мы вошли в землю сильную: воззрим на бога и станем крепко... не озирайтесь назад. Побежавши, не уйдешь; забудем, братья, жен, детей и дома свои; идите на бой, как кому любо умирать — кто на коне, кто пеший!»

«Мы на конях не хотим умирать, мы будем биться пешие, как отцы наши бились на Колокше!» — воскликнули новгородцы. С этими словами они побросали с себя верхнюю одежду, разулись и босые побежали вперед. Настала жестокая сеча. Сам Мстислав трижды проехал сквозь неприятельские полки, поражая направо и налево топором, который был у него привязан к руке сыромятным ремнем.

«Крики не до смерти убитых и вытье прободенных слышны были в Юрьеве-Польском, и некому было хоронить трупы убитых. Многие же при бегстве утонули в реке, некоторые, войдя в реку, умерли. Оставшиеся в живых побегли: одни — ко Владимиру, другие — к Переяславлю, третьи — к Юрьеву».

Первым побежал тот, кто всех больше хвалился, то есть Ярослав. За ним последовал и Юрий. Загнав несколько коней, они к вечеру добрались: один — до Переяславля, другой — до Владимира.

Много прошло веков, затянулась, пересохла речка, остались только кусты на дне долины.

Сквозь огромное время события минувшего представлялись как бы не реальными. Все эти племена, дружины, Мстиславы, Ярославы для нас больше книжные понятия, чем живые люди или осязаемые вещи. А может, и не было Липецкой-то битвы? Может, выдумал ее летописец — поди теперь разберись!

Но вот однажды, сравнительно недавно, женщина из села Адамова, от которого мы стояли теперь километрах в двух или трех, рвала в кустарнике траву для коровы. Видит, что-то блеснуло. Подняла — шапка железная, да такая чудная. Отряхнула, очистила от земли — обозначилась на шапке иконка и письмо серебром. Под шапкой — железо комком и вроде бы из колечек составлено. Колечки спеклись от ржавчины — не разбираешь. И главное, не в земле все это, а сверху лежит, словно вчера кто обронил. Шапка оказалась боевым шлемом Ярослава, который он или потерял или сбросил во время бегства. Теперь шлем этот хранится в Московском Кремле, в Оружейной палате.

Мы тоже походили по кустикам: не блеснет ли что? Но такая удача дважды не случается. К тому же совсем за вечерело. Над полем битвы поднялась луна, неподалеку громко ударил перепел, бесшумная тень совы проскользнула над нами.

Так на кровавом, а ныне безмолвном Липецком поле закончился наш тринадцатый день.

День четырнадцатый

Возьмите холм длиной километра в полтора и высотой в полкилометра, покрытый ровной мелкой травкой. Согните его в подкову, поверну расставьте цепочкой крохотные деревянные домики с белым кубиком церкви посередине, а внизу заставьте поблескивать извилистую ленту не очень широкой реки. По реке пусть растут деревья и кусты: ольха, ива, ракитник. Они будут казаться сверху маленькими-маленькими, но это не беда. За рекой, конечно, должны быть луга. Сейчас, в пору буйного цветения трав, они покажутся вам темно-сиреневыми, почти лиловыми.

Луга по Колокше ровные, как будто землю здесь с силой натянули. Дальние холмы сопрягаются с ними, как сопрягались бы с плоскостью разные геометрические тела. На дальних холмах виднеются деревни, колокольни, перелески. С холмов сбегает к лугам хлебные поля. Золотое с зеленым и темно-сиреневым граничит так резко. Над всем проплывают белые копны кучевых облаков, а еще выше — солнце.

Нужно добавить лишь, что река выписывает у подножия подковообразного холма ни дать ни взять тетеревиный хвост, а домики наверху холма расставлены не в одну цепочку, а в две, да еще есть и поперечная улочка, доходящая своим концом до заростающих, но все еще светлых прудов.

Здесь, в крайнем около самого пруда доме, мы оставили вещи, напились чаю и теперь собирались побродить по селу и окрестностям. Дом был просторный и содержался в невероятной чистоте. Страшно было ходить по его крыльцу, по его сеням, по его половицам в горнице. Мы просили хозяйку, радушную старушку Марию Ивановну, настелить разных половиков и тряпок, чтобы смелее ступалось.

Из прохладной деревянной чистоты дома нехотя вышли мы на улицу, где опять марило перед дождем.

Из всех домов Варварина выделялся двухэтажный каменный дом с четырехугольным, тоже каменным, колпаком на крыше. Из колпака на четыре стороны смотрели полукруглые окна. Внутри дома, под колпаком, был некогда круглый зал, косые лучи света прорезали его сверху в четырех направлениях. И снаружи и внутри дом был в лесах, его ремонтировали под сельский клуб, а до этого в нем помещался детдом, а еще до этого жили помещики.

Я не буду утверждать, что все об этом доме нам рассказали здесь, в селе. Наоборот, мы пришли в село Варварино, зная очень много. Но одно дело — знать, другое — увидеть своими глазами.

Сначала село принадлежало декабристу и, кажется, приятелю Пушкина — Михаилу Федоровичу Митькову, но во второй половине прошлого

века им владела Екатерина Федоровна Тютчева, дочь поэта. Все это было бы само по себе мало интересно, если бы не одно событие.

В 1878 году русская армия разбила турок и освободила Болгарию. На Балканах образовалось новое независимое большое государство. Границы его определялись Сан-Стефанским договором. Некоторые европейские государства были недовольны усилением Болгарии, и вот на Берлинском конгрессе Сан-Стефанский договор подвергся пересмотру. Русское правительство пошло на уступки: от Болгарии начали отрезать кусок за куском. А так как предшествующая война была очень популярна среди русской общественности, то, естественно, последующее поведение правительства вызвало всеобщее и сильное возмущение.

Общественный деятель, публицист, председатель Славянского комитета в Москве, Иван Сергеевич Аксаков возмущался более других в той степени, в какой был более по сравнению с другими последовательным и ярким славянофилом.

Накануне своего решительного шага он писал: «Я спрашиваю себя: честно ли молчать в настоящую минуту? Не прямая ли обязанность каждого гражданина сделать все то, что ему по силам и чего никто запретить не может: поднять свой голос и протестовать. Россию распинают, Россию позорят, Россию творят отступницей от ее исторического призвания и завета, — и мы все немые как рыбы!»

Двадцать второго июня 1878 года Иван Сергеевич вернулся из своего Славянского комитета поздно, в возбужденном состоянии, и записал: «Копье пушено. Речь произнесена».

Через несколько дней за эту речь ему прислали выговор от Александра II, отстранение от поста председателя и предписание о ссылке.

«Согнуться мы не могли, пришлось нас сломать вдребзги», — ответил Аксаков.

Достоевский в те дни напомнил ему: «Так я ж вам предсказывал, что вас вышлют за эту речь».

Местом ссылки Иван Сергеевич выбрал имение своей свояченицы — село Варварино. Он был женат на второй дочери Тютчева — Анне Федоровне.

Пока он ехал на перекладных, речь широко распространилась и в России и за границей под названием «Историческое проклятие Аксакова». Имя Ивана Сергеевича не сходило с уст.

Пишет О. А. Новиков: «Все в страшном негодовании за изгнание Аксакова из Москвы за его правдивое слово. Если Аксаков заслужил наказание, то, очевидно, и я виноват, но тысячи русских думают и чувствуют так же, как он...»

Пишет Петр Ильич Чайковский: «Мы переживаем ужасное время, и когда начинаешь вдумываться, страшно делается... С одной стороны — совершенно оторопевшее правительство, настолько потерявшееся, что Аксаков ссылается за смелое, правдивое слово...»

Пишет П. Третьяков: «И вот Аксакову пришлось одному публично высказать, что чувствовали все прочие люди...»

Пишет Крамской Третьякову: «Ужасное время. Точь-в-точь в запертой комнате в глухую ночь, в кремешной тьме сидят люди, и только время от времени кто-то в кого-то выстрелил, кто-то кого-то зарезал; но кто, кого, за что? — никто не знает. Неужели не поймут, что самое настоятельное — зажечь огонь?.. Неужели Аксаков прав, говоря в конце концов эти ужасные слова: «Замолчите, честные уста...»

Результатом всего этого шума было то, что Павел Михайлович Третьяков предложил Илье Ефимовичу Репину незамедлительно ехать вслед за Аксаковым в село Варварино и написать с него портрет для своей галереи, той галереи, которую мы теперь называем Третьяковской.

Репин принял заказ безоговорочно. В летописи сельца Абрамцева находим: «Илья Ефимович ездил во Владимирскую губернию писать портрет Аксакова, который был в административной ссылке».

Между тем Иван Сергеевич, вырвавшись из московской суеты и отдавшись от напряженной нервозности последних дней, окунулся в океан летней, цветущей, пахнущей медом тишины. Он пришел в восторг от места своей ссылки. «Любуюсь гармоническим сочетанием изяшной шеголеватости первого плана с сельской простотой второго, миловидной укромности, с одной стороны, и величавой шири — с другой».

Домик — прелестная игрушечка, а выйдешь на террасу — взор погружается, уходит в необозримую даль — такой простор, такой важностью тишины охватывается душа».

Не удивительно, что здесь, в Варварине, после долгого перерыва, Аксаков снова начал писать стихи. В одной из его биографий так и сказано: «Лишь по прошествии семнадцати лет вновь осенило его поэтическое вдохновение, уже на закате дней, во время известного заточения в с. Варварино».

Вот одно из стихотворений Аксакова — послание его к хозяйке имения Е. Ф. Тютчевой:

Варварино

Как будто вихрем бури злой
Снесло мой дом, и я — изгнанник!
Но дружба путь водила мой,
И вот я в пристани. Я твой
Отныне гость и сердцем данник.

Как тихо дни мои текут!
Как мил, укромен твой приют!
Как сердцу вид его отраден,
Как нежит душу, тешит взор,
Как в простоте своей наряден,
Как величав и безогляден
Пред ним раскинулся простор!

Реки серебряный извив,
Блестящий в мураве зеленой;
По гибким скатам желтых нив
Бродящей тени перелив
И рощей сумрак отдаленный..
Виднеют села... здесь и там
Сверкает крест, белеет храм.

Куда ты взор ни обратишь,
Какая ширь! Какая тишь!
Но всюду в ней снует, бесшумный,
Рабочей Руси труд святой..
О чудный мир земли родной,
Как полон правды ты разумной!

Великий мир, родимый мир!
Ты бодр и мощен, как стихия..
Твоей лишь правдою Россия
Преодолеть возможет мир
И свергнуть идола чужие!
Но час не близок. Злая мгла
Вершины Руси облегла.

В той безнародной вышине
 Родная мысль в оковах плена;
 Одни лишь властвуют вполне
 Там лесь, и ложь, и буйство тлена!
 Но внемлет бог простым сердцам:
 Сквозь смрад и чад всей этой плесни
 Восходит с долу фимиам,
 Несется звук победной песни,
 Поющей славу небесам.

18 августа 1878 г., село Варварино.

Между тем Репин ехал да ехал из Москвы в Варварино, и вот однажды жена Аксакова Анна Федоровна написала своей сестре — хозяйке имения: «Сегодня утром, когда я вставала, звук колокольчиков приближающейся тройки заставил меня испытать некоторое ощущение беспокойства, но оказалось, что это приехал из Москвы один молодой художник, присланный Павлом Третьяковым к моему мужу с просьбой разрешить сделать его портрет для своей портретной галереи знаменитостей. Вот они уже водворились в гостиной за работой».

Сам Аксаков так отзывался о Репине:

«Художник Репин, очень талантливый и очень скромный, еще довольно молодой человек и известный (одна его большая картина «Садко», богатый гость (купец) находится у наследника, куплена за 6 т. р., другая — «Бурлаки на Волге» — у в. кн. Владимира), прислан был сюда Третьяковым, чтобы снять мой портрет для его галереи.

Не затягивая дела, я отдался в его распоряжение, и в три дня портрет готов. Сегодня он сушится и сохнет».

Есть и воспоминания Репина на этот счет:

«Вообще у нас многие странно понимают художество. Я — реалист и никогда не прикрашивал, не скрывал натуры. Припоминается случай с Иваном Сергеевичем Аксаковым. Начинаю писать его, он мне и говорит: «Вот что, Илья Ефимович, если вы хотите писать меня как следует, убавьте мне лицо, рожки у меня много».

Действительно, лицо у Ивана Сергеевича Аксакова было красное, мясистое и массивное.

Но это-то мне и показалось очень типичным в этой фигуре, а он просит сделать ему тонкое и бледное лицо».

Однако для нас, находящихся теперь в Варварине, самым интересным был отрывок из аксаковского письма, прочитанного нами в Юрьев-Польском музее. Он писал хозяйке имения:

«Репин в таком восхищении от Варварина и его видов, что воспользовался свободным днем, чтобы набросать на память нам один из видов. К сожалению, у него не было акварельных красок или цветных карандашей, а к еще большему сожалению, погода, сначала солнечная, обратилась в пасмурную, потом в холодную, с дождем и ветром.

Тем не менее он под дождем и ветром, прямо на полотно масляными красками, широкою талантливою кистью перенес прелестный вид, тебе может быть, и неизвестный: это снизу, недалеко от берега реки, влево от мостков, где моют белье и стояла купальня, перейдя луг из рощи, поднимающейся вверх по горе, где дорожка на мельницу, через воду и часть сада видна вся церковь и часть рябин бывшей пушкинской усадьбы».

У Сереги, к счастью, оказались акварельные краски, и он, конечно, захотел написать Варварино и, конечно же, с той точки, с которой писал его великий художник.

Беда заключалась в том, что ни одной из примет, указанных Аксаковым, то есть ни мостков, ни купальни, ни мельницы, ни рощи, подни-

мающейся вверх по горе, ни сада, ни рябин, не сохранилось. Сохранились лишь река да церковь, но ведь на церковь можно было смотреть со многих точек.

Склон холма, по которому мы спускались к реке, весь был усажен пнями. Значит, где был сад, мы все же определили.

Обегая пни и перепрыгивая через них, спустились мы к реке. Отправной точкой в аксаковском письме были мостки, где моют белье. Если бы мы нашли это место, то в наших руках оказался бы кончик нитки, за который можно распутать весь клубок. Но кто же может сказать, где были мостки восемьдесят лет назад!

Утомленные, ходили мы по берегу Колокши, и Серега сел писать этюд, отчаявшись найти репинскую точку. Но когда мы возвращались домой, навстречу нам попала женщина с корзиной белья на плече.

— Стой, подожди! Нужно посмотреть, где она примостится полоскать свое белье. В конце концов восемьдесят лет не такой большой срок, а деревенские традиции очень устойчивы. Мостки не сохранились, но варваринцы могут ходить все на то же место.

Мы пошли вслед за женщиной. Нужно было бы подсобить ей нести тяжелую корзину, но мы так боялись испугнуть и разрушить ее инстинктивное чувство направления, что даже приотстали шагов на сто.

Женщина подошла к реке на повороте, там, где нам и в голову не приходило искать репинскую точку. Она разостлала на траве тряпку, вывалила на нее белье, сполоснула в текучей воде корзину и начала шлепать по реке мокрыми простынями.

Значит так... «влево от мостков... перейдя луг из рощи... где дорога на мельницу...»

Вскоре мы набрали на торную дорожку, которая, может быть, и вела в свое время на мельницу. Наконец, сверив все еще раз, мы воскликнули: «Здесь! Репин сидел здесь!» Ошибка на несколько метров, разумеется, не играла роли.

— Да, но мы никогда не проверим, правильно ли угадали точку, — сокрушался Сергей.

— Как это не проверим? Репинская картина не иголка, где-нибудь она хранится.

— А если, к примеру, в Швейцарии, или в Финляндии, или в каком-нибудь там Амстердаме?

— Он оставил ее хозяйке имения, и вряд ли она попала за границу. Нужно выяснить.

Здесь я должен забежать вперед и рассказать, что, вернувшись в Москву, я напал на след репинской картины. Мне сказали, что она скорее всего хранится в частном собрании профессора Зильберштейна. Полистав телефонный справочник, нетрудно было узнать адрес и телефон профессора. Не раздумывая долго, я набрал номер.

— Да, это я. Что вам нужно? Да, картина у меня. Ну, пожалуйста, когда хотите, можете сию же минуту.

В районе Миусской площади я отыскал нужный дом, нужный подъезд, нужную кнопку звонка. Две собаки залаяли за дверью. Приготовившись увидеть некую древность в ученом колпаке и какой-нибудь там душегрейке, я удивился, когда дверь мне открыл молодой еще, сухощавый мужчина.

— Я и есть Илья Самойлович. Прощу.

На улице было снежно и пасмурно, поэтому больно ударило в глаза летнее солнце, освещающее яркую лесную зелень. Секундой позже я сообразил, что вижу перед собой один из малоизвестных шедевров Шишкина.

Квартира профессора оказалась сокровищницей русской живописи. Подлинный Репин, подлинный Шишкин, подлинный Васнецов, подлинный

Поленов, да чего только там не было! И наконец я увидел родную Колокшу. На переднем плане стальной изгиб реки, далекий склон холма в темной зелени парка, полеее из-за темной зелени выглядывает белая-белая церковка, а над нею сырые, холодные, тоже стальные облака. Ведь писал-то Репин под дождем и ветром. Дождливое небо больше всего удалось художнику в этой картине. Скромная стояла подпись: «Вид села Варварина».

Теперь я уверенно мог сказать — мы стояли там, откуда Репин писал все это. Мы правильно нашли его точку.

Час спустя профессор проводил меня до порога.

— Простите, Илья Самойлович, — спохватился я, — а как вы понимаете в письме Аксакова слова «и часть рябин бывшей пушкинской усадьбы...»?

— Милый человек, — усмехнулся профессор, — я десять лет занимался этой загадкой. Я разговаривал с Тютчевыми, я копался в архивах Аксакова. Но я так и не знаю, что имел в виду Иван Сергеевич. Ясно одно — сделать описку он не мог. Боюсь, что мы никогда этого не разгадаем.

Я поблагодарил профессора за любезность, и мы расстались.

Но это было потом, а пока, искупавшись в Колокше, мы карабкались на холм, довольные поисками. День угасал. Утром мы должны были покинуть Варварино — этот красивейший уголок земли.

Нам так понятно было сожаление знаменитого варваринского узника о своей роскошной тюрьме. Вот оно, это сожаление:

Затворы сняты; у дверей
Свободно стелется дорога;
Но я... я медлю у порога
Тюрьмы излюбленной моей.
В моей изгнаннической доле
Как благодатно было мне,
Радушный кров, — приют неволи, —
В твоей привольной тишине!
Когда я пылу борьбы неравной,
Трудов подъятых и тревог
Так рьяно с ложью полноправной
Сразился я — и изнемог,
И прямо с бранного похмелья
Меня к тебе на новоселье
Судьба неожиданно привела, —
Какой отрадой и покоем,
Каким внезапным звучным строем
Душа схвачена была!
Как я постиг благую разность,
Как оценил я сердцем вдруг
Твою трезвительную праздность,
Душеспасительный досуг!..

с. Варварино.

Чтобы кончить с историей, должен вспомнить, как совсем недавно, бродя по улицам болгарской столицы, я оглянулся по сторонам и увидел вдруг, что нахожусь на улице Ивана Аксакова, одной из центральных улиц Софии. Мне было радостно, что болгары не забыли и даже увековечили память своего русского друга и заступника.

Может быть, варваринцы догадаются тоже и, отремонтировав домик, который был «прелестная игрушечка», сельский клуб свой назовут его

именем. Почему бы им не назвать? Увековечил же Аксаков в своих стихах их село.

Мария Петровна так и не настелила половичков на свои пахнувшие прохладой, высокбленные доски.

— Топчите, для того и моем, чтобы по чистому ходить. Девки придут, опять вымоют.

— Какие девки?

— Дочери две у меня, в Юрьеве работают. На воскресенье домой ходят. Хочу продать хоромину-то, а они поперек: вишь, и отдохнуть негде будет.

— Сколько же ваша хоромина может стоить?

— Шестнадцать прошу... Да ведь и место цену имеет. Пруды, река — виду одного сколько!

— Виду много. А кем же работают ваши дочери?

— Одна на фабрике, другая в книжном магазине продавщицей.

— Значит, мы третьего дня с вашей дочерью поругались. Пришли к закрытию, ни за что пустить не хотела.

— Она у меня характерная.

В это время за окном высокий женский голос лихо запел плясовую частушку, а еще несколько голосов подхватило ее. Мы бросились к окну и увидели, что мимо дома идут восемь женщин, все лет сорока, с лопатами, не просто идут, а с пляской и песнями.

— Чего это они?

— С работы. Силосную яму рыли, а потом у меня в огороде посидели.

— Как посидели, зачем?

— Выпили, значит, с устатку да луком с грядки закусили. Вдовушки все это наши. Рано без мужиков остались, сила-то бабья ходу просит.

Надолго осталось в душе буйное, но горькое веселье варваринских вдов, которым ныне по сорок лет. Увидишь такое, и не нужно никаких плакатов, агитирующих против войны.

На другой день на рассвете мы ушли из Варварина.

День пятнадцатый

В русые головенки тех мальчишек, что барахтаются в уютном, обросшем ивами омутке, или бегают, все в брызгах, по журчащему перекату, или, сопя и пыхтя, вытаскивают из илистых нор упирающихся клешнястых раков, или просто лежат на солнышке около тихой воды, редко приходит мысль: а откуда течет, где начинается их речка?

Река текла, когда ребятишек еще не было на свете, и она будет течь, когда их снова не будет. Для них река как само время, как сама земля, как сам воздух. У нее не может быть ни конца, ни начала.

Но иногда, чаще всего в школьном возрасте, после первых уроков географии, когда входят в сознание детей такие понятия и выражения, как «Волга берет исток на Валдайской возвышенности» или «Волга впадает в Каспийское море», когда прикоснутся дети к волшебным страницам «Фрегата «Паллады» и «Дерсу Узала», обязательно придет этот вопрос, чтобы смутить ребячьи умы и души.

С заговорщическим видом будут они шептаться, собираясь в стайку, с родительских столов начнут пропадать куски хлеба, если нет в доме готовых сухарей, исчезнет и хлебный ножик, жидкий, весь сточенный, способный, однако, в детском воображении играть роль тесака, кинжала, кортика.

Экспедиция отправится рано утром, чтобы к вечеру, охваченной расколом, идейными шатаниями и, наконец, бунтом малодушных, возвратиться домой, так и не узнав, где начинается река и как она начинается.

Впрочем, нужно сказать, что у сельских детей нет другого представления о начале любой реки, кроме холодных ключей, бьющих из-под земли.

Так и мне рисовалось начало нашей Ворши: зеленая трава, тенистый куст, а из-под куста льется и льется, журча, светлая ледяная вода. Но где оно, это начало? Приставал с расспросами к старшим.

— Если идти все по реке,— добросовестно объяснял отец,— попадет-ся Журавлиха — большой темный лес. Туда не ходи, там разбойники водятся. После Журавлихи начнется снова поле, за тем полем и стоит деревня Бусино. Около Бусина начинается наша Ворша. Большой вырастешь — сходишь.

Но в детстве и пять минут могут вызвать бунт нетерпения, а тут жди, когда вырастешь. С надежным другом выступили мы в великий поход. Мы были так малы, что боялись на шаг отойти от воды, чтобы спрямить дорогу там, где река петляет и извивается. Мы шли по берегу, и земля раскрывалась нам в своей первозданности. Теперь мы побоялись бы искупаться и, пожалуй, не удивились, если бы из-под куста глянула на нас буграстая морда крокодила. Река увела нас от реальности в свою таинственную сказку.

Нужно сказать, к нашей чести, что, когда началась Журавлиха, мы не повернули обратно, а шли еще некоторое время, продираясь сквозь прибрежные заросли главным образом черемухи и малины.

Потрясла нас поляна, поднимающаяся бугром, вернее, не сама поляна, а избушка на ней. Если бы бросилась на нас собака или закричал кто-нибудь, было бы легче. Но избушка стояла безмолвная, словно пустая, а из трубы шел дымок. Отцовы рассказы о разбойниках не могли забыться так скоро. Мы переглянулись и задали стрекача.

Потом рассказали нам, что живут в сторожке какие-то Косицины. Кто такие Косицины, почему они там живут, как в сказке, одни в темном лесу, на берегу реки, посреди поляны, красной от земляники? Может, они-то и есть разбойники?

А когда кончилось детство и все стало понятным, все встало на свои места, позвала чужая сторона и некогда было вернуться к светлой, как сама речка, мечте — дойти до истоков Ворши.

Теперь, проглядывая по карте, как идти дальше, мы шарили кончиком карандаша по деревням и селам. Отметив крестиком село с интересным названием Ратислово (была, значит, тут рать, но было и некое слово), карандаш наткнулся на крохотный кружочек, около которого написанное мельчайшими буквами вдруг зацвело, заиграло, запереливалось красками выплывшее из глубин души, из потаенных уголков памяти, из давней детской мечты короткое словечко — Бусино...

К концу дня вместе со стадом коров в прозрачно-золотистом облаке пыли, пахнущей парным молоком, мы вошли в эту деревню. Бригадиров дом оказался в конце длинного порядка, растянувшегося по берегу отлогого широкого оврага. Хозяина не было дома, и мы расселись на завалинке. Жена бригадира рядом с нами нянчила ребенка. Постепенно число детей около женщины увеличилось, и наконец собрались все шесть ее сыновей-богатырей. Старшему было не больше десяти — двенадцати лет.

Мы все боялись задать главный вопрос: здесь ли начинается река Ворша. Вдруг скажут: «Что вы, не знаем никакой Ворши и вообще никакой реки здесь нет». Почему они сами молчат о том, что у них начинается река? Ведь не в каждой деревне начинаются реки! Наверно, и правда здесь ничего нет. Откуда я взял это Бусино? Из детства, из рассказов отца. Но мало ли чего может рассказывать отец ребенку! Тоже и сказками потешают детей.

Земля, покрытая высоченной густой травой, уходила вниз полого, но глубоко. Противоположный берег оврага поднимался стремительнее и круче. А на дне оврага, в лиловых сумерках, начали появляться белые,

как вата, ключья тумана. Туманные озерки сливались, вытягиваясь в ленту, и наконец овраг до половины наполнила плотная белизна. Это обнадеживало. Такой туман не мог родиться в простом овраге. Он мог родиться лишь в том случае, если там, на дне, в травах, пробирается речная вода.

Совсем стемнело, когда пришел отец шести сыновей — колхозный бригадир, молодой мужчина в вылинявшей и выгоревшей гимнастерке.

Он повел нас на ночлег.

В избе, куда мы пришли, было еще темнее, чем на улице. Однако темнота не могла скрыть того, что горница прибрана плохо, на столе возвышается гора свеженарубленной махорки, и хозяин, округлородый старик, сгребает махорку в фанерный ящик. Тут же, на столе, валялось множество листочков от численника, предназначенных на сигарки.

Керосиновая лампа трепетно осветила горницу, и мы увидели, что у старика красные слезящиеся глаза и до черноты закоптелые пальцы.

Старая женщина, вздувшая огонь, оглядела нас всех и остановила на мне странный, долгий, вопросительный взгляд. Потом она вышла, но тут же вернулась. начала хлопотать с самоваром, а я то и дело ловил на себе ее взгляды, от которых становилось жутко. Сначала во взгляде ее был немой вопрос, потом почти мольба, потом осталась одна лишь боль. Тогда я осмелился, спросил ее, почему она на меня смотрит, может, где-нибудь видела раньше.

— Думала, сын вернулся, да поначалу не открываешься. Сын у меня был — две капли с тобой. Тринадцать лет жду. Бумаг похоронных не было — значит прийти должен.

— Полно пустое говорить, — грубовато оборвал ее муж-старик. — Кому прийти, все давно пришли.

Женщина вышла.

Старик снял со стены фотографию и дал нам.

— Правда, всхож ты на нашего Леньку, я и то усомнился.

На фотографии был молодой круглолицый парень, русский, здоровенный, курносый. Я, признаться, не нашел в нем большого сходства с собой, но матери виднее — значит что-то было.

Я не сказал своим спутникам, зачем мы пришли в Бусино, боясь, что придем, а здесь ничего нет. Теперь, вечером, нужно было мне установить все точно. Я вышел на улицу. Пока мы сидели в горнице при керосиновой лампе, взошла луна, зеленая, свежая, будто только сейчас умылась светлой водой. Тумана в овраге стало еще больше, он поглубел, засеребрился под лунным светом. Почти бегом бросился я в овраг. Брюки мои до колен тут же намочили, как если бы я вбежал в воду, в башмаках начало хлюпать. И еще раз мелькнула надежда: такая роса обязательно возле воды.

Запахло туманом. Он был густ и плотен. Вот я вошел в него по пояс, вот скрылся в нем с головой. Четкие очертания луны стушевались, как если бы на нее набежало облако. На дне оврага безмолвие охватило меня. Тогда в лунном безмолвии послышалось далекое, но явственное бульканье воды. Я пошел на звук. От главного большого оврага отходил в сторону небольшой овражек — тупичок. Он был не более ста шагов в длину и кончался крутой поперечной горкой. У входа в него росла высокая ветвистая ива. Никаких деревьев или кустов вокруг этой ивы не было видно. По овражку-тупичку, гремя, журча, переливаясь, бежал ручеек. Он пробил себе узкое углубленное руслице, над которым разрослись травы так, что самого ручейка не было видно.

У крутой поперечной горки, то есть у задней стенки овражка, травы буйствовали невероятно. Оттуда плыл, наполняя овражек до краев, резкий, душноватый аромат дягиля. Его белые пышные соцветия зеленовато светились. Там, окруженная могучими травами, и была колыбель.

Четыре дубовых венца образовали прямоугольный сруб длиной метра в полтора, шириной в метр. Черный поблескивающий сруб до краев был наполнен водой. Но я узнал об этом, только дотронувшись до воды ладонью. Она была так светла, что ее как бы не было.

Выливаясь из сруба, вода обретала голос и видимость, потому что начинала переливаться, течь, быть ручьем.

По склонам оврага цвел красными шапками дикий клевер, атели гвоздички, желтели лютики. Наверху, над тихой колыбелью реки, в самом изголовье, густая росла пшеница. Пыльца цветения долетала до родника. Пушинки одуванчиков невесомо опускались на хрустальную воду.

Текущий по овражку, переливающийся ручей был зеленый, но я уж видел, представлял, как ярко сверкает и блестит он при утреннем солнце.

Только так, среди травы, цветов, пшеницы, и могла начаться наша река Ворша. Встретится на ее пути и грязь, и навоз, и скучная глина, но она безразлично протечет мимо всего этого, помня свое чистое цветочное детство.

Еще бежать и бежать этому ручейку, пока образуется первый бочажок и появится новое понятие — глубина.

Еще не скоро разольется он чистой гладью, в которой отразились бы и прибрежный лес, и облака, и само солнце, а ночью — синие звезды.

Еще не скоро сможет похвалиться этот ручеек-младенец тяжелым всплеском рыбины, рождающим на утренней воде багряные круги волн.

Но вот уж и девушка, разгоряченная ходьбой, умылась в реке, вот уж подошла к ней женщина и унесла на коромысле два ведра прозрачной воды, вот уж метнулась от всплеска бойкая стая окуней, и удильщик забросил к осотке свою немудреную снасть.

Деревни и села задымались по берегу реки (их не было бы здесь, если бы не она), зазвенели косы в прибрежных лугах. В сенокос парни по древнему порядку сбрасывают девушек прямо в платях в теплую полдневную воду.

Вот уже и первый мост через Воршу. С моста сыплется в реку разный мусор, и поэтому, поднявшись из глубины, ходят там, кормятся осторожные головли.

Появились названия: Долгий омут, Барский омут, Черный омут. Здесь река и втекла в мое детство, чтобы стать едва ли не главным в биографии. Ничто не влияет так сильно и так решительно на формирование детской психологии, как река, протекающая поблизости. Первый друг, первая игрушка, первая сказка — все это она, река.

Не велика, не знаменита Ворша. Мало связано с ней легенд. Но неужели это так уж плохо, что никогда и никто не утопился в реке? Для славы нам нужно, чтобы бросали в воду царевен, чтобы обманутые красавицы прыгали с крутых берегов. Мы почитаем кровожадного и бесполезного орла и равнодушны к какой-нибудь там овсяночке, или пеночке, или мухоловке, спасающей наши сады и наши леса.

И вот уж сама кровожадность орла, сама его жестокость ставятся ему в достоинство, воспеваются в стихах, песнях и поэмах. А между тем еще Салтыков-Щедрин говаривал, что орел — птица прежде всего хищная. К голосу классика можно было бы и прислушаться.

Что ж трудолюбивая овсяночка, разве мы хвалим ее за то, что, крохотная, она уничтожает пуды всевозможной нечисти, или разве мы жалеем ее, когда настигнет, убьет, растерзает хищная птица?

Вот и Ворша моя трудится неустанно за веком век, принося радость и пользу людям. А главная радость от нее детишкам. Как птица овсяночка, не поражает Ворша своим величием. Ольха да кувшинки, перламутровые ракушки да пескари, ветлы да черная глубина омутов. А то еще осыпаются на воду белые черемуховые лепестки, медленно уплывая вниз по течению.

Я еще помню, как можно было голыми руками наловить в Ворше корзину рыбы. Великое множество водилось здесь голавлей, окуней, ершей, плотвы, гольцов, ельцов, пескарей, язей и иной рыбешки.

На моей же памяти завелась в Ворше щука. Где-то в низовьях (кажется, под Шаплыгином) нарушилась мельничная плотина, и в водополку, по большой воде, пожаловали первые гости — пошли по деревьям недобрые слухи. Однако долгое время воочию никто ничего не видел. Наконец сосед Костя, постарше меня лет на пять, пригласил вынимать вершу. Дело было под Бродовской Лавой. Приподнял он вершу над водой — и затрепыхалось, забилося в ней о мокрые прутья, грозя разворотить и вырваться. Костя закричал не своим голосом: «Нали... Гола... Щука!» Потом мы внимательно разглядывали на траве впервые увиденное зубастое отродье.

С тех пор начала убывать рыба в Ворше. Вот, наверно, раздолье было первым щукам! Рыба непуганая, смиренная. У нее и в инстинктах против щуки ничего не было. Сама небось в пасть лезла. Теперь-то пошли приспособленные поколения: действует зубастый естественный отбор. Теперь ежели уцелел пескарь, то его, воршинского пескаря, на мякине не проведешь!

Про Воршу мог бы я рассказывать без конца: мало ли было рыболовных приключений, мало ли встречено на ней радостных зорь, мало ли слышано соловьев, мало ли похоже по ее ночным берегам! Одних стихов прочитал я ей уйму, и много стихов напела она мне своим ласковым тихим журчанием.

И все это, весь особый, радостный, ни на что не похожий мир, под названием Ворша, начинался теперь у моих ног, в дубовой колыбели, среди цветов и травы с пшеницей в изголовье.

Зеленые струйки переливались в черной траве, убегая к большой развесистой иве. Там ручеек поворачивал направо и струился вдоль большого оврага, сливаясь с другими родниками.

Утром, теперь уж втроем, мы снова пришли сюда. Как изменилось все вокруг на утреннем солнце! Вместо зеленой лилась золотистая, почти огненная вода. С травы и цветов капали в нее тяжелые, серые, как жемчуг, капли.

Родников оказалось семь. Но тот, у которого я побывал ночью, самый большой, называемый Гремячкой, считается главным.

Теперь можно было разглядеть дно колыбели. Оно было песчаное, чистое. Там и тут мельтешили в неподвижной, как бы застекленной воде фонтанчики песка. Значит, там-то и вырываются из земли родниковые струи. Я насчитал шестьдесят мельтешащих песчаных фонтанчиков.

Конечно, мы пили родниковую воду и умывались ею почти ритуально. А потом пошли по течению. Вода повела нас туда, где заплуталось во ржи да в клеверах мое невозвратное золотоголовое детство.

День шестнадцатый

Этот день, как известно, начался у ключа, под названием Гремячка, у истоков реки Ворши.

Мы шли, философствуя на тему, что появилось раньше — угро-финское название реки или славянское название ее истока.

Между тем солнце поднялось выше, роса обсохла и в пустом еще, промывом утреннем воздухе начали струиться, заполняя его, первые медвяные запахи. Был разгар цветения всех трав — душистая, яркая, пестрая предсенокосная пора. Иногда нас обдавало запахом чистого меда: наносило от пасеки.

Пошли деревни, в которых старушка посмотрит, посмотрит на тебя из-под ладони, да и скажет:

— А вроде бы человек-то знакомый. Не из Алепина ли будете?

— Из Алепина и есть.

— То-то вижу...

— Почему?

— По природе. Не Лексея ли Лексеевича сынок?

— Его.

— То-то вижу, вроде бы человек-то знакомый.

Вскоре мы вошли в Журавлиху, вошли с другого, дальнего конца, откуда заходить в нее мне до сих пор не приходилось.

Я внимательнее стал посматривать в сторону протекавшей тут же речки. Не сидит ли где под кустом Петруха?

Личность эта была примечательна. Бурдачевский сапожник Петруха меньше всего занимался своим ремеслом, почему и не вылезал из унылой бедности. Впрочем, семьи у него была одна жена, которая, говорят, похаживала по миру.

Сам же виновник столь бедственного состояния семейного корабля и дни и ночи проводил на реке с удочками. Это был не просто рыболов-любитель, но одержимый человек, артист и, видимо, немножко поэт, потому что замечали его и без удочек, сидящим около воды по несколько часов неподвижно.

Всегда небритый, всегда в черной линялой рубаше, выпущенной поверх штанов, всегда босой, всегда с двумя удочками на плече и жестяным ведерком в руке — таков стоит передо мной Петруха.

Он был бы, наверное, не причесан, если бы не стрижка под короткий ежик. Лет ему около шестидесяти.

Один его удильник составлен из ореховой палки и можжевелевого хлыста, другой — цельный, березовый. Леска сплетена из конских волос, вся в узлах. Вместо поплавков обыкновенные пробки от бутылок поллитровой емкости. Пьяным я Петруху не видел.

Поскольку дома его не ждали пироги да пышки, то он бродил по реке днями, ночуя тут же на берегу, питаясь то ущицей, а то деревенским обедом, выменянным на свежую рыбу.

Про него говорили, что он знает «слово», потому что там, где иной просидит хоть неделю и не дожидается поклевки, Петруха выхватывал рыбину за рыбиной, но предпочитал делать это без свидетелей. Можно наверное сказать, что никакой прикормкой и привадой он никогда не пользовался и других насадок, кроме навозного червя и хлеба, не знал.

Петрухе я обязан страстью удильщика, обязан до конца жизни, потому что страсть эта, в отличие от других, не проходит.

«Лексеич, пора!» — будил он меня еще затемно. И мы торопились, поеживаясь от предрассветного холода, шли куда-нибудь в «ловкие» места. «А то еще под Курьяновской кручей очень ловко место», — говорил Петруха, а я запоминал.

Теперь, подходя к дому, я рассказывал своим спутникам про Петруху и обещал им устроить зарю с его участием. Я и раньше в дороге часто поминал про него, так что у них появилось даже нетерпение скорее прийти в Алепино и посмотреть на прославленного рыболова.

Правда, в последнее время Петруха сдал. Ноги у него согнуло (от вечного хождения по росе и сырости), а также, как сообщали мне в письме, появились кашель и одышка.

Между тем мы подошли к лесной избе, где некогда жили таинственные Косицыны. Вдруг закричала Роза. Можно было подумать, что она наступила на змею. На самом же деле она впервые за поход увидела в траве красную-прекрасную землянику. Родная земля принимала с подарками.

«Земляничная жила», вясь в траве, уводила нас все ниже и ниже под берег реки, а сверху уже наблюдал за нами человек в очках и темно-синем поношенном кителе. Он был так же низок, как и широк, его лицо было так же округло, как и добродушно, и был он молод и весел.

— Ребята, помогите машину вытащить. Завяз в родной Журавлихе. У меня «Москвичишко», мы его легко подтолкнем.

— А вы кто?

— Косицын я, может, слышали? В сторожке раньше жили. К старикам на побывку еду.

Так произошла наша встреча с Косицыным-младшим, как оказалось впоследствии, весельчаком, рыболовом-подледником, кандидатом юридических наук, старшим преподавателем Военной академии, Героем Советского Союза...

«Москвичишко» мы, конечно, вытолкнули моментально, и тут же с нас было взято нерушимое слово, что не позже чем завтра мы на том же «Москвиче» поедem рыбачить на Колокшу, непременно с ночевкой, то есть на две зари.

Теперь до Алепина оставалось не больше двух километров. На выходе из Журавлихи уже виден за горой крохотный колокольный крестик — значит скоро появится и сама колокольня, потом старые липы вокруг нее, потом крыши домов, потом мы войдем в Московкин прогон, и мать моя, если в это время взглянет в окно, уже сможет увидеть нас...

Дни семнадцатый — двадцать второй

Эти дни мы провели в Алепине. Но село Алепино, его люди и окрестности могут составить для меня предмет отдельной книги, которую я когда-нибудь обязательно напишу.

Должен сказать только, что рыбалка с участием Петрухи у нас не состоялась. Незадолго перед нашим приходом он умер.

— Удочки тебе отказал, стоят на задах около огорода.

Я пошел на зады и действительно нашел там, где крапива переросла огородный плетень, две удочки, так знакомые мне. Одно удилище из ореховой палки и можжевельного хлыста, другое — целиком березовое. Все в удочках было исправно. Деревенские мальчишки не срезали даже крючков, к которым присохли остатки выползков, насаженных некогда негнущимися пальцами Петрухи.

День двадцать третий

Если посмотреть вдоль красной сторонки нашего села, то увидишь ржаное поле, а над ним в отдалении темную полоску Самойловского леса. Самойловский лес сбегает в низину к реке Езе. С колокольни хорошо видно, как начинаются за ним, пропадая в дымке, голубые холмы.

Я, правда, давно не лазал на колокольню, отчасти потому, что лестницы все обвалились, так что не знаю, какими показались бы мне теперь за лесные дали. Видение осталось с детства. Когда-нибудь, маленький, заглядывая в ту сторону, и навеки отпечатались в памяти голубые холмы.

Сторона для нас нехожая и неезжая. Это помогало голубым холмам сохранять свою сказочную неприкосновенность. В голубизне в особо солнечные, ясные дни проступали белыми черточками колокольни. Там будто стоят села Пречистая Гора, Кузьмин Монастырь, Абагурово...

Когда я спрашивал у отца, что за колокольни проступают из дымки, он отвечал:

— Кто е знает! Суздаль в той стороне, не его ли церкви?

Теперь я понимаю, что он был мечтатель и ему очень хотелось, чтобы из нашего села видно было далекий Суздаль.

Самойловские елки должны были спасти нас от дождя. Туча гналась за нами по пятам. Хорошо было видно, как затуманилось оставшееся позади родное село — совсем завесила его кисея — и как кисея эта, одним концом пристегнутая к двигающейся туче, другим концом волочится по земле, задевая за деревья, дома, заборы. Вот она поволоклась по ржаному полю и, зная, была не такая уж легкая и воздушная, если рожь под нею ложилась, словно приглаживал, ласкал ее кто-нибудь шершавой тяжелой рукой, как приглаживает мужик непокорные, ржаные же вихры сынишки.

Нарастающий шум только подбадривал нас, и мы бежали до тех пор, пока погоня не захлестнула, не смяла, обрушив на плечи бурлящую, июльски теплую ливневую волну.

Бежать дальше не было смысла — не играть же с дождем вперегонки. А если вас окунули в воду, то от второго окунания вы мокрее не станете.

Ливень шел волнами. Проходила одна волна, и появлялось солнце. В золотистом пару тонула земля. Пар шел и от нас, от наших спи, башмаков, рюкзаков. Потом снова настигала туча. Дорога осклизла, и идти стало плохо. Жирная грязь налипала на башмаки, так что мы обрадовались, когда начался лес с густой травой по сторонам тропинки.

Сергея от отца научился подражать птицам и теперь развлекался тем, что со всего Самойловского леса собрал к себе кукушек. Сначала несколько раз он прокуковал впустую. Ошарашенные дождем птицы не отзывались. Потом далеко-далеко раздалось ответное «ку-ку». Потом в другой стороне, потом сзади. Сергей настойчиво звал, и мы слышали, как все ближе и ближе подлетают обманутые кукушки. Кольцо сжималось, и наконец в кустах со всех сторон послышалось шастанье, шум крыльев, шорохи. Птицы летали над просекой, над нашими головами в недоумении и растерянности. Тогда Сергей решил созвать рябчиков, но снова хлынувший ливень помешал этой затее.

Как ни тепел был дождь, вымокшие до нитки, мы начали зябнуть. Кроме того, ливень перешел в мелкую морось, небо затянулось сплошной серой мглой. Верхушки елей рвали, терзали ее, отрывая и оставляя на себе белые мокрые клочья. Такое не могло кончиться быстро.

К деревне Корнево мы подошли с задворок. Долго искали прогон, чтобы попасть на улицу. Прогон все не было, и мы, решившись, открыли калитку в огород, прошли мимо гряд с луком (как сейчас вижу матово-зеленые жирные стрелы с крупными каплями дождя на них), но огород уперся в бревенчатую стену двора, а двор оказался запертым. На наш стук дверь приоткрылась, и оттуда выскочил пудовалый поросенок, а за ним уж парень. Парень не обратил на нас никакого внимания и стал гоняться за поросенком по грядкам с луком. Мы тем временем прошли через двор, залитый навозной жижей, так что пришлось ступать по редко брошенным кирпичам, и очутились в самом Корневе.

Выбрав крыльцо попросторнее, расположились на нем. На ходу было теплее, а теперь губы у нас посинели, и сухая одежда в теплой комнате стала казаться верхом человеческого блаженства на земле.

День только начинался, и, значит, неприятного впереди было больше, чем его осталось позади.

Деревня просматривалась насквозь, зеленая и пустая, как футбольное поле во время перерыва. Только гуси и куры ходили там и тут. Это был дурной признак. При коротком дожде куры прячутся и пережидают, а уж если они вышли в дождь, значит пережидать бесполезно.

Распугивая кур и гусей, расплескивая лужи, кидая вверх комья грязи, мчался по деревне «газик». Он готов был проскочить в прогон и скрыть-

ся за околицей, когда длинноногий озябший Серега бросился наперерез ему, подобно вратарю, спасающему верхний левый угол ворот. «Газик» остановился, а нам в нашем положении было все равно, куда и зачем он едет.

В автомобиле, кроме водителя, белобрового паренька в клетчатой рубашке, сидели еще старичок и женщина лет сорока пяти, со спокойным лицом, — тоже, как мы, попутчики. Водитель, казалось, рожден был для таких дорог. Ему, видимо, даже нравилось круто поворачивать баранку, когда автомобиль становился поперек дороги и юзом начинал сползать вниз, под крутой уклон, или когда на критической точке подъема нужно было свернуть на сторону, наискось, чтобы вскарабкаться на осклизлый пригорок. Мотор урчал, работали оба сцепления, потоки грязи выбрасывались из-под колес и колотили по тенту.

— Значит, москвичи, — почему-то правильно решил водитель. — Ну что ж, у нас тоже все, как в Москве, только дома пониже да асфальт пожиже. Радуйтесь, что на мою машину попали. Сейчас в радиусе ста километров все грузовики стоят по дорогам, где дождь застал. Ехать им невозможно. Только нам дорога открыта. — И он лихо подавал вперед рычаг скоростей, как будто непосредственно этим движением толкал машину вперед. — Ничего, хорошую машину сделали, без нее — гроб.

— Водитель вы тоже, видимо, классный!

Белые брови сошлись на переносице. Парень поморщился.

— Водить всяк может. У нас в школе был один балбес, инструктора отступились. Я говорю, дайте мне, не может быть, чтоб не научился, медведей и то всему научают. Отстажировался за милую душу. Теперь тоже где-нибудь сидит на дороге...

Автомобиль проскакивал какие-то деревни, села, перелески. Все это были мои голубые холмы, запеленутые водяной пылью.

— А что, правда ли в Москве, — вдруг подал свой голос старичок, — есть магазины — товары на дом приносят? Чего тебе надо — сейчас, пожалуйста.

— Там, дедушка, не то есть, — опередил с ответом водитель. — Заходишь в магазин, а продавцов нет, бери чего хошь и ступай.

— А ты не бреш! — рассердился старик. — Молод еще над стариками смеяться. И вопрос тебя не касается.

Женщина оказалась самой интересной собеседницей, правда, после того, как мы немало помучились, вызывая ее на разговор. С виду простая колхозница или, в крайнем случае, фабричная работница, она, оказывается, была депутатом Верховного Совета. Нам никогда не приходилось раньше разговаривать с депутатами об их депутатской работе, и мы засыпали женщину вопросами, выясняя подчас самые мелкие подробности.

Прасковья Ивановна родилась в деревне и лет двенадцати от роду осталась круглой сиротой: отца с матерью в одночасье свернула холера. Пошла девочка Паша в няньки. Качала чужих детей, ела чужой хлеб, только думы невеселые были свои. Надумала Паша идти на фабрику Ивана Баженова — может, дадут какую-нибудь работу.

С той поры прошло тридцать пять лет. Не стало хозяина фабрики, но она от этого не захирела. Наоборот, около одного захудалого корпуса поднялись красивые, с большими окнами корпуса. А там, где стояла казарма для ткачей, вырос большой поселок, почти город. Не бесследно прошли эти годы и для Прасковьи Фроловой. Она стала матерью четырех, теперь уже взрослых, детей, вдовой, рано потерявшей мужа.

Профессия накладывает отпечаток. Ткачиха, а тем более многостаночница, не должна суетиться, делать лишние движения, нервничать. И Прасковья Ивановна не только на работе, но и всюду была спокойной,

рассудительной женщиной. Кажется, ничего и не поделала, а в доме уже порядок, и ни соринки не найти, и дети во всем чистом, зачиненном. Взгляд у Прасковьи Ивановны прямой, добрый и тоже спокойный. А если есть какие заботы и печали, так это глубже, для себя,— у людей и своих забот хватает.

На предвыборных собраниях, на встречах с избирателями Прасковья Ивановна слышала, что «народ выбирает лучших сыновей и дочерей», хотя и не могла понять, почему она лучшая. Слышала Прасковья Ивановна также, что она, как депутат, должна будет «служить народу» и «оправдать его высокое доверие». Но все казалось, что говорят это не про нее, а про кого-то другого и что кто-то другой будет служить народу, потому что она, Прасковья Ивановна, не знает, что для этого нужно. И только в то первое весеннее утро она поняла, что все говорилось именно про нее, что она отныне депутат и с нее, а не с кого-либо другого будет спрос.

«И что же лежу-то я? — спохватилась Прасковья Ивановна.— До лежания ли мне теперь?»

Быстро встала, плеснула на лицо холодной воды, прибралась и только тут заметила, что час очень ранний, поселок спит и делать пока что нечего. Новенький, недавно поставленный телефон безмолвствовал. В окна широкими потоками лился весенний свет.

Приемная депутата Верховного Совета СССР помещалась в отдельном каменном домике, в небольшой комнатке. Прасковья Ивановна вошла в нее и хозяйски оглянулась. «Так. Графин с водой, телефон, большой красивый стол, тепло. Но что это за конура? Случись два-три человека сразу войдут — повернуться негде. И слышно все из коридора, по душам человеку разговориться нельзя будет».

Первой мыслью было пойти к директору фабрики (может, примет), поговорить насчет помещения. Уже и платок накинула, но потом усмехнулась про себя, села за стол, сняла трубку.

— Соедините с директором. Сергей Федорович? Не узнаете? Зашли бы ко мне в приемную. Дельце небольшое есть...

Вместе с директором посмотрели соседнюю комнату, прикидывали, где разгородить, как лучше сделать.

— Я с вами на фабрику пройду,— сказала Прасковья Ивановна директору.— Сюда-то я так заглянула. Дел пока нет никаких.

Не успела Прасковья Ивановна произнести эти слова, как в дверь заглянуло сморщенное, часто мигающее личико.

— Али сюда я попала? — запела старушка, и Прасковья Ивановна поняла, что это первый ее посетитель.

— Сергей Федорович,— тихо спросила она у директора,— может, инструкция какая есть для депутата, как дела вести и прочее?

— Вряд ли,— усмехнулся директор.— Тут придется не по инструкции, а по совести. Желаю успеха.— И он вышел, оставив Прасковью Ивановну одну.

— Откуда ты пришла ко мне, бабушка?

— Из Судогды, милая. Из самой, почитай, Судогды. Бумагу бы мне. Потому как гонят.

Прасковья Ивановна хотела спросить, какую бумагу и кто гонит, но старушка уже начала изливать свою душу, и остановить ее было трудно.

— Сама-то я и не городская вовсе. И не люблю я город-то, шут его возьми. Дочка у меня в городе жила. Ну и с детками, с внучками моими, стало быть. И что же, милая, все под богом ходим, померла дочка-то, а детки, значит, остались. Я возьми да к ним и поселись. Ведь им тоже уход нужен.

— Правильно ты, бабушка, сделала, что к ним переехала.

— То-то правильно. А теперь гонят.

— Кто гонит? Откуда?

— Да из дому же и гонят. Не на меня, вишь, записан, а на дочку. А дочка-то померла. Понадобился им дом, а я, старая, что я им скажу, вот и гонят...

— Не может быть,— вырвалось у Прасковьи Ивановны.— А дети как же?

— А детей, говорят, в детдом возьмем. Да разве чужие люди уходят за ними лучше, чем я, родная бабка, ухажу? И у меня на старости последнюю радость отнимут, разлучат с внучками моими. Дом, вишь, им понадобился...

У Прасковьи Ивановны все так и закипело внутри. Но это была первая к ней просьба. Прасковья Ивановна, с одной стороны, не уверилась еще в своих силах, а с другой стороны, хоть и не похоже, но мало чего наговорит посетитель. Все-то как верить? Поэтому заговорила спокойно:

— Ты, бабушка, поезжай домой. Я это дело так не оставлю. Я все доподлинно узнаю и в обиду тебя не дам. Ступай, бабушка!

Старушка замялась в дверях и спросила с испугом:

— Так ты мне так никакой бумаги не дашь?

Так и ушла, очевидно думая, что проездила зря.

...А вскоре к Прасковье Ивановне домой зашел директор школы. Он пригласил Прасковью Ивановну на родительское собрание.

— Вот, товарищи родители,— говорил он в школе.— К нам пришла Прасковья Ивановна. Уже несколько лет я добиваюсь улучшения света в школе. А воз и ныне там. В результате у детей может испортиться зрение. Давайте попросим Прасковью Ивановну помочь нам в этом.

— Что же меня просить-то? — ответила Прасковья Ивановна.— Сама вижу, что темновато у вас. Удивляюсь, как это вы раньше терпели.

Придя домой, позвонила директору фабрики.

— Сергей Федорович, что же вы школьников наших в черном теле держите? Разве у них свет? Так и глаза испортить недолго. Вы уж прибавьте им свету-то.

Сергей Федорович засмеялся.

— Я, Прасковья Ивановна, не бог Саваоф, чтобы взять да прибавить. Тут трансформатор нужен. Транс-фор-ма-тор! И несколько километров проволоки. А у меня этого ничего нет. Уж если вы взялись за это дело, могу совет дать: вызовите сначала медицинскую комиссию, пусть она составит акт, тогда и добиваться будете.

Прасковья Ивановна стала работать инструктором по ткацкому делу. Это не привязывало ее к рабочему месту, можно было отлучиться с фабрики, если того требовали депутатские обязанности.

— Стараюсь, стараюсь,— жаловалась ей молоденькая девушка с черными, как смородина, глазами и ямочками на щеках, — а все ничего не выходит.

— А ты не старайся, милая,— внушала ей Фролова.— Потом стараться будешь, когда выучишься. А сейчас не торопись, тихо работай, спокойно. Оно и пойдет.

— Тетя Паша, к телефону вас! — крикнули с другого конца цеха.

В трубке захлебывался от волнения голос директора школы.

— Наделали мы с вами дел. Комиссия пришла, закрывают нашу школу. В трехдневный срок закрывают. Помогите, Прасковья Ивановна.

Едва-едва удалось уговорить комиссию не закрывать школу. Пришлось пообещать, что в самое короткое время будет хороший свет.

Председатель облисполкома выслушал Фролову с улыбкой.

— Стоило вам из-за этого во Владимир ехать! Что же, директор-то не может сам решить? Ерунда какая. Увеличить накал или, как там его, напряжение...

— Что-то другое нужно. Я в электричестве — темнота. Но что-то нужно из Москвы выписывать.

Председатель засмеялся.

— Преувеличиваете. Я позвоню директору. Уладим.

— Ну уж нет.— Прасковья Ивановна приоткрыла дверь кабинета и позвала из приемной: — Иван Павлович, зайдите-ка.— А председателю пояснила: — Я на случай захватила с собой начальника электроотдела... Расскажите нам, Иван Павлович, что нужно, чтобы школу осветить...

На другой день пошло ходатайство в Совет Министров. А через несколько недель по-новому засветились окна школы.

Шло время. В земле лопались разогретые весной зерна, и земля покрывалась молодой травкой. Отцветали и наливались колхозные хлеба вокруг поселка. Чертя золотые зигзаги по синему небу, облетали листья деревьев. Спокойный и холодный снег покрывал все — и бывшую траву, и бывшие цветы, и бывшие листья.

И в любое время года шли люди к Прасковье Ивановне. Они несли ей свои заботы, свои неполадки, свои беды. И еще раз, уже в Москве, на сессии, спрашивала Прасковья Ивановна, нет ли каких инструкций для работы депутата. И снова отвечали ей: «Нет, инструкций не будет, главная инструкция — правда». А чего-чего только не просили у нее!

— Муж скрылся,— плачет работница фабрики.— Разыщите мне его, окаянного. Дети остались. Чай, зарабатывает где-нибудь, стрейбуйте с него, что положено.

— Я его найду,— успокаивает Прасковья Ивановна женщину.— Я его на дне моря разыщу, ты не плачь. Сейчас позвоню судье.

И вот идет переписка. По штампам на конвертах можно проследить путь, по которому двигался проходимец, бросивший семью. Мелькают города: Смоленск, Гомель, Барановичи. Там он был швейцаром, там — носильщиком на вокзале, там — разнорабочим. Наконец из Калининградской области приходит бумага: «Такой-то Григорий работает в колхозе. С него удержано в пользу истицы 746 килограммов зерна и 1100 рублей деньгами».

Но иногда приходили и такие ответы: «Вина гр. Самохвалова А. И. в присвоении народных средств установлена. Оснований к обжалованию приговора не имеется».

— А ведь как плакалась его жена! Как в грудь себя колотила! Видно, не каждым слезам верь.

После нескольких случаев Прасковья Ивановна поняла, что доброта добротой, а дело делом. И что прежде, чем помочь человеку, нужно разобратся, стоит ли ему помогать.

Здоровый, с красным лицом мужчина, Трофим Захаров, хочет устроиться на работу на фабрику и получить участок земли для дома.

— Ты, мать, помоги мне определиться. Век благодарен буду. А то директор ваш то да се, одним словом, заминка.

— Да ты из колхоза-то что ушел?

— С семьей у меня, мать, неполадки вышли. Чай, знаешь, бывает — дело людское. Теперь не могу в одном месте с ней жить.

— Ладно. Зайди в другой раз.

Трофим зашел и в другой раз.

— Ну как, мать? Али выйдет дело?

— А ты не спеши. Дело делу рознь,— произносит Прасковья Ивановна, строго глядя на посетителя.— Ездил я в ваш колхоз.

Красное лицо Трофима приобретает сизый оттенок.

— С председателей сбежал,— уже обвинительно говорит Фролова.— Потеплее место ищешь. В глаза лжешь? Нет тебе помощи от Советской власти!

...Письма идут не только с просьбами. Почти половина писем — это благодарности людей за внимание, за помощь, за участие. Таких писем — сотни. Но никогда не забыть Прасковье Ивановне самого первого «спасибо» от самой первой своей посетительницы, от старушки из Судогды.

«...И сообщаю тебе, что оставили меня в покое, и с внучками моими в том же дому. А и жить мне в этом дому до окончания дней. Спасибо тебе, родная...»

И тут уж никак невозможно разделить, к кому относится это слово «родная» — к ткачихе Прасковье Ивановне или к ее народной депутатской власти.

...«Газик» въехал в большое село. Длинная прямая улица была куда грязнее, чем дорога в поле или в лесу. Телега, уступившая нам путь, вязла по ступицы. Несмотря на это, автомобиль трясло и кидало, как будто под грязью скрывались пни.

— Все. Заехали на Громовский проспект,— сообщил водитель.— Говорю — как в Москве, только дома пониже да асфальт пожиже.

— Почему же Громовский, в честь летчика?

— Председатель райисполкома здесь Громов, вот и зовем. Видите, замостил как... Вас в райком или в чайную?

— К Дому колхозника. Обсохнуть нужно.

— В нашей власти. По трешнице, чай, заплатите? Такси дороже берет. Эх, родимая!..

Село, куда мы приехали, называлось Небылое.

В Доме колхозника оказалась свободной только одна койка. Серега определился на ней, а мы попросились на постой в домик поблизости. Там нашелся летний чуланец с маленьким квадратным окошком и огромным количеством бутылочек и склянок на полу. Хозяин дома был ветеринар.

День двадцать четвертый

Просыпаясь ночью, прислушивались... Шумит! Жестко барабанит по железной крыше дома, шлепает, как ребенок ладошками, по земле и лужам. Утро походило на сумерки, июль походил на осень.

— Пока еще все в сусек,— слышался за стеной разговор.— Пока еще миллионы подваливает. И травам не без пользы, и хлебам, и грече, а пуще всего картофелю. Однако сенокос на носу, ну как затянется... Все сгниет!

— Не каркай раньше сроку. Все лето ждали да молили, а два дня полил — и напугал и надоел.

— И то два дня! Кажется, что неделю!..

Завернутые в брезент, мы напугали дождик, и он вдруг переমেжился. Около горизонта в седой низкой мгле образовалась голубая прореха. Края ее рвал ветер, задирая их все больше и больше. Он сдирал с неба облачность, словно картофельную шелуху. Окрестности прояснились, как проясняется на бумаге детская переводная картинка. Стало жарко. Плащи пришлось свернуть и нести под мышкой.

Мы шли в Кобелиху. Дело в том, что Небыловский район искони чуть ли не на всю среднюю Россию поставлял пастухов. «Район потомственных пастухов» — так его теперь именуют даже в газетах. Значит, здесь, в этих местах, и живут прославленные владимирские рожечники. Больше всех других деревень славилась рожечниками Кобелиха, вот почему

мы шли туда. Придем, попросим сыграть две или три песни и уйдем обратно. Такова была цель похода.

Тропа вела то лугом вдоль речки Тумы, то частым лесом, то гречневый полем. Везде хорошо было идти. В лугах попадались кочки, сплошь покрытые гвоздичкой, этакие пурпурные островки среди зелени. В лесу, у самой тропинки, росли огромные лесные колокольчики, так что каждый колокольчик был чуть ли не по куриному яйцу. Про гречу и говорить нечего: она цвела, и самый воздух над ней был как бы розов.

Правильно говорит пословица: «Летом два дня льет — час сохнет, осенью час льет — две недели сохнет». Теперь было лето, и пока мы шли до Кобелихи, тропинка обветрилась, траву обдуло, только земля сама была черная и рыхлая.

После дождя легко полетится, — этим и воспользовались кобелихинские крестьяне. Все они высыпали на усадьбы полоть лук. Лука здесь были — поля.

— Как же, спокон веку луком держимся, — пояснила нам женщина, мимо которой проходили. Распрямившись, она поправила волосы тыльной стороной ладони (руки в жирной земле), проводила нас взглядом и снова принялась за дело.

Двумя вереницами дома Кобелихи сбегают к реке Колокше, но перед самой рекой останавливаются у крутой зеленой горы, не решаясь сбегать с нее на прибрежную луговину.

Над одним домом, вернее над огородом этого дома, собирался к отлету пчелиный рой. Шум слышался издали. Разреженное облако роя клубилось, клубилось, становясь все меньше, но гуще и чернее.

— Манька, чего глядишь! — закричал старик из соседнего дома. — Беги, ищи Катерину! Скажи, рой уходит, а я постучу покуль.

Манька, девочка лет двенадцати, побежала вдоль деревни, а старик ушел в дом и возвратился с ведерком и палкой. Как известно, разный звон вызывает у пчел тревогу, и они торопятся сесть, привиться поблизости. Но стучать старику не пришлось. Пока он бегал в избу, рой оклубился окончательно и, приняв форму дырявой овчины, полетел навстречу солнцу. Старик проводил его, приставив ладонь к глазам, несколько присев при этом и все держа в руке ненужное теперь ведро.

— Ишь ты, ушел, подосадует Катерина-то! А кому-нибудь — находка. Или в лесу, в дупло сядут. Бывает и так.

Около правления колхоза «Красное Заречье» на траве, на бревнах, на чем попало сидели колхозники. Мы подошли и присели тоже. Начиналось колхозное собрание.

Понравилось нам уж то, что председатель начал не с международного положения, как это бывает на многих собраниях, он начал с дела:

— Завтра начинаем покос! Давайте решим спереж, откуда начинать — от Лыковой межи или с Дмитрова луга?

Тут поднялся шум. Каждый захотел высказать свое мнение.

Решено было начинать с Дмитрова луга, но выяснилось, что у половины людей не хватает кос.

— В сельпе разве нету?

— В сельпе!.. — послышались издевательские голоса. — В сельпе к сенокосу гвоздей ящик привезли да навески — ворота навешивать.

Собрание решило командировать человека в Москву за косами.

— Теперь вот что надо решить. Многие на делянках недобросовестно относятся к работе, сшибают верхушки, не прокашивают рядки. Как будем поступать с такими: пусть перекашивают снова или же начислять за работу им только пятьдесят процентов? Короче, чем бить их будем: горбом или рублем?

— Ты подожди бить-то! — выкрикнул, а затем и поднялся один колхозник. — Верно, не прокашивается трава, а почему? Тоже надо обратить на свое орудие, то есть который вручен нам инструмент. Струментина, она ведь что, в ней все может проявиться, а ты бить. Надо бить, да с разбором.

Эта речь, смысл которой заключался, видимо, в том, что не всегда косарь, бывает и коса виновата, произвела сильное впечатление. Председателю пришлось стучать по бутылке с чернилами.

— У себя на усадьбах тем же инструментом работаете, а качество? Небось ни травинки не остается.

— Так ведь у себя-то мы ни за чем не гонимся, кроме как траву скосить, а на делянках — за трудовнем.

Потом стали зачитывать длинные побригадные списки колхозников. Пока их читают, я успею сказать, что деляночная система эта во время сенокоса мне не нравится.

Почему с давних пор самой любимой работой и самой любимой порой в деревне был сенокос? Потому, что он один из всех крестьянских работ проводился сообща, объединял всех, сдружал, коллективизировал. Весь год копались крестьяне каждый на своем клочке, а в сенокос выходили в одно место всем селом, или, как это называлось, всем миром, становились друг за дружкой, тягались (соревновались) друг с дружкой, в минуты отдыха балагурили, и это было как праздник. В полдень тоже все вместе выходили бабы разбивать валки, ворошить сено. Туда и обратно шли с песнями. И вот эту, самую коллективизирующую, самую сдружающую, самую объединяющую страду решили проводить по-новому: получай каждый свою делянку и вкалывай на ней в одиночку.

Система эта считается более производительной, но, выигрывая в одном, мы проигрываем в другом, в духовном, не менее важном. Система эта введена для того, чтобы не осталось нескошенной травы, чтобы убрать ее всю. Но при прежнем, коллективном труде не оставалось в лугах ни одной не убранной сенинки.

Собрание продолжалось.

— Как вы помните, мы посылали письмо дедушке Махмуду Эйвазову — правда ли, ему сто сорок семь лет...

Колхозники вспомнили про письмо, оживились, заинтересованно зашумели.

— Вот пришел ответ от дедушки Махмуда. — И председатель стал читать письмо, где азербайджанский старожил благодарил за внимание, желал успехов. И хотя видно было, что писал он не сам, а написали за него, вся эта история была хороша и трогательна: заинтересовались, написали письмо, получили ответ, занимались этим на колхозном собрании. Что-то теплое и человеческое было тут. И то хорошо, что старика председатель называл не товарищ Магомет Иванович Эйвазов, а просто дедушка Махмуд.

В начале собрания мы послали председателю записку, и теперь он объявил:

— Вот какое дело! Пришли к нам люди, интересуются нашими рожечниками. Так что у кого есть рожки, большая просьба сбегать за ними и, так сказать, продемонстрировать.

Народ повалил из правления. Но ушли не все. Человек пятнадцать мужиков осталось в правлении. Тут уж мы завели с ними разговор без посредства председателя.

— Да, были трубачи у нас, были! Шибровы, бывало, на коронацию ездили, царю, значит, играть.

— Где же они сейчас?

— Примёрли. Сын их здесь. Тоже мастер. Ванька, сбегай-ка за Шибровым.

— А то еще Петруха Фужов — Горькому в Москве трубел. Правда ли, нет ли, плакал Горький-то, слезу, значит, прошибло. Подарил он Петрухе чего-то там, а Петруха ему — рожок.

— Где же ваш Петруха?

— В Ногинске живет. Их ведь три брата, и все трубачи. Иван теперь полковник — чай, уж забыл, какой рожок бывает, а Павлуха дома. Васья, верни Павлуху, да чтоб рожок захватил.

— Братья Беловы, те все по радио из Москвы трубели! Да рази мало было?! И Мишка Шальнов трубел, и Шохины... Побило много трубачей-то. В войну.

— Да сейчас-то кто трубит ли?

— Трубят понемногу: и Коркин и Шишкин. Много бы трубело, да зубов не осталось — года.

— А зубы при чем?

— Как же, зубы — первое дело. Дух-то ведь нужно выпускать не как-нибудь, а систематически. Значит, без зубов — шабаш.

— Вот у меня возьми, — заговорил мужик лет сорока — сорока пяти. Было странно видеть на его небритом, запущенном лице большие печальные глаза. — Вот у меня зуб-то осколком в войну выбило. — И он постучал желтым от махорки ногтем по желтым передним зубам. — Вернулся с войны — снова за пасево. А какой я пастух без рожка? Не так приучены. Теперь вон и в бутылку ходят дудят, а мы, бывало, нет, рожок подай, да еще пальмовый, кленовый так и не возьму. Ну рожок у меня был, всю войну хозяина дождался. Взял я его, дуюсь, пыжусь, а игры не выходит. Не от зуба ли, думаю, все это? Вырезал я из липы деревяшечку, обстругал, обчистил, вставил наместо зуба. Что ты, пошло. Так и носил его в кармане — деревянный-то зуб. Поиграю — в тряпочку и в карман.

Да. Бывало, в Лежнево по четвергам рядиться. Собиралось нас, пастухов, видимо-невидимо, с разных деревень и мест. Мы, рожечники, садимся в рядок, человек сто двадцать, и ну играть. Без рожков пастухи тут же околачиваются. Но он поди докажи, что хороший пастух. А я как заиграл — товар лицом. Мужики из разных деревень ходят вдоль рядов, прислушиваются, выбирают. Спор из-за хорошего трубача разгорится, чуть не до драки. Хорошему трубачу и платили больше, потому бабы наши игру любят. Заведешь на зорьке, к примеру, «Во лесах», или «Коробочку», или пожалостливей чего, — по росе куда как далеко отдается. Бабы сейчас просыпаются коров доить, а ты все играешь. Оно и приятно. Красиво, одним словом. Можно, конечно, и в бутылку подуть. И дуют теперь многие, да слышал я осла на войне — краше орет, ей-богу, краше. — Все засмеялись. — А звук какой-никакой все одно производить надо. Потому без звуку пастуху нельзя.

— Вот и сыграли бы нам. С детства слышать не приходилось, а они, — я показал на спутников, — и никогда не слышали.

— Так ить струбаться надо. Без струбанья не выйдет. Давно уж не играл никто из нас. Зубов тоже нет.

— А молодежь?

— Куда... Никто не может. Да и рожки перевелись. Бывало, мастер в Пречистой Горе жил, под боком. Хошь тебе пальмовый, хошь какой!

— Да вы без струбанья!

— Нельзя. Один должен на басу, другой на толстой вести, третий — на ровной, четвертый — на подвизге.

— Это что такое?

— Подвизгивать — значит в лад, для рисунку.

— Пастухами все врозь ходили, каждый сам себе играл. И теперь кто-нибудь один попробовал бы, тряхнул стариной, вспомнил молодость!

В это время стали приносить рожки. Вот он у меня в руках — немудреный инструмент, сделанный из куска пальмы.

Длины в нем не больше двух четвертей. Толщиной он с узкого конца — в большой палец, а в раструбе — с донышко бутылки. Пожалуй, и поуже. Дырочки вдоль него — ладить. Кое-где вокруг резным украшением опоясан: или зубчики вырезаны, или просто луночка к луночке пущена. Весь он до темноты отполирован за долгие годы. Звуки, льющиеся из этой деревяшки, могли изумлять заграничный люд (ездили и в Лондон владимирские рожечники!), заставили плакать Горького, наводили отраду на русских баб потому, что по окраске звука, по его колориту и своеобразию нет больше ничего подобного этому.

Шибров приставил рожок к краю рта, встал, надулся до покраснения, потом надулся еще сильнее, потом еще сильнее — казалось, нужно было ему довести себя до определенной степени багровости, чтобы получилась песня, и когда довел, прозвучал в правлении хриплый стон.

— Погодь, не попало ли чего, да помочить надоть. В моченый легче!

В рожке, правда, что-то было. Соломиной прочистили его — оказался там дохлый таракан. Принесли ведро воды и стали окунать рожки. Бывалые рожечники, то один, то другой, пробовали вывести песню, но вырывались из дерева только нелепые обрывки мелодий, совсем не гармоничные — то визгливые, то хрипящие звуки. Когда же решили попробовать вчетвером, то есть и бас, и толстая, и ровная, и подвизг, получилась такая какофония, что мог бы позавидовать и американский джаз.

— Нет, ничего у нас, видно, не выйдет. Совсем отвыкли. Да и зубов нет, да и вообще без струбанья-то... Отошло.

Здесь я должен забежать на несколько дней вперед и рассказать, как нам привелось услышать все же настоящую игру владимирского рожечника. Дело было под Суздалем. Серега остался писать разные суздальские уголки, а мы пошли посмотреть на Кидекшу. Известно, что в четырех километрах от Суздаля, у впадения Каменки в Нерль, на зеленом берегу стоит древнейшая, самая первая белокаменная постройка Северо-Восточной Руси — церковь во имя князей Бориса и Глеба. Юрий Долгорукий похоронил там дочь Евфросинью, сына Бориса и жену его Марью.

Мы нашли церковь не только сохранившейся, но и восстановленной, в прекрасном состоянии, словно строили ее не в 1152, а в 1952 году. Свежепобеленная, она стояла, как игрушка, среди прибрежной зелени, отражаясь в спокойной светлой Нерли. От церкви с высокого места далеко проглядываются занерльские дали. Низкий дощатый мост перегораживал реку как раз под нами. Время от времени по нему осторожно пробирались грузовики.

День шел к концу, да к тому же находила туча. Становилось сумрачно. Только церковь еще ярче светилась на фоне грозового неба. Замечали ли вы, как ярко горят фарфоровые стаканчики на телеграфных столбах, когда находит гроза, а тут не стаканчик — большое и красивое сооружение.

Как бывает всегда перед дождем, мир затихал. В такое время случайный звук в соседней даже деревне (звякнет ведро у колодца, крикнет гусь, скрипнет тележное колесо) слышен всеми в окрестностях.

В такую вот тихую минуту в занерльских далях и заиграл рожок. Казалось, он поет совсем близко за холмом. Нужно только перебежать реку и взобраться на холм, как тотчас увидишь, кто играет. А пел рожок переливчатую песню «В саду ягода-малина».

Мы перебежали реку по дощатому мосту и, стараясь сохранить направление (рожок перестал играть), пошли по луговым травам. За холмом оказался широкий и глубокий овраг с глинистыми склонами. Ручьи дождевой воды нарыли по склону оврага множество извилистых руслиц,

дно которых¹ усыпано мелкими разноцветными камушками. Кругом следы коров, овец, коз. Направо овраг расширялся и выходил к той же Нерли, налево терялся в кустах, уводил к дальнему лесу. Мы пошли налево.

Кто-то изорвал находившую тучу в клочья, как неприятное письмо, и выбросил эти клочья на ветер. Теперь они летели по небу, кувыркаясь и перегоняя друг друга. Несколько капель упало на нас, но большого дождя можно было не бояться. Стало заметно светлее.

Кидекша, а сзади нее и суздальские сорок-сороков отделились от нас, как будто мы перевернули бинокль. Они стояли, словно сахарные игрушки, под пологом темной тучи.

Уж километра за три ушли мы от Кидекши, а никакого стада не попадалось. К тому же, углубившись в частый кустарник, мы теперь не видели ничего вокруг дальше, чем на десять шагов. Когда кустарник кончился, оказалось, что прямо перед нами сосновый лес, а левее, над ржаным полем, соломенные крыши неведомой деревеньки.

Наверное, мы решили бы ночевать в ней, потому что наступал вечер, но снова заиграл рожок, на этот раз сзади, в овраге. Через четверть часа с пригорка открылась картина: по сумеречному полю идет человек в брезентовом плаще и брезентовой военной фуражке. Идет он тихо, не оглядываясь, а за ним, рассыпавшись по полю, так же тихо движется стадо. Наше появление было неожиданностью для пастуха: ведь поблизости нет ни тропы, ни дороги.

— Заплутались, что ли? Наверно, на Суздаль пробираетесь?

— На Суздаль. Мы не заплутались, а услышали рожок, больно хорошо играет, вот и свернули послушать. Идем, идем, а никакого рожка нет.

— Ишь ты,— усмехнулся пастух и покосился на свою сумку, из которой торчал конец пальмового рожка. (Теперь мы ведь разбирались в них!) — Что же, любители нашей музыки?

— Как же любители, если сроду не слышали! Любопытство разобрало.

Разговаривая, мы все шли да шли впереди стада. Пастух торопился в село до захода солнца. Но дождь все-таки прыснул, и нам было предложено спрятаться в кусты. Мы сели, почти легли на влажную траву.

— Ничего,— пошутил наш новый знакомый (звали его Василий Иванович Шолохов),— лиса от дождя под бороной скрывалась: все, говорит, не каждая капелька попадет. Большого не будет, разогнало главную тучу.

В кустах было безветренно, так что дым от шолоховской сигарки висел возле нас, как если бы мы сидели в комнате.

— С восьми лет вот так-то пасу,— рассказывал Василий Иванович, вызванный нами на откровенность.— Где только не пас: и в Ярославской, и в Костромской, и в Московской, и в Ивановской, и в Горьковской... Другую работу давай — не возьму. А на рожке я и в Москве игрывал.

— Где же?

— И в Доме ученых игрывал и в Доме писателей, по разным залам да театрам. Слушали нас очень здорово. Ну да и мы старались. Им, значит, скрипки все надоели, а наш инструмент в охотку, вроде как после печенья хлебушка черного поесты!

— Как в Москву-то попал?

— Это целая история.— Он вдавил в землю окурочек, вытер от земли пальцы и поднялся.— Пойдемте, дорогой расскажу, поздно... Был я молодой парень, и взяли меня в армию. Заскучал я тогда по родной стороне и попросил письмом, чтобы выслали мне мой рожок: сыграю, дескать, иной раз душе и полегчает. Так-то вот, на привале, после купания отдыхала рота. Кто загорает, кто так лежит. Достал я из ранца свой инстру-

мент — и ну играть. Что тут было! Сбежались все, окружили, слушают. А я как внимания не обращаю, веду да веду свою линию. Вдруг расступились все — комиссар идет. Послушал, взял рожок, в руках повертел. «Что это такое, где взял, откуда?» — «Так и так, говорю, из дому выписал». — «А ну еще играй чего умеешь!» — «Уши, отвечаю, при мне. Что прикажете, то и будет». — «По долинам, по возгорьям» валяй». Сыграл я «По долинам, по возгорьям». «Молодец! А земляков у тебя нет, чтобы так же умели?» — «Как не быть?» Назвал ему фамилии. Командировали их домой за рожками, и собрался нас квартет. Где самодеятельность какая, вечер отдыха или подшефные мероприятия — сейчас нас на сцену: «Владимирские рожечники исполнят на своих инструментах». Комиссар тем временем выписал из Москвы артиста — гуслира Северского. Приставили его к нам для обучения. Ну и поманежил он нас, ну и поманежил! Одну и ту же ноту по семьдесят раз заставлял тянуть.

Начались маневры, и приехали в нашу часть Ворошилов с Буденным. Ну, понятно, в честь этого большой праздничный концерт по всей форме. Вышли мы на сцену, смотрим, сидят они в первом ряду. Робость на нас напала. Потом прошло. Когда дело делаешь, никакой робости быть не может. Мы играем, они, Ворошилов с Буденным, значит, хохочут, за животы ухватились! После этого и вызвали нас в Москву. Два года выступали мы по разным концертам. Принимали — спасу нет, лучше, чем Лемешева с Козловским. Я, может, так в артистах бы и остался: дело не пыльное, а денежное. Однако к земле, на родину потянуло.

— Что ж, во всей округе вы один играете или еще рожечники есть?

— Зачем один? Есть кое-где. Недавно областной смотр самодеятельности был, нас тоже позвали. Известный киноартист приезжал. Понравились мы ему. Повел он нас в «Клязьму», в ресторан то есть. Выпьем, выпьем, опять играть. Очень ему понравилось. «Я, говорит, вас, ребята, в Москву забираю. Надо, чтобы все вас слышали, а то помрете, и концы в воду. Я, говорит, вас на пленку запишу. В кино, говорит, вас снимем, чтобы память потомству осталась...» Ну, что бы вам еще-то сыграть, вот это разве? — И Василий Иванович бойко заиграл краковяк.

Играл он очень хорошо, но нужно сказать, что рожок создан для того, чтобы слушать его на некотором отдалении, из-за пригорка, из-за перелеска, через луг, через поле. А особенно на ранней заре. Вблизи игра его несколько громковата и пронзительна.

Историю эту я рассказал, забежав на несколько дней вперед. Пока мы прощались с кобелихинскими рожечниками, из которых ни один уж не мог сыграть как следует. «Ничего, — сказали, — у нас не выйдет, совсем отвыкли, да и зубов нет, да и вообще без струбанья-то...»

Однако нельзя сказать, что мы проходили зря. Во-первых, послушали колхозное собрание, во-вторых, познакомились с хорошими людьми и многое узнали, в-третьих, унесли на память по отличному пальмовому рожку, которые лет через двадцать так же трудно будет достать на земле, как и живого мамонта.

День двадцать пятый

Каждому дереву — своя цена!

Нанесет ветерком, и за версту услышишь, как цветет липа! Незримая река медового аромата льется от нее по яркому июльскому разнотравью. В тихую погоду несметное количество пчел слетается сюда на работу. Старое дерево, посветлев от цветения, гудит, шумит пчелами, мелькающими, мельгешащими среди цветов и листьев. С одной липы больше собирается меда, чем с гектара цветущей гречихи.

От цвета черемухи нет подобного проку, но цветет она рано, в пору весеннего пробуждения и буйства всех земных сил и соков. Поэтому

и связана с ней лирика тайных встреч, первых свиданий, горячей девичьей любви.

Но отцветают черемуха и сирень, жухнут травы, желтеют листья. Уж и пчел уносят в теплые душноватые омшаники. Краски увядания господствуют в осенних окрестностях, и ни одно из деревьев, празднично украшавших нашу землю в летние дни, не в силах теперь быть украшением. Кто заметит в сентябре ту же черемуху, кто обратит внимание на куст жасмина, кто не пройдет равнодушно мимо зарослей шиповника!

Но есть иное дерево. Мы, пожалуй, не замечаем его весной, оно не бросается нам в глаза в июле. Оно создает вместе с другими неяркими деревьями тот нужный зеленый фон, на котором и праздновали свое цветение, и выделялись, и буйствовали пышно цветущие.

Чем ближе осень, тем заметнее и ярче становится это дерево, и когда совсем обеднеет земля и нечем ей будет порадовать глаз человека, вспыхнут среди долины яркие костры рябин, и люди сложат об этом дереве лучшие свои лирические песни.

То янтарные, то оранжевые, то ярко-красные проглядывают гроздья сквозь резную, филигранную зелень, и, глядя на них, мы изменяем красоте шиповника и жасмина.

Едва-едва пожелтеют ягоды, как дети рвут их себе на игрушки. В августе все деревенские девочки украшаются янтарными бусами из сочных рябиновых ягод. Но бывает, что захочет девочка сорвать тяжелую кисть, а другая, постарше, остановит ее: «Разве можно обрывать эту рябину, она ведь невежинская».

В детстве разгорались у нас жестокие споры. Один говорил «рябина невежинская», другой говорил «нежинская». Пойдем спрашивать у старых людей, те говорят «невежинская». Пойдем в магазин смотреть бутылки с наливками, там написано «нежинская». Вот разбери тут, кто прав.

Споря таким образом, мы не подозревали двух обстоятельств: во-первых, того, что спорят на ту же тему и ученые люди, во-вторых, что село Невежино, в честь которого называется эта рябина, всего от нас в двадцати километрах.

Одни ученые писали, что в окрестностях города Нежина издавна культивируется сладкая нежинская рябина, из плодов которой готовится весьма довольно вкусная настойка под названием «Нежинская рябиновка».

Другие ученые писали, что «в пределах Владимирской, Ивановской областей распространена так называемая невежинская сладкоплодная рябина, получившая свое название от села Невежина, Небыловского района, Владимирской области, которое считается родиной этой рябины».

Кто же виноват, что так запуталось дело, и как можно было его прояснить?

В город Нежин выехала ученая комиссия во главе с кандидатом сельскохозяйственных наук Е. М. Петровым. Вот что пишет сам Е. М. Петров:

«Чтобы внести ясность в этот вопрос, мы в 1938 году предприняли специальную поездку в г. Нежин. С представителями районного земельного отдела и научными работниками опорного пункта плодово-ягодных культур мы установили на месте, что в Нежинском районе, и вообще в Черниговской области, никакой сладкоплодной рябины не разводилось и не разводится... Позже, через колхозников села Невежина и лиц, работавших заготовителями невежинской рябины у известного в свое время московского виноторговца Смирнова,— выяснилось, что последний, желая скрыть от своих конкурентов истинные источники заготовки сырья, переименовал невежинскую рябину в нежинскую и адресовал тем самым конкурентов за сырьем в город Нежин. Приготавливаемой же из плодов неве-

жинской рябины на своих заводах настойке он дал более благозвучное название «Нежинская рябиновка», вместо правильного — «Невежинская рябиновка».

С утра, как и все эти дни, шел дождь. Но мы уже знали, что он имеет привычку часам к десяти перемежаться, и ждали теперь этого срока. Действительно, ветер усилился, низкие облака полетели быстрее, потом их угнало за горизонт, и оказалось, что над ними есть еще одни облака, но что дождь с этих облаков не капает.

По осклизлой тропе мы вышли из Небылого в село Невежино. Тропа, перебежав низину, поднялась в глухой дубовый лес, в котором после дождя все капало и шуршало. Тяжелая капля, сорвавшись с верхушки дуба, прыгала с листа на лист, тенькая на разные тона, пока не падала уже бесшумно в высокую лесную траву. То и дело, впервые за наш поход, стали попадаться грибы.

Село Невежино издали похоже на крылья птицы. Края его находятся выше, чем середина, потому что в середине села, перерезая его поперек, пролегает овраг. Не могло быть сомнения, что мы пришли именно в то Невежино. Каждая усадьба (мы ведь попали сначала на задворки) представляла прямоугольник земли, обсаженный по краям рябинами. В середине росли яблони, кусты смородины, вишенье, сливы, терновник, гораздо реже картошка. Но так как другие деревья были ниже рябин, то и создавалось впечатление, что село стоит в рябиновом лесу. Некоторые рябины можно было бы назвать гигантскими. Ствол, толщиной не в обхват, поднимает развесистую крону метров на двадцать пять в высоту, где ее и треплет, словно распушенные девичьи волосы, сырой теплый ветер. Чаше от одного корня поднимается несколько толстых стволов. Они с высотой постепенно отстраняются друг от друга, создавая грандиозный зеленый шатер. Тут же между великанами, или, лучше сказать, великаншами, растут молодые стройные рябинки, с тонкими прямыми стволами и более яркой листвой. А приглядевшись, можно увидеть и рябиночьи ребятишек с маленькими редкими листочками. Земля вокруг них окопана, разрыхлена и, наверное, удобрена: известно, за детьми особый уход. Колхозного садовода звали Александром Ивановичем Устиновым.

Был он невысокого роста, по лицу — рыжеватая щетинка, водянистые глаза, маленький тонкий рот, а тут еще выпали передние зубы, и рот совсем завалился, так что не видно губ: сходятся на этом месте щетинка со щетинкой.

— Рад, рад служить. Что же вас интересует?

— Нам уж одно то интересно, что находимся мы в селе Невежине. А то распри идут — есть ли такое село? Правильно ли рябина невежинской называется?

— Как же, спокон веков наши мужики рябину практикуют. По сто деревьев на усадьбе растет. Пастух был в селе, Шелкунов. И был он, как говорится, «не весь», дурачок то есть. Он и нашел эту рябину в лесу. Теперь вы из Небылого? Значит, через лес шли. В этом лесу и нашел. Пересадил на усадьбу, у него взял сосед, у соседа другой сосед, так и пошло.

— Вы сами Шелкунова знали?

— Где мне знать! Может, это двести лет назад, может, триста было! Люди говорят. Передается! Нашу рябину далеко знают. В старое время больше пастухи ее разносили. Пойдет пасти на чужую сторону, нахвастается там про нашу рябину — ну и просят: «Принеси да принеси». Однако не прививалась...

— Земля не та или климат?

— Сладка! Как чуть ягоды, так с ветками и ломают. Конечно, им в диковинку, а ягода наша крупная, заманчивая. Приезжали тоже тут, мерили: более сантиметру поперек себя! Нашли в ней много всего — и са-

хару, и кислоты какой-то яблочной, и витамину «С», и витамину «А», будто-то витаминами наравне с лимоном да апельсином ходит.

— Куда вы девааете ее?

— Бывалоче, закупали много. Смирнов тоже был виноторговец, тот на корню целые сады скупал. Ставил по садам своих сторожей. От него и путаница пошла. Скрывал он наше село от чужих рук и придумал, будто рябина-то невежинская! Да вот еще года три назад Владимирский завод сто шестьдесят тонн закупил, а то и на рынок возим.

— Берут?

— Интеллигенция больше — на мочку и варенье.

— А еще что можно из нее делать?

— Сами-то, бывалоче, больше сушили да настойку делали. Если высушить, вроде изюму получается. Не попробуете ли?

Хозяйка поставила перед нами хлебную плюшку, полную темной сушеной ягоды. Мы начали жевать, ожидая кислоты и горечи, но сушеное было сладкое и душистое.

— А то еще в солодке мочим, в солодковом то есть корне. Это для десерту. А то еще в пироги кладем, а то еще квас делаем, да куды хошь она идет: и на варенье и на повидло. Я больше всего по-своему люблю: наложишь ее с осени на подволоку или в амбар, а кисть прямо с листьями ломаешь, она все равно, что на зеленой тарелке получается и вянет меньше. Схватит ее мороз. И лесная рябина, лешевка, после морозу гожа. Про нашу говорит нечего!

— Выгодно, значит, разводить ее здесь?

— Неужто не выгодно! Места наши северные, фрукту разного мало. Так чем это не фрукт! На рынке она, конечно, подешевле яблока идет, зато каждый год родится. Опять же против морозу очень стойка. Я на Камчатку посылал, не знают, как и спасибо говорить. Хорошо прижилась, должно быть! А если на Камчатке прижилась, у нас чего ей сделается!

— Как вы надумали послать на Камчатку?

— Просят. Да что ж я не покажу-то? — И Александр Иванович достал из ящика пачку писем:

«Уважаемый товарищ Устинов!

Я много слышал о сортах невежинской рябины, и мне, как садоводу-любителю, очень хотелось иметь у себя в саду рябину. Вот уже около трех лет я пишу заявки на эти сорта рябины и всегда получаю ответ: «У нас такой рябины нет». Так отвечают из госпитомников и плодово-ягодных станций...»

«Многоуважаемый Александр Иванович!

Наш институт специально направит своего садовода к вам за черенками невежинской рябины. Нам надо заготовить около 1500—2000 черенков...»

«...Очень просим вас выслать семян или сеянцев вашей замечательной невежинской рябины для плодового питомника нашей школы, а также лично для учителя Семенова...»

Письма, письма, письма...

— Откуда они узнали о вас, Александр Иванович?

— В газете меня один раз пропечатали, как есть я колхозный садовод-мичуринец.

— Вы еще и мичуринец?

— Так уж в газетах пишется, им виднее.

— И всем вы посылаете, кто просит?

— Почему не послать, пусть расходится наша рябина по белу свету. Теперь, правда, я их чаще на Собинку адресую.

— Там тоже садовод вроде вас?

— Нет, там образован опорный пункт по нашей невежинской рябине, чтобы ее, значит, изучать, разводить, чтобы все научно, чтобы не меньше ее становилось на земле, а больше и больше. Будете в тех краях, поинтересуйтесь, у них широко поставлено.

В саду полным-полно было пчел: Александр Иванович держит пасеку. Пчелы пикировали из-за высокого плетня к своим ульям, преграждая дорогу: известно, на пчелиной автостраде не становись!

— Что же вам показать? Рябины как рябины, или не видели никогда? Они ягодой отличаются, вкусом, а снаружи, что лешевка, что наша, невежинская,— одно. Приходите, когда поспеет. Может, самим понадобится, развести задумаете,— пожалуйста, в любое время я вам лучшие черенки дам, внуки благодарить будут. Конечно, кто не понимает ничего — тому рябина не фрукт. Нет, милые, в ней и красота, в ней и польза. Каждому дереву — своя цена.

День двадцать шестой

В этот день не было надежды на перемену погоды. Поэтому почтовый грузовик с брезентовым тентом над кузовом пришелся как нельзя кстати. Мы забрались под тент и тотчас убедились, что во многих местах брезент имеет небольшие дырочки. Сначала мы не придали этому никакого значения. Между тем на тенте скапливалось все больше дождевой воды. Он провис и, когда грузовик тронулся, забултыхался, как бурдюк с вином или кумысом. Вода переливалась в разных направлениях, и это способствовало равномерному ее распределению на все дырочки, имевшиеся в брезенте. Самых нас не хуже той воды кидало от борта к борту или от заднего борта к кабине.

Кроме нас троих, в кузове тряслись две девушки, парень и мужчина с двумя корзинами. Этот ехал на базар торговать грибами и ягодами. Он среди нас всех, неимущих и бродяг, представлял частный торговый сектор. Он и сидел отдельно, в углу, обхватив руками обе свои корзины.

Задний полог тента был подоткнут под железную перекладину, и мы могли наслаждаться пейзажем, как бы вставленным в темную рамку. Верхняя половина картины изображала небо из клочьев грязной ваты. Нижняя была заполнена жирной чернотой размокшей земли. Ряды длинных, тускло мерцающих луж, число которых соответствовало разъезженным колеям дороги, вносили в картину некоторое разнообразие. Лужи колыхались. Вода, вносимая из них колесами нашего грузовика, стекала обратно грязными густыми потоками.

Иногда автомобиль, поскользнувшись всеми четырьмя колесами, начинал медленно, но верно сползать в сторону. Колеса вертелись при этом, но с таким же успехом, как если бы автомобиль был приподнят краном. Верхний слой дороги размок, разжижился и играл теперь роль смазки между колесами и более твердым грунтом. Каждый пригорок приходилось брать с боем. Около одного пригорка простояли минут тридцать, отъезжали назад, прыгали на него с разгона, копали грязь лопатой, кидали в грязь камни. Впрочем, делали это не мы, пассажиры, а водитель и девушка, сопровождавшая почту.

Дождь лил, не переставая.

Второй пригорок отнял всего двадцать минут, и мы не теряли надежды, что так и пойдет по нисходящей степени. Однако случилось непредвиденное.

После бесполезной попытки преодолеть очередной пригорок автомобиль пополз задом и решительно встал поперек дороги. Водитель и девушка покопались под колесами, и им удалось поставить машину радиатором в ту сторону, куда ехала она до сих пор. Но вторая попытка кончилась

тем же, то есть сползанием с пригорка с одновременным разворотом на девяносто градусов.

Первым из пассажиров не выдержал Серега. Он разулся, закатал штаны и смело ринулся в стихию дождя и грязи. За ним полез парень. Под автомобилем что-то начало хлюпать, оттуда доносилось кряхтение, скрежет, негромкие чертыханья.

Чувство коллектива, воспитываемое в нас с детских лет, взяло верх над нежеланием мокнуть и мазаться. Постепенно мы все трое, то есть девушка-пассажир, Роза и я, присоединились к работающим внизу. Только частник со своими корзинами остался сидеть в кузове.

Работа состояла в том, что с одной стороны нужно было лопатой срывать мешавший бугор, с другой стороны — замостить этот участок дороги камнями. Камней много лежало в кучах возле обочины. Землю копали попеременно, потому что лопата была одна. Каменные работы производились всеми одновременно.

Стараясь выбрать камень поплосче, подкладывали его под колесо, рядом с ним клали еще камень, потом еще, еще, затем совершалась проба. Водитель мыл руки в луже и залезал в кабину. Мы все упирались в грузовик кто где поспел, по возможности сбоку, ибо из-под колес во время проб вылетали две струи грязи, перемешанной с камнями, как будто там работали некие гряземеты.

Проба каждый раз кончалась одним и тем же — колеса соскальзывали с каменных рельсов, уложенных нами, разбрасывали камни в разные стороны и еще глубже увязали в липкую грязь.

— Надо шире, шире мостить! Давайте попробуем в три ряда.

Объем выполненных земляных работ, между тем, давно можно было исчислять в кубометрах. Незаметно прошло часа полтора или два. Наконец не выдержал и представитель частного торгового сектора, или, может, ему холодно и скучно стало сидеть в кузове, только он, приподняв от дождя воротник, спустился на землю, отошел в сторонку и стал давать разные советы, как-то: «Неплохо бы добежать до ближнего леса и нарубить там лозняка».

Не могу точно сказать, нарочком или ненарочком полная лопата грязи (копал в это время водитель) угодила на прорезиненное плечо советчика, залепив ему ухо и часть щеки. Тот хотел возмутиться, но водитель, отвернувшись, методически работал лопатой.

Во время перекуров заходили возмущенные разговоры о дорогах вообще. Водитель рассказал, что на сто километров такой дороги уходит несколько сот килограммов бензина, и, значит, по стране перерасходуется его огромное количество. Жизнь автомобиля сокращается при этом по крайней мере впятеро, не говоря уже о резине. Если подсчитать все в рублях, то, пожалуй, построить хорошие дороги выйдет не в убыток.

А время, растрчиваемое впустую десятками тысяч людей, а шоферские нервы?! Они, конечно, не могут идти в экономический расчет, но в какие-то расчеты идти должны!

Проезжая по сухому пыльному проселку, почти на каждом шагу, в каждом углублении замечаешь всохшие в землю палки, колья, солому, лозняк, камни — следы таких вот боев, какой пришлось вести и нам. Зимой и летом, весной и осенью доводилось мне вместе с попутными сидеть, как говорится, на трех точках и еще больше видеть, как сидят другие. В свое время я забыл упомянуть, как пожаловался нам председатель Ратисловского колхоза. «Автомобили у меня, — сказал он, — есть, но пользуюсь я ими два-три месяца в году. Остальное время они отстаиваются или дома, или, застигнутые бездорожьем, где-нибудь на стороне».

— Ну вот что, — сказал наконец водитель, надевая курточку. — Спасибо вам за помощь. Мы сделали все, что могли. Безоговорочная капи-

туляция. Буду сидеть и ждать, пока кто-нибудь дернет, а нет — в колхозе выпрошу трактор. Хотите — сидите вместе со мной, хотите — ступайте пешком. Просидеть я могу и до завтра. Почта, как говорится в романах, придет с опозданием на сутки.

Мы тепло попрощались с водителем и побрели, сойдя с обочины на мокрую траву поляны.

Торговец полез в кузов к своим корзинам.

После обеда стало разведриваться, и мы повеселели. Как жалко, что, усталые, измокшие, навихлявшие ноги на скользкой дороге, мы больше смотрели под ноги, чем по сторонам, потому что в минуту «прозрений» вдруг отдалялся в разные стороны горизонт и зеленое степное раздолье окружало нас. В следующую минуту мир опять суживался до крохотного участка грязной дороги и собственных ног, старавшихся преодолеть этот участок. Но преодолеть его было не дано, ибо он двигался вместе с нами. Если из того, большого мира западали в память причудливое облако, живописная группа деревьев, колокольня, поднимающаяся из ржи, то из этого микромира запоминались раздавленная былинка, ручеек дождевой воды шириной в ладонь, солома, прилипшая к подметкам башмаков вместе с грязью. Так и шли мы, перекидываясь из одного мира в другой.

А однажды подняли глаза и остановились заворуженные. С легким поворотом дорога врезалась в высокую густую рожь. Далеко над рожью сверкнула белизной островерхая башенка с голубой луковкой над нею, а рядом еще — с золотистой луковкой, а рядом пять башенок и пять луковок вместе, а левее — высокая тонкая колокольня, а еще левее розоватые, как бы крепостные стены монастыря, тоже все с башнями, а там уж еще и еще поднимались из ржи колокольни да церкви. Они рассыпались в длинную цепочку, так что взгляд не схватывал их все сразу, но нужно было поворачивать голову то вправо, то влево. Небо в том краю совсем разголубелось, и, значит, кроме полутонов, участвовали в создании сказочной картины три основных цвета: зелено-золотистый ржаного поля, темно-голубой — небесного фона и сверкающий белый — многочисленных суздальских церквей.

У обочины дороги стоял, опираясь на толстую палку, старик в старомодной поддевке. Палка его была с острым железным наконечником и могла при случае превратиться в смертельное оружие. На боку старика — холщовая сумка, а на груди, развеваемая ветром, — белая могучая борода. Палка была длинная. Старик опирался на нее, не сгибаясь, широко расставив ноги в кожаных сапогах и глядя вдаль: не догонит ли какая машина. А так как сзади старика были ржаное поле и вся сказочная цепочка суздальских башенок, то нельзя было удержаться от соблазна сфотографировать деда.

Я общелкал его со всех сторон с чисто репортерским проворством, стараясь, чтобы вышло главное в кадре — развеваемая ветром борода. А старик стоял, не моргнув глазом и не изменяя позы.

Начались огороды — все лук да лук. Много и помидоров, огурцов, моркови, капусты. Вся низина перед городом занята огородами. Потом вы делаете несколько шагов, чтобы подняться в горку, и оказываетесь на главной улице Суздаля.

Как это ни странно, в гостинице были свободные, к тому же очень приличные номера, а чайная произвела впечатление хорошей городской столовой.

Интересно, выкарабкался ли наш грузовик из той ямы или все еще торчит там и водитель с почтовой девушкой, продрогшие и мокрые, устраиваются вздремнуть в кабине?..

Дни двадцать седьмой — тридцатый

Итак, мы остановились в Суздале. Принято считать, что у города должны быть предместья; принято считать, что в городе полагается быть вокзалу; принято считать, что город не может обойтись хотя бы без плохонькой фабрички или какого там ни на есть промышленного предприятия. Ничего этого нет в Суздале.

Без фабричных труб, без железной дороги, без больших городских зданий затерялся Суздаль среди хлебов Владимирского ополья. Выглядывают изо ржи башенки да купола церквей. Хлеба окружили город, подступив к крайним домам, как это бывает на деревенских околицах. А луга, устремившись вслед за рекой Каменкой, прорвались к самому центру города.

В стороне от главной улицы то и дело попадаются улочки, совершенно заросшие травой. Там, где должны быть тротуары, вьется узкая тропиночка, а так кругом — зелень да зелень. Смотришь вдоль такой улочки, а она пуста — ни тебе прохожих, ни тебе автомобилей! Вот выбежали двое детей, играют, кувыркаются в траве на самой середине улицы, на самой, что называется, проезжей ее части. Недалеким концом своим улочка упирается, как правило, или в монастырскую стену, или в церковь. Поэтому остается от нее впечатление тихого уютного тупичка. На окнах домов — резные наличники, на подоконниках — цветы, цветы, цветы.

Почти у каждого дома есть свой огород и сад, а перед окнами еще и палисадник, похожий на корзину, полную сирени.

Центральные улицы частью замощены, частью мостятся теперь. Город объявлен заповедником и готовится к приему многочисленных туристов и интуристов.

Говорят, что церквей в Суздале пятьдесят восемь, а так как городок маленький, то стоят они вплотную друг к дружке.

Суздаль реставрируется. Разным зданиям его и монастырям решили вернуть такой вид, какой они имели некогда, в давние времена, сначала. Руководит реставрацией Алексей Дмитриевич Варганов.

Еще в Москве много слышали мы об этом человеке, посвятившем все свои силы, знания, в конечном счете жизнь городу Суздалю. Московские специалисты, архитекторы, историки, художники — большие знатоки старины, вплоть до самых видных архитекторов, историков и художников — знают Варганова как тонкого знатока. Московский ученый никогда не скажет: «Нужно поехать в Суздаль!», но скажет: «Нужно съездить к Варганову!»

— «Золотая наводка домонгольского периода»? Так это же у Варганова, в соборе Рождества Богородицы.

— «Жена Петра Первого — Авдотья Лопухина»? Так она же сидела у Варганова, в Покровском монастыре!

В Ленинской библиотеке, в глухих дебрях систематического каталога попадается имя Алексея Варганова как автора книг о суздальских архитектурных памятниках.

...За каменной высокой стеной находятся бывшие архиерейские палаты. Пройдешь под сводчатую арку и попадешь как бы в прозрачный улей: солнечно, душно от жары и от медового запаха, пчел видимо-невидимо. Виной всему белые душистые цветочки, что заполонили двор. Особенно много их вокруг мономашьего собора.

— Варганов? Нет ли его в канцелярии музея.

— Алексея Дмитриевича? Поищите его около каменщиков.

— Директор музея? Может быть, он у плотников.

— Вам самого нужно? Он повел экскурсию на городской вал. Догоняйте.

На городском валу расположилась экскурсия. Девушки и юноши, большей частью в лыжных штанах и майках, сидят на траве на самом краю вала. За ними местность резко опускается к круглой петле реки Каменки. В низине, прямо против экскурсии, небольшая горка, словно кто положил шапку. Белая церковь и темное дерево приютились на ней.

Среди живописно рассеявшихся юношей и девушек стоит небольшого роста человек, в сером поношенном пиджаке, с копной густых кучерявящихся темных волос. Щупленький, с худощавым бритым лицом, он показался моложе своих пятидесяти лет.

До нас шла какая-то беседа. Это мы заключили из того, что черноглазая высокая девушка на самое ухо прокричала Варганову:

— Вам бы писать обо всем надо, очень много вы знаете!

— Пробую и писать, да плохо выходит. Ругают меня в газете. Я им дело, а они мне говорят: не так. Ты, говорят, пиши образно, например: «Рассеялся туман, и блеснули купола собора». О районе тоже просили книгу написать. С историей, конечно, у меня все в порядке, а вот за сегодняшним днем не успеваю. Принесу показывать — они руками разводят. «Милый Алексей Дмитриевич, да уж коровы в Суздальском районе давным-давно в два раза больше молока дают». Я переделаю, ан коровы опять меня опередили. А вопросы мне лучше на бумаге пишите, чего кричать-то! — И он негромко, не как все глухие люди, начал рассказывать.

Суздаль древнее иных русских городов, в том числе и Владимира, не говоря про Москву. Когда он возник — в точности неизвестно. Также неизвестно, почему называется Суздалем. Славянофильское предположение, что в основе лежит слово судить, осуждать, рассуждать, а отсюда — суждение и суждаль, конечно, красивая мечта. Если трезво взглянуть на дело, приходится признать, что Суздаль — слово дославянского происхождения, так же как Нерль, что течет невдалеке, так же как Клязьма. Как и все остальные, слово «Суздаль» не расшифровано, и смысл его для нас темен.

Однако, если мы не можем прояснить этот вопрос, совершенно ясно другое и более важное — почему именно здесь возник, а потом развился до столицы обширнейшего княжества город Суздаль.

Если у вас есть воображение, а оно у вас должно быть, вы можете подняться со мной на некую высоту и бросить оттуда взгляд на земли Центральной России. Среди песчаных малопригодных почв, вскормивших к тому же дремучие леса, лежит небольшой черноземный клин. Происхождение его загадочно. Так вот Суздаль — центр, как бы столица этого окруженного лесами куска полевой, хлебородной земли.

С другой стороны, поднявшись еще выше, мы увидим, что Суздаль вовсе не в стороне от больших торговых путей, а как раз на бойком торгу. Это теперь он остался в стороне, потому что пути изменились, а раньше было так: один путь — из Новгорода к Черному морю, другой путь — из Новгорода на Каспий. Суздаль и возник на этом последнем.

Там, где мы видим теперь красивые желтые кувшинки, текла река Каменка, достаточно глубокая для того, чтобы в нее могли заходить купеческие струги. В четырех верстах отсюда Каменка впадает в Нерль. Нерль выносит свои воды в Клязьму, Клязьма — в Оку, Ока — в Волгу. И вот уж брезжит в голубой дымке сказочный Восток — благовония, ковры, пряности, прочая роскошь.

Где теперь Волго-Дон, был волок до Днепра, а там уж брезжат в голубой дымке иные заморские края — Византия, Венеция, арабы. Вот почему при раскопках мы находим в суздальском черноземе персидские, индийские, арабские деньги.

Суздаль возник в языческие времена. Прямо перед собой мы видим горку, ту, на которой теперь стоит церковь. Это не простая горка, в язы-

ческие времена ее называли красной. Она оттаивала раньше других мест, поэтому древние суздальчане собирались там на припеке играть ярилены, любовные игры. На другой горе, направо, где теперь вы отчетливо видите кирпичное здание школы, на этом самом месте игрались игры в честь другого божества. У иных народов его зовут Вахх, Дионисий, Бахус, у суздальчан он носил более простое имя — Облупа. Игры в честь Облупы состояли в питии и веселии.

Христианство, идущее из Киева, не сразу и не мирно привилось в Суздале. Известен бунт волхвов. В связи с этим бунтом находим первое упоминание о Суздале в древних летописях. Это было в 1024 году.

Владимир Мономах пришел усмирять бунтовщиков и, кстати, построил здесь собор Рождества Богородицы. Но строили его южные, киевские мастера, они не учли морозов и сырости северного климата — заложили мелкий фундамент, и собор упал.

Однако был восстановлен. В него сегодня ходим. Недавно я докопался там до мостовой Владимира Мономаха. Она теперь лежит на глубине двух метров девяноста шести сантиметров.

Юрий Владимирович Долгорукий избрал Суздаль столицей, но осел в Кидекше, в четырех верстах отсюда, где Каменка впадает в Нерль. Вспомним, что и Андрей Боголюбский, считая столицей Владимир, сидел тоже в своем Боголюбове — на впадении Нерли в Клязьму. Так было безопаснее.

Когда Суздаль был цветущим, могучим городом, на западе, в дремучих лесах, дымилась десятком труб деревушка Москва.

Одному из сыновей князя Александра Невского, а именно младшему, Даниилу, после смерти отца дали в удел заброшенную, затерянную Москву — незначительное владение Владимира и Суздаля. Даниил уехал туда, и с этих времен начинается усиление Москвы. Оно продолжалось при детях Даниила и при детях его детей, до тех пор, пока все не перевернулось наоборот, то есть Москва стала столицей, а Владимир и Суздаль — ее владениями.

...Снова медовая горячая духота архиерейского двора окружила нас, и резок был переход из нее в каменную прохладу собора, устоявшуюся тут за долгие века. Ворота, окованные медью, черные, как уголь, просвечивали золотой росписью. Это и есть знаменитая золотая наводка, которую делают один раз на вечные времена. Ворота уцелели от Батыева разорения, и это считалось церковным чудом.

— Вон, — Варганов кивнул на нижний угол ворот, — двадцать лет мимо ходил, а потом думаю: дай отчищу! Отчистил уголышек, а там Самсон, львиную пасть раздирающий. Чистая Византия! Стены собора расписаны религиозной живописью. Верхняя живопись неинтересная, — пояснил Алексей Дмитриевич. — Под живописью, если ее счистить, — фрески семнадцатого века, а если и фрески убрать, откроется орнамент Мономаховых времен.

Фреска, она ведь кладется на сырую штукатурку. Писать ее можно только четыре часа, потом штукатурка высыхает. Иные мастера рисунок сначала прочерчивали гвоздем. — И Варганов показал нам прочерченные круги на штукатурке, причем гвоздь нацарапал в одном месте без толку несколько окружностей. Мастер никак не мог найти центра.

— От неопытности, что ли? — поинтересовались мы.

— Скорее всего выпивши был, вот и портил штукатурку. Рублев фрески писал сразу, без гвоздей. Это был виртуоз.

— Что за гробница там, в углу?

— А, — равнодушно бросил Варганов, — здесь лежит князь Кислый, дружкой на свадьбе у царя Василия гулял.

Мы заметили, что о разных князьях, княгинях и их родственниках Варганов говорит так просто и легко, как будто они родственники его прияте-

лей или приятели ему самому. Когда шли от собора до Покровского монастыря, произошел случай еще характернее. Подвыпивший мужчина тридцати с лишним лет отвел Варганова в сторону и минут пять что-то ему доказывал.

— Кто это? — спросили мы, когда Варганов догнал нас.

— Это потомок одного новгородского купца. Князь Ярослав захватил тогда новгородских людишек как раз перед Липецкой битвой. Семьсот лет назад дело было — может, слышали?

— Теперь-то он кто?

— Теперь он шофер на здешней автобазе. Все пристаёт ко мне, чтобы я у него кое-какую купеческую утварь для музея купил.

— Что у него за утварь?

— Посуда медная: ендовы, ковши, подносы.

Незаметно дошли до Покровского монастыря. Первым делом Варганов повел всех в склеп. Мы спускались все ниже и ниже по кирпичным ступеням, а Варганов говорил:

— Иван Грозный любил здесь ходить. Покровский монастырь был у него в большом фаворе. На Казань пошел — здесь молебен служил. С Казани шел — опять молебен служил. Даже обет давал, что если возьмет Казань, то одарит монастырь царскими дарами.

Между тем каменные гробницы окружили нас.

— Екатерина Шуйская, дочка Малюты Скуратова, — небрежно бросил Варганов, показывая на камень. — Как Скопин, разбив поляков, вошел в Москву, Шуйские от зависти решили его отравить. Вот эта мадам ему яд на пиру подавала.

— Царица Александра, — сообщал Алексей Дмитриевич, останавливаясь у следующего камня. — Сына своего Иван Грозный убил, а после убиенного вдова осталась. Это она. А то вон царица Анна, пятая жена самого Ивана Грозного. Ядом ее, бедную, опоили. Здесь лежала дочка Бориса Годунова — Ксения. Неудачливо сложилась у нее жизнь. Сначала вроде улыбнулась, а потом все и пропало. Ее ведь за датского королевича просватали, а Лжедмитрий захватил и принудил к сожительству. Тут Марина Мнишек вмешалась, приказала сослать.

По мере того как рассказывал Варганов, прямоугольные камни, проглядывающие из полумрака монастырского склепа, мрачные сами по себе, приобретали еще большую мрачность. Эту опоили ядом, другая сама опоила ядом, у третьей убили мужа, четвертую сослали...

— Здесь же, — остановился Алексей Дмитриевич у крайнего к входу камня, — пожалуй, самая интересная могила. Хотите, расскажу? Соборный храм в этом монастыре основал отец Ивана Грозного — царь Василий. С ним была и царица — молодая красавица Соломония Сабурова. Она, конечно, не могла знать наперед, что через десять лет муж сошлет ее в этот монастырь. Сослал же он ее за бездетность. Царю наследник нужен, а Соломония не рожала и не рожала.

Не хотелось ей, бедной, постригаться. Билась, говорят, ножницы из рук вырывала, плакала...

Царь Василий между тем женился на Елене Глинской, вскоре родившей мальчика, не кого иного, как будущего Ивана Грозного. Однако что же Соломония?

Постригли ее за бездетность в монахини, и вдруг вскорости она забеременела и даже ребеночка родила. Этот ребенок с рождения был обречен на смерть. Его бы, конечно, убили, дабы, когда вырастет, не претендовал на престол, не заводил в царстве смуту. Как-никак, родной брат Ивану Грозному.

Но прошел слух, что он помер и похоронен в этом склепе. Похоронен и похоронен — как говорят, концы в воду.

Недавно пришла мне мысль: дай-ка раскопаю, погляжу, что там, в

могиле. Раскопал, вижу — гробик крохотный, а в гробике... кукла, обыкновенная кукла, в тряпки одетая, словно сейчас положили. Я ее послал в Москву, реставратору Видоной, та прислала мне шелковую мальчиговую рубашку, остальные тряпки не стоили внимания.

Значит, захоронение было ложное. Его устроили, чтобы спасти жизнь настоящему младенцу. Значит, настоящий-то младенец остался жив.

— И что же, какая его судьба?

Варганов помолчал — может быть, для большего впечатления.

— Разбойника Кудеяра слышали? Он. У меня нет в руках точных данных, но окольные исторические наблюдения, опыт и интуиция подсказывают мне, что он и есть разбойник Кудеяр.

— Как, разбойник Кудеяр, о котором сложено столько песен и легенд?!

В самом деле, может быть, недаром такое внимание привлекала к себе личность Кудеяра? Даже историк Костомаров написал о нем книжку. Еще и сегодня в Воронежской области вам покажут остатки Кудеярова городища, укрепленного становища разбойников.

А может, и правда: одному брату — царство русское, а другому — вольная воля по всей русской земле. Лежи, кукла, в земле, лежи, а настоящий сын, вон он, на горячей лошади, в окружении верных друзей, в окружении вольного люда рыщет по темным лесам под именем Кудеяра! Не завидует доле царя, которому мерещится в каждом углу измена да крамола. А и помирать — так на вольном воздухе, а не в душном тереме, под небесными звездами, а не под вонючей лампадой!

Здесь же, в Покровском монастыре, Варганов показал нам некоторые примеры реставрационных работ. Реставраторы как раз трудились над трапезной монастыря. Задача Варганова в реставрации Суздаля сводилась к тому, чтобы сквозь слепую кирпичную кладку позднейшего времени увидеть ранние формы.

— Иной раз по одному кирпичному клинышку приходится восстанавливать все окно.

— Разве это возможно?

— Сначала и я думал — нельзя. Но точно так же зоолог по одной-двум костям, найденным в земле, восстанавливает целый скелет летающего ящера. Интересно искали мы лестницу в архиерейских палатах.

— Как же?

— Стали считать слои побелок на стене. Насчитали их одиннадцать. По всей стене одиннадцать, а в иных местах только две. Значит, там, где две, что-то раньше было, что мешало белить стены. Когда прочертили границу между одиннадцатью побелками и двумя, получились очертания лестницы. Так вот, шагком за шагком, восстанавливаем все.

— А то вот еще.— Варганов вскинул голову и показал на три окна, расположенные подряд в кирпичной стене монастырского здания. — Разве не интересно?

— Окна... конечно... это очень занятно...

— Слепые вы люди! Разве не видите, что каждое окно по-разному отделано?

Тут мы тоже увидели, что каменная резьба вокруг каждого окна разная и что это в какой-то степени нарушает архитектурный ансамбль, как если бы хозяин деревенского дома приколотил к окнам разные наличники.

— Значит, поняли! А почему так получилось?

— Наверно, был неграмотный архитектор.

Варганов усмехнулся.

— Виноват не архитектор, а характер русского человека. У каждого окна в люльке висело по мастеру. Мастера старались один перед другим, каждый хотел отличиться, сделать лучше, чем сосед, по-своему, вот и натворили...

— Вы эти камни читаете, как книгу.

— Да, — без ложной скромности согласился Варганов. — Здесь целые каменные фолианты. А вообще Суздаль, как он есть, — это фольклор, только выраженный архитектурными формами. Весь Суздаль — это одна каменная песня. Между прочим, такое убеждение помогло спасти Суздаль от разрушения. Решили было ломать все поздние церкви, а оставить несколько самых древних построек. Что тут делать! Если церковь построена в восемнадцатом веке, попробуй доказать ее историческую ценность. Сама по себе она, может, действительно ничего не стоит, но сломай — и нарушится ансамбль города, появится в ансамбле черная прореха. Только тем и убедил, что Суздаль, мол, надо брать не по отдельным церквам, а в целом. Он весь есть одна каменная песня, а из песни слова не выкинешь.

Варганов задумался, как бы вспомнив что-то светлое и хорошее. Усмехнулся.

— Была у меня на практике девушка из Архитектурного института — Лиза Караваева. Это положение, что Суздаль — единый ансамбль, одна песня, она взяла темой для диссертации. Научно решила показать.

— Показала?

— Получилась диссертация — гимн во славу Суздаля. Я ей пишу: «Милая Лиза, ты воображаешь, что суздальские мужики уходили на Горку и, скребя в затылке, прикидывали: а где бы еще для красоты поставить церковку? А помнишь, милая Лиза, я показывал тебе изумительное древнее шитье? Мастерница как бы взяла в горсть разноцветных самоцветов да драгоценных камней и небрежно рассыпала их по черному бархату. Вот так и Суздаль!»

Дни тридцать первый — тридцать второй

На суздальском базаре появилось много лесной ягоды: земляники, черники, малины, и снова нас потянуло из города, захотелось в лес, на его извилистые прохладные тропинки.

И точно, к вечеру этого дня мы углубились в зеленый массив знаменитого Дюкова бора со стороны Сергеихи. Но нужно хотя бы двумя словами рассказать, как мы попали в эту Сергеиху и что предшествовало нашему туда попаданию.

Как я уже сказал, на суздальском базаре появилось много лесной ягоды, и после завтрака пышными оладьями и гуляшом из ливера мы устроили себе десерт-ассорти из земляники, черники и малины. Купив по кулечку того, другого и третьего, мы уселись на выходе с базара и дружно лакомились, создавая в горсти своеобразный коктейль путем одновременного высыпания туда сразу из трех кулечков.

Мы, конечно, заметили, что новый автомобиль «ГАЗ-69» остановился, подъехав вплотную к нам, но не сразу заметили, что из автомобиля более чем пристально наблюдает за нами человек, главным образом за Серегой. Что ж, этому не нужно было удивляться. Серегина борода начала даже и кучерявиться, а так как она была очень черна, то в любую минуту и могла стать предметом бескорыстного созерцания прохожего или проезжего зеваки.

Человек смотрел, смотрел и вдруг робко, полувопросительно сказал: — А я вас знаю, вы Куприянов.

Сереге, глотавший в это время очередную пригоршню смешанных ягод, поперхнулся и даже закашлялся.

Не будем описывать в подробности, как один из них не мог вспомнить, а другой говорил: «А ну-ка, вспомни», и как наконец дело разобралось.

Сергея, учась в Институте живописи, приезжал на летнюю практику в село Омутское, неподалеку от Суздаля. Там он жил в избе одного колхозника, а человек, узнавший его теперь, был тому колхознику сосед.

— Так вас тогда председателем колхоза избрали, — окончательно вспомнил Серега. — И вы еще до сих пор никуда не сбежали?

— Почему?

— Колхоз-то, я помню, очень плох был.

Наш новый знакомый рассмеялся.

— Садитесь в машину, так и быть, прокачу, покажу свое хозяйство.

— Нет, нам нужно на Мстеру пробираться, а Омутское — в другой стороне.

— Садитесь, не пожалеете. Докуда вы дошли бы сегодня за день?

— Ну... судя по карте, дошли бы что-нибудь до Сергеехи.

— Будете к вечеру в Сергеехе. Сам на этой машине отвезу. Садитесь.

Мы сели. Александр Федорович, так звали председателя, и Серега всю дорогу вспоминали разные обстоятельства того лета, когда село наводнили московские практиканты-художники, вспоминали общих знакомых, как жителей деревни, так и студентов.

Впрочем, дорога была не длинна. Вскоре остановились у нового дома колхозной конторы. Председатель захлопнул дверцу, отдал распоряжение насчет машины и повел нас по хозяйству. Чем дальше мы шли, тем более и более удивлялся Серега.

— Откуда у вас это все? Ведь ничего этого не было!

— Да, — соглашался Борисов. — Пять лет назад были у колхоза одни долги. Триста пятьдесят тысяч долгу! Мало того, на втором году моего хозяйничанья цифра выросла до шестисот тысяч. Долгов этих давно нет, а доходишко наш за прошлый год оказался поболее миллиона.

— Но как вы добились?

Жалко, что Борисов не умел живо рассказывать. Жалко также, что он слишком рано узнал нашу принадлежность к людям печати. Казенные фразы уровня районной газеты так и сыпались из его уст. Впрочем, смысл был ясен: пришел к руководству хороший хозяин, с твердой, честной рукой.

— Организация земельных площадей, — загибал Борисов один палец. — Агротехнические мероприятия, — загибал другой, — наведение порядка с колхозниками, то есть установление дисциплины путем заинтересованности в труде. Почему вырос долг на первых порах? Потому что мы, несмотря на бедность, закупили гору удобрений. «Окупится», — говорил я колхозникам. И правда, окупилось. Теми удобрениями мы вели двукратную подкормку и получили тяжелый урожай. Несмотря на бедность, мы купили также гору соломы и стали нарочно валить ее под ноги скоту в подстилку. Вся она превратилась в навоз, навоз превратился в хлеб, а хлеб вернул нам деньги сторицей.

Несмотря на бедность, мы купили две автоцистерны — возить барду. Барда — это отходы на водочных заводах, очень питательна для скотины. Ею мы стали поить коров, коровы прибавили молока, молоко прибавило денег.

Когда я пришел, средняя омутская корова давала тысячу четыреста литров. В этом году она дает три тысячи. Рост более чем в два раза.

Разговоры эти велись на ходу. Тем временем мы то осматривали строительство кирпичного четырехрядного коровника, механизированного, с автопоилками, то строительство водопровода к этому коровнику, то построенные силосные башни, то кукурузу, выросшую у Борисова до невиданной на Владимирщине, почти метровой высоты.

— Может, лучше бы подсолнух или вику? — заикнулся я, чтобы услышать мнение Борисова о кукурузе.

— Вика хороша как зеленый корм, силосовать ее бессмысленно, нам же нужен силос.

— Подсолнух тоже силосуются, а ухода за ним меньше.

Борисов ответил так, как не отвечал нам еще никто: вот что значит хозяин.

— Думаем только о том, что легче, а вкус ведь тоже у каждого растения свой. Кукуруза вкусна и питательна, а подсолнух — палки. Ну, конечно, хлопот с ней много. Впрочем, хорошему председателю никакая кукуруза не страшна!

Прошли мы и вдоль села. То и дело среди старых попадались новые, свежесрубленные избы.

— Строятся колхозники?

— Это городские. Ко мне ведь из города народ переселяется.

— Как из города? Что вы говорите?! До сих пор мы наблюдали обратное.

— А чего им не переселяться? Выгодно! Возьмем шофера. Сколько он заработает в городе на автобазе? Восемьсот рублей. А у меня этот шофер получит семьдесят пять трудодней в месяц. Пятнадцать рублей стоимость трудодня. Выходит, больше тысячи.

А доярки по тысяче сто трудодней вырабатывают. Значит, пятнадцать тысяч рублей в год, да молока полторы тонны, да теленка, всего более двадцати тысяч. Через год закончим все капитальное строительство, и трудодень наш установится на уровне. Он будет стоить двадцать пять рублей. Смогут ли тогда горожане тягаться с моими колхозниками? То-то и оно! Уже шестнадцать семейств переехало в Омутское из Суздаля. Колхоз наш как пшеница, что набрала силы от своевременных дождей, и никакая засуха ей не страшна. Не страшно ничего, никакие неожиданности, если сил набрали, как та пшеница...

Показав все свое хозяйство, Борисов посадил нас в автомобиль, и часа через два мы оказались в Сергеехе.

Солнце было еще высоко, останавливаться на ночлег не имело смысла, и мы пошли вдоль деревни в ту сторону, где за околицей обозначался зубчатый лес.

Однако, прежде чем мы попали в него, пришлось пересечь несколько полей, в том числе одно гороховое. Ярко вспомнилось детство. Бывало, насмотревшись военных кинофильмов, да и побаиваясь сторожа, километр ползем на животе от леска до гороха, зато как заляжем на полдня и наедемся досыта, и в рубашку накладем так, что вокруг живота образуется вроде спасательного круга. Особенно сладки и сочны не пузатые, зачерствевшие стручки, а тоненькие лопаточки. Лопаточки те можно жевать прямо с кожурой. Так они еще сочнее и слаще.

Начался лес. По извилистой лесной тропинке мы углубились в зеленый массив Дюкова бора.

Все же много прошло времени, как начали мы поход около деревянного моста через реку Киржач. Брусника тогда цвела крохотными душистыми колокольчиками, а теперь розовеют брусничные ягоды. Черника тоже была в цвету, а теперь созрела. Когда идешь лесом, невольно хватаешься за древесные ветки, протянувшиеся к тропинке. В начале похода попадали под руку мягкие, нежные мутовки елей, словно сочная трава. Раздавишь сочную мутовку — ладонь остро и свежо пахнет хвоей. А теперь схватишься за еловую ветку — и уколешь руку. Окрепили, возмужали мутовки, затвердели нежные весенние иголки.

Хорошо уютная тропинка привела к живописному болоту, образовавшемуся из лесной заплывшей речки. Яркая зелень камыша перемежалась здесь с белыми облаками цветущего дягиля, распространяющего вокруг свой неповторимый, я бы сказал, речной аромат. Заросли кудрявого ивняка, сплотившегося на берегу болота, сдерживали напор елового

леса. Над болотом — лава. Шириной в три доски, она убегает вдаль, суживаясь от расстояния и теряясь в кустарнике на противоположном берегу болота. С одной стороны к лаве приделаны перила, чтобы держаться при переходе. Длина лавы никак не меньше ста пятидесяти метров. Когда зайдешь на середину ее, направо и налево открываются живописные виды болота, окруженного лесом. Кое-где виднеются брошенные в яркую зелень черные зеркала воды. Там цветут желтые кувшинки и белые водяные лилии. Скорее всего река еще сохраняет свою текучесть и пробирается сквозь плотную зелень незаметными струйками.

Как скоро кончилась лава, тропинка взбежала на безлесый пригорок и, устремившись по нему наискось влево, привела к крайнему дому неведомой нам деревни.

После Сергеихи, а особенно после Омутского, деревня эта произвела невыгодное впечатление. Дома старые, почерневшие, в большинстве покосились. Сквозь крыши домов местами проглядывает решетник, словно ребра у исхудавшей лошади. Стекла в окнах составлены из небольших кусков при помощи замазки.

Одиноко и звонко тюкал молоток, отбивающий косу.

Возле одного дома сидело на лавочке несколько женщин. Мы спросили их, почему так запущена деревня. Лесу вокруг полно, а новых срубов не видно.

— Село наше, Гусево, очень обеднело мужиками, — несколько нараспев ответила одна женщина лет сорока. — Все мы, бабы, здесь вдовы. Где уж нам срубы рубить. Вот вырастим детей, поставим их на ноги, определим в городе, тогда и дома обновлять возьмемся. На детей вся надежда.

За время похода мы заметили, что лесные деревни вообще гораздо беднее полевых. Да оно и понятно — земля не та.

Значит, не только к двум, даже соседним, областям, не только к двум, даже соседним, районам, но и к двум колхозам нельзя подходить с одной меркой. Еще сегодня утром любовались мы высокими хлебами вокруг Суздалья — и вот к вечеру встретили среди леса распаханное поле. На них растет редкая низкая пшеничка с короткими колосками. На ветру колос до колоса не достает, колос о колос не стучается. Земля серая, как пепел, под тонким слоем подзола — чистый песок.

Солнце садилось за бугор, начиналась заря. На ее фоне силуэтно увиделись нами дома и сараи Полушина.

Речка, выбежав из леса, устремилась вдоль села. Низкий речной кустарник не захотел отставать от нее ни на шаг. А вместе с ними забежали на сельские улицы и копны свежего сена, спрыснутого недавним дождиком.

Заходя в бригадирову избу, я увидел в чулане сквозь приоткрытую дверь спящего в одежде и сапогах мужчину. Однако хозяйка сказала, что бригадира нет.

— Хорошо, мы его подождем.

Бригадирша обеспокоилась, заметалась.

— Спит он у меня.

— Пьяный?

— Пьяный, хорошие люди, как есть пьяный!

— Как же так? Сенокос, горячая пора...

— Свадьба третьего дня была у соседей, с тех пор не опомнится.

— Ну, пусть спит, помогите нам устроиться на ночлег.

— Сейчас, хорошие люди, почему не помочь. Это у нас просто.

По улице шла женщина с жестяным ведерком. Подол ее был мокр, резиновые сапоги блестели. Шла она из лесу, где собирала чернику. Ее и остановила бригадирша.

Через полчаса тетя Шура угощала нас чаем с черникой.

В селе заиграла гармонь и прозвенела бойкая девичья частушка.

Нам захотелось пойти поглядеть на гулянье. Ведь оно было первое за весь поход.

Пока мы чаевничали, в деревню с речки напоззло белого туману. Тотчас вокруг нас заняли ксмары.

На краю вытоптанного в траве «пяточка» стоял чурбан. На чурбане сидел гармонист. Две девушки, как ангелы-хранители, стояли за его плечами и ветками отгоняли комаров от бесстрастного гармонистова лица. Вокруг толпились парни и девушки — человек тридцать или сорок. Две девушки плясали елецкого.

Недавно один известный писатель в хороших своих очерках о деревне высмеял, однако, этот танец, назвав его маслобойкой. Он написал, будто девушки пляшут елецкого с каменными лицами и безвольно опущенными руками. Он наталкивал читателя на вывод, что все это есть следствие низкой культуры сельской молодежи и что пляшут елецкого только потому, что нечем больше заняться.

Во-первых, многие девушки пляшут елецкого очень живо, с дробью. Здесь все зависит от выходки пляшущих и от их темперамента. Кроме того, не будь елецкого, не сочинялись бы частушки: для чего же их сочинять! Девушки сочиняют частушки, чтобы спеть их на гулянье. Так и создается фольклор. А что многие частушки — истинная поэзия, кто же этого не знает!

Когда мы пришли на гулянье, выходила новая пара. Сначала вышла одна девушка в легком летнем пальто в талию, простоволосая; она хотя прошла по кругу, не вынимая рук из карманов, и спела, как бы ни к кому не обращаясь:

Ой, подруга, выходи,
Выходи и не гордись,
До чего же замечательно
Играет гармонист.

Соблазны не помогли. Никто не вышел. Тогда девушка прошла еще круг и снова спела:

Ой, подруга, выходи,
Выходи на парочку,
Выходи, не подводи
Любимую товарочку.

После такой мольбы подруга вышла. Эта девушка была повыше ростом, волосы забраны в косынку. Светлое платье с плечиками, лица, конечно, было не разобрать.

Выхожу и запеваю,
А ты слушай, дорогой,
Любить буду, но ухаживать
Не буду за тобой.

Обе подруги ударили дробью, так что в темноте запахло пылью.

Так начался песенный разговор. Сразу определились характеры. Первая девушка пела частушки веселые, бойкие, отчаянные. Вторая — грустные, мягкие, лирические.

Одна:

Говорят, я боевая,
Ну и правда — я казак,
Указакала залеточку,
Сама не знаю как.

Другая:
 Было-было крыльцо мило,
 Был уютный уголок,
 А теперь я пройду мимо,
 Только дует вежерок.

Одна:
 Дайте, дайте познакомиться
 Вон с этим пареньком,
 Довести его до дела,
 Чтоб качало ветерком.

Другая:
 Ой, какая я была,
 Лед колола и плыла,
 А теперь какая стала —
 Вот поко и то устала.

Одна:
 Ходит парень, черны брови,
 Хочет познакомиться,
 Я недавно от любви,
 Дайте успокоиться.

Другая:
 То ли ты не так играешь,
 То ли я не так иду —
 Все чего-кого-то нету,
 Все чего-кого-то жду!

Таким образом подруги пели долго. Частушек за это время они перепели бездну. Конечно, многие частушки бесцветны и неинтересны, но ведь и среди профессиональных стихов разве мало серятины!

Потом начались переговоры, кому благодарить гармониста.

Одна:
 Ой, подруга дорогая,
 Надо совесть поиметь,
 Гармонист — хороший парень,
 Его надо пожалеть.

Другая:
 Ой, подруга дорогая,
 Чаю не заваривай,
 А спасибо говорить
 Меня не уговаривай!

Одна:
 На столе стоит вино,
 Вы его не пейте,
 Я спасибо не скажу,
 Хоть меня убейте!

Другая:
 Из колодца вода льется,
 Ее лить — не перелить,
 Все равно тебе, товарочка,
 Спасибо говорить!

Разрешается этот спор двояко: или одна из подруг все же говорит спасибо, причем почти всегда в благодарственную частушку привносится и комплимент. Например:

Вот спасибо гармонисту
 За игру отличную.
 Сам он парень мировой
 И любит симпатичную!

Или же подруги говорят спасибо вместе:

Ой, подруга дорогая,
 Давай скажем вместе —
 Не одно ему спасибо,
 А спасибо двести.

Спев последнюю частушку, подруги отходят в сторону с сознанием выполненного долга. Часто им аплодируют. Так пляшетя елецкий.

В этот вечер мы выслушали по крайней мере пять пар. Правда, одна состояла из парней.

Мы давно улеглись спать, но долго еще звенела ночь гармошкой и задорными девичьими голосами.

Хлопая крыльями, перекликались полушинские петухи.

День тридцать третий

Обилие созревающей малины по сторонам дороги замедляло наше движение. Твердо уговоримся не обращать больше внимания на красные, крапленные в зелень ягоды, но кто-нибудь забудется, сорвет одну, положит в рот и уж непременно потянется за второй, за третьей...

Попадались также кусты черной смородины, но смородина была еще зелена.

За придорожным кустарником поднимался матерый смешанный лес. По левую руку, сквозь деревья, время от времени таинственно поблескивала черная вода. Мы ждали только тропинки, чтобы устремиться по ней в глубину леса и узнать, что там: озера ли, болота ли, заброшенные ли пруды. И вот тропинка попалась.

Не успели мы сделать по ней двухсот шагов, как залиvistое, злое тьяканье собачонки, привязанной цепью к дереву, остановило нас. Невдалеке стояла изба, скорее всего лесная сторожка.

Лесник встретил нас на крыльце. Он был немного навеселе.

Сереге, с его профессиональной памятью на лица, утверждал, что видел лесника в Клячкове отдающим дань Владимирской богоматери. Так оно, скорее всего, и было.

Стараясь не показать виду и собрав для этого всю выдержку (ведь неизвестно, что за люди!), лесник пригласил нас в дом и хотел распорядиться насчет стола. Но мы сказали, что нам ничего не нужно, что мы свернули с большой дороги единственно затем, чтобы узнать, что за вода блещит между деревьями.

Поняв, что беды не будет, что прохожие не начальство, Воронцов обмяк, заулыбался, глаза его мягко засветились, как у человека, позавтракавшего не одним только молоком да хлебом.

— Насчет воды я вам изложу полную картину. Я по здешним водам первый специалист. Сейчас придет дочка, и я все изложу на практике. Без лодки, конечно, нельзя, а на лодке дочка моя по клубнику уехала.

Вода начиналась шагах в пятидесяти от порога, но гораздо ниже его, так как дом стоял на бугре. Вскоре послышался плеск весла, и на тропе показалась молодая беременная женщина с корзинкой, полной луговой розовой клубники.

— Ну вот, а теперь и мы тронемся.

Узкая вертлявая лодчонка под тяжестью четырех человек погрузилась в воду по самые края. Воронцов сел в корме и веслом, похожим на лопату, осторожно стал загребать то справа, то слева. Необыкновенной красоты озеро окружило нас.

Темно-зеленые дубы и липы, которыми плотно заросли озерные берега, четко отражались в неподвижной воде. Между водой и деревьями светилась ярко-зеленая полоса прибрежной травы. Редкие и ясные, словно звезды, покоились на воде прохладные цветы белых лилий. Так резко оттенялся каждый цветок чернотой озерного зеркала, что мы замечали его обыкновенно за двести, за триста метров.

— Озер этих очень много, — рассказывал между тем Воронцов. — Озеро Ратчино, озеро Пескра, озеро Вичуги, Зарослое, Подборное, Поганое, Штаны, Большие и Малые Бобры... Все озера между собой протоками соединяются, так что на лодке можно попасть в любое.

— Два озера Бобрами называются, значит когда-нибудь водился здесь этот зверь?

— И теперь водится. Не только в этих двух озерах, во всех. Но, правда, название не по теперешним бобрам дано. Этих, теперешних, недавно выпустили.

— На развод?

— Знамо. Здесь до самых недавних лет заповедник был боброво-выхухолевый, а я на нем работал.

— В какой же должности состояли, лодочником?

— Мудреное у меня название было, по-гречески, вроде как бы досмонолог. Да, народ здесь хороший работал: ботаник Сергей Александрович Стулов... Этот, бывало, за мной зайдет, поедем, мол, на охоту. А охотился он за разными травами. Сядем в резиновую лодку и... пошли по всем озерам. Не поверите, а до самого Сорокина озера доезжали.

Мы, конечно, охотно поверили Воронцову, тем более, что не имели и малейшего понятия об этом Сорокином озере.

— Названий ученых я знал пропасть. Каждая трава, оказывается, имеет свое ученое название. Вот хоть бы кувшинки эти, или, значит, лилии. Ну, лилии и лилии. Ан нет, правильно будет нимфея... ах ты, грех, забыл второе-то слово.

— Альба...

— Вот-вот, — обрадовался Воронцов и просветлел, словно вспомнил самое заветное, — нимфея альба! А вы, значит, тоже ботаники будете?

— Нет, случайно слышали.

— Так, так... А со Стуловым мы много ездили. Хорошее было для меня время, потому как чувствовал свою научную пользу. А то еще Наташа-зоолог... — И Воронцов задумался, может быть, загляделся на нимфею альбу, неслышно проскользнувшую мимо борта его лодки.

— Что же, Наташа...

— Та, бывало, прибежит: «Дядя Миша, поймайте выхухоля, очень нужно!» Сейчас беру сачок, норы все мне в известности, подведешь сачок к выходу, пугнешь — готово. Изучали их, выхухолей-то. Отнесут подальше в лес, пустят мордой от воды и наблюдают, куда побежит. Ну ясно, куда же водяному зверю бежать, или он глупый? Сейчас та морду поворачивает и чешет к озеру. Очень даже их изучали. Лайка у меня была, хорошо причуввала их норы. Потом издохла. С Наташей пошла по лугам, обратно еле живая приползла, катается, изо рта слюна бьет. Змея выползла на Наташу, ну а лайка с ней схватилась. Не иначе с этого и издохла. Пятьсот рублей стоила.

— Неужели сквозь землю причуввала?

— А лиса? Та постоянно сквозь землю. Учует, перекопает ход к воде и душит. У каждого зверя своя хитрость. Кольцевали их тоже, выхухолей-то. Сперез за лапку, потом стали замечать, что на лапках от кольца

ранение производится. Стали привешивать к хвосту. Их небось и по сей день в озерах полно, кольцованных-то экземпляров.

Видно было, что слово это Воронцов с трудом, но не без удовольствия вытащил из самых глубин памяти.

— А что бобры? Вы говорили и про бобров.

— И бобры. Перед войной их пустили. Всего-то две семьи. Ну, пустили — пустили, ни следа, ни приметы. Через год нашли одного дохлого. Так и решили, что не привьются. Тут меня на войну взяли, и забыл я о всех бобрах. То есть очень даже я о них не забыл, а, напротив, каждую свободную минуту или когда засыпать станешь — озера в глазах так и стоят. И все больше тихая погода представляется, на ранней зорьке. Не дождь, не ветер, а все тихая погода.

— Кем вы воевали?

— Кем мне было воевать, окромя разведчика, если я всю жизнь привыкал подкрадываться, да пробираться, да замирать, чтобы и духу не слышно. Разведчиком и ходил. Зверь, правда, другой был — опасный, хитрый, не выхухоль! Да... Ранило меня, да и довольно крепко.

— Как же?

— Очень просто. Бежали мы в атаку, и вдруг ноги чего-то онемели. Я и думал, что в ноги садануло, но все бегу. Взяло меня сомнение. Ежели бы в ноги, то как же я бежал бы? Вернулся за оружием, выпало оно у меня. Хочу взять — рука не действует. Тут я опаматовался: в руку, значит, а не в ноги. Перчатке тоже тяжело стало — кровящи натекло. Возвать, однако, продолжаю, то есть иду, куда и все. Комвзвода заметил: «Что-то ты, Воронцов, очень бледный?» Так и так, говорю, ранен. Хотели меня на носилки, но я отказался, пошел пешком. Километров семь идти было, не боле. Да вот беда, попал под обстрел, часа два пришлось в воронке отсиживаться. Ну... дошел. Только сразу и ляпнулся без памяти.

— А потом?

— Потом семь месяцев в госпитале лежал. После госпиталя — по чистой.

— Значит, серьезно ранило.

— Тремя пулями в плечо угодил, окаянный!

Признаться, мы с любопытством и по-новому взглянули на этого худощавого небритого человека, сумевшего с тремя пулями в плече воевать, пройти семь километров да еще два часа отсиживаться в воронке.

— А как отпустили меня по чистой, я сразу сюда, на старое место. Очень мне было интересно, прижились бобры или совсем передохли. Сел в лодчонку, поехал на Пескру. Захожу в синяг (так Воронцов называл осинник), ничего вроде бы не заметно. Потом — стоп. Дерево как стамеской срезано, погрыз! Живут! Я на Рылково махнул, а там еще больше их. И таково-то мне радостно стало. Тут-то я, может, и осознал и возрадовался, что от войны уцелел, хожу по земле, а вокруг трава!

— Наверно, знаете, где хатки бобровые есть, показали бы!

Воронцов повернул лодку к берегу, и вскоре мы выпрыгнули из нее, очутившись по пояс в густенной, девственной луговой траве. Луга отцветали. Господствовал теперь темно-розовый, красноватый даже цвет метелок щавеля, или, как говорят в деревнях, столбцов. Местами трава была так плотна, что мы с трудом пробирались сквозь нее. Идти быстро она не позволяла. Там и тут в лугах поднимались островки леса.

Воронцов остановился и стал внимательно рассматривать траву. Мы тоже заметили, что по траве словно кто-то прошел утром, во время росы, да так и осталась узкая тропинка.

— Они!

— Кто?

— Бобры. Самая что ни на есть бобриная тропа!

Долго еще мы шли по лугу, наслаждаясь благодатным зеленым раз-

дольем. Под ногами начало похлупывать. В следах проступала вода. Среди болота поднимался лесной островок.

— Там есть одна хатка, но, пожалуй, не доберемся, нужно раздеваться и лезть по пояс в жидкой грязи.

— Много лезть-то?

— С полчаса. Пойдемте в другое место, я знаю.

Но и в другом месте болото остановило нас.

— Бобры знают, где им устраивать хаты,— посмеялся Воронцов.— К ним, брат, не подобрешься.

Пришлось возвращаться к лодке.

— Где теперь ваши знакомые: ботаник Стулов, зоолог Наташа?

— Не знаю. Ликвидировали наш заповедник в 1951 году. Все они уехали. Остался Воронцов сам при себе.

— Скучаете по той работе?

— Неуж! Люди тоже хорошие были.

— Почему ликвидировали заповедник?

— Так ведь содержать его надо, деньги идут. Объявили будто бы так: что теперь народ стал сознательный и сам может охранять свои богатства.

— Ну и как вы думаете, охранит?

— Ох-хранит,— протянул Воронцов, и не понять было, чего больше в его интонации, утверждения или недоверия.

Когда вернулись, Воронцов угостил нас на дороге отменными белыми пышками с молоком.

Так вот и бывает. Стоило свернуть с большой дороги на лесную тропинку, как приоткрылся целый, неведомый нам доселе мир, который так легко было пройти мимо.

Дорога пошла под уклон, и вскоре перед нашими глазами засеребрилось солнечной чешуей, заплескалось мелкими волнами, затуманилось отпотевшей сталью вдаль, зачернело опрокинутым дальнебережным лесом. Наконец мы вышли к главной владимирской реке — Клязьме.

Ока, что и говорить, посерьезнее Клязьмы, но она лишь касается дальнего края области, скользит по нему, создавая границу с землями Рязанской и Горьковской. Клязьма прорезает область вдоль. Почти все владимирские реки и речки так или иначе попадают в Клязьму. Она — ствол того дерева, которое только в пределах владимирских земель насчитывает более пятисот ветвей и веток. Вот почему Клязьма — главная владимирская река. Иногда ведь так и говорят: Владимир-на-Клязьме.

Паром замешкался у того берега, а на этом уже накапливались желающие переехать. Первым стоял в очереди брезентовый «газик», за ним пристроились два мотоцикла, за мотоциклами — грузовик. Пешеходы разбрелись по берегу и расселись кто где.

Катер развернулся возле того берега и потащил паром на нашу сторону. Погрузились и тронулись. Узловатая, вся из перевитых, перепутанных струек, вся в завертинах, вода с шумом уходила под паром, чтобы упруго вынырнуть с другого конца. Путешествие было коротким. «Газик», два мотоцикла и грузовик съехали на сырой песок, пешеходы тоже покинули паром и пошли каждый по своей дороге.

Дороги веером расходились от паромного причала, и мы несколько минут поколебались, какую выбрать. Можно было идти налево, и тогда мы пришли бы вскоре в древнейший Стародуб, называемый ныне Клязьминским городком. Но довольно с нас было старины!

Можно пойти направо, тогда вскоре нас втянул бы в свою коловерть большой промышленный город Ковров, в котором мы застряли бы самое малое дней на десять.

Средняя, идущая прямо дорога уводила в лес. А куда она могла вывести — нам было неизвестно. Мы пошли прямо.

Долго ли, скоро ли, с переживаниями в лесу то одного, то другого дождя, так что приходилось даже разводить теплинку, чтобы обсушиться, миновав деревню Старый Двор, да деревню Зайкино, да деревню Куземино, мы подходили к опушке леса, когда увидели, что навстречу нам, из-за села, расположенного километрах в двух от леса, движется беспросветная, чернильного цвета, студенистая масса. За нею толпились тучи помельче, но толпились они таким плотным строем, что пересиживать приближающуюся баталию в лесу было бы опрометчиво. Значит, задача состояла в том, чтобы успеть добежать до деревни. Разувшись, мы пустились бегом по клеклой земле. Первые капли попали в нас на середине расстояния. Но дождь не обрушился стеной, как этого можно было ожидать, он набирал силу постепенно и уверенно. А когда ударил он так, что над землей повился дым — мелкая водяная пыль от раздробившихся дождинок, мы успели юркнуть в открытую дверь амбара. Капли разбивались в пыль и в дым не только около земли, но и в воздухе, сталкиваясь друг с другом, поэтому прямоугольник амбарной двери был заполнен седою мглой, в которой переливались стеклышками, поблескивали частые дождевые струи. Ровный шум наполнял окрестности.

В амбаре было пусто, пахло кострой. Валялось тут сломанное окосье, футляр от швейной машинки, рама от домашнего ткацкого станка, разбитая кадлушка, несколько камней, какие кладут на квашеную капусту. Тут же была брошена охалка свежего сена, на которой мы расположились.

Дождливая пасмурность незаметно перешла в вечерние сумерки, в доме напротив зажгли огонь. Вскоре совсем стемнело. Мы начали зябнуть, появился голод, а дождь и не думал затихать.

В трех или четырех домах нам решительно отказали в ночлеге. Ни председателя, ни его заместителя не оказалось в деревне. Они уехали за Клязьму, в луга, где несколько дней назад начался сенокос.

Бригадир, которого мы, к счастью, отыскали, отнесся к нам очень радушно («И у себя положил бы, да, видите, негде, ребятни полный подол») и повел к некоей бабке Акулине.

После горячего чая, под теплым одеялом — не как в амбаре: не страшен шум дождя, наоборот, под него лучше засыпается, крепче спится. Сквозь сон слышно было, как пришел дед — хозяин дома.

— Кто это у нас? — спросил он.

— Ночлежники.

— Много их?

— Два мужика да одна баба...

День тридцать четвертый

Бабка Акулина разговаривала не как все женщины Владимирщины, а на особый манер, из чего мы сделали правильный вывод, что она со стариком переселилась сюда из каких-нибудь других мест. Во-первых, она не окала, во-вторых, вместо того чтобы говорить, пела. Начиналась фраза или целый период пением на довольно низких нотах, но постепенно, с воодушевлением, голос поднимался все выше и выше, достигая таких высот, которые доступны разве хорошо поставленному колоратурному сопрано. Слова со странными окончаниями (работая — вместо работает, или любя — вместо любит), разные «ен» да «евоный» придавали ее разговору большую живость. «Слушай-ка, слушай-ка, и что я тебе сейчас скажу-у. Ен у меня и работая-я и работая-я и по льну-то ен у меня все понимающая и дело-то ен у меня любя-я, да уж и много ли мочи-то евоной, уходит евоная-то мочь...»

Хромой дед ее был красавец. В небольшой русой бороде постоянно пряталась хитроватая, но ласковая улыбка. Такими, как он, я представлял

себе всегда древних славян северных краев — Пскова и Новгорода. И точно: дед и бабушка наши переселились в Санниково из Псковских земель. Понятно, почему дед хорошо знает льняное дело.

Мы попрощались было с бабушкой Акулиной и сидели теперь на крыльце, ожидая, не проедет ли случайная машина. Но надежды наши покоились единственно на отчаянии, потому что санниковские машины как ушли утром за кирпичом, так и не вернулись, хотя езды в оба конца часа полтора. Где-нибудь застряли грузовики, и водители бросают теперь под колеса палки, лозняк, камни, солому.

Между тем приближалось время обеда. Роза пошла к бабушке Акулине парламентаром, а когда вернулась, сказала: «Будет обед: холодная вареная картошка с зеленым луком и маслом, а на второе — творог с молоком. Все в неограниченном количестве. Но уж и пела бабушка: «Слушай-ка, слушай-ка, что я тебе сейчас скажу. И все-то я вам дам: и масла дам и молока дам. Но уж и все-то я с вас учту...»

Мы представили, на какой высоте были пропеты последние слова, и пошли обедать.

Еще утром на крыльце Серега прѐдрек: пожалуй, сегодня нам предстоит провести самый бездарный день. Так и просидим, глядя на дождь, час за часом. Хоть бы анекдотишко кто рассказал. С течением времени Серегино предсказание оправдывалось все больше и больше. В соответствии с этим все больше ухудшалось наше настроение. Однако обед сделал свое дело. Все мы повеселели, и появилось предложение: а не попробовать ли спасти бездарный день, пойти в лес по грибы?

— По дождю!

— Ну и что, только сначала страшно, а потом станет все равно.

Бабушка Акулина, услышав про грибы, заволновалась. Она и сама стала собираться, но все же в последнюю минуту не захотела мокнуть.

— Слушай-ка, слушай-ка, что я тебе сейчас скажу-у: ступайте все краем да краем, пока не попадутся пруды, от тех прудов берите левее, и как зайдете в лес, все одни-то пойдут грибы-ы, да одни-то пойдут белы-и. Уж вы обязательно дойдите до моего места.

До бабушкиного места дойти не удалось. Изрядно промокнув, пока шли до леса, мы юркнули под лесной полог в надежде, что там будет мочить поменьше. Но лес так набряк дождевой водой, что одной ветки, одного куста хватило бы окатить человека с головы до ног.

Вкрадчивое шушуканье капель наполняло лес. Беспросветная серость и сырость, как это ни странно, не создавали ощущения осенней погоды. Там цвел яркий летний цветок, там выглядывала из-под листа перезревшая, запоздавшая ягода земляника, там раздвинула листья бледно-желтая рябиновая кисть. В древесной листве, сочной, тяжелой, темно-зеленой, чувствовалось много еще силы, в воздухе, несмотря на пасмурность, была разлита летняя теплота, в лесных лужах, прозрачных и теплых (на ощущение босой ноги), не плавало ни одного сбитого непогодой листа.

На взгляд настоящего грибника, мы вели себя в лесу, как пижоны, потому что, не дрогнув, обходили разные сыроежки: красные, как ягода брусника, желтые, белые, голубоватые, дымчатые, синие и даже зеленые, а также лисички, волнушки, скрипицы, дарьины губы, грузди, не говоря уж о валуях. Рыжики и маслята (по сути, одни из лучших грибов) невежественно и вульгарно пренебрегались нами. Березовики и подосиновики не удаивались попасть в число избранных.

Впрочем, кто помнит лето и осень 1956 года, тот поймет нас. Такого урожая грибов давно не знала Средняя Россия.

Мы охотились исключительно за белыми, да и у тех отрезали одни шляпки. При этом жалко было не столько бросать плотный, тяжелый, как бы из свиного сала, корень, сколько разрушать красоту одного из шедевров природы.

Здесь, как и во всем. Пока смотришь отдельно на рыжик, кажется не может быть гриба красивее его. Эта ядреность, эти темные кольцевые полосы по огненно-рыжему фону, эта хрустальная лужица в середине гриба. А попадется молодой подосиновичек, разворошивший своей головенкой пепельную плотную листву, и померкнут все рыжики. Белый корешок, полненький, словно бутуз-мальчонка, и шапочка, сделанная из красного бархата... Смотришь на все эти грибы и думаешь: чего это зовут белый гриб царем грибов? Окраска простая, даже скромная, нет никакого вида. Разве что за вкус, за качество.

Но когда еще издали увидишь его — забудешь все. Все будет, как если бы вместо разных духовых инструментов или гармоний заиграла вдруг скрипка. И просто и ни с чем не сравнимо! Да, это царь грибов. Это маленький шедевр природы!

Головы шедевров так и сыпались в большую корзину, которой снабдила нас бабка Акулина. Прохладные, упругие, бархатистые, нежно-коричневые сверху и сметанно-белые снизу, грибы распространяли тонкий, но крепкий аромат. Они все были как на подбор — свежие, без червоточинки, без высосанных улитками ямок, без следов острых беличьих зубок.

Охотничий восторг, овладевший нами сначала, быстро прошел. Грибов было так много, что стало неинтересно. К тому же корзина наполнилась и отяжелела, как если бы ее наклали доверху мокрым бельем. Ведь шляпки лежали плотно.

Бабка Акулина нисколько не удивилась нашей добыче, а красоте грибов порадовалась вместе с нами. Но почему-то совсем не охотно разрешила она воспользоваться шестком и таганом. Скорее всего в ней заговорила ревность хозяйки: как это так, на моем шестке чужая женщина грибы будет жарить! Не догадались мы попросить об этом ее. В такой обстановке жаркое не в жаркое. Жаркое из охотничьей добычи — из грибов ли, из рыбы ли, из дичи ли — тогда и будет вкусно, когда люди вокруг него дружны и душевны.

Роза пошла на хитрость.

— Бабушка Акулина, а ведь грибы-то я жарить совсем не умею. Что сначала делать, масло на сковороду лить или грибы класть?

Бабушка Акулина расхохоталась. Она смеялась долго, что-то приговаривая и вытирая заслезившиеся глаза углом фартука.

— Слушай-ка, слушай-ка, что я тебе скажу-у, ладно уж, ладно уж, все тебе сдела-ю, а ты гляди да учись у старухи. Каждое дело мастера любя-я, а грибов-то этих я пережарила-а!

Бабка ушла на двор, и оттуда донесся стук топора.

Я побежал, отнял у бабки топор и стал готовить чурочки сам. Это был последний удар по бабкиному сердцу, после которого она уж не оправилась.

— Грибы-то белы-и нужно, милая, готовить в сметане-е, а ты масло лить! — И снова угол фартука то к одному, то к другому глазу. — Эх-и-и-и — масло ли-ить... Обязательно нужно в грибы изрезать две сырые картошины, а резать их мелко-мелко, а луку положить без жалости.

За сковороду сели все вместе. Грибы похрустывали, вилки постукивали, глаза поблескивали. Всего съест так и не удалось. Бабка Акулина к концу сковороды раздобрела так, что наотрез отказалась от денег и за обед и за все остальное.

— Слушай-ка, что я тебе сейчас скажу-у, не надо мне этих денег, вот как не на-до!

— Тогда мы вас с дедом сфотографируем и пришлем карточки.

В огороде под моросящим дождичком и дед и бабка сделали каменные тупые лица и застыли. Но я напомнил про грибы в масле и в этот момент нажал на затвор. Получились на карточке живые, веселые люди, совсем как в жизни.

В это время под окнами избы забуксовал «газик»-вездеход. Мы решились, и он повез нас из села Санникова по дороге, которую нельзя себе представить, не побывав на ней.

Начало смеркаться. Дождь моросил с короткими перерывами. Глухо шумела листва деревьев.

По дороге брела старушка с палкой выше себя, точь-в-точь старинная богомолка. Сообща мы втащили ее в автомобиль.

— Далеко ли по такой погоде, что за нужда?

— Как же не нужда, — уже не нараспев, как бабка Акулина, а, напротив, бойкой скороговоркой заговорила новая пассажирка. — Иду в Бого-явленскую слободу, в Мстеру.

— Богу, что ли, молиться?

— И то ему. Да вы не зубоскальте. Как была с весны великая сушь, собрали мне наши бабы по трешнице: иди, слышь, Прасковья, моли дождя. Пришла я в Мстеру, помолилась, усердно помолилась...

— Ну и как?

— Али не видишь, застило все. Вторую неделю хлещет. Вот как, смейтесь над старухой-то!

— А теперь зачем?

— А теперь бабы мне снова собрали уж по пятерке: ты, слышь, намолвила, ты и размаливай. Пока не размолит, в деревню не приходи. Иду вот... Нелегко старухе, а иду...

Но размолить дождя старушке не удалось. До глубокой осени лилась с неба вода, так что нельзя было на поля ни войти и ни въехать. Иные уборочные машины потом вырубали из замерзшей уже земли. По морозу же собирали остатки урожая. Но это все было гораздо позже. А пока, посмеиваясь над богомолкой, мы въезжали в большой, прославившийся своими ремеслами поселок Мстеру, в домах которого уже зажигался свет.

День сороковой

Домашняя дума в дорогу не годится.

Время путешествия нашего истекло, хотя мы успели пройти лишь половину того, что задумали.

В Вязниках мы вышли на асфальтовую магистраль, с которой свернули сорок дней назад. Была мечта пересечь ее и уйти в просторы, лежащие по другую сторону магистрали.

Таким образом, вся южная половина области, то есть вся Мещера, с ее лесами, с ее глухими трясиными, с ее неповторимым Гусь-Хрустальным, с ее древним Муромом и селом Карачаровом, где сиднем сидел Илья Муромец, — все это из доступной реальности снова уходило в мечту.

Три дня, которые имелись еще в нашем распоряжении, не могли поправить дела.

При подведении итогов было высказано мнение, что мы дружно делили походные тяготы, что мы узнали немало интересного за это время и что на будущее лето или через год хорошо бы в том же составе пройти по Мещере, как теперь мы прошли по Ополью.

Это хорошо, когда жизнь оставляет место для мечты. Нет успокоенности, нет завершенных дел, нет конца жизни.

За далью открывается новая даль, а там своя, иная даль, и в этом великая правда нашего поэта.

Мы решили все же побывать в Ярополчском бору, прежде чем покинуть Владимирские земли.

«Лес есть социальный организм, в котором деревья вступают в тесное взаимодействие друг с другом, влияют на занятую почву и атмосферу» — такую цитату из книги по лесоводству прочитал нам в напутствие один из работников Вязниковского лесничества.

Нельзя сказать, что эти мудрые слова мы твердили наизусть, подступая к сердцу Ярополчского бора. Кроме почвы и атмосферы, лес, должно быть, повлиял и на нас, потому что мы шли тихие, зачарованные, потрясенные, благоговеющие, подавленные.

Мы шли, маленькие, мимо подножий медно-красных гигантов, вознесшихся черт-те куда своими зелеными шапками! Стволы их (как и мы) затоплены тенью, а верхушки (в отличие от нас) видят солнце, далекие горизонты, земной простор.

Никакого подлеска не было здесь. Земля, вся в небольших буграх, — может быть, в древности были здесь песчаные дюны — покрыта плотным белесым лишайником и кажется оттого выкованной из серебра. Лишайники легко похрустывают под ногами на буграх, мягко уступают ступне во влажных низинах. Белые лишайники и красные сосны — больше ничего лишнего не было в этом бору.

В то время, когда, по нашим предположениям, сердце Ярополчского бора — озеро Кцара — должно было находиться от нас не более чем в пяти или семи километрах, внимание наше привлек незнакомый нам доселе знак, вырубленный на сосне. Он напоминал изображение оперенной стрелы длиной не менее полутора метров, так что оперение охватывало ствол во всю его ширину.

Приглядевшись, мы увидели, что у нижнего конца стрелы, там, где положено быть наконечнику, прикреплен к дереву железный колпачок, наполненный белой массой, похожей на топленое сало. В иных колпачках белые комочки плавали в скопившейся дождевой воде. Тогда память подсказала читанное в книгах и даже стихах слово «живица».

Соседняя сосна оказалась с таким же знаком, и третья, и четвертая... Всмотревшись в глубину, мы увидели, что теперь все сосны как одна несут на себе изображение огромной стрелы, а просматривался бор далеко, так что взгляд охватывал сразу сотни деревьев.

Через некоторое время мы заметили девушку в легком, свободном платье без пояса, в косынке, надвинутой на глаза. Она ходила с ведром от дерева к дереву, задерживаясь у каждой сосны не более чем на полминуты. Подойдя ближе, мы увидели, что длинным тупоносим ножом она вычищает из железных колпачков белое сало и складывает его в бадю.

Когда бадя отяжелела, девушка пошла к крохотной земляночке, едва заметной даже вблизи, и выложила там содержимое бади в бочку.

Мы хотели разузнать у сборщицы живицы побольше подробностей о ее ремесле, но она ничего не стала рассказывать, может быть, испугалась незнакомых людей в бору, тем более, что Серегина борода к этому времени могла уже внушить и недоверие и даже опасение. Ведь воскликнула одна женщина, увидев его на берегу реки без рубахи: «Господи, страшнелище-то какое стоит!»

Девушка в ответ на все наши расспросы послала нас к технику, начальнику участка, который живет будто бы совсем близко, возле озера Порядово. «Так вот прямо идите, — показала рукой девушка, — бор беломошник кончится, сырь, трава пойдет, значит, озеро близко, а там и участок увидите».

Сквозь сосны вскоре проглянули постройки, и мы без труда (спросив у продавщицы магазинчика, щелкающей семечки на пороге своей «торговой точки») нашли технорука. Это был молодой мужчина, невысокого роста, с малозаметными усиками, в простой, в полоску, рубахе, с резинками на рукавах и в шевиотовых штанах, заправленных в сапоги. Звали его Петр Иванович Сиротин. Он первым делом завел нас к себе в комнату, где молодая красивая хозяйка тотчас поставила на стол блюдо с отварными грибами и три граненых стакана.

Петр Иванович, что мог, рассказал нам про сборку живицы.

— Когда сосне наносится какая бы ни было рана, дерево в виде самозащиты заливает ее соком, который на воздухе быстро густеет, из прозрачного становится белым и закупоривает рану. Точно так же, свертываясь, закупоривает рану и человеческая кровь.

Живица — не смола (многие называют ее так), а именно живица, заживляющая дерево. Смолу же добывают из корней сосны или осмолу путем сухой перегонки. Итак, раненое дерево выделяет живицу, которая вскоре застывает. Значит, чтобы добыть много живицы, нужно наносить все новые и новые раны. Этим и занимаются вздымщики. Орудие вздымщика — хак той или иной системы — как нельзя лучше приспособлено для этого. Вот подошел человек к сосне, зачистил слегка шершавую кору (операция называется окорение), нацелился хаком и резким умелым движением прорезал вдоль ствола узкий глубокий желоб полуметровой длины. По этому желобу будет стекать живица. От длинного желоба под острым углом вздымщик прорезывает два коротких желоба — усы, внизу прикрепляет железный колачок — приемник живицы.

Через три дня вздымщик придет к дереву снова. Пониже старых ран он прорежет новые. Так весь сезон дерево не знает покоя. Регулярно, через каждые три дня, приходит человек с острым хаком. После трех вздымок, то есть через девять дней, сборщица обходит сосны.

За каждым вздымщиком закреплено до пяти тысяч деревьев.

Выкачивать из дерева живицу начинают за десять — пятнадцать лет до валки. А когда дереву останется жить два года, обычный метод подсокки усугубляют химическим воздействием. Свежую рану мажут кислотой. Дерево как бы взывает от боли, ибо начинается бурное, из последних сил, выделение живицы. С химическим воздействием сбор увеличивается в пять-шесть раз. В конце концов обескровленное дерево валят и увозят из леса.

Еще рассказал нам технорук Сиротин, что стоит килограмм живицы пять рублей, что из тысячи килограммов ее получают сто девяносто килограммов скипидара и семьсот сорок килограммов канифоли, что в нашей стране ежегодно добывают сто сорок тысяч тонн живицы и что мы по добыче ее стоим на третьем месте в мире после Франции и Америки. Французы потому занимают первое место, что у них растет особая южная сосна с обильным содержанием живицы.

Потом мы пошли в лес, и Петр Иванович стал показывать нам, как режут желоба, как проводят усы, как устанавливают приемник.

— Выход зависит от технической обработки кары (вся эта стрела называется карой), а не только от сосны, — пояснял технорук. — Глубина подновки (то есть нанесения новой раны) только вредит делу. Кроме того, при глубокой подновке дерево дрогнет.

— Как дрогнет?

— Ну, вянет вроде бы, чахнет. Дрогнет, одним словом! Так что важна не глубина (незачем лезть в древесину), а шаг подновки. Нужно срезать осмол и вскрыть как можно больше смоляных подов.

Мы попробовали и сами подержать в руках и пустить в дело хак, но у нас ничего не получилось.

— Вот благодатная профессия! — между прочим заметили мы. — Ходи по сосновому бору от дерева к дереву — благодать!

— Как вам ответить? Конечно, ходить по лесу неплохо, но если нужно вскрыть до пяти тысяч кар, то это все же не так-то легко. Вздымщики выходят в три часа утра, пока не жарко. И работать лучше и живицы больше идет, не так быстро застывает.

Петр Иванович охотно вызвался проводить нас до Кшары, и мы пошли напрямик, без тропок и дорог, по одному ему известным приметам.

— Богатыри! — еще раз не удержался от восторга Серега, глядя на сосны.

— Они и правда богатыри, — серьезно подтвердил технорук. — Когда деревьям десять лет, их на каждом гектаре растет не менее двадцати тысяч, а к ста годам — остается только сто. Остальные естественно отмирают, гибнут в борьбе за существование. Значит, те, что вы видите перед собой, выиграли сражение за жизнь, значит, они самые крепкие, выносливые, то есть богатыри.

Озеро Кшара возникло неожиданно, словно часть бора провалилась под землю и вот вместо него — вода. Так, видимо, оно и было когда-то, раз озеру приписывают провальное происхождение.

Кшара по форме напоминает цветок о нескольких лепестках, и эти лепестки-заливы придают озерному пейзажу свою прелесть и свою живость; два острова, заросших лесом, дополняют ее.

Петр Иванович сказал, что глубина в Кшаре доходит до семидесяти пяти метров и что вообще здесь много провальных озер. Под Флорищевской пустыней озеро Чистенькое есть. На первый взгляд примешь его за прудишко — шагов пятьдесят в длину, шагов тридцать в ширину, а глубина — двадцать пять метров. Есть на Чистеньком озере островок, маленький такой, однако с кустарничком на нем и даже земляничкой. Тот островок пловучий, местные жители держат его на привязи около берега и, если нужно, катаются на нем.

Но Кшара — не Чистенькое, это — большое, просторное озеро, которое ждет еще своего санатория или дома отдыха. Жаль только, что сосны на одном его берегу безжалостно порубили и образовали в пейзаже неряшливую брешь. Можно было оставить хоть бы стометровую нетронутую полосу леса около самой воды. Мало ли деревьев в Ярополчском диком бору!

На берегах озера стоит один-единственный дом, где живет лесничиха с сыном, восемнадцатилетним белокурым красавцем, с глазами то серыми, а то вроде синими, когда упадет на них солнце. Точь-в-точь как Кшара.

Парень этот снисходительно посмеивался, когда мы попросили у него удочки. Он вообще над всем снисходительно посмеивался или, вернее сказать, всему снисходительно улыбался.

Возле коровника мы расковыряли навозную кучу и наложили в консервную банку отборных навозных червей.

— А где же нам удить? Вы, наверно, знаете все рыбные места?

Володя (если только я не забыл, как звали парня) опять снисходительно улыбнулся.

— Все озеро, вся рыба ваша, нигде не пугана, нигде не трогана. Забрасывай и лови.

Мы, однако, долго шли по берегу, выбирая местечко потише, поукромнее, чтобы кувшинки росли возле берега.

В большом озере смешно надеяться на большой улов с берега. Как будто рыбе мало простора и она обязательно должна околачиваться возле самой земли! На большом озере ловить нужно с лодки. Тем не менее клев был непрерывный, и мы то и дело выдергивали ершей, плотичек и небольших окуньков. Только один раз ни с того ни с сего мне попался плоский, с легкой подзолотцей, лещ, не оказавший, как ни странно, никакого сопротивления.

Я не люблю удить на чужие удочки, они мне как-то не по руке, но несколько часов у тихой предвечерней воды — все равно наслаждение.

Нанизав улов на длинные прутья, гордые, мы возвращались к сторожке. Теперь-то уж Володя не будет улыбаться так снисходительно.

Но только лещ на долю секунды задержал на себе его внимание. Володя молча сел в ботинок — подобие лодки, выдолбленной из бревна, — и быстро оказался на середине озера. Издали нам было видно, как он занимается там некими упражнениями, связанными с размахиванием рук.

Приглядевшись, мы догадались, что он то и дело опускает на глубину и вытягивает обратно леску. Поработав таким образом минут тридцать, Володя вернулся. Дно ботичка сплошь было покрыто рыбой. Тогда мы поняли, что такое Кшара.

Едва начал брезжить рассвет, а мы уже проснулись и вышли на улицу. Все было серое: затуманенный лес, озеро, небо. В одном месте в просвете между соснами к серому небу была приклеена небольшая малиновая бумажка зари. День обещал быть дождливым и ветреным. Мы наскоро искупались в Кшаре, выпили по крынке припасенного нам лесничихой молока, взяли рюкзаки и ушли в бор.

Не знаю, чего больше было в этом лесу — деревьев или грибов. Остановившись на тропинке, мы медленно поворачивались вокруг себя. Пока поворачивались, успевали заметить и насчитать на проглядываемом участке леса пятнадцать — двадцать отличных белых грибов. Мы даже затеяли игру, кто больше заметит грибов, не сходя с места. Если бы их собирать, то около тропы (по десяти шагов от нее вправо и влево) мы набрали бы, пока шли до Вязников, несколько пудов грибов.

Но грибы нам надоели, и мы стали приглядываться к ягодам. Этого добра было еще больше. Мы ложились на мягкую лесную подстилку и сосредоточенно выедали пространство вокруг себя. Руки наши (мы ели ягоды горстями) вскоре почернели, как, впрочем, и губы, и зубы, и щеки. Сколько же добра пропадает для людей в одном только этом бору! Десятки тонн можно было бы заготовить здесь и грибов, и черники, и брусники. Много ли выберут ребятишки да бабы из окрестных деревень, хоть они и таскают из лесу огромные кузова, полные черники.

Что касается нас, то нам было бы жалко уходить от всего этого изобилия, если бы мы не пресытились на год вперед.

К вечеру бор стал редеть, пошли лиственные деревья, и вскоре перед нами открылась Клязьминская пойма и контуры Вязников на дальнем крутом берегу, обращенном к нам.

Мы закричали «ура», потому что появление на горизонте Вязников означало для нас конец нашим странствиям, может быть бледно, но зато добросовестно описанным в этой книге.

Конечно, во время путешествия, когда ежечасно зовет, манит не пройденная еще даль, трудно уйти в обстоятельную и подчас тоже зовущую глубину. Тут уж что-нибудь одно: либо путешествовать, то есть идти дальше, в другую деревню, либо оставаться в этой и обстоятельно, в подробности, изучать.

Описание, к примеру, Суздаля и прилегающих к нему земель заняло несколько страниц. А между тем о городе, конечно же, можно было бы написать целую книгу. О колхозе в селе Омутском, бурно, неудержимо рванувшемся в рост, тоже можно написать книгу. Мало того, если идти в еще большую глубину, то ведь любая колхозная или городская семья, отдельный человек даже может толкнуть на написание рассказа, повести, а то и романа.

Но и при беглом взгляде, кинутым на Владимирские земли, где новое, растущее, победившее так причудливо перемешалось со стариной, невозможно не ощутить тех глубоких перемен к светлomu, которые произошли в душах русских людей и благодаря которым каждый говорит про себя, что он не просто русский, но советский русский человек.

Заставь-ка его сейчас пойти в батраки, или, как у нас называлось, в работники, если бы даже откуда ни возьмись и появился предприниматель, желающий нанять батраков, что, конечно, само по себе уже фантастика. Как же, держи карман шире! Пойдет тебе колхозник, знакомый с существом свободного, равноправного труда, в батраки... Не то время, не те люди, не та страна.

Да что в батраки! Заставь его просто уйти из колхоза, отрежь ему кусок земли, пусть, мол, себе обрабатывает. «С какой стати,— скажет вам колхозник,— стану я копать в одиночку, на клочке земли, как тот жук-навозник. Отвыкли мы от этого в нашей артели».

А если он подчас и поругает и покритикует за какие-нибудь там непорядки то ли председателя сельсовета, то ли тот же колхоз, а то ли и «повыше стоящие организации», так ведь здесь важна позиция. Из какого-то кинофильма запомнилась мне знаменательная сцена. Первые годы революции, очередь за хлебом под осенним, морозящим дождем. Рабочие чертыхаются, ругая «власть» за то, что вот очереди, да и лавка долго не отпирается. Буржуй, оказавшийся в очереди, начал поддакивать рабочим: «Довели большевики до ручки, жрать нечего...» И тут произошло странное. Вся очередь обрушилась на буржуя: «А тебе что, большевики не нравятся? Советская власть не мила?!» — «Да ведь вы сами же только что...» — «Мало ли что мы — мы сами власть, мы себя, свое ругаем...»

Еще и оттого было радостно в конце путешествия, что шли мы по обновляющимся деревням, что люди дружно и с охотой в каждой без исключения деревне возводят все эти прочные, капитальные артельные постройки, что они уже сейчас увидели реальные результаты дел, принятых партией, и с надеждой, с уверенностью смотрят вперед.

Внимание, которое уделила партия деревне, согрело и оживило вместе с селами Подмосковья, или Украины, или Сибири и мою Владимирщину.

Грустно было уезжать с родной земли, которую за сорок дней пути мы полюбили еще больше.

Древние славяне, уходя из отцовских краев, срывали в реке одолень-траву и кусочек ее корневища хранили во время странствия.

Думается мне, что не столько они наделяли ее суеверными свойствами, сколько была она для них кусочком родной земли, олицетворением родины и неистребимой любви к ней. А что поможет лучше и надежнее в любом трудном деле, чем эта любовь?!

И нам предстоят иные пути-дороги, новые нелегкие маршруты, которым нет конца.

А если так и если не просто трава, а любовь к родине, то не сказать ли и нам вслед за древним пращуром, поставившим себя перед трудностью незнакомых дорог:

«Одолень-трава, одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили, отгони ты чародея, ябедника.

Одолень-трава, одолень-трава! Одолей мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса темные, пеньки и колоды... Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца во всем пути и во всей дороженьке...»

Е. ДРАБКИНА

★

КОТЕЛОК

Из рассказов о днях революции

Там, в Смольном...

Двадцать шестое октября, седьмой час утра. Еще темно, небо едва начинает синеть. Кругом ни огонька. Только из окон Смольного льется свет.

То совсем рядом, то вдалеке слышны беспорядочные выстрелы. Нырять по ухабам, пронесятся грузовики, переполненные вооруженными красногвардейцами. Трещат мотоциклы; это самокатчики развозят срочные приказания.

Несмотря на ранний час, на улицах оживленно. Буржуев — никого. Солдаты, матросы. Идут рабочие Охтенских пороховых заводов. Женщины с кошелками торопятся занять очередь перед булочными.

На Таврической улице, около подъезда нарядного дома, собралась небольшая толпа. Я подхожу. Вижу рябого матроса с пулеметной лентой через плечо. Приставив винтовку к стене, он держит в обеих руках завернутого в тряпье грудного ребенка.

Какая-то несчастная мать в эту великую ночь не видела ничего, кроме своего горя, своей безысходности. Она подкинула ребенка в подъезд. Проходивший мимо красногвардейский патруль подобрал его.

Толпа гудит: «В воспитательный дом...», «В милицию...», «В приют, тут же за углом...»

Матрос не слушает. Он тяжело задумался. По изрытому оспой лицу катятся крупные капли пота.

Ребенок запищал.

— Не тужи, малой,— говорит матрос.— Жизнь теперь наша.— И добавляет, обращаясь к толпе: — В Смольный я его понесу. Там решат... Там всё решат.

Он прав, этот матрос. Там, в Смольном, сейчас решается всё: и судьба человечества и судьба этого маленького комочка.

Рассказ о неизвестном красногвардейце

Среди участников великого Октябрьского штурма был один паренек, обычный питерский рабочий паренек в шапке-ушанке и пальто на рыбьем меху. Как его звали? Этого не знает никто. О нем известно лишь то, что он был красногвардейцем и что своим мужеством и находчивостью он спас революцию от подготовленного ее врагами предательского удара в спину.

Вот как сказано об этом в объявлении Петроградского военно-революционного комитета, опубликованном 29 октября 1917 года:

«В то время как темные банды, руководимые Керенским, пытаются прорваться к Петрограду, в самом городе наемники и прислужники контрреволюции организовали заговор. Их план состоял в том, чтобы в ночь с 28-го на 29-ое захватить все важнейшие пункты в городе и выпустить из Петропавловской крепости арестованных министров... В центре заговора стоял так называемый комитет спасения... Жалкие и презренные заговорщики, наемники буржуазии, помещиков и генералов, готовили руками корниловцев разбойничий удар... Заговорщики, не имея никакой опоры ни в гарнизоне, ни в рабочем населении, надеялись исключительно на внезапность удара. Но их план оказался своевременно раскрыт благодаря революционной бдительности красногвардейца, имя которого будет установлено...»

Как ни скупы эти строки, по ним видно, что речь идет о событиях, исключительных даже для тех необыкновенных дней. И хотя с того времени прошло сорок лет, но и сегодня нельзя без волнения вспомнить о том, как... Впрочем, расскажу по порядку то, что я об этом знаю.

...Вечером 28 октября, разыскивая одного товарища, я попала в Петроградский военно-революционный комитет.

Военно-революционный комитет помещался наверху, на третьем этаже. В большой комнате с полукруглыми окнами, по-видимому на бывшем чердаке, как попало стояли столы, за которыми сидели работники комитета. К ним протискивались люди, только что вырвавшиеся из самой гущи борьбы. Они мчались сюда на паровозах, дрезинах, мотоциклах, грузовиках, а то и на взмыленных конях, чтобы передать последние донесения о действиях врага, получить директивы, оружие, подкрепления, хлеб и вновь умчаться в бой.

В самой последней комнате шло заседание Военно-революционного комитета. Но можно ли словом «заседание» назвать то, что там происходило?

Повестки дня не было, ее диктовала непрерывно врывающаяся жизнь. Предложения тут же переплавлялись в решения, решения — в приказы. Написанные ученической ручкой, чернилами из школьной чернильницы непроливайки или же наспех отстуканные на машинке, эти приказы порой уже несколько минут спустя звучали на улицах на чеканном языке пулеметов.

Здесь не было ораторов и докладчиков. Солдата, требовавшего оружия, сменял матрос, прибывший из-под Красного Села для информации о передвижениях противника. И тут же всплывали вопросы о хлебе, фураже, санитарных машинах, охране Эрмитажа и огнестрельных припасах, топливе и артиллерийской прислуге.

Поступавшие со всех сторон сообщения в один голос говорили, что Керенский скапливает войска в районе Гатчины и готовит в ближайшие же часы молниеносный бросок на Петроград; идущие за ним казаки обмануты, чувствуют это, колеблются и, если поймут, в чем дело, не будут стрелять.

Какова же была в этих условиях позиция Советского правительства? О ней сказал В. И. Ленин. «Советское правительство, — заявил он в своей радиোগрамме, — принимает все меры к тому, чтобы предупредить кровопролитие. Если избежать кровопролития не удастся, если отряды Керенского все же начнут стрелять, Советское правительство не остановится перед беспощадными мерами подавления нового керенско-корниловского похода».

Вечером 28 октября все усилия Военно-революционного комитета были сосредоточены на выполнении этих указаний Ленина. В арсеналах и цейхгаузах собиралось оружие. Заводскому комитету Ижорского завода было дано указание о передаче Совету рабочих депутатов для доставки в Петроград всех имеющихся на заводе броневых машин. Из пехотных ча-

стей в Смольный были вызваны бомбометные команды опытных солдат, умеющих обучать бомбометанию. К Московской заставе в семь часов утра 29 октября должны были выйти двадцать тысяч человек на рытье окопов. На Путиловский завод посылались сто двадцать ломовых упряжек с телегами и веревками для перевозки боевых грузов. В десятках мест готовились доски, набитые коваными гвоздями, чтобы бросать их под ноги наступающей коннице противника. Винтовки, пулеметы, боеприпасы, санитарные машины, агитаторы, газеты «Солдатская правда» и «Деревенская беднота», все стойкие и надежные воинские и красногвардейские части — все шло туда, на Гатчинский фронт.

...Заседание Военно-революционного комитета приближалось к концу, члены его уже готовились разъезжаться по частям. Но тут в комнату вбежал запыхавшийся красногвардеец.

Он был смертельно бледен. С его насквозь промокшего пальто сбегала вода.

— Товарищи! — сказал он. — Мое сообщение самое экстренное.

И, стуча зубами то ли от волнения, то ли от холода, он рассказал о том, как часа полтора назад, когда он с товарищами стоял на посту возле типографии, где раньше печаталась кадетская «Речь», к их костру подошли трое солдат в шинелях 6-го запасного батальона, отрекомендовались «солдатами-хлеборобами», достали табачок, предложили покурить да стали балакать о том, о сем.

— Не понравились они мне что-то, — сказал красногвардеец. — Уж больно по-деревенски разговаривают, всё «чаво» да «ничаво». Да и разговор у них какой-то с расспросом. Словом, подозрительный элемент.

Постояв, солдаты пошли дальше. Красногвардеец, прячась в тени домов, — за ними. До него донеслись обрывки разговора. Его сомнения подтвердились: это были не солдаты, а переодетые юнкера. Но что им здесь было нужно?

Неподалеку от сожженного здания Окружного суда мнимых солдат ожидал грузовик, заставленный ящиками с патронами. Они забрались на переднюю часть машины. Улучив удобную секунду, красногвардеец уцепился за борт, повис на ходу бешено мчавшегося грузовика, перелез в кузов, запрятался за ящиками.

Проехав Литейный, грузовик замедлил ход и повернул к Инженерному замку. Раскрылись ворота, грузовик въехал во двор. Приткнувшись к борту, красногвардеец сквозь щели смотрел на то, что творилось кругом.

Здесь шла поспешная подготовка мятежа. По двору сновали юнкера, выкатывались орудия, из конюшен выводили лошадей с сбернутыми паке-лей копытами, на повозки грузили снаряды.

Только два дня назад эти самые юнкера, проявив весьма мало доблести, защищали Зимний дворец от наступающих войск Военно-революционного комитета. Едва юнкерским шкурам стала угрожать непосредственная опасность, они сдались, униженно моля о пощаде. Они просили отпустить их на честное слово, клянясь, что никогда не поднимут оружия против Советской власти.

Это слово было не словом чести, а бесчестия. Великодушно опущенные на свободу революционным народом, они готовились нанести ему предательский удар.

Все это видел красногвардеец, спрятавшийся в кузове грузовика. Им владела лишь одна мысль: бежать, как можно скорее добраться до Смольного, сообщить о действиях мятежников.

Все остальное могло утратить только вчерашнему питерскому мальчишке, привыкшему лазать по заборам и крышам и кататься на трамвайной «колбасе». Он не рассказывал, как выбрался из Инженерного замка, но по его пальто было видно, что он побывал и в воде и под пулями.

...Чрезвычайная важность сведений, принесенных красногвардейцем, была очевидна. Надо было принять самые срочные меры, отменить ряд прежних директив, задержать в городе часть оружия и войск, предназначенных для отправки на Гатчинский фронт, усилить охрану важнейших объектов.

Члены Военно-революционного комитета поспешно вырабатывали и отдавали новые приказания.

— А где же товарищ красногвардеец? — спросил один из них. — Надо, чтобы он хоть чаю напился.

Но его уже не было. Выполнив свой долг, он исчез так же внезапно, как появился, не назвав даже своего имени.

...Когда мятежные юнкера выступили на улицы, неожиданно для себя они наткнулись на подготовленное сопротивление войск Военно-революционного комитета. К концу дня 29 октября мятеж был полностью подавлен, участники его арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость.

А вот имя красногвардейца так и осталось неизвестным.

Ночь перед рождеством

В тот вечер мы впервые собрались в реквизированном нами для Союза рабочей молодежи помещении игорного дома, неподалеку от Лиговки. Как я теперь понимаю, это был гнусный притон, пропахший пылью и кислыми винными бутылками. Но тогда его облепленный позолотой зал, в котором мы решили устроить клуб, и красная бархатная отделка кабинетов казались нам прекрасными.

Мы сидели в угловой комнате второго этажа. У окна темнел пулемет, винтовки мы держали между колен. Шел страстный спор о том, будет ли при коммунизме существовать любовь.

Большинство склонялось к мнению Моньки Шавера, что при коммунизме люди будут жить высокими общественными интересами и для такого мелкого чувства, как любовь одного мужчины к одной женщине и одной женщины к одному мужчине, там места не будет. Только Саша Лобанов, хмуро глядя перед собой, упорно повторял: «Не может быть, чтобы коммунизм — и без любви... Не может...» Но это, конечно, потому, что сам он был влюблен в Ольгу Маркову.

Вдруг тяжелая бархатная портьера откинулась. Ветер качнул люстру, и тысячи огней заплясали среди трещин пробитого пулей зеркала.

В двери стоял Леня Петровский. Шапка его была сдвинута на затылок, шинель расстегнута.

— Товарищи! — сказал Леня. — Нас вызывают в Чека. Немедленно... На всю ночь...

Монька вскочил, опрокинул стул, уронил винтовку.

— Эх, рассыпался горох по белой тарелке, — насмешливо сказал Федя Шадуров, затягивая ремень с подсумком.

Как и всегда, Федя был подчеркнуто спокоен. Впрочем, в его возрасте — ему уже стукнуло двадцать — оно и понятно.

— Пошли, ребята!.. Леня!

Но Леня уже спал, неудобно прислонившись к пухлому гипсовому амуру. Правой рукой он сжимал кобуру с наганом, левая висела бессильной плетью.

— Ленька, проснись!

— Мама, минутку, только минуточку...

— Ишь ты, соски захотел... А ну, просыпайся, леший!

На лестнице мы построились цепочкой, как ходили обычно по городу: впереди Леня, замыкал Федя, я посередине. Пулемет с двумя пулемет-

чиками остался в клубе, остальное наше оружие, включая поломанные «бульдожки», было при нас.

— Только, чур, ни с кем не связываться, — предупредил Ленья.

Поземка струйками несла снег, завихрилась водоворотами. Фонари не горели. Высоко в небе, между редких зимних туч, прыгала маленькая луна, а тут внизу, по Лиговке, по Невскому, черным по черному ползла и ворочалась густая бесформенная толпа.

Мы шли по кромке тротуара, и ненависть клокотала у нас в душе. Вся грязь большого города сползлась сюда, вот она, рядом с нами: спекулянтки, царские офицеры, мародеры, проститутки, бандиты, переодетые юнкера.

До нас доносились выкрики, взлетающие над гулом толпы, как брызги над пеной прибора:

— Всё на дым!..

— Эй, борода!..

— Каледин придет... Каледин покажет...

— Вечерняя газета «Биржевые ведомости»!

— Ни маслица, ни бублика, проздравьте нас с республикой!

— Журнал «Трепач»! Газета «Вечерний час»!

— Гляди на голенище, гляди, какое голенище...

— Серость... Темнота... Хамы...

— Пожалуйста царскими, керенок не берем...

— Газета «Славия»! Газета «Славия»!

Порой случайный луч света, отброшенный карманным фонариком или раскрытой дверью кинотеатра, выхватывал из этой ползущей смутной тьмы отдельные кадры: долговязого офицера в кавалерийской шинели со споротыми погонами, барствленную поступь господина из бывших, торгующую газетами дамочку в каракулевым манто, настороженную спину карманника, протянутый поперек Невского бьющийся на ветру кумачовый плакат: «Вся власть Учредительному собранию!»

...В эту ночь в Петроградскую чека вызвали около двухсот красногвардейцев из всех районов города. Собирались в огромной пустой комнате, где не было ничего, кроме стола и скатанных ковров, уложенных вдоль стен.

Ровно в одиннадцать, минута в минуту, вошел Дзержинский, весь как натянутая струна.

— Начинаем, — сказал он. — Времени у нас очень мало. Товарищи! Нам известно, что в Петрограде существует крупная контрреволюционная организация. Несколько раз нам удавалось напасть на ведущие к ней нити, но эти нити неизменно терялись в иностранных посольствах. Два дня назад к нам пришел солдат, фамилию которого я пока не назову, и сообщил, что некто Семенов, в прошлом монархист, а теперь правый эсер, член «Комитета георгиевских кавалеров», предложил ему захватить или убить товарища Ленина, пообещав за это двадцать тысяч рублей.

По заявлению солдата были произведены аресты. Арестован Семенов, военный врач Некрасов и полковник Чеченского полка Гейман. При обыске у Геймана найдено письмо, раскрывающее организацию, которая ставит своей задачей подготовить вооруженное монархическое восстание в Петрограде. При нем найдена записная книжка с адресами заговорщиков. Их основное ядро составляют офицеры, группирующиеся в организациях «Белый крест», «Военная лига», «Союз белого орла», «Лига личного примера». Они вербуют сообщников, создали запасы оружия, поддерживают связь с Доном. По их сигналу должен быть поднят мятеж, захвачен Смольный, убит товарищ Ленин, социалистическая революция утоплена в крови.

Товарищи! Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Я говорю прямо и определенно: не на жизнь, а на смерть. Если мы не отрубим голову контрреволюции, это будет стоить нам нашей собственной головы.

Сегодня ночью, товарищи, мы проводим ликвидацию контрреволюционного заговора и затребовали вас себе в помощь.

...И вот полчаса спустя мы уже мчимся в сумасшедшем грузовике куда-то в конец Каменноостровского. Мимо, мимо летят дома, столбы, мосты, перекрестки. Сердце охвачено каким-то лихим чувством, в котором перемешаны и радость и страх. Чутьочку царапает воспоминание о том, как командир нашей группы, пожилой рабочий Кузьмичев, сказал: «Товарищ Дзержинский, ну куда же ты мне этих пацанов желторотых даешь?», и хочется совершить необыкновенный подвиг, и мерещатся таинственные подвалы и пещеры, которые сейчас раскроются перед нами.

Но раскрывается не пещера, а обыкновенная дверь с черного хода барского дома. Входим. Кухня. Большая плита. В колеблющемся свете лампы тускло блестит набор медных кастрюль. На полу вповалку спит мужская прислуга. Женская прислуга, также вповалку, спит за вылинявшей ситцевой занавеской.

Моня и Федя занимают оба выхода — на лестницу и в комнату. «Именем пролетарской революции...» — говорит Кузьмичев, предъявляя ордер на обыск и арест гражданина бывшего графа Воронцова и на обыск и — по результатам — арест его жены, гражданки бывшей графини Воронцовой.

На лицах кругом нас написан испуг. Седой усатый старик трясущимися руками натягивает камзол.

— Это называется старший дворецкий, — шепотом поясню я, как самая образованная из всех наших насчет аристократических обычаев.

Леня несет зажженный фонарь. Мы идем по запутанным душным коридорам, цепляясь винтовками за замки и запоры бесчисленных кладовых, проходим одну дверь, вторую, третью и вдруг, как в сказке, попадаем в совсем иной мир.

Наши ноги утопают в чем-то мягком и глубоком, будто мох в старом хвойном лесу. Мы вдыхаем воздух, напоенный тонким ароматом. Через распахнутые двери мы видим высокие комнаты с окнами, затянутыми парчовыми занавесями, матовый блеск красного дерева, рамы потемневших старинных картин, зеркала, ковры.

Наконец мы подходим к спальне. В нее ведет закрытая портьерой двойная дверь, перед которой, скорчившись в кресле, спит камеристка. Она уже проснулась и встречает нас волчьим взглядом.

— Разбуди барыню и барина, — говорит дворецкий. Он произносит эти слова с таким страхом, словно речь идет о том, чтобы взорвать дом.

— И не подумай! — кричит камеристка. — Хамы, жида, мужичье, разбойники!

Кузьмичев гневно темнеет.

— А ну, брысь отсюда, — говорит он.

Камеристка вцепилась в портьеры, как разъяренная кошка. Ее приходится отрывать силой. Когда ее наконец уведят, Кузьмичев пытается открыть дверь, но она уже заперта изнутри.

Он стучит кулаком.

— Отворяйте немедленно. Отворяйте, слышишь? Иначе выломаю.

Молчание.

— Ну-ка, навались, ребята, — говорит он нам.

Но дверь внезапно распаивается. Перед нами графиня Воронцова. Она закутана в облако белых кружев, на плечи накинута персидская шаль. Узкие серые глаза налиты холодным презрением.

— Что вам угодно, господа?

— Пустите! — говорит Кузьмичев, отталкивая ее и бросаясь в спальню.

Свет фонаря пробегает по возвышающейся, словно трон, широкой кровати, по небрежно раскиданным подушкам, стеклянным горкам, трельяжам, хрустальным подвескам. Я шарю в темноте, ищу выключатель, нахожу, поворачиваю. Свет, на счастье, горит. Но графа Воронцова здесь нет.

— Где муж? — грозно спрашивает Кузьмичев.

Графиня царственно усмехается.

— Он уехал.

— Так мы и поверили!..

Мы заглядываем под кровать, переворачиваем тюфяки, ощупываем стены. Все зря.

— Обыщи ее, — приказывает мне Кузьмичев.

— Меня?

Я подхожу к графине. Ее лицо перекошено такой злобой, что мне становится не по себе. Кузьмичев это заметил.

— Выполний приказ, — говорит он. — Поторапливайся.

Я кладу руки на мраморные плечи графини, и мы обе начинаем дрожать от ненависти и отвращения: она — ко мне, к моим шершавым обветренным рукам; я — к ней, к этому гибкому змеинному телу с шелковой кожей.

— Ищи! — говорит Кузьмичев. — Ищи!

Превозмогая себя, я проверяю каждую сборку пышных кружев и чувствую, что графиня почему-то прижимает к себе левый локоть. Я слегка тяну. Графиня сопротивляется. Я дергаю, насильно просовываю руку и нащупываю небольшую плотную трубочку.

— Дрянь, — шипит графиня. — Ты делаешь мне больно.

Она пытается оттолкнуть меня. Я ее не выпускаю.

— Берегись! — кричит Ляня.

Ляня, друг мой Ляня! Четверть века спустя, попав в окружение в дни Великой Отечественной войны, ты, прославленный генерал Советской Армии, усадил на присланный за тобой самолет раненых бойцов, а сам остался на поле боя и погиб, убитый фашистами.

Так и тогда, при аресте Воронцовых, ты бросился ко мне и прикрыл меня своим телом. На какую-то долю секунды я увидела высунувшееся из прорези в обоях вороненое дуло револьвера. Раздался выстрел, пуля разбила твою шинель, но мы оба крепко держали графиню.

На этом операция по существу была закончена. В наших руках был граф Воронцов, выдавший себя выстрелом из тайника, и свернутые трубочкой адреса, явки, шифры, списки контрреволюционной организации. Оставив часть людей для производства тщательного обыска, мы повезли наших графов в Чека.

Вышли мы снова через кухню. Там горела керосиновая лампа, и, окруженный графской прислугой, Моня Шавер, сидя на столе, держал речь о задачах пролетариата и мировой революции.

Снова мимо нас замелькали дома, столбы, мосты, перекрестки. В Чека уже было полно народу. Комендант, щуря покрасневшие от бессонницы глаза, принял от нас арестованных.

Всё! Мы свободны.

— Ну вот, — сказал Кузьмичев, прощаясь с нами, — дожили, что буржуи ножки съезжили.

Мы возвращались по опустевшему Невскому. Ветер по-прежнему трепал протянутый от здания к зданию кумачовый плакат, да на углу Литейного, около кинотеатра «Солей», копошились остатки толпы.

Время до утра решили провести в клубе. Кое-как вскипятили в каминном чайнике. Было так приятно потягивать из жестяной кружки кипятка,

отдающий ржавчиной. Разговор вертелся, конечно, вокруг событий прошедшей ночи.

— Почему решился выстрелить граф Воронцов? — спросил Монька.

Я ответила, не задумываясь:

— Потому что он любил графиню.

— Ерунда! Он хотел спасти документы, — возразил Леня.

Монька ответил себе сам:

— По классовой ненависти.

Как всегда, у нас разговор перешел в спор. А в споре мы неисповедимыми путями возвратились к тому, с чего начали этот вечер: будет ли в коммунистическом обществе существовать любовь? Сейчас Саши Лобанова с нами не было, он остался на обыске у Воронцовых, и после недолгого спора восторжествовала точка зрения, что при коммунизме любви не будет.

Мы были совсем юными...

«Сгущение науки»

У нас не было своей квартиры, и моя мама снимала комнату у вдовы чиновника министерства финансов, маленькой старушонки, никогда не расстававшейся с вышитой бисером сумочкой.

У нее был еще один жилец, служащий городской продовольственной управы. В 1905 году он примыкал не то к правому крылу какой-то левой партии, не то к левому крылу какой-то правой партии, побывал в ссылке и считал себя «старым революционером», но меньше всего на свете походил на какого бы то ни было революционера — бывшего, настоящего, будущего.

Отношения с ним у нас установились враждебно-вежливые. Мы не разговаривали, не здоровались, даже не раскланивались. Но так как ни его, ни нас целыми днями не бывало дома, все обходилось.

После Октябрьской революции этот «старый революционер» принял участие в саботаже интеллигенции, перестал ходить на работу и целыми днями бурчал в своей комнате проклятия по адресу большевиков. Теперь он завел новую привычку: купив кучу контрреволюционных газет, он отчеркивал красным и синим карандашом наиболее резкие выпады против Советской власти и подсовывал эти газеты нам под дверь.

Сначала мы злились, но потом подумали, что это совсем неплохо: не покупая контрреволюционных газет и не оказывая им этим материальной поддержки, мы оказались в курсе деятельности контрреволюционной прессы, а самые интересные газеты относили в Смольный.

...Однажды под вечер я сидела дома. Раздался звонок. Я открыла дверь. Это Саша Лобанов, слесарь с завода «Артур Клайд», зашел, чтобы позвать меня на заседание районного комитета Союза рабочей молодежи. Он пришел прямо с завода, в замасленном рабочем костюме.

Саша сильно замерз. Время у нас еще было, и я предложила ему выпить чаю. Он охотно согласился.

Оставив его в своей комнате, я ушла на кухню. Вернулась с горячим чайником. Увидела, что Саша стоит около книжного шкафа.

— Это все твой? — спросил он.

— Мои.

Я разделила пополам кусочек хлеба, мелко наколола сахар.

— Ты их все прочла?

— Ну, что ты!

Большоголового, неуклюжего Сашу у нас прозвали «Сашка Мечтатель». В июльские дни он вместе с большой группой рабочих ворвался на заседание меньшевистского ЦИКа и потребовал слова. Когда расте-

рянный Чхеидзе это слово ему дал, Саша поднялся на кафедру, держа в руках винтовку. Напрасно Чхеидзе уговаривал его оставить винтовку внизу, Саша так и произнес свою речь, не выпустив ее из рук.

Ему нужен был коммунизм — и больше ничего. «Мечтателем» мы его прозвали потому, что его мысли были постоянно заняты фантастическими проектами ускоренных способов построения коммунизма.

Вот так и сейчас. Не притронувшись к хлебу, Саша жадно отхлебнул несколько глотков горячего чаю и сказал:

— Послушай, а нельзя сделать такое сгущение науки, чтобы все книги разом понять?

— Наверно, нельзя.

Саша огорчился:

— Вот так помрешь, а половину книг прочитать не успеешь.

В коридоре послышались осторожные шаги, и я увидела уголок газеты, влетающий под дверь, — очередную почту соседа.

— Что это? — спросил Саша.

— Да так, ерунда.

Я нагнулась и вытащила из щели газету «Вечерний час» с густо обведенной красным карандашом статьей хлесткого тогдашнего литератора Бор. Мирского.

«...Бунтовщик-рабочий, — писал Бор. Мирский, — не сегодня-завтра в Академии наук устроит, пожалуй, слесарную мастерскую и разместит ассенизационный обоз в Актовом зале университета. Он раздаст библиотеки на сигарки, перешьет полотна Рубенса в портки, а в химических лабораториях вместо поисков радия будет творить самогонку...»

Саша засмеялся и снова подошел к книжному шкафу.

— Если доживу до коммунизма, прочту... — сказал Саша.

Но он не дожил до коммунизма. Посланный летом 1918 года с подразделением в Тамбовскую губернию, он попал в руки озверевшего кулачья и был живым закопан в землю.

Наша взяла!

Уже с вечера четвертого января центральные улицы города повеселели: завтра должно было открыться Учредительное собрание. Большинство в нем принадлежало правым эсерам и меньшевикам. «Конец Совдепии», — ликовали на Невском.

Наутро пятого возбуждение в городе продолжало нарастать. «Сегодня гиены капитала и их наемники хотят вырвать власть из рук Советов!» — писала «Правда». Буржуазные газеты вышли с шапками, требовавшими передать всю власть Учредительному собранию.

На улицах, прилегающих к Таврическому дворцу, собирались кучки щеголеватых студентов и офицеров, переряженных в штатское платье. У многих из них в руках были свернутые знамена, изредка красные, большей частью белые. Только и слышалось: конец Совдепии, конец большевикам.

Но Смольный вопреки всему продолжал жить своей обычной жизнью. Со всех концов города к нему тянулись рабочие, солдаты, красногвардейцы. Как и всегда, было полным-полно забот о хлебе, оружии, детях, заработной плате для рабочих, дровах для школ, молоке для больниц.

А тут ко всему прибавилась Учредилка!

— Слушай меня внимательно, — сказал мне Сергей Иванович Гусев, на котором, как сказали бы теперь, лежало все «хозяйство» по созыву Учредительного собрания. — Я даю тебе пять гостевых билетов в Таврический дворец на открытие Учредилки. Подбери народ понадежнее и сту-

пай туда. Идите пораньше, чтобы занять на хорах места у самого барьера. Садитесь справа от председательствующего, и если вы увидите, что...

... Но тут влетел самокатчик и сказал, что Гусева немедленно требует к себе Владимир Ильич. Гусев убежал, я осталась одна. Ждала, ждала, его все нет. А время бежит. Как же быть, мне надо еще собрать ребят, которые пойдут со мной. Так я и ушла, не узнав в точности, что же нам надо будет там делать.

В Таврический мы попали очень удачно, захватив места чуть ли не первыми. Весь зал был перед нами как на ладони, и мы решили следить за большевиками и действовать так же, как они.

Зал был еще пуст, заседали фракции. Но вот часам к трем появились правые эсеры. По ним было видно, что они уже чувствовали себя хозяевами: здесь, мол, за ними подавляющее большинство; там, на улице, Савинков и Филоненко подготовили демонстрацию, которая превратится в вооруженное восстание. Они захватят Смольный, арестуют Совнарком, завладеют государственной властью.

Эсеры шумно заняли места на крайней правой. Правее них жалось только несколько кадетов. Слева от эсеров разместились фракция меньшевиков. Потом уселись непрерывно переговаривающиеся левые эсеры. Последними вошли большевики. Спокойные, веселые, совсем не похожие на людей, над которыми нависла близкая гибель, они заняли крайнюю левую часть зала.

Все охвачены нетерпеливым ожиданием. Сейчас грянет бой...

И вот он начался! На скамьях правых эсеров вскочил один из депутатов — это был Лордкипанидзе — и резким гортанным голосом предложил от имени своей партии, чтобы Учредительное собрание открыл старейший из его членов. Слева зашумели, послышались свистки, справа и в центре раздались рукоплескания, и на кафедру — как это и было подстроено — взобрался грузный, седой правый эсер Швецов.

Шум усилился. «Долой! Самозванец!» — стуча ногами и барабана по пюпитрам, закричали большевики (и мы на хорах вместе с ними). Швецов схватил колокольчик и начал звонить, призывая собрание к порядку. Но мы уже видели, что по ступенькам, ведущим к председательскому месту, поднимается Яков Михайлович Свердлов.

Он поднимался таким ровным, будничным шагом, как будто за его спиной не бесновалась тысячная толпа, готовая растерзать его на месте. Подойдя к Швецову, он движением левого плеча отодвинул его, как в лесу отодвигают загораживающее тропинку сухое дерево, и спокойным голосом, разом перекрыв весь шум и крики, сказал:

— Исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поручил мне открыть Учредительное собрание.

Недаром Дмитрий Захарович Мануильский, шутливо перечисляя «семь большевистских чудес света», назвал в их числе голос Якова Михайловича Свердлова. Он действительно был чудом, этот могучий низкий голос, звучный, полновесный, лившийся над толпой, подобно звону большого медного колокола. И такую же, как этот единственный в мире голос, была несокрушимая воля его обладателя.

Напрасно бесились на правых скамьях, пытаясь принудить Свердлова уйти с трибуны. От имени Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, представляющих трудовое большинство народа, Яков Михайлович Свердлов предложил Учредительному собранию признать все декреты и постановления Совета Народных Комиссаров и принять декларацию, которая объявляла Россию республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, учреждаемой на основе свободного союза свободных наций.

Земля отбирается у помещиков и без выкупа передается крестьянам, говорила декларация. Банки передаются государству, на фабриках и заводах вводится рабочий контроль. Советское правительство разрывает тайные договоры и во что бы то ни стало добывается справедливое демократического мира между народами.

— Если Учредительное собрание правильно выражает интересы народа, — сказал Свердлов, — оно присоединится к этой декларации. Объявляю Учредительное собрание открытым и предлагаю выбрать председателя.

— Вся власть Советам! — закричали слева. — Да здравствует Советская республика!

Тут снова вскочил Лордкипанидзе и предложил избрать председателем Учредительного собрания лидера эсеров Виктора Чернова, угрожая разрывом, если Чернов не будет избран.

От имени большевиков слово потребовал Скворцов-Степанов.

— Граждане, сидящие направо, — сказал он, — разрыв между нами уже давно совершился. Вы были по одну сторону баррикады — с белогвардейцами и юнкерами, мы были по другую сторону — с солдатами, рабочими и крестьянами. Между нами все покончено.

На левых скамьях возгласы одобрения, справа поднялся вой, крики, топот, и, словно аккомпанируя этому шуму, с улицы донеслись звуки взрывов бомб и нескольких ружейных залпов. Как мы узнали потом, это контрреволюционные демонстранты, бросая бомбы, пытались прорваться к Таврическому дворцу, но были рассеяны красногвардейцами.

Наконец приступили к выборам председателя. Голосовали шарами. Яков Михайлович Свердлов объявил результаты голосования: большинство голосов получил Чернов.

— Прошу занять место, — сказал Свердлов.

Чернов вспорхнул на председательскую кафедру, обвел собрание своими косящими глазами и заговорил. Он говорил, говорил, говорил. Говорил час, говорил два, кончил говорить на третьем. Говорил обо всем на свете. Говорил о своей партии так, как будто бы не было презренного опыта ее пребывания у власти; говорил о большевиках так, словно за ними не шло большинство трудового народа. Он говорил о чем угодно, но только не о той декларации, высказаться о которой предложил Учредительному собранию верховный орган власти Советов.

Наконец поток черновского красноречия иссяк. Тогда большевики потребовали слова и поставили вопрос в упор:

— Намерено ли Учредительное собрание принять предложенную ему декларацию — или же нет? Признает ли Учредительное собрание советские декреты о земле, мире, рабочем контроле и прежде всего признает ли оно власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — или же нет?

Справа и в центре снова свистки, грохот, рев.

Представитель большевиков, выждав, пока шум несколько стих, заявляет от имени большевистской фракции:

— Поскольку Учредительное собрание, в согласии с притязаниями буржуазии, отказывается от признания власти Советов, оно бросило этим вызов всей трудящейся России. Учредительное собрание в его нынешнем составе явилось результатом того соотношения сил, которое сложилось до Великой Октябрьской социалистической революции. Нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему классу и крестьянству. Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов революции и народа,

фракция большевиков заявляет, что она покидает это Учредительное собрание.

И снова свист, крики, рукоплескания. Большевики поднялись со своих мест и направились к выходу.

Но что же делать нам здесь, на хорах? До сих пор мы в меру сил и умения усердно поддерживали большевиков, по преимуществу при помощи шумовых эффектов. А сейчас? Уйти? А может, правильнее остаться и посмотреть, что будет дальше?

Однако, если мы не уйдем, не будет ли это истолковано, как сочувствие черновцам?

Как же поступить?

Выход найден: мы просто пересели на барьер, свесив ноги вниз. Этим мы достаточно ясно выражали свое презрение к происходящему и могли остаться.

А там, внизу, говорили, говорили, говорили. Один живой труп выходил за другим, Чернова сменил Церетели, Церетели — Тимофеев, Тимофеева еще кто-то, и все они снова и снова говорили. Уже миновала полночь, час ночи, два часа ночи, три часа ночи, четыре часа ночи, а они все говорили и говорили.

В половине пятого позади Чернова появился высский синеглазый матрос. Он вышел вперед и сказал:

— Предлагаю всем присутствующим покинуть зал заседания, потому что караул устал.

— А кто вы такой? — спросил Чернов.

— Я начальник караула Таврического дворца, — сказал матрос.

Это был Железняков, впоследствии герой гражданской войны, погибший смертью храбрых в бою против белогвардейцев.

Чернов взвился.

— Все члены Учредительного собрания также устали, — завершал он. — Но никакая усталость не может прервать нашу работу, на которую смотрит вся Россия! Учредительное собрание может разойтись только в том случае, если будет применена сила. Только через наши трупы...

Но тут начал медленно гаснуть свет. Сначала потухли боковые лампы, потом стала меркнуть центральная люстра. Зал погружался в темноту. Мы прислушивались к тому, что творилось внизу. Стук откидываемых пюпитров, шарканье ног, выкрики Чернова: «Мы обратимся к цивилизованному миру!» Становится все темнее и темнее, и, словно с того света, из загробного мира, доносятся последние слова Чернова:

— Итак, на сегодня заседание Учредительного собрания объявляется закрытым.

Наконец-то эта длинная, тягучая ночь осталась позади. Бегом, наперегонки, мы скатились вниз по лестнице. Свежий морозный воздух ударил нам в лицо. Садик перед Таврическим дворцом был полон весело притопывавших матросов, которые старались размяться после долгого стояния в карауле.

Появился улыбающийся Гусев. Под всеобщий хохот и шутки он вытащил из портфеля огромный ключ с короной и вензелем князя Потемкина-Таврического и на два оборота запер дворец.

— Амба! — сказал молодой румяный матрос. — Наша взяла...

Седой от инея Георгий Благодрахов, чрезвычайный комиссар Петрограда, зычным голосом отдавал приказания. Расставив часть матросов в караул вокруг дворца, он велел остальным идти на Неву разгружать дрова с барж.

А мы? Разойтись по домам и улечься спать после такой ночи невозможно. Дашь дрова!

— Товарищи, пошли... Левой! Левой! Левой!

Двойная итальянская...

Саша Лобанов несколько дней не появлялся в райкоме, потом пришел и огорошил нас неожиданным вопросом: что это такое — «ресконтро»?

Ну, «контро» — это понятно. Контро — контра — контрреволюция. Но при чем тут «рес»? Республиканский? «Республиканская контрреволюция»? Явная чушь.

— Да нет, это не про то, — сказал Саша. — Это про другое. Про бухгалтерию.

И он рассказал, что у них на заводе администрация отказалась выдавать рабочим получку, мотивируя это тем, что не имеет денег. Директор завода Брудзинский говорит, что власть, мол, теперь ваша, ну так и идите в Смольный, к Ленину, пусть Ленин дает вам деньги. Но заводской комитет знает, что все это вранье, деньги у хозяев есть, только они распиханы каким-то неведомым образом, и завкому надо это дело распутать.

— Так вот, — сказал Саша. — Иван Степанович велел мне взять тут из вас кого пограмотнее и привести к нему в помощь.

«Грамотеистых» нас двое: я и Леня Петровский. Оба мы окончили по семь классов. Что ж, пойдём.

На улицах безлюдно. Только у мясной лавки выстроилась озябшая очередь да десятка два буржуев под надзором красногвардейца скалывали лед. Работали они плохо, мужчинам мешали длинные меховые шубы, а барыньки спотыкались в своих фетровых ботах на высоких каблучках.

Завод расположен неподалеку от Обводного канала. Над воротами полукружьем золотых букв выведено: «Артур Клайд. Металлические изделия».

— К Ивану Степановичу, — сказал Саша, проводя нас через проходную.

Вахтер кивнул.

— Идите.

Так с первого шага мы убедились в силе имени Ивана Степановича. Пробираясь по заваленному металлическим ломом двору и поднимаясь по узкой железной лестнице, мы слышали это имя еще не раз: «Иван Степанович велел», «Спроси у Ивана Степановича».

И вот мы сидим в заводском комитете перед его председателем, этим самым Иваном Степановичем. Ему под тридцать, у него умные насмешливые глаза, очень светлые на потемневшем от работы около металла лице. На столе лежит гора бухгалтерских книг, на серых корешках которых написано: «Счет №...», «Счет №...».

От Ивана Степановича мы узнаем о том, о чем уже не раз слышали, но как-то пропускали мимо ушей: буржуазия и ее прихвостни всеми хитростями стараются выкачать денежные средства из банков и других кредитных учреждений. Этим они хотят подорвать Советскую власть в финансовом отношении. Пускаются на всякие подвохи: получают деньги как будто бы для выплаты заработной платы, а как настанет день получки, директор Брудзинский заявляет: «Денег нет». Меншевики этому рады, мутят среди рабочих: «Вот-де до чего довели комиссары, была бы-де власть Учредительного собрания, тогда бы такого не было».

— Нам надо распутать это дело своими руками, — говорит Иван Степанович, движением умелых рабочих рук ловко показывая, как это надо сделать. — Надо разобрататься в их бухгалтерских фокусах, увидеть, куда пошла каждая копейка, которая пришла к нам и которая ушла от нас. Вот тут мы и напоролись на это самое «ресконтро». — Иван Степанович показывает нам толстую бухгалтерскую книгу, лежащую поверх других. — В нем, в ресконтре этом, записана вся их бухгалтерия. Вы вот

сядьте и найдите, куда девались семьсот тысяч, полученные в прошлом месяце директором из банка.

Мы сели к окну, положили «ресконтро» на подоконник и стали смотреть. Смотрели, смотрели — ничего не понимаем! Справа и слева вертикальной чертой сделаны графы: «Дебет», «Кредит», идут столбцы цифр.

— Ну как? — спросил Иван Степанович. — Разобрались?

— Нет!

— Вот беда-то!.. С этим дебетом и кредитом механика, как у попа: один за здоровье, другой за упокой; одни нам должны, а другим мы должны.

Иван Степанович покурил, потом сказал:

— Давайте сделаем так: вы сидите и считайте дебет одним столбцом, а кредит — другим. Мы тем временем соберем заводской комитет и позовем директора, а если уж вы ничего не найдете, тогда и будем думать.

Заводской комитет заседал тут же, в этой тесной комнатенке. В нем было восемь членов. Девятого должны были избрать служащие, но отказались.

— Ступай, Сашок, зови директора, — сказал Иван Степанович.

Директор Брудзинский, начинающий полнеть господин, с выпуклыми глазами и рыжеватыми усами, закрученными на кончиках, заставил себя подождать.

— К вашим услугам, ясновельможные паны товарищи, — сказал он, наконец входя.

— Были паны, да отпановались.

Подсчитывая у себя на подоконнике столбики дебетов и кредитов, мы краешком уха слушали то, что происходило на заседании.

— Я могу пояснить вам, — говорил Брудзинский. — Раньше вы спокойно жили за спиной фирмы «Артур Клайд». Администрация несла на себе заботы, доставала заказы, добывала сырье, продавала готовый фабрикат. Вы скажете, что эта хлопотливая деятельность была для нас безвыгодна. Допустим, что так. Но зато вы, рабочие, не знали ни забот, ни хлопот. Все ваше дело было прийти на завод, отработать свои часы, а потом покойненько идти до дому и второго и семнадцатого пожаловать за получкой. Но вам эта спокойная жизнь не понравилась, вы желали сами быть «Артур Клайд». У вас есть на то, как это вы говорите, рабоче-крестьянское правительство. Так и просите денег не у «Артур Клайд», а у этого вашего правительства.

Тут все зашумели.

— Вы, господин Брудзинский, турусы не разводите, а отвечайте, куда девались семьсот тысяч, которые вы получили из банка на выплату заработной платы?

— Финансовая область — дело тонкое, оно требует умения, предусмотрительности...

— Деньги где? Семьсот тысяч?

— ...для этого дела существует двойная итальянская бухгалтерия.

— Где наши деньги?

— Каждый рубль, каждая копейка «Артур Клайд» занесены на бухгалтерские счета.

— Хватит водить нас за нос. Где семьсот тысяч?

— «Артур Клайд» — солидная фирма. Она всегда своевременно погашала обязательства перед кредиторами.

...А мы с Леней считаем, считаем! Проклятое «ресконтро», ну как нам в тебе разобраться?

Иван Степанович вопросительно посмотрел на нас, но понял по нашим лицам, что мы ничего не нашли.

— Хватит, — прервал он Брудзинского, пристукнув кулаком по столу. — Может, ваш «Артур Клайд» и честный к другим буржуям, а к нашему брату, рабочему, он бесчестный. Вы все надеетесь на рабочую темноту, на то, что нас держали в потемках и не давали просвещения, ограничивая наше образование глупым заучиванием славянских слов. Вот вы и запутываете нас своей двойной итальянской бухгалтерией. Дальше так дело не пойдет. Вы вот все с ухмылкой Ленина поминаете, рабоче-крестьянское правительство. Да, господин Брудзинский, есть у нас Ленин, есть у нас рабоче-крестьянское правительство, и с ним мы и двойную, а ежели надо будет, так и тройную бухгалтерию одолеем. А вы выкладываете ключи и печати. Кончился ваш «Артур Клайд»!

Котелок

Меня послали в Петроградскую чека расшифровать письмо, изъятое при аресте видного белогвардейского офицера. Письмо было большое, сплошь зашифрованное. Моя помощь понадобилась потому, что оно было написано по-французски.

— Шифр детский, а возни много, — сказал секретарь, передавая мне шифровку и код.

Свободного места нигде не было, и меня усадили за небольшую тумбочку в кабинете Моисея Соломоновича Урицкого.

Урицкий сидел за своим столом и, видимо, писал статью. Он был до того поглощен работой, что незаметно для себя все время бормотал старую каторжную песню: «Две копейки, три копейки — пятачок».

Дверь отворилась. Вошел худой усталый солдат, держащий в руках какую-то грязную тряпку.

— Товарищ Урицкий, — сказал солдат.

— Ну что? — спросил Моисей Соломонович, не поднимая головы.

— Я тут брьюльянты принес.

— Какие бриллианты?

— Да мы на обыске взяли.

И, развернув свою тряпку, солдат показал завязанный на ней тяжелый узел, похожий на узел с крупной солью.

— Оставьте, товарищ, — сказал Урицкий.

— Мне портянка нужна, я ее с ноги снял.

— Что же делать? Портянка, конечно, вещь нужная.

Урицкий задумчиво оглядел комнату, увидел стоявший около меня закопченный солдатский котелок.

— Вот, — сказал он. — Высыпьте туда, благо хозяин за ним не приходит.

Солдат развязал узел, и оттуда брызнули ослепительные белые, желтые, голубые, зеленые, красные, лиловые огни. Тут были аметисты, рубины, изумруды, но больше всего бриллиантов, переливавшихся всеми цветами радуги. Держа тряпку совочком, солдат ссыпал их в котелок, и они, как горох, стучали по его дну. Урицкий стоя неотрывно смотрел, но не на блеск холодных камней, а на заросшее щетиной лицо солдата.

— Так я пойду, — сказал солдат, пряча в карман портянку.

— Спасибо. Идите, товарищ.

Мы продолжали работать. Дописав очередную страницу, Моисей Соломонович отодвинул стул и принялся по-тюремному шагать наискось комнаты. Снова послышалось бормотание: «Две копейки, три копейки — пятачок».

Сосредоточенно думая, он нагнулся, подобрал валявшийся на полу окурок, поискал, куда бы его деть, и, не глядя, ткнул в котелок, прямо в кучу бриллиантов.

— А портянки-то у него нет,— сказал он вдруг, отвечая своим мыслям.
 ...Наутро бриллианты в этом самом котелке были сданы в государственный фонд, за счет которого потом, в 1921 году, закупался хлеб для голодающих Поволжья.

«Товарищи, к оружию!»

...Утром 24 февраля я сдала своей сменнице дежурство на пункте вербовки в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию.

Пункт помещался в наспех приспособленном особняке миллионера Коновалова, занятом районным штабом Красной гвардии. Вся резная золоченая мебель была сдвинута в задние комнаты, поставлены только столы и стулья, а по стенам, обитым штофными обоями, развешаны плакаты с выведенным красной тушью призывом: «Все в ряды Красной Армии!»

Хотя пункт работал круглосуточно, мы с трудом справлялись со своими обязанностями. Далеко за полночь у столов один за другим непрерывно проходили записывающиеся.

От них требовалось заявление, паспорт, у кого он есть, а главное — рекомендация фабзавкома, полкового комитета либо же общего собрания рабочих или солдат.

Читаю заявление — одно из многих:

«С полным сознанием важности своего поступка, с полной готовностью пожертвовать своей жизнью во имя беднейших крестьян и рабочих и с полной уверенностью в торжестве своих идей я имею счастье поступить в ряды Красной Рабочей и Крестьянской Армии.

Раньше, хоть и невольно, но мы все-таки шли умирать «за веру, царя и отечество».

Разве тогда Россия была нашим отечеством, когда мы не имели ни земли, ни заводов в своих руках?

Идя служить в свою Красную Рабочую и Крестьянскую Армию, мы будем слугами блага, справедливости и безопасности всего трудового населения не только России, но и всего мира.

Такое великое дело сто́ит жертв наших жизней. Можно пожертвовать собой в бою с разжиревшими и обнаглевшими контрреволюционерами, ни за что не желающими отдать свое награбленное добро тому, кого они ограбили. Солдат Григорий Лоскутов».

Люди приходили по-разному: кто с шутками, кто очень серьезно. Некоторые, оформив запись, обращались к присутствующим с небольшой речью. Приходило много мальчуганов, просившихся в разведку, приходили и женщины. Мы и тем и другим отказывали, они сердились, плакали, грозили жаловаться на нас.

...Когда я вышла, город еще спал в морозном тумане. На перекрестках горели костры. Прохожих почти не было. Но даже в этот ранний час отряды красноармейцев обучались посередине улиц строю. Большинство совсем юноши; в шинелях, как будто сшитых на рост, в шапках, нахлобученных на самые уши, они падали в снег, вскакивали, делали перебежки.

В этот день было воскресенье, и в Мариинском театре впервые устраивался бесплатный утренний спектакль для детей бедного населения Петрограда. Ставили «Волшебную флейту» и «Фею кукол». Дети должны были приходиться в театр отрядами в сопровождении работников районных Советов или Союза рабочей молодежи. Сопровождать отряд нашего района было поручено мне.

Подумав, идти ли домой, я решила отправиться прямо в клуб. Так я и знала! Хотя сбор ребят был назначен на одиннадцать часов, у дверей клуба уже маячило несколько маленьких фигурок, замотанных в мамкины шали.

Мне удалось все же немного соснуть в каморке у тети Даши, нашей сторожихи. Еще поспать бы, да нельзя.

— Ребята! Становитесь по два! Возьмитесь за руки!

Мы шли длинной извивающейся цепью. Через пару кварталов нас нагнали бегущие опрометью газетчики.

— «Красная газета!» — «Совет Народных Комиссаров принял германские условия мира!» — «Красная газета» не любит попа и кадета!» — «Войска кайзера Вильгельма продолжают наступление!» — «Газета Красная, для буржуев опасная!» — «Красная газета!» «Красная газета!»

И вот мы в театре. Задолго до начала он был уже полон. Притихшие дети с глазами, горящими жадным любопытством, чинно рассаживались в мягких бархатных креслах. Люстры горели вполнакала, театр не топили, все сидели в пальто и шапках, на подступах к Пскову шел бой с рвущимся на Петроград врагом, и, несмотря на все это, здесь, в этом чудесном серебристо-голубом зале, полном пролетарских ребят, было празднично, быть может, как никогда.

Перед открытием занавеса выступил Анатолий Васильевич Луначарский. Он был в гимнастерке, на плечи его была накинута солдатская шинель. Очень бледный, осунувшийся от долгих бессонных ночей, Анатолий Васильевич вдохновенно говорил о золотых нитях, связывающих искусство с коммунизмом, о детях — цветах и счастье нашей жизни.

...Я плохо запомнила самый спектакль. Уже тогда, когда мы с ребятами шли по улице, возвращаясь со спектакля, какое-то неуловимое чувство подсказало мне, что за те часы, пока мы были в театре, что-то произошло. Но я слишком устала, да и некогда было думать: надо было развести ребят, сбегать домой, поесть, передохнуть и снова идти на дежурство.

Вечером, по дороге на вербовочный пункт, это же беспокойное чувство охватило меня с новой силой. Неизвестно откуда, словно из-под земли, появились бородатые дворники в белых фартуках с начищенными медными бляхами, подметавшие снег и посыпавшие тротуары песочком. В бельэтажах горничные в наколках протирали зеркальные стекла. Буржуазная публика, которая в последнее время жалась в подъездах и подворотнях, вылезла наружу. Кое-кто прислушивался, надеясь услышать отдаленный гул артиллерийской пальбы. Все они, не скрываясь, радостно ждали немцев.

— Ликует черный Петроград, — сказал злой небритый матрос.

Работы было так много, что я не заметила, как ушел вечер. В первом часу ночи на пункт ввалилось сразу больше ста человек. Это были рабочие небольшого проволочно-гвоздильного завода, которые решили закрыть завод и всем коллективом вступить в ряды Красной Армии.

В декрете Совета Народных Комиссаров об организации Красной Армии от 15 января 1918 года, которым мы руководствовались, было сказано, что при вступлении в армию целыми частями требуется круговая порука всех и поименное голосование. Такая же круговая порука была, очевидно, нужна и при вступлении целым заводом. Но как эту поруку следовало проводить? Подумав, мы решили, что все должны усесться — кто на стулья, а кто прямо на пол — и вслед за председателем заводского комитета повторить слова резолюции рабочих Путиловского завода:

«Заслушав сообщение о немедленном формировании социалистической армии для подавления контрреволюции, единогласно постановляем: или погибнуть, или победить в борьбе с контрреволюцией. Да здравствует Совет Народных Комиссаров! Да здравствует российский пролетариат, крестьянство и революционная армия! Да здравствует всемирная революция! Да здравствует социализм!»

Торжественную тишину прервал телефонный звонок. Подвойский!

— Товарищи! Немцы перешли в наступление и двигаются на Петроград. Псков пал. Революция в опасности. Мы не можем точно знать намерения врага. Может быть, он ограничится только Псковом, но, возможно, что продвижением немцев руководит русская и международная контрреволюция, решившая задавить красный Петроград. Надо всех поднять на защиту революции. Приказываю...

И в эту же минуту из глубины ночи поднялся могучий голос заводского гудка. Ему ответил другой, третий. Гудков становилось все больше. Никогда еще не был так повелителен, так грозен этот зов революции, никогда так страстно не звучал ее призыв.

Дом районного штаба Красной гвардии, в котором помещался наш вербовочный пункт, уже пришел в движение. Слышен топот, железный стук раздаваемого оружия. Со всех концов района сбегаются поднявшиеся по зову гудков рабочие. Непрерывно звонят телефоны. Среди взрослых рабочих в кожаных куртках уже вертятся и бегают те самые мальчишки, которых мы не приняли в армию днем. Некоторые рабочие приходят целыми семьями, некоторые цехами и заводами. На заводах идут митинги. Везде, где только возможно, собирают лопаты и заступы для рытья окопов. Слышны звонки трамваев: по приказу трамваи должны ходить всю ночь.

Приехавший на мотоцикле из Смольного представитель штаба революционной обороны Петрограда тут же на месте производит формирование отрядов и направляет одни из них в Смольный, другие — прямо на Балтийский вокзал.

Отряд за отрядом уходит в туманную мглу. На востоке небо начинает светлеть, но на западе, там, откуда наступают германско-кайзеровские войска, оно стало еще чернее.

Летний сад

Весь день 25 февраля валил густой снег. К вечеру небо прояснилось, взошла луна. Красногвардейцы отряда Петроградского союза рабочей молодежи с минуты на минуту ждали приказа о выступлении на фронт.

Отряд был расквартирован в Инженерном замке. Ни один звук не проникал сквозь его толстые стены. Электричество погасло. Лунный свет, пробиваясь сквозь высокие стрельчатые окна, падал на мальтийский крест, на шлемы, латы, доспехи, забрала.

Приказ почему-то задерживался. Ребятам казалось, что о них забыли, что все кончится без них, и от злости они были готовы разнести всю эту средневековую чертовщину.

Но наконец послышались шаги. Товарищ из штаба. Положение без перемен. Немецкие войска продолжают идти на Петроград. Совет Народных Комиссаров заседал непрерывно всю ночь. Чрезвычайный штаб по революционной обороне города работал также всю ночь, принимая донесения о положении дел и организуя рабочие отряды.

Нашему отряду приказано в двенадцать часов ночи быть на Балтийском вокзале, откуда он будет брошен на Нарвский фронт. Сейчас основная часть отряда идет за пулеметами, остальным дается на два часа отпуск в город.

Сбегать домой? Стоит ли! Новые проводы, новые слезы. Если жизнь подарила два часа, лучше попрощаемся еще раз с нашим любимым Питером.

Шумно выбежали на улицу.

— Пошли к Исаакию!

— Нет, — сказала Женя Герр, подвижная девушка, которую за неугомонный нрав и золотые кудри прозвали Искоркой. — Пойдем в Летний сад!

Быстрым движением она слепила снежок, швырнула в кого-то, бросилась бежать. Вдогонку ей полетели ответные снежки. Взрывая клубы снежной пыли, с визгом, с хохотом, ребята перелетели мостик через Лебязью канавку, вбежали в сад — и все в них замерло.

Впервые за много месяцев, полных политических бурь, они увидели сад, деревья, ночное небо. Кругом лежал глубокий снег, чуть искрившийся в призрачном свете луны. Он занес дорожки, скамьи, статуи, накрытые деревянными чехлами. Снег и снег. И такая волшебная тишина, что щемит сердце.

Взявшись за руки, ребята осторожно, боясь спугнуть эту тишину, опустились на мягкий снег. Издалека доносился шум трамваев, вспышки электрических искр озаряли верхушки деревьев. Все молчали. Было печально и сладко думать, что эта красота останется, а тебя завтра, наверно, не будет в живых и ты никогда, никогда больше ее не увидишь.

...Время уходит. Скоро пора.

И тут кто-то запел. Песню подхватили, сначала, как всегда, тихо, потом громче и громче.

Они пели одну песню за другой, все, что знали и умели, — о лучинушке и баррикадах, о добром молодце и родимой Нарвской заставе, об Интернационале, с которым воспрянет род людской.

Этим мальчикам и девочкам было по шестнадцати — восемнадцати лет. Они рвались на фронт, охваченные страстным желанием любой ценой, пусть ценой собственной безвестной гибели, отстоять революционный Петроград и зажечь в немецких войсках восстание против тиранов.

На их долю выпало счастье принадлежать к тому поколению, которое, не задумываясь, шло на смерть ради революции, а если смерть не была нужна, так же радостно и просто возвращалось в жизнь, готовое по первому зову партии снова пойти на бой.

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

★

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

..*

Снова думы мои об одном:
Все не вечно, все в природе переменится.
Сыплет листья береза под окном,
Милая моя современница.
Остановки движению нет.
И земля совсем иной когда-то станет вся;
Даже русского неба цвет
Лишь в глазах потомков останется;
Гор иных не найдут и следа,
Звездный ковш и тот исчезнет в млечной замети,—
Но семнадцатый год и тогда
Не сотрется в народной памяти.

..*

Допустим — богом, как попы твердили,
Мир сотворен. Но мы себе верны.
Его прошли мы до вершин Памира —
Не очень-то удовлетворены.
Мы продолжаем сотворенье мира.

СОЮЖАЕТНАЗДА

Октябрь, 1917 год...

«Кризис назрел», — так охарактеризовал В. И. Ленин обстановку, сложившуюся в стране к началу октября.

Большинство народа — за большевиков. Казалось, нет ни одного завода, фабрики, воинской части, где бы революционно настроенные рабочие, солдаты, матросы на своих бурных митингах не требовали передать всю власть Советам. Подхваченный широчайшими массами, этот большевистский лозунг звучит настойчиво, решительно, грозно. По всей России необозримой лавиной разливается крестьянские восстания. Налицо все объективные предпосылки для вооруженного выступления пролетариата.

«...События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением», — писал Ленин 1 октября (ст. ст.) в своем письме Центральному, Московскому, Петроградскому комитетам партии и большевикам — членам Советов Питера и Москвы. Владимир Ильич указывал: «Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас».

Седьмого октября Ленин нелегально возвращается в Петроград. В тот же день он обращается с письмом к делегатам Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) — «для прочтения на закрытом заседании», — где он говорит: «Надо все силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительства Керенского». Детальный план действий, разработанный на основе высказываний Маркса о том, что вооруженное «восстание, как и война, есть искусство», Ленин дал в своей статье «Советы постороннего», написанной 8 октября.

Десятого октября состоялось историческое заседание Центрального Комитета партии большевиков. На повестке дня — вопрос о вооруженном восстании. С докладом о текущем моменте выступил В. И. Ленин. Он подчеркнул необходимость решительных действий: «Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело».

Внесенная Лениным резолюция признает восстание неизбежным и вполне назревшим. В ней предлагается всем организациям партии руководствоваться этим в своей практической деятельности. Против резолюции выступили Зиновьев и Каменев, эти штрейкбрехеры и капитулянты. Троцкий хотя и не голосовал прямо против резолюции, но предложил к ней такую поправку, которая грозила провалить восстание. Он настаивал на том, чтобы отложить выступление до созыва Второго съезда Советов. Это привело бы не только к затяжке восстания, но и к расшифровке даты его начала, а также предупредило бы Временное правительство о готовящемся перевороте.

Капитулянты получили должный отпор. Упорная борьба Ленина внутри ЦК против капитулянтов дала свои результаты. Ленинская резолюция была принята десятью голосами против двух. Она становится директивой для всей партии.

Это решение было подтверждено расширенным заседанием Центрального Комитета партии 16 октября. Для руководства восстанием создается военно-

революционный центр — ядро Военно-революционного комитета при Петроградском Совете. На места рассылаются уполномоченные ЦК.

По решению Центрального Комитета партии большевиков 11 октября в Петрограде созывается областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Северного района. Свыше двадцати Советов — Петрограда, Москвы, Кронштадта, Ревеля, Гельсингфорса и других — прислало на съезд своих представителей. Из девяноста четырех делегатов пятьдесят один — большевики. На съезде было зачитано письмо Ленина, в котором он призывал к серьезной, как можно более быстрой и энергичной подготовке к восстанию. «Промедление смерти подобно», — подчеркивал он. Съезд обратился к трудящимся с призывом к вооруженному восстанию.

Восемнадцатого октября на страницах меньшевистской газеты «Новая жизнь» появилось заявление изменников революции Зиновьева и Каменева о своем несогласии с решением Центрального Комитета РСДРП(б). Тем самым они выдали Временному правительству решение ЦК о вооруженном выступлении. Время восстания выболтал врагу Троцкий на заседании Петроградского Совета.

Извещенное таким образом, Временное правительство начало стягивать к Петрограду свои силы. Тогда Центральный Комитет партии большевиков решил начать восстание ранее намеченного срока.

Утром 24 октября Керенский распорядился закрыть большевистские газеты «Рабочий путь» (под таким названием выходила в те дни «Правда») и «Солдат». К зданиям, где помещались редакции и типографии, были высланы броневики. Однако красногвардейцы и революционные солдаты сумели отстоять свою печать. К одиннадцати часам дня вышел очередной номер «Рабочего пути», открыто призывающий к решительному бою, к свержению Временного правительства.

Военно-революционный комитет вызвал в Смольный Главный штаб Красной гвардии, отдал ему приказ принять меры к массовому вооружению рабочих. Была организована усиленная охрана снарядных и пороховых заводов, мостов, вокзалов, установлен контроль за действиями правительства Керенского. В телефонограмме, посланной в Кронштадт, предлагалось революционным силам выступить 25 октября на помощь рабочим и солдатам Петрограда. К Смольному стали собираться отряды красногвардейцев из всех районов города.

Вооруженное восстание революционных рабочих и солдат Питера началось.

А. АНТОНОВ,

член КПСС с 1914 года

ИМЕНЕМ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

Искусство восстания

Седьмого (двадцатого) октября в 2 часа 25 минут от станции Выборг отошел поезд. На площадке одного из вагонов двое вели разговор на финском языке. Сторонний наблюдатель, прислушавшись к этой беседе, заметил бы, что оживленно говорил лишь худощавый человек с типичным лицом финна; второй же спутник — невысокий, коренастый, бритый — больше молчал: видно, думал о чем-то своем. В Райволе оба пассажира, озабоченно переглянувшись, исчезли. А когда поезд двинулся дальше, невысокий бритый мужчина стоял уже в паровозной будке рядом с машинистом Ялавой. Ночью этот человек шел со станции Удельная на Выборгскую сторону.

Ленин вернулся в Петроград. Вождь революции встал у руля!

Еще в сентябре, в письмах ЦК РСДРП Ленин говорил о необходимости «Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «восстание есть искусство»; о том, что «нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, не относясь к восстанию, как к искусству».

Десятого октября Центральный Комитет партии принял ленинскую резолюцию. Она заканчивалась так: «Признавая.., что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...»

И вот спустя пять дней заседание Петроградского комитета. Я присутствую на нем как представитель Обуховского завода. Представители всех районов города, от Центрального совета профсоюзов, от городской думы — несколько десятков человек — обсуждают практические, конкретные задачи восстания.

Михаил Иванович Калинин, член Петроградского комитета, пощипывая короткую курчающуюся бородку и хитровато щурясь, говорит:

— Армейские комитеты не наши.— И иронически спрашивает: — А с другой стороны, откуда же, помимо армейских организаций, посылаются делегации, которые предъявляют такие требования, которые указывают, что там боевое настроение?..

— Массы поддержат, — уверенно говорят выборжцы.

— На фабриках и заводах полным ходом идет военное обучение, — сообщают василеостровцы.

Предельно ясны слова Эйно Рахья, того самого человека, который сопроводжал Ленина из Выборга до станции Райвола:

— У финнов такое настроение, что чем скорее, тем лучше.

Я слушаю доклады с мест, мысленно перебираю то, что сейчас скажу руководителям питерского пролетариата. Это должно быть чем-то большим, надежным, сильным, как и самый завод, пославший меня.

— Слово имеет товарищ Антонов.

Немного волнуясь, пробираюсь вперед. Помолчал секунду, оглядел повернутые ко мне ожидающие лица — мол, что-то скажет нам сейчас Обуховский.

— Раньше Обуховский завод был опорой оборонцев. Теперь в настроении перелом в нашу пользу. На митинги, организуемые нами, приходит по пять — семь тысяч человек. Центр организации — исполком Совета рабочих и солдатских депутатов Обуховского района. В Красную гвардию записано две тысячи человек. Имеется пятьсот винтовок, пулемет, блиндированный автомобиль. Завод безусловно выступит по призыву Петроградского Совета.

Кто-то из зала произносит спокойно, продуманно, осмысленно:

— Пора к бою!..

Да, вот оно, настроение сегодняшнего дня: «К бою!» Рабочий класс, солдаты Питера готовы к немедленному выступлению, так, как этого требует Ленин!

Представители наших рабочих приветствовали съезд Советов Северной области. Бурей рукоплесканий, восторженным «ура» и пением «Интернационала» встретили сотни делегатов, заполнивших актовЫй зал Смольного, наказ обуховцев. В нем говорилось: «Собрание рабочих Обуховского завода приветствует Северный областной съезд Советов, который в лице обуховских рабочих найдет надежную поддержку в своей борьбе с Временным правительством, и считает, что единственное спасение страны и революции есть немедленный переход власти в руки Советов».

Буржуазная печать забила тревогу. Газета московских промышленников «Утро России» писала: «Лево-большевистское настроение закрывшего вчера областного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов наводит на самые тревожные предположения». На лозунги съезда Советов Северной области «провинция откликается, и очень недвусмысленно», — отмечал орган меньшевиков-ликвидаторов, газета «День».

Над Петроградом, над Россией все громче звучал голос большевистской партии:

— За власть Советов!

Массы начинали овладевать сложным искусством вооруженного восстания.

Обуховцы

Для подготовки восстания в нашем районе был создан Военно-революционный комитет. В его состав вошли Ильин, Обухов, Потемкин, Чижов и автор этих строк. Начальником районного штаба Красной гвардии назначили Н. Потемкина. Держать постоянную связь с недавно организованным при Петроградском Совете Военно-революционным комитетом поручено В. Преображенскому; туда же был направлен и А. Гундоров. Обуховцы заняли, как говорят в армии, исходный рубеж.

...В пятнадцати километрах от центра Петрограда, «за далекою Нарвской заставой», на левом берегу красавицы Невы широко раскинулся казенный Обуховский завод. Он как бы замыкает собой длиннейшую шеренгу фабрик и заводов, протянувшуюся от Обводного канала вверх по обе стороны Невы. Построенный в 1862 году по предложению горного инженера П. М. Обухова, этот завод — пионер сталелитейного и сталепушечного производства в России — при царизме был самым крупным предприятием по изготовлению тяжелых орудий и снарядов.

Терпеливо и упорно небольшая группа большевиков, уцелевшая на заводе к февралю 1917 года, начала «перетягивать» на свою сторону рабочих. Переломный момент в их настроении наступил в памятный всем обуховцам ясный майский день. В этот день в огромной башенной мастерской рабочие слушали Ленина.

Он появился на трибуне, спокойный, уверенный, и неторопливо, словно беседуя со старыми добрыми друзьями, начал свою речь. С неотразимой логикой Владимир Ильич обнажал классовую природу Временного правительства, суть его антинародной политики. Его слова, как луч маяка, прорезали, рассеивали тот словесный туман, которым одурманивали многих рабочих меньшевики и эсеры. Не ошибусь, если скажу, что именно с этого дня навсегда связал Обуховский завод свою судьбу с судьбой партии большевиков.

Уже с конца сентября большевистский исполнительный комитет Совета фактически осуществлял полный контроль над деятельностью администрации завода. Приспешники буржуазии из кожи вон лезли, пытаясь доказать своему начальству, что они еще пользуются влиянием у рабочих. Они задумали организовать из обуховцев образцовый батальон. Но когда ставка предложила направить этот батальон на фронт, оказалось, что уже поздно — батальон вошел в состав Красной гвардии. Лакейская затея провалилась с треском.

Выборы на заводе в Петроградский и районные Советы, в городскую и районные думы окончательно подтвердили полную победу большевиков.

Я выполнял обязанности председателя исполкома районного Совета и председателя Военно-революционного комитета Обуховского района. Частенько мне приходилось сталкиваться с начальником завода генерал-майором Чорбо. На первых порах он пытался всячески оспаривать право

контроля и вмешательства в жизнь завода со стороны рабочих организаций, но всякий раз встречал твердый отпор. По правде сказать, положение генерала было незавидным. Иногда, остановив меня где-либо на ходу, Чорбо, нерешительно покручивая пуговицу кителя, начинал мямлить:

— Видите ли, гражданин Антонов, дело-то какое... Ведь Временное правительство пока еще существует, я должен во всем подчиняться ему, а вот ваши распоряжения, они, понимаете, вразрез...

Я прерывал его:

— Будем откровенны, генерал. Помощи от вашего начальства вы не дожидаетесь, идти против интересов рабочих я вам не советую. Ну, а насчет того, чтобы наказать вас за сопротивление нашим распоряжениям,— это мы, конечно, в два счета можем.

— Да, да, пожалуй, вы правы,— горестно вздыхал генерал.

Рабочие завода полным ходом готовились к решительным боям с Временным правительством.

ВРК

Ленин торопил. Он вызывал к себе на подпольную квартиру Свердлова, Подвойского, Невского, Антонова-Овсеенко, требовал отчета о мельчайших деталях организации восстания. Его неиссякаемая энергия двигала вперед дело подготовки вооруженного выступления.

Практическую работу по подготовке восстания вел легальный советский центр — Военно-революционный комитет при Петроградском Совете.

Как он был создан?

Контрреволюция не забыла Корнилова. Она продолжала вынашивать замыслы разгрома Советов. Штаб Петроградского военного округа разослал приказ об отправке на фронт частей столичного гарнизона. Корниловцы, не скрываясь, заговорили о сдаче немцам Питера.

Девятого октября на заседании исполкома Совета меньшевики предложили учредить особый орган содействия из представителей Совета и Центрофлота при командующем войсками Петроградского округа. Их предложение было принято. В тот же день вечером этот вопрос обсуждался на пленуме Совета. Большевики сумели повернуть оборонческую затею против ее же инициаторов — меньшевиков. Пленум принял большевистскую резолюцию об организации комитета для противодействия попыткам штаба округа вывести революционные воинские части из столицы.

По указанию ЦК партии большевиков при Петроградском Совете был создан Военно-революционный комитет. Состав ВРК был обширен, в него вошли: президиумы пленума Совета и солдатской секции, представители Центрофлота, Финляндского областного комитета, железнодорожного и почтово-телеграфного союза, фабрично-заводских комитетов, партийных военных организаций, рабочей милиции и другие.

И только тут меньшевики поняли, в чем дело. ВРК — это переворот, завопили они. Они голосовали против, они занесли в протокол протест. Но...

Ранним утром петроградцы прочли бюллетень первого пленума Военно-революционного комитета:

«В связи с тревожным политическим моментом и для принятия в этом отношении надлежащих мер по охране Петрограда от контрреволюционных выступлений и погромов Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов мобилизовал все свои силы.

Утвержденный общим собранием Совета Военно-Революционный Комитет с 20-го сего октября сформировался и приступил к самой интенсивной деятельности...»

Страницы из дневника

Военно-революционный комитет сыграл неоценимую роль в Октябрьском перевороте. К сожалению, в нашей исторической (я уж не говорю о художественной) литературе обидно мало рассказано о его деятельности. До сих пор остаются невыявленными многие документы, они все еще ждут своих исследователей. А сколько интересного и полезного для себя могло бы узнать из них молодое поколение!

Разумеется, по прошествии сорока лет трудно полагаться на человеческую память. Но отдельные записи, нечто вроде дневника, сохранившиеся у меня, позволяют кое-что восстановить хотя бы в общих чертах.

Вот что я тогда записал.

21 октября. Итак, с сегодняшнего дня я комиссар Обуховского завода — один из первых гражданских комиссаров ВРК.

Подвойский, подписывая мой мандат, пристально поглядел мне в глаза и спросил:

— Все ясно?

— Пожалуй, ясно, — отвечаю не очень твердо. А про себя думаю: «На месте сам разберусь что к чему».

Николай Ильич будто прочел мои мысли, чуть усмехнулся:

— Рецепт никаких нет. Сам понимаешь, все впервой... Ну, иди, действуй! Народ у тебя на заводе боевой, помогут.

Дома снова и снова вчитываюсь в обращение ВРК к населению Петрограда: «В интересах защиты революции и ее завоеваний от покушений со стороны контрреволюции, нами назначены комиссары при воинских частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей...»

Живо представляю себе знакомые лица кадетов, меньшевиков, эсеров... Хитры, изворотливы, когтисты эти люди. Ну да их повадки мне известны. Что ж, продолжим борьбу, будем драться не на живот, а на смерть. С таким мандатом, как у меня, нам будет легче.

«...Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждению их уполномоченными нами комиссарами... Противодействие комиссарам есть противодействие Совету рабочих и солдатских депутатов...»

Вот вам, господа! Попробуйте теперь словчить — не пройдет ваш номер, глаз пролетария зорок... Именем Военно-революционного комитета!..

«...Все граждане приглашаются оказывать всемерную поддержку нашим комиссарам».

Да, поддержка масс — наша главная сила. И опора эта становится изо дня в день все более ощутимой.

Есть, товарищ Подвойский! Кажется, понял, что от меня требуется. Действительно, все ясно!..

ВРК собрал представителей Петроградского гарнизона. Собрание потребовало от предстоящего съезда Советов, чтобы он взял власть в свои руки, обеспечив народу мир, землю, хлеб. «Мы все на своих постах: готовы победить или умереть», — сказано в резолюции.

22 октября. Штаб округа как следует почувствовал силу нашего ВРК: все оружейные склады вернули штабу его распоряжения. На них не было визы комиссаров. Это — хорошее предостережение.

На сегодня назначен казачий крестный ход. Зазвучали погромные проповеди, поползли провокационные слухи. Ждем, что будет дальше.

Приходят первые известия. 4-й Донской казачий полк отказался принять участие в крестном ходе. Казаки 14-го Донского — тоже. Всё! Провокация сорвана!

Всюду митинги, многолюдные, бурные. Заводская автомашинка носит меня из одного конца города в другой. Выступаю то здесь, то там.

Краем уха ловлю разговор товарищей:

— В Народном доме люди пристроились аж где-то на балках, у самого потолка. Хотели послушать доклад Володарского...

— В Политехническом институте Мартов любопытную речь произнес.

— А что?

— Да, кроме слова «товарищи», ему ничего не дали сказать. Выгнали...

Встретился с Антоновым-Овсенко. Выглядит смертельно усталым, но бодрится. Осипшим голосом сказал только:

— Предгрозовье, а? — Махнул приветственно рукой и побежал дальше. Куда? На очередной митинг, конечно. На Васильевский остров. Или на Балтийский завод. А может быть, на Трубочный. Большевистские агитаторы сейчас всюду нужны как воздух.

23 октября. У меня конфликт с начальником завода.

Письменно сообщил ему, что отправка с завода военного снаряжения без разрешения комиссара ВРК запрещается. В ответ получил резолюцию: «Не нахожу возможным сделать такое распоряжение. В. Чорбо».

Пошел сам к нему объясняться. Помялся генерал, помялся, посмотрел еще раз на мой мандат, потянулся за пером. Что же, мол, с тобой поделаешь! Зачеркнул первую резолюцию и написал вторую, обязывающую главный магазин отпускать снаряжение под контролем представителя исполнительного комитета.

Не вытерпел я и говорю:

— Рекомендую вам и впредь не ставить себя в положение унтер-офицерской вдовы.

Покраснел...

В ВРК обсуждался вопрос об охране Обуховского района. Его расположение имеет особый стратегический характер: здесь протекает Нева, проходят две важные железнодорожные магистрали — Николаевская и Северная дороги. Для охраны подступов к городу со стороны Обуховского района на Неву выведены эсминцы. Комиссаром станции Обухово назначен Матвеев, комиссаром по охране района — Потемкин, комиссаром района по продовольствию — Егоров.

Только что получено донесение со станции Рыбацкая: «Пришла воинская часть, шумит, настроение неизвестно, есть офицеры». Срочно вызываю к себе одного из наших большевиков, отдаю ему распоряжение:

— Будешь комиссаром станции Рыбацкая. Немедленно отправляйся туда. Задача — создать солдатский комитет, офицеров проверить, обезвредить.

— Есть, — козыряет товарищ Кисель.

Выясняется, что на Рыбацкой крупные артиллерийские склады. ВРК послал туда А. Гундорова и О. Красса. Через некоторое время возвращается Кисель. Неузнаваем — гимнастерка, фуражка. Рапортует:

— Все в порядке, товарищ Антонов. Солдаты наши. Склады наши. Северная железная дорога перекрыта нами.

Нам посчастливилось: хлопцы обнаружили место, где спрятано довольно много винтовок и пулеметов. Это в одном из клубов. Помещение охраняется эсерами. Быстро разработали план операции, послали в клуб смысленных людей. Эсеры струсили и разбежались, оружие переключало к Красной гвардии.

Вечером Петроградский Совет заслушал отчет о работе ВРК. Постановление: «Петроградский Совет констатирует, что благодаря энергичной работе Военно-революционного комитета связь Петроградского Совета с революционным гарнизоном упрочилась, и выражает уверенность, что

только дальнейшей работой в этом же направлении будет обеспечена возможность свободной и беспрепятственной работы открывающегося Всероссийского съезда Советов».

24 октября. Почти весь день я в Смольном. В комнате ВРК на стульях, на столах, на полу связисты от каждого полка, от каждого штаба Красной гвардии. Кто-то кричит от телефона:

— Юнкера захватили типографию «Рабочего пути», разбили стереотипы!

Новое известие:

— Опубликован приказ штаба военного округа об отстранении и предании суду комиссаров ВРК, назначенных в воинские части.

И снова:

— Юнкерские караулы занимают важнейшие пункты города.

В ответ распоряжение ВРК:

«Типографии революционных газет открыть».

И предписание № 1 в полки:

«Петроградскому Совету грозит прямая опасность: ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петроград. Газеты «Солдат» и «Рабочий путь» закрыты. Предписывается привести полк в боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений.

Всякое промедление и замешательство будут рассматриваться как измена революции».

Началось!

Твердость, стойкость, выдержка, решительность — вот, что сейчас требуется от каждого из нас...

Р. БОРИСОВА,

член КПСС с 1912 года

У ВОЛГАРЕЙ

Городской театр переполнен. Если посмотреть с верхнего яруса, видишь колышущееся море людских голов. Волнами взлетают вверх аплодирующие ладони. Идет обычный в эти дни многотысячный митинг.

Но что такое? Не кончив фразы, замолчал оратор. Порывом ветра пронесся над залом шепот и стих, улегся у трибуны. Рядом с оратором встал человек. Он очень взволнован. Мы все хорошо его знаем, это Владимир Павлович Антонов.

— Товарищи! — что-то мешает ему говорить. — Солдаты нашего гарнизона, окружив тюрьму, освободили из нее большевиков. Временное правительство теперь не в силах держать за решеткой лучших людей. Наши товарищи на свободе, они идут сюда, к нам...

И вот в дверях уже появляется знакомая широкоплечая фигура. Солдатская глухая гимнастерка. Круто вьющиеся волосы над широким лбом. Это Ерман. Весь зал единым движением качнулся вперед. Тысячи рук тянутся к сцене. Горячие объятия. Поцелуи. Кто-то запекает «Интернационал». Голос на секунду теряется в шуме, но его услышали, подхватили, стройным хором подняли ввысь гимн революционного пролетариата. Стоя поет зал.

Весть об освобождении из застенка арестованных большевиков за несколько минут разнеслась по городу. На площади перед театром собралась огромная толпа.

— Большевистской партии, Ленину — ура! — неслись возгласы.
— Сметем контрреволюцию!
До поздней ночи длилась эта необычная демонстрация.
Так начался октябрь 1917 года в Саратове...

Перед моим отъездом из Донбасса в Саратов Федор Андреевич Артем (Сергеев) говорил, напутствуя меня:

— Эсеры считают Поволжье своей вотчиной. На Волгу шли народники, на Волге помнят Разина и Пугачева. Добрую память в массах об этих бунтарях эсеры теперь пытаются использовать в своих интересах. Но на Волге не забыли и саратовского губернатора Столыпина. Не столь давно крестьянству твердили, что эсеры — нынешние Разины, Пугачевы. Однако крестьяне все больше убеждаются, что эсерам всегда была гораздо ближе политика Столыпина в крестьянском вопросе.

Не раз потом вспоминались мне эти слова Артема.

...Базарная площадь набита народом. Идет митинг. Свитки, папахи, поневы, кожанки, фуражки, шинели. Крестьяне, крестьянки, солдаты — те же крестьяне. Сколько видит глаз — ни одной рабочей куртки. Угрюмые, обросшие бородами лица. Молча слушают ораторов.

— Большевизм и революция — это вещи несовместимые.

Хлопают.

— Земля — народу. На Учредительном собрании социалисты-революционеры положат душу за этот лозунг.

Хлопают.

Я попросила слова. С телеги, изображавшей трибуну, свесились ко мне дряблые мешочки щек. Спросили любезно:

— Вы от какой же это партии, барышня?

— Народ сам определит, к какой партии я принадлежу!

С трудом вскарабкиваюсь на телегу. Начинаю говорить, изо всех сил напрягая голос. О чем? Конечно, о том, о чем в этот же день и этот же час говорили тысячи большевистских агитаторов во всех концах России. Эсеровские заправила то и дело прерывают меня насмешливыми репликами. Стараюсь не обращать на них внимания. В толпе замечаю человека с нахмуренным, сосредоточенным лицом, враждебным взглядом. Я говорю только для этого пожилого крестьянина. И вот выражение его лица смягчилось, вдруг засветились казавшиеся до этого настороженными глаза, сгладились жесткие морщины на переносице. И я поняла, что доверие слушателя завоевано. В этот момент резкий удар в плечо сбросил меня с телеги.

— Хватит, отговорилась!

Одинокие свистки, несколько злобных выкриков. И, как взрыв, много голосов:

— Пусть говорит!..

Вижу, к телеге решительно пробирается — руки сжаты в кулаки — тот, на которого я смотрела.

— Зачем правде рот затыкаете?..

Крестьянин что-то говорит, но я уже не слышу. Чьи-то пальцы больно сжали кисти моих рук. У самого уха шепот:

— Вам лучше уйти, свое дело вы сделали, сейчас здесь начнется буза.

Бегом-бегом протасили меня через площадь, увели с митинга. Потом я узнала, что на Базарной площади произошла чуть ли не драка, крестьяне сорвали митинг, прогнали прочь эсеровских ораторов.

В дни напряженной борьбы за массы, подготовки к восстанию пролетариата руководители Саратовской партийной организации по многу раз в сутки бывали в разных районах города, выступали на предприятиях, в казармах. Выступления Васильева-Южина, Антонова, Мицке-

вича, Радуса-Зенкевича всегда отличались глубоким содержанием, убедительностью. Саратовцы особенно любили Михаила Ивановича Васильева-Южина, старого члена партии, седоватого, несмотря на свои тридцать с лишним лет, исключительно душевного человека. Мне нетрудно было убедиться в огромном его влиянии на солдатские массы: живя вблизи казарм, я постоянно вращалась среди солдат.

Часто приходилось бывать у береговых рабочих. «Волжская вольница» — звали они себя. Среди кряжистых грузчиков было немало таких, что считали себя убежденными анархистами. Нас, рядовых членов партии — агитаторов, они встречали недружелюбно.

Тяжелый, каторжный труд выработал у грузчиков своеобразный панцирь — скептицизм: «Да, не верим мы ни в бога, ни в царя, ни в черта, ни в Керенского». Не верили они и в большевиков.

После нескольких неудачных походов к «вольнице» мы рассказали об этом Антонову.

— Анархисты? — удивился Владимир Павлович. — Что ж, попробуем расшевелить и их, пойдемте вместе.

И вот мы сидим в порту, на длинной скамейке, пощелкиваем семечки, лениво перебрасываемся с рабочими короткими фразами — не о партиях и не о большевистских лозунгах. Владимир Павлович обнаружил тонкое знание жизни берега. Один за другим подходят грузчики, бросают насмешливо: «Опять большевики заявили?» — и остаются.

Постепенно разговор сам собой сворачивает на политику. Уже не мы рассказываем, а рабочие спрашивают о большевиках, о рабочем контроле. Ответы выслушивают жадно.

— А Ленин, — стараясь быть как можно безразличнее, говорит один из репинских бурлаков, — из немцев ведь он?

— Земляк наш.

— Саратовский? — ахают в обступившем нас кругу.

— Симбирский.

— Волгарь, значит? Ну и ну!

И детски-восторженные улыбки пробегают по обветренным грубым лицам.

Но не дремала и контрреволюция. Видя, что победить большевиков с открытым забралом нельзя, что на всех митингах и собраниях инициатива неизменно переходит в руки нашей партии, эсеры и меньшевики начали действовать по-другому.

В октябре после выборов в Учредительное собрание возвращался на пароходе в свой город руководитель царицынских большевиков Я. Ерман. На пристани бросились к нему двое, схватили за руки.

— Вор! Это он нас обокрал.

Чем-то тяжелым они ударили Ермана по голове. Короткий вскрик, рванулись в сторону две тени. Люди бросились к месту происшествия. Раскинув руки, лежал на земле Ерман. Кто-то негромко сказал:

— Припомним вам и это, буржуи!

В начале октября исполнительному комитету Саратовского Совета стало известно, что эсеры, орудовавшие в губернской продовольственной управе, чрезвычайно запутали дело со снабжением города и всей губернии. Это, конечно, был маневр общероссийской контрреволюции, мечтавшей, по выражению миллионера Рябушинского, «костлявой рукой голода, народной нищетой схватить за горло демократические Советы и Комитеты». Кулачество, владея громадными запасами зерна, но без ведома продовольственной управы прятало хлеб. Спекуляция продуктами питания в Саратове приняла ужасающие размеры. Нависла опасность продовольственного кризиса в городах губернии.

Вопрос этот обсуждался в исполкоме. Эсеры, уклоняясь от ответственности за свои преступные дела, заявили вдруг, что они прекращают работу в управе. Попытка вконец запутать продовольственный вопрос только раскрыла подлую игру соглашателей. Теперь в ответ на их агитацию на собраниях за правительство Керенского частенько можно было услышать ехидное:

— А о хлебе поговорить не желаете?..

Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов принял подавляющим большинством голосов резолюцию о недоверии Временному правительству. Контрреволюционные силы Саратова приготовились к бою с большевистским Советом.

Одну из своих основных ставок буржуазия делала на казачество Дона, Урала и Кубани. Стремительный набег на Самару, Саратов и Царицын должен был обеспечить контрреволюционерам путь в Москву.

В Царицын приехал Каледин, он рассчитывал провести по всей губернии мобилизацию казаков. Об этом заблаговременно узнали большевики. Штаб Каледина неожиданно был окружен отрядом Красной гвардии. В руки Царицынского Совета попали все мобилизационные планы. Сам Каледин убрался на Дон, не только не получив людского подкрепления, но и лишившись своих ближайших помощников.

Начали активизироваться и вооруженные контрреволюционные силы. Как выяснилось позже, уже к середине октября была разработана операция нападения на Совет; было назначено и командование из самых реакционных офицеров во главе с эсером Наймиченко. Готовился двойной удар: изнутри и со стороны Оренбурга. Руководители соглашателей — эсер Телегин и меньшевики Майзель и Чертков, — тщательно маскируясь, на заседаниях Совета били себя в грудь:

— Только наши партии верны революции. Лишь во имя интересов народа мы поддерживаем Временное правительство. Кроме него, никто сейчас не в состоянии решить сложные вопросы текущего момента. Мы должны запастись терпением и ждать созыва Учредительного собрания.

А рабочие и солдаты Саратова и Царицына единогласно принимали резолюции, в которых выражалась готовность по первому зову большевиков встать в ряды защитников революции.

Однажды на заседании Совета саратовские соглашатели выкинули такой фокус. Телегин выступил с декларацией о том, что эсеры требуют начать конфискацию земли до созыва Учредительного собрания и предлагают большевикам созвать по этому поводу совместное совещание.

Двадцать третьего октября состоялось совещание представителей от крестьян. Эсеры снова показали свое подлинное обличье, они вдруг «забыли» свое предложение о конфискации земли и попытались использовать это совещание для провозглашения старых басен об «опасности», грозящей революции, если вся полнота власти перейдет Советам. Эсеровские выступления прерывались криками:

— А земля?

— Что нам Керенский, земля где?..

По рукам участников совещания ходил номер саратовской газеты «Социал-демократ». В своих статьях большевики вновь напоминали крестьянству, что лозунгом ленинской партии было и остается: конфискация всех помещичьих земель и национализация всей земли с передачей ее Советам крестьянских и казачьих депутатов.

Депутаты Поволжья выехали в Петроград. Они везли на Второй съезд Советов требование трудового народа: «Вся власть Советам!»

А. БРАТАЛЬСКИЙ,
член КПСС с 1915 года

В БЕЛГОРОДЕ

В тот день я пришел в городской Совет рано утром — работы там у нас было невпроворот. Поднимаюсь по лестнице, навстречу, возбужденный, спешит Иван Густавович Озембловский, председатель нашего партийного комитета.

— Вот, читай!

Он протянул мне какую-то бумажку. Это была телеграмма, подписанная Я. М. Свердловым. В ней говорилось: «Двадцатого октября в Петрограде созывается Второй съезд Советов рабочих, солдатских депутатов. Норма представительства на съезде та же, что на Первом Всероссийском съезде».

Наконец-то! Все мы с нетерпением ждали этого известия...

Белгородский Совет образовался в марте 1917 года. В городе была сильная большевистская организация, и в Совет избрали преимущественно большевиков. Газета, издаваемая Советом, писала в июне: «В своих действиях и требованиях Белгородский Совет опирается на революционные организации численностью более двадцати пяти тысяч человек, представляющие собой внушительную реальную силу, всегда готовую выступить, чтобы поддержать свои требования».

К октябрю революционные силы Белгорода значительно окрепли. Уже не только рабочие шли к большевикам.

Помню один мой разговор со знакомым учителем, беспартийным, сочувствовавшим меньшевикам. Это было на демонстрации в начале октября.

Мы шли с ним по Корочанской улице вместе с рабочими железных дорог и меловых разработок. Над нами колыхалось множество плакатов, лозунгов, написанных кустарно, но ясно и четко:

«Долой соглашателей всех мастей!»

«Мир — трудящимся, война — капиталу!»

И коротко и весомо:

«Вся власть Советам!»

— Вот вы как-то говорили: меньшевики — совесть нации, — обратился я к своему собеседнику. — А нация-то — вот она, несет лозунги, от которых, извините за выражение, корежит ваших единомышленников.

— Единомышленников? — Учитель чуть усмехнулся. — Давненько мы с вами не виделись. Нет-с, сударь, ошибаетесь...

Заметив мой вопрошающий взгляд, он с необычной в нем решительностью сказал:

— Дадите ли вы обо мне отзыв в вашу партию?

Учитель был честен.

Накануне выборов делегатов на Второй съезд Советов меньшевики решили сманеврировать. Как можно больше своих людей на съезд! Но как это сделать? Игра в открытую — верный проигрыш. И вот в «Известиях Белгородского Совета» появляется первый пробный шаг: «На переживаемой стадии развития революции государственная власть должна быть составлена из однородного целого. Организованная воля революционной демократии может проявиться только через немедленный созыв Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов».

Через несколько дней — ход ва-банк. На совещании городского Совета лидер меньшевиков заявил:

— Мы тоже стоим на платформе передачи всей власти Советам.

Это был тонкий хōд. Большевистские лозунги знали даже люди, политически неискушенные. Прикрываясь ими, как щитом, меньшевики завоевывали себе голоса.

— Вишь, — приходилось мне слышать, — меньшевики-то Советскую власть хотят, заодно с большевиками пошли.

— Ну-у?!

— Право слово!..

Так меньшевики добывали себе места на съезд.

Власть в Белгороде уже принадлежала большевистскому Совету. Все чаще происходили стычки между властью реальной и властью так называемой.

Приближались выборы гласных в городскую думу. Большевики придавали большое значение этим выборам. Городское самоуправление не должно было попасть в руки соглашателей.

В день выборов я наблюдал такую картину.

Солдатская команда с духовым оркестром пришла к избирательному участку. Каждому выдали десять листков — по числу списков партий. Большинство солдат демонстративно выбирает из пачек список номер шесть — большевистский, а остальные картинно бросает на стол.

Бородач, перелистывая списки, недовольно буркнул:

— Чего ты мне их под нос тычешь? Неграмотный я. Ты мне покажь, в котором тут большевики.

Ему объясняют.

— Ну вот сразу бы так. А эти оставь себе. Сгодятся... для дома.

Об итогах голосования «Известия Белгородского Совета» писали: «В Белгороде, бывшем оплоте черной сотни, вотчине Дорреров, Мухановых и др., городское самоуправление перешло в руки революционного пролетариата, в руки РСДРП(б)... Царство закоснелых реакционеров окончилось в Белгороде навсегда. Места, на которых восседали Мачурины, Садовские, Барышниковы и К°, отошли теперь к тем самым «ленинцам», одно упоминание о которых приводило в содрогание буржуазные душонки белгородских толстосумов».

А ниже — результаты выборов: большевиков — двадцать пять, меньшевиков — семь, эсеров — один, кадетов — три...

Принимаем дела от старой городской управы. Волосы буквально встают дыбом. Коммунальное хозяйство — фикция, все вдребезги разбито, разрушено. Город без средств, казна пуста. Приходят женщины-солдатки, просят помощи, оставляют детей в коридорах. Ребятишки бродят по улицам, голодные, раздетые.

Это не бесхозяйственность. Это составная часть общего плана контрреволюции: чудовищной разрухой поставить революционные массы на колени перед буржуазией. И тут же в городе помещики и купцы скрывали огромные продовольственные запасы, потихоньку вывозили их, продавали по баснословным ценам.

Совет изымал излишки. С отрядом красногвардейцев меня направили в торговые ряды. Вначале хозяин встретил нас любезно, юлил, водил по складам, преданно забегая вперед, с натугой отпирал двухпудовые замки и все время лепетал жалобно:

— Христос с вами, что вы? Нет у меня ничего лишнего, самому впроу с сумой идти.

Но его брюшко без слов говорило, что до сумы ему далеко.

Собравшиеся люди подсказывали, где нужно искать. Однако самый тщательный обыск не дал никаких результатов. Мы уже собрались уходить. В это время ко мне подошел человек в рабочей блузе.

— Вон в том дальнем амбаре пошукайте, подzemелье там, — шепнул он.

Пошли опять в амбар. Там оказался тайный склад. Мы вывезли из него много зерна, сахару, круп.

Петроград сообщил: открытие Второго съезда Советов состоится двадцать пятого октября.

Общегородское партийное собрание. Выступает Озембловский, делегат Белгорода на Второй Всероссийский съезд. На трибуне один за другим представители районных комитетов, предприятий, воинских частей. От имени своих организаций они просят делегата передать Второму Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов требование белгородского пролетариата: немедленно взять всю власть в руки Советов.

Б. ЭТИНГОФ,

член КПСС с 1903 года

НАЧАЛО НОВОЙ ЭРЫ

Встречи в Смольном

В первых числах октября семнадцатого года с далекого Персидского фронта разными путями добирались до Петрограда пятеро военных. Это были делегаты на Второй Всероссийский съезд Советов. До столицы мы ехали порознь и встретились уже в Смольном.

Съезд, назначенный сперва на 20 октября, откладывался. Потом стало известно: открытие состоится 25-го числа, вечером.

В Питере чувствуется предельная напряженность, всюду глаз видит приметы предстоящих решающих событий. На улицах необычайно оживленно. Люди идут не как всегда — в одиночку или небольшими группами, а целыми толпами, что-то возбужденно обсуждая, переговариваясь между собой. На перекрестках то тут, то там ежеминутно возникают митинги. Четко, по-военному, печатают шаг красногвардейские дружины. Перекрещенные пулеметные ленты на груди, винтовки через плечо.

Возле Смольного, где размещались все учреждения Петроградского Совета и Центрального Исполнительного Комитета, наибольшее оживление, непрерывно, день и ночь, идут сюда люди из районов, с предприятий.

Перед настежь раскрытыми дверями Смольного группа вооруженных рабочих. Предъявляю мандат. Быстрый взгляд, кивок головой: «Пройди».

На площадке лестницы второго этажа — стол, здесь регистрируют делегатов, прибывших на съезд.

Впереди меня стоит цепочка, человек десять, судя по одежде, большинство наших, фронтников.

— Партийность? — спрашивают за столом. Прислушиваюсь. Два эсера, третий заученно-твердо выговаривает: «Социал-демократ меньшевик», остальные бросают коротко: большевик... большевик...

Очередь доходит до меня; регистрирующая девушка снова спрашивает о партийной принадлежности и, услышав ответ, не выдерживает:

— Опять большевик?!

Сидевшие рядом регистраторы тоже весьма разочарованы. Только один из них приветливо поднялся, протянул руку и сообщил:

— В комнате восемнадцать — большевистская фракция съезда.

Направляюсь туда. Большая комната битком набита народом. Издали вижу человека огромного роста, с большой рыжей бородой, в штатском костюме европейского покроя. Это был Юрий Михайлович Стеклов,

член ЦИКа, автор знаменитого приказа № 1 от 1 марта 1917 года, в котором Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов постановлял выбрать во всех воинских частях комитеты представителей нижних чинов и исполнять приказы Военной комиссии Государственной думы «только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов». Центральный Комитет партии уполномочил Стеклова, впредь до образования бюро фракции, побеседовать с делегатами-большевиками, выяснить, кого и как можно использовать на партийной работе до открытия съезда.

— Рабочие и солдаты Питера интересуются положением на фронтах, в особенности таких отдаленных, как Персидский и Турецкий, — сказал мне Стеков. — Включайтесь-ка в агитационную работу, вы-нам очень поможете.

Из разговоров узнаю, что зарегистрировано уже свыше шестисот делегатов, из них почти две трети — большевики; одним поручили участвовать в организации боевых рабочих дружин, другие пополнили охрану Смольного или прикреплены в качестве агитаторов к райкомам и Петроградскому комитету партии.

В Смольном же я встретился с А. В. Луначарским. Кстати, у меня было к нему письмо от старейшего члена партии, друга Анатолия Васильевича по эмиграции, Миши Цхакая. Луначарский тотчас же стал спрашивать о настроениях в Закавказье и в свою очередь охотно рассказал о делах в Питере.

Блестящий оратор, часто выступавший на больших митингах, автор ряда широко известных литературных работ, он в эти дни был одним из известнейших большевиков, пользовался широким признанием не только среди питерских пролетариев, но и среди значительной части интеллигенции. Избранный в руководство городской думы в Петрограде, в большинстве своем состоявшей из кадетов, эсеров и меньшевиков, Луначарский, по его словам, чувствовал себя заложником в стане контрреволюции.

— Все должно решиться на этих днях,—говорил мне Анатолий Васильевич. — Если рабочие сейчас не захватят власть в свои руки, то генералы не будут ждать, неизбежен военный мятеж и в конечном счете восстановление монархии.

Наш разговор прервал подошедший Володарский. Я видел впервые этого прославленного трибуна, пламенного пропагандиста большевизма, и был поражен его молодостью. Володарский казался совсем юношей, хотя мне было известно, что он пробыл немало времени в эмиграции и после Февральской революции вернулся из Америки, где был одним из видных участников рабочего движения. Вскоре к нам присоединился Свердлов, в кожаной куртке, кожаной фуражке и сапогах. Яков Михайлович немного напоминал портреты писателя Гаршина. Стройный, весь напряженный, как натянутая струна, быстрый и подвижной, с энергичным, волевым лицом, он даже одной своей внешностью оправдывал характеристику талантливого организатора масс, которую дал ему Ленин.

Я отправился дальше по длиннейшим коридорам Смольного, с любопытством оглядываясь по сторонам, то и дело встречая знакомые лица. Вот навстречу мне важно шествует столп меньшевиков — Чхеидзе. Его сопровождает известный на Кавказе эсер Донской. Я встречался с Чхеидзе еще в 1909 году в тифлисском подполье. Тогда он производил впечатление интеллигента из рабочих, очень простого и отзывчивого. Позднее я снова виделся с ним в Тифлисе. После образования Грузинской буржуазно-демократической республики он стал одним из вождей грузинского меньшевистского националистического правительства. От былой простоты и отзывчивости не осталось и следа, он превратился в под-

линного сановника, свысока поглядывал на старых товарищей по дореволюционной работе.

Признаться, сначала меня удивило, что сейчас Чхеидзе столь благосклонно внимает словам Донского, того самого, кто остро враждовал с грузинскими меньшевиками-националистами, занимая позицию эсеровского великодержавного российского шовинизма. У обоих был вид заговорщиков, и мне стало понятно: здесь, в Смольном, этих друзей-врагов спаяла общая ненависть и страх перед большевиками — явление, типичное не только для этих двух соглашателей.

Все последующее время, вплоть до открытия съезда, я провел на заводах, в казармах, в учебных заведениях, выполняя поручения Петроградского комитета партии. Выступать приходилось перед самой разнообразной аудиторией, по самым различным вопросам. Активность слушателей была исключительной, она явственно отражала нарастающее изодня в день в массах требование свергнуть Временное правительство Керенского и передать всю полноту власти Советам.

Зато на собраниях служащих и чиновников, в студенческой и особенно офицерской среде злобные выкрики в адрес нашей партии становились все более угрожающими. Заметно было, как навстречу друг другу шли две мощные волны — поднимающейся в низах пролетарской революции и одновременно буржуазно-чиновничьей контрреволюции, откровенно призывавшей к белому террору.

Если еще недавно обычной для сторонников Временного правительства была слащавая песенка о демократии, которая, мол, всем хороша, да вот большевики мешают, то в последующие дни, непосредственно предшествовавшие восстанию, зазвучали прямые призывы к самосуду над большевиками, к установлению военной диктатуры для разгрома большевистской партии и разгона Советов. Оставшись повсеместно в Советах в явном меньшинстве, меньшевики и правые эсеры переходили в лагерь монархическо-кадетской контрреволюции. Все чаще отмечались попытки арестов большевистских ораторов, избиения и провокационные выстрелы.

В эти дни Смольный принял вид крепости, готовящейся к осаде. На площади круглые сутки дежурят вооруженные отряды рабочих, внутри здания виднеются пулеметы и всюду винтовки — за спинами, в руках, прислоненные к стенам, составленные в козлы.

С нами будет говорить Ленин

Как-то меня разыскал Ю. М. Стеклов.

— Владимир Ильич, — сказал он, — хочет побеседовать с представителями Кавказского фронта. Его интересует информация о нашей армии в Персии. Вечером он будет ждать вас в Смольном.

О Ленине до этого я знал уже много, расспрашивал каждого, кто когда-либо встречался с Владимиром Ильичем. Казалось, только услышишь: «Ленин» — и уже видишь его как живого, как близкого человека, с которым постоянно общаешься. И вот Ленин стоит рядом, разговаривает с нами. Хорошо, до мелочей знакомое лицо — правда, на этот раз без знаменитой ленинской бородки, тот самый темно-серый костюм, о котором рассказывали товарищи, та самая давно «обжитая» сбувь, — во внешнем виде нет ничего такого, что сразу бы примечалось, все очень привычно, обыденно. Присматриваешься, вслушиваешься, и вдруг всего тебя охватывает ощущение какой-то особенности, необычности этого человека. Он удивительно прост, и простота эта отнюдь не от нарочитой упрощенности, наоборот — она результат величия духа, огромной житейской мудрости; недаром говорят: все, что гениально, — просто. Весь он — источник гигантской силы, силы непреодолимой правоты и убежденности.

Мы сообщили Владимиру Ильичу, что еще в июне—июле большевики завоевали руководство в большинстве Советов солдатских депутатов фронта, что, вопреки приказам ставки, приступили к эвакуации воинских частей из Персии, значительная часть которой была оккупирована царскими войсками. Рассказали и о том, что в Персии разбойничья политика царизма, ограбление народа, продолжалась Временным правительством и Кавказским комиссариатом, полностью поддержавшим монархический генералитет.

Владимир Ильич сосредоточенно слушал, быстро задавал короткие вопросы, снова слушал, иногда пытаясь потеревить отсутствовавшую бородку. Он немного подался вперед, когда мы начали говорить о том, что в Тавризе, Шерефхане, Урмии и некоторых других городах трудящиеся образовали свои Советы депутатов.

— Вот вы сказали,— вдруг перебил он,— что эвакуировали наши войска из Персии. А как поступили с имуществом армии, с продовольственными базами, вещевыми складами, вооружением?

Мы объяснили, что продовольствие и обмундирование были распределены при эвакуации между подразделениями, что же касается оружия, то винтовки роздали солдатам, а пулеметы и артиллерийские орудия переправлены через границу и сданы Советам рабочих депутатов.

— Толково, товарищи, рассудили... Ждать вам в Питере долго не придется. Вот откроется съезд и объявит Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику. — Владимир Ильич подчеркнул, с видимым удовольствием выговаривал последние слова.

Двадцать четвертого октября в Петрограде началось вооруженное восстание.

В тот же день Ю. М. Стеклов предложил мне работать в газете «Известия». Состав новой редколлегии — только большевики. Редактором был избран Стеклов.

Редакция тогда занимала две комнаты на первом этаже Смольного; первая — небольшая, где постоянно, день и ночь, толпились люди, вторая — побольше, здесь готовились материалы для очередных номеров. Часто, преимущественно ночью, заходил сюда Владимир Ильич, просматривал информационные сводки, стенограммы. Иногда присаживался за один из столиков, которые были расставлены вдоль стен, торопливо что-либо писал, задумчиво потирая рукой свой огромный лоб.

...Из Смольного — боевого штаба революции — все время направлялись вооруженные отряды, агитаторы и делегаты в разные воинские части. В эти дни и часы редакция «Известий» была не только редакцией печатного органа, но и одним из непосредственных участников восстания, связным между Военно-революционным комитетом, Центральным Комитетом партии и революционными частями.

В то же время редакция являлась и своеобразным бюро информации. У наших дверей всегда собирался народ, люди интересовались ходом восстания, требовали указаний, но чаще всего обращались с просьбами: сообщите Ленину... попросите у Ленина... помогите встретиться с Лениным.

Съезд Советов

Раннее утро 25 октября. В редакцию, одно вслед другому, поступают сведения о событиях прошедшей ночи. Телефонная станция, Балтийский вокзал и телеграф захвачены нами. Арестовано несколько министров. Казаки колеблются. Стычки... И позднее: заняты министерства, в наших руках Государственный банк.

Стремительно промчался день... Близится вечер... Со всех сторон к

Смольному идут люди. С улицы доносятся гудки автомобилей, трещат мотоциклы, завывая сиреной, тронулся куда-то броневик. На потолке пляшут красноватые блики. Это отсвет костров, разведенных наружной охраной. Огромные, плохо освещенные коридоры, топот тяжелых солдатских сапог, непрерывный гул голосов. В Смольном всюду люди — солдаты, рабочие, у многих винтовки.

Зал заседания набит битком, заполнены до отказа все проходы. На возвышении старый ЦИК — Дан, Либер, Мартов, Гоц, Богданов... Нет Керенского, бежавшего на фронт, нет Чхеидзе, понявшего, что все кончено, и вернувшегося в Грузию, нет Церетели...

Десять часов сорок пять минут вечера.

Дан потрогал колокольчик. И сразу тишина.

— Товарищи, — сказал он, — съезд Советов собирается в такой исключительный момент и при таких исключительных обстоятельствах, что вы, я думаю, поймете, почему ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас станет это особенно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума Центрального Исполнительного Комитета, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИКом. (Смутный шум.) ...Объявляю первое заседание Второго съезда Советов рабочих и солдатских депутатов открытым.

Скорбный тон голоса Дана не мог обмануть делегатов. Было известно, что «партийные товарищи» Дана — министры — уже вызвали с фронта войска, назначили кадета Кишкина диктатором с самыми широкими полномочиями. Так до последней минуты министры Временного правительства «самоотверженно выполняли свой долг», стремясь удушить пролетарскую революцию.

Президиум избирался в обстановке бурного противодействия меньшевиков и эсеров.

Неожиданно откуда-то издалека донесся тяжелый глухой гул: пушки. Зал, как один, повернулся к окнам, туда, где в октябрьской полуночи заканчивался штурм Зимнего. Гул не затихал. Так под тревожный настойчивый гром артиллерийской стрельбы и продолжалось это историческое заседание.

На трибуне — Мартов:

— Гражданская война началась, товарищи! Там, на улице, стреляют в наших братьев!

Крик и шум заглушили его слова.

Меньшевики, бундовцы, правые эсеры, видя, что сорвать съезд не удастся, решили его покинуть.

Я видел, как у самого выхода кто-то остановил Мартова, уговаривая его остаться, но Мартов ответил:

— Оставьте, товарищи. Надо изолировать большевиков. Мы скоро вернемся.

Но нам было ясно, что и Мартов, и те, кто с ним, и все оппортунисты, соглашатели уходят от пролетарской революции, и уходят навсегда. А в руках делегатов уже мелькали небольшие листки бумаги. Вот что было на них написано:

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочих

контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Поздно ночью стало известно о падении Зимнего и аресте Временного правительства. Неописуемый подъем, великая радость победы охватили съезд.

На трибуну взбежал Крыленко. В высоко поднятой руке телеграмма.

— Товарищи, получено с Северного фронта. Двенадцатая армия приветствует съезд Советов и сообщает о создании Военно-революционного комитета, который взял на себя командование Северным фронтом...

Гром аплодисментов. Люди обнимаются друг с другом.

А над Петроградом уже забрезжил рассвет. Над Россией вставало утро.

Двадцать шестое октября. Ждем открытия заседания съезда. Но президиума все нет и нет — продолжают фракционные заседания. В комнате № 18, как мне потом рассказывали очевидцы, Ленин громил сторонников компромисса. Зиновьеву, Каменеву, Рязанову пришлось испытать на себе всю силу беспощадной ленинской логики. Зиновьев растерянно твердил:

— Мы не удержимся. Мы будем изолированы.

— Это трусость и соглашательство, — гневно бросал ему в лицо Ленин. — Мы не уступим ни пяди. С нами рабочие и солдаты.

Около девяти часов вечера в зале появился президиум во главе с великим Лениным. До этого съезд не видел его. И когда председатель назвал докладчика по основным вопросам — о мире и о земле, — казалось, колонны вздрогнули от взрыва аплодисментов. Делегаты стоя приветствовали своего вождя и учителя.

Ленин на трибуне ждал, пока стихнет буря приветствий. Овация смолкла лишь после его долгих просьб.

— Вопрос о мире есть жгучий вопрос, большой вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство.

И Ленин зачитал Декрет о мире. Он читал спокойно, без единого жеста, только изредка слегка наклоняясь вперед. Делегаты слушали, затаив дыхание. Осуществилось!..

Когда Декрет о мире был принят, зал в едином порыве запел «Интернационал». Потом кто-то из делегатов крикнул:

— Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!

И над залом поплыла торжественная траурная мелодия:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу.

.....
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный!..

Я видел, как украдкой смахнула слезу Коллонтай, как, не скрываясь, плакал рядом со мной бородач солдат.

А Ленин уже оглашал Декрет о земле.

Около пяти часов утра было сформировано первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров, целиком из большевиков, избран новый ВЦИК. Второй Всероссийский съезд Советов закончил свою работу.

Начались первые дни Советской власти — новой эры в жизни человека.

С. СТРИЕВСКАЯ,
член КПСС с. 1915 года

В НОВОМ ВЦИКе

В дни, предшествовавшие Октябрьскому перевороту, я работала в Смольном, в анкетной, или, как ее чаще называли, мандатной, комиссии, созданной старым ЦИКом для подготовки съезда Советов.

Второй Всероссийский съезд Советов, первоначально назначенный на сентябрь, все откладывался. Эсерам и меньшевикам очень хотелось его сорвать. Орган ЦИКа «Известия» каркал: «Миссия Советов близка к концу». Одна из его передовиц была озаглавлена: «Кризис советской организации». Родзянко выступил в газете «Утро России» с погромной статьей. «Петроград находится в опасности, — писал он. — Я думаю, бог с ним, с Петроградом!.. Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (то есть советы и т. д.). На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что кроме зла России они ничего не принесли.

Со взятием (немцами.— С. С.) Петрограда мы потеряем и Балтийский флот... Но жалеть об этом не приходится: там есть суда совершенно разращенные».

По настоянию большевиков Второй Всероссийский съезд был назначен на 20 октября. Руководство ЦИКа, утвердив решение о созыве съезда, в то же время давало на места указания, что созыв съезда несвоевременен, что надо ждать Учредительного собрания. Дело доходило до прямых директив: «Отказывайтесь выбирать делегатов на съезд». В последнюю минуту съезд снова был отсрочен, на этот раз до 25 октября, но многие организации не были своевременно оповещены, и делегаты уже начали съезжаться. Все это создавало в нашей мандатной комиссии довольно сложную обстановку. Почти все сотрудники были настроены яро меньшевистски и нервничали, видя при заполнении первых же анкет, что большинство съезда пойдет за большевиками.

Естественно, что нас интересовала партийная принадлежность делегатов и их отношение к вопросу о власти. В анкете были указаны четыре возможных ответа на этот вопрос: 1) Вся власть Советам. 2) Вся власть демократии. 3) Коалиционная власть без кадетов. 4) Коалиционная власть.

Помню, как волновались некоторые сотрудники, когда оказалось, что за власть Советов высказываются не только большевики, но и некоторые делегаты, причислявшие себя к меньшевикам и эсерам.

К тому времени разброд в этих партиях привел к появлению в их среде множества групп и группочек, иногда очень малочисленных и мало чем отличавшихся друг от друга. Так, например, кроме правых меньшевиков типа Дана и Гоца, были меньшевики-интернационалисты (мартовцы), группа «новожизненцев», то есть «левых» меньшевиков, группировавшихся вокруг редакции газеты «Новая жизнь». Были эсеры «правые» и «левые», были «максималисты» и эсеры-центровики.

Руководители всех этих группировок то и дело заглядывали в сводки комиссии и по несколько раз на дню справлялись о составе прибывающих делегатов. Особенно запомнился мне Мартов, который очень тревожился, прибывают ли «интернационалисты». Его волнение было тем забавнее, что меньшевики-интернационалисты составляли совершенно незначительную часть делегатов.

Для каждого, кто в предсъездовские дни регулярно бывал в Смольном, становилось заметно, как перемещается центр тяжести из помещения, занимаемого ЦИКом, на другой конец коридора второго этажа, где распо-

ложился Петроградский Совет. Там постоянно толпился народ; рабочие и солдаты шли, чтобы получить правильную информацию о событиях, а в дни, предшествовавшие восстанию, — за получением заданий. Туда в свободную от работы минуту забегала и я, чтобы узнать последние новости.

Днем 25 октября открылось заседание Петроградского Совета. Не успела я войти в зал, как у противоположной двери началось какое-то движение. Люди вскакивали со своих мест, пробирались вперед, никто не слушал оратора. Издали мне было видно, как по проходу не спеша, улыбаясь, кивая головой, пожимая руки, идет невысокий человек. К нему, как к магниту, тянется весь зал. Кто бы это мог быть?.. Вглядываюсь. Обычный, отнюдь не парадный костюм, лысоватая голова, очень выпуклый, характерный лоб, небольшие острые глаза... Неужели он?..

И, словно подтверждая мою догадку, зал взрывается аплодисментами...

— Приехал Ленин!

До этого дня мне не приходилось видеть Владимира Ильича: он скрывался в подполье.

Ленин взошел на трибуну и, слегка наклонившись вперед, начал говорить, спокойно, как бы делясь с собравшимися тем, что переживает сам.

— Товарищи! — сказал он. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...

Еще не взят Зимний, еще заседает там Временное правительство, не отменен даже приказ об аресте Ленина, но все поняли и поверили: да, то, что происходит, — это уже победа!

— Отныне, — продолжал Владимир Ильич, — наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма... Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, — мы пойдем с рабочими. Мы приобретем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством...

Он протягивает руку к залу.

— В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Речь Ленина известна только по кратким газетным отчетам. Но в печатном тексте я не нашла одной фразы, хорошо мне запомнившейся. Владимир Ильич сказал, что мы сейчас осуществляем дело, о котором сотни лет мечтали лучшие умы человечества.

Когда Ленин кончил, поднялась буря оваций. И сразу же несколько товарищей окружили его. Они торопились увести Владимира Ильича, вероятно опасаясь возможной еще провокации со стороны контрреволюционных элементов.

Ленин ушел. Заседание приняло написанную им резолюцию, в которой Петроградский Совет приветствовал победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Кто-то уже говорил с трибуны, а я сидела как замороженная, все еще находясь под впечатлением впервые услышанной ленинской речи.

Вечером того же дня открылся Второй съезд Советов. ...

На следующий день в обычное время я пришла на работу в Смольный.

Подхожу к комнате, занимаемой мандатной комиссией, и... застываю на месте. Батюшки, что тут творится! Двери настежь, все ящики столов

выдвинуты и пусты, на полу — груды рваной бумаги. В комнате нет никого. Заглянула в другие отделы — та же картина. Что же мне делать?..

На мое счастье, в коридоре увидела одну из знакомых сотрудниц. Она рассказала, что ночью старый ЦИК покинул Смольный, забрав или уничтожив все, что можно было.

— В секретариате нас осталось только два человека, — сказала моя знакомая, — но работать все время приходится в Военно-революционном комитете. Вы должны нам помочь. Ведь нельзя же оставить новый ВЦИК без канцелярии.

Так я стала сотрудником секретариата.

Выяснилось, что, убравшись из Смольного на Фонтанку, где был образован так называемый «Комитет спасения родины и революции», бывшее руководство ЦИКа взяло с собой служащих, все документы, печать, кассу. Мы обнаружили, что даже перерезаны телефонные провода. Словом, полный саботаж! Кстати сказать, стенографисток, ушедших со съезда и отказавшихся обслуживать большевиков-«узурпаторов», долгое время никем не могли заменить.

Смутно представляя себе основы основ канцелярского дела, я твердой рукой ставила порядковые номера на каждой бумаге.

Переписки оказалось немного. За первые две недели через мои руки прошло всего около двадцати, а за весь ноябрь не более ста зарегистрированных бумаг. Это были по преимуществу мандаты эмиссарам ВЦИКа, едущим на места, предложения о выдаче им вне очереди железнодорожных билетов и тому подобное. Своей печати тогда у нас еще не было, поэтому с каждым таким документом я бегала на другой конец коридора, в секретариат Петроградского Совета, и пришлепывала его печать на бланке Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

Председателем ВЦИКа на Втором съезде Советов был избран Я. М. Свердлов, секретарем — В. А. Аванесов. Их указания мы, работники секретариата, получали большей частью устно, иногда Яков Михайлович писал несколько слов на листках из блокнота с надписью «Для памяти». С первых же дней Октябрьского переворота почта приносила нам множество писем и телеграмм. Это были сообщения о присоединении к революции фронтовых частей, местных Советов, приветствия большевистской партии, просьбы помочь в становлении Советской власти. Все эти документы мы передавали в президиум. Часть из них пересылалась в редакции газет для опубликования, остальные рассматривались Военно-революционным комитетом (ВРК). Нередко на места высылались комиссары со специальными заданиями.

Бывали и такого рода телеграммы: «Приехал комиссар. Подтвердите». Дело в том, что комиссаров посылал ВРК, а в отдаленных местностях, еще ничего не зная об Октябрьских событиях, удивлялись: почему у комиссара мандат с печатью Петроградского Совета? Мы подтверждали.

Обращались во ВЦИК по самым различным поводам. То это был запрос: «Меньшевики и эсеры ушли со съезда. Мы не понимаем. В чем дело?», то просто ходатайство о материальной помощи. Люди не только писали нам, но и приходили в секретариат сами.

В большой комнате секретариата всегда былолюдно. Любил работать в ней А. В. Луначарский. Члены ВЦИКа обычно заглядывали к нам перед каким-либо заседанием — отдохнуть или встретиться с нужным человеком. В числе постоянных гостей помню Григория Чудновского, одного из руководителей штабна Зимнего дворца, и Ларису Рейснер, журналистку и писательницу. Было им тогда лет по двадцати с небольшим.

Особенно юным казался Гриша Чудновский, удивительно мягкий, застенчивый человек. Все к нему относились очень предупредительно и

любовно. Как-то, на одном из заседаний ВЦИКа, Чудновский решился возразить в чем-то Ленину. При этом он несколько раз извинялся, и лицо у него сделалось совсем несчастным: видимо, он считал свое выступление нетактичным и был не рад, что его затеял. Владимир Ильич ответил ему в самой благожелательной форме и прежде всего заметил, что Чудновский напрасно извиняется в том, что позволил себе резкую критику Совнаркома, так как такая критика составляет долг революционера.

Рассказы очевидцев об исключительной храбрости, проявленной Чудновским в боях у Зимнего дворца, а потом в Гатчине и Царском Селе, так не вязались с его внешним видом. Но прошло всего несколько месяцев, и до нас дошли сведения о героической гибели Чудновского в борьбе с Петлюрой.

Очень красивая, всегда изящно одетая, Лариса Рейснер резко выделялась среди окружающих. Многие из нас, женщин, в те дни были одеты скромно, кое-кто даже и небрежно. Это не было бравадой или «модой» — просто мы не думали о своей наружности. И все же Лариса Михайловна, обаятельная, с нежным голосом, в изысканном костюме, никогда не казалась чужой или неуместной в нашей среде. Такой же я видела ее и в 1918 году, когда она была уже комиссаром Морского генерального штаба. Позже Рейснер участвовала в разведке в тылу белых на Поволжском фронте, и говорят, что образ ее послужил прототипом женщины-комиссара в пьесе Вишневского «Оптимистическая трагедия». Она умерла в 1926 году.

Очень плохо у ВЦИКа обстояло дело с финансами. Достаточно сказать, что ВЦИК, олицетворявший всю полноту власти, издававший законодательные постановления и утверждавший декреты Совнаркома, через две недели после декретирования Советской власти обратился в Военно-революционный комитет с просьбой отпустить заимообразно на текущие расходы десять тысяч рублей. Не могу утверждать наверное, но в ту пору кто-то рассказывал мне в секретариате, что на покрытие расходов ВЦИКа шли также деньги, собираемые за лекции Луначарского, которые он читал в цирке «Чинизелли».

Разумеется, при таком положении никто из нас даже и не думал поставить вопрос о регулярной выдаче нам жалованья. Правда, нас в Смольном бесплатно кормили в столовой, но обед был очень скудный, хлеба не полагалось. В атмосфере огромного воодушевления, напряжения всех сил, в которой мы тогда жили, лишения переносились почти незаметно.

Работая в Таврическом, а потом в Смольном, я часто бывала на заседаниях ЦИКа 1-го созыва. Но эти заседания ничем не походили на заседания ВЦИКа послеоктябрьского. Здесь продолжались и концентрировались бои, идущие за стенами Смольного. Меньшевики и правые эсеры хоть и ушли со Второго съезда Советов, но их политическую линию во ВЦИКе продолжали левые эсеры и объединенные интернационалисты — «новожизненцы». У меня сохранилось такое впечатление, что, когда бы я ни пришла на заседание (а бывала я там во всякую свободную минуту, иногда и в рабочее время, разыскивая Свердлова или Аванесова по срочному делу), там всегда обсуждался какой-нибудь запрос правительству. По любому поводу предъявлялись ультиматумы с требованием заключить коалицию «со всеми социалистическими партиями».

Если выступал Ленин, об этом в секретариате тотчас же становилось известно, и все, кто мог, торопились пойти на заседание ВЦИКа.

Расскажу об одном знаменательном заседании. Оно происходило 4 (17) ноября. Обсуждался вопрос о свободе печати. Закрытие буржуазных газет вызвало бешеное озлобление всей контрреволюции. Заколебался даже кое-кто из членов нашей партии. Поднялся разговор о «системе разжигания политического террора», об «установлении безответственного режима». В самый разгар прений были зачитаны заявления Ногина, Ры-

кова, Милютин, Теодоровича о выходе из правительства. Раздались крики о «развале власти», об «изоляции» большевиков.

На этом заседании Ленин выступал несколько раз. Отвечая на обвинения в изоляции, он сказал:

— В чем же проявляется изолированность нашей партии? В том, что откалываются отдельные интеллигенты... Только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества.

Указав, что противники большевиков не помогали в разработке декретов, а лишь критиковали, Владимир Ильич назвал их «апологетами парламентской обструкции, того, что называлось раньше кляузничеством».

«Апологеты кляузничества» — это не в бровь, а в глаз всей вциковской оппозиции. Особенно примечательным было в этом отношении заседание, на котором обсуждалась проблема национализации банков. Эту задачу надо было решать немедленно, пока буржуазия не успела еще изъять из сейфов все ценности. Противники декрета всеми мерами пытались сорвать его принятие, хотя выступать принципиально против они не решались. Особенно старались «новожизненцы». Каждое выступление Ленина они прерывали с мест репликами и вопросами. Авилов, Жилинский, Крамаров, казалось, решили не дать Ленину возможности довести речь до конца. Наиболее «усердствовал» кто-то один, не то Жилинский, не то Крамаров. Владимир Ильич сперва отвечал спокойно, потом, после какого-то очередного выкрика, он замолчал, посмотрел на спрашивающего и медленно, с расстановкой сказал:

— Один... — Владимир Ильич сделал паузу, — человек может задать больше вопросов, чем десять умных ответить.

Зал разразился хохотом и аплодисментами. Больше вопросов не было.

Из заседаний ВЦИКа мне запомнилось еще одно. Это объединенное заседание ВЦИКа с чрезвычайным крестьянским съездом 15 ноября 1917 года.

Наступила уже ночь. Петроградские улицы усыпаны сверкающими блестящими недавно выпавшего снега. Из Смольного никто не уходил. Все ждали, прильну к окнам. Издали донеслись звуки «Марсельезы», играл оркестр Павловского полка. И наконец с набережной показалась колонна — крестьянский съезд шел в Смольный. На его знамени, под пламенем факелов горели золотые буквы: «Да здравствует единство революционного трудового народа!» Около Смольного по обеим сторонам улицы выстроился караул красногвардейцев.

В огромном белом зале крестьянских делегатов ждало множество людей, тут были члены ВЦИКа и Петроградского Совета. Музыка уже слышна в коридоре. Шествие вошло в зал. Президиум ВЦИКа обнимается с президиумом крестьянского съезда. Открывается торжественное заседание. Выступают Свердлов, Крыленко, Дыбенко.

Похожий на Ивана Сусанина старик крестьянин Сташков, взойдя на трибуну, поклонился собранию на все четыре стороны.

— Поздравляю вас всех с воскресением новой жизни, свободной! — тихо, но внятно — на весь зал — произнес он.

Поздней ночью единогласно была принята резолюция: «Соединенное заседание ВЦИК и Всероссийского Крестьянского Съезда, выражая твердую уверенность, что союз рабочих, солдат и крестьян — это братский союз всех трудящихся и эксплуатируемых, укрепив завоеванную ими государственную власть, примет со своей стороны все революционные меры к ускорению перехода власти в руки трудящихся масс других, более передовых, стран и обеспечит, таким образом, прочную победу делу справедливого мира и делу социализма».

Буря восторга охватила всех. Никогда раньше я не видела такого единогодушного выражения охватившего всех чувства.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ТЕХ ДНЕЙ

„На Московском областном съезде Советов Р[абочих], С[олдатских] и К[рестьянских] Д[епутатов]. (Впечатления).“

В Учредительном собрании борьба с буржуазией, теперь — соглашение

К этому призывали меньшевики и эсеры на областном съезде Советов. Сейчас надо поддерживать союз с локаутчиком Смирновым, морящим голодом своих рабочих Ликинской мануфактуры, союз с Салазкинским, который погибает салазки беднякам нескольких губерний, с локаутчиком Коноваловым, который держит на голодной плате сотни рабочих, с кадетской буржуазией, участвовавшей в Корниловском заговоре против народа. А в Учредительном собрании б е с п о ш а д н а я (?) борьба с буржуазией. И, хотя эсер Мохов делал очень страшное лицо при слове «беспощадная», мы убеждены были в том, что и там он будет вести такую же беспощадную борьбу с буржуазией, какую ведет сейчас.

Сейчас нельзя давать земли крестьянам

Так говорили м[еньшевик] Перман и с[оциал]-р[еволюционер] Сорокин на съезде Советов.

По двум причинам. Если сейчас объявить указ о переходе всей помещичьей земли народу, солдаты побегут с фронта.

Белыми нитками шита эта отговорка. Если так, то надо ждать конца войны, потому что иначе и в Учред[ительном] собрании нельзя объявить указ о земле: и тогда могут побежать с фронта.

Успокойтесь! Солдаты никуда не побегут, как не бежали три года. Они просто пошлют всюду от себя делегатов.

Вторая причина: крестьяне между собой подерутся из-за земли. Почему-то до сих пор не подрались, а уже в Тамбовской губернии вся земля передается Советами крестьянам, а в Самарской — почти вся. Не клеветайте на крестьян: мужик сер, а ум у него не черт съел!

Нам земли не надо!

Это говорит меньшевик Козлов от имени крестьян Вяземского уезда. Крестьяне там голодают. Едят жмыхи. Просят хлеба, а хлеба с юга не дают. Меньшевик Козлов им говорит: «терпите» — и терпят. А когда терпение кончится?

Тогда, говорит Козлов, придется нам прийти к этим голодным с винтовкой и усмирять голодный бунт.

Ведь это — не партия, а клуб самоубийц!

Но поблагодарят ли вяземские крестьяне меньшевика Козлова, говорившего от их имени: нам земли не надо?

Монополия на крестьянство

Социалисты-революционеры привыкли думать, что крестьянство всегда пойдет за ними, даже тогда, когда они будут обещать им расправу железом и кровью, арестовывать земельные комитеты. Они очень обеспокоены тем, что в Москве 81 процент солдат голосовал за большевиков, что в целом ряде губерний и уездов крестьяне выбирают всюду большевиков. Обеспокоены выходом «Деревенской Правды», успехом нашим в крестьянской среде. И никак не могут понять, что пора безраздельного господства их над умами темного крестьянства проходит, что она уже прошла и не вернется. Эсеры аплодировали Сапронову, когда он говорил, что крестьянство целиком будет голосовать за их партию. Какая самонадеянность — особенно после последних

выборов в Петрограде и в Москве, где крестьяне и рабочие отбросили их за то, что они не борцы, а соглашатели!

15 миллионов кооператоров

Эсер Мохов говорил о 15 миллионах кооператоров, стоящих против власти Советов. Во-первых, неверно, что 15 миллионов кооператоров — против этой власти. Если их всех спросить, то цифру эту придется сократить этак до двух-трех миллионов — самое большее. Но и эти два-три миллиона кулацкого крестьянства, крупных маслоделов, скупщиков и прочих, тех, кто имеет крепкую руку в кредитных товариществах, выбирали своих представителей вовсе не для политического руководства, а для закупок и продажи.

«Хоть ты и в новой коже, но сердце у тебя — все то же»

До сих пор партия социалистов-революционеров — единая партия. Одна часть этой партии во главе с бабушкой Брешковской и господином Керенским обвиняет Центр. Комитет партии в пособничестве Вильгельму. Левое крыло в Петрограде и в других городах выступает иногда под знаменем интернационалистов. В эсеровской газете «Труд» и в питерской «Воле Народа» все время призывают к тому, чтобы «выбросить» этих эсеров из партии, отрезать этот большевистский нарост.

На областном съезде Советов «левые» эсеры показали, что левизна их чисто словесная. Очень революционные фразы этих горе-интернационалистов уживаются рядом с самой недостойной и трусливой поддержкой пра-пра-правого крыла. Они очень решительно как будто отмежевывались от этого крыла, а когда дошли до голосования резолюции, голосовали за резолюцию, предложенную как раз правыми эсерами. Мы не питаем очень больших надежд на таких «левых» социалистов, на таких интернационалистов. Мы говорим такому «левому»:

хоть ты и в новой коже,
но сердце у тебя — все то же.

Ем. Ярославский».

(«Социал-Демократ» № 173 от 3(16) октября 1917 года).

„В Петроградский Совет Рабочих и Солдатских депутатов.

Исп[олнительный] Комитет Объединенного Совета депутатов Латышских стрелковых полков, ознакомившись с последней резолюцией Петроградского Совета о Вр[еменном] правительстве, с радостью приветствует Петроградский Совет и всецело присоединяется к вашему постановлению.

Мы счастливы, что отныне идеи последовательной непримиримой классовой революционной борьбы нашли свое воплощение в Петроградском Совете.

Мы обещаем вам, товарищи, свою полную поддержку и выражаем свою глубокую уверенность, что Петрогр[адский] Совет, широко развернув знамя истинно-революционной борьбы, будет авангардом всей рабочей, солдатской и батрацкой демократии — тем авангардом, который поведет нас не по пути компромиссов и позорных соглашательств, а по пути революции и борьбы за социализм...»

(«Рабочий путь» № 26 от 3(16) октября 1917 года).

„Резолюция солдат и рабочих XII Армии.

Пяти тысячный митинг солдат и рабочих XII Армии, заслушав доклад представителя Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов тов. Нахимсона, горячо приветствует петроградский пролетариат и гарнизон и всецело примыкает к его платформе решительной борьбы с нынешним контрреволюционным Временным правительством. Собрание с энтузиазмом принимает боевой клич Петроградского Совета: «Вся власть, в центре и на местах, Советам Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Батрацких Депутатов».

При голосовании воздержался — один».

(«Рабочий путь» № 29 от 6(19) октября 1917 года).

„Северный съезд Советов. (Выводы и заключения).

Вчера закончил свои работы съезд Советов Северной области.

Теперь, подводя итоги этого съезда, необходимо указать на то редкое единодушие по основным вопросам текущего момента, которое на нем проявилось.

Представители партии соц.-революционеров дружно голосовали вместе с представителями нашей партии за одни и те же резолюции, коренным образом противоречащие позиции, занятой по этим вопросам их центральным комитетом. Это еще лишний раз подчеркивает то расслоение, которое происходит в партии соц.-революционеров, выдвигая вперед наиболее жизненные ее части, постепенно отменяя ту мертвечину, которая господствовала до сих пор в ее недрах.

Если не считать жалкой кучки меньшевиков-оборонцев, которые, не желая оставаться в меньшинстве, вместо борьбы сделали недстойную попытку сорвать съезд, отказавшись принимать участие в его работах, если не считать, повторяем, этой жалкой кучки, то впечатление от съезда может быть только одно — все Советы Северной области стоят на платформе Петроградского Совета Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов и составляют вместе с ним один стойкий, революционный фронт. Все Советы Северной области, представленные на съезде, единогласно высказались за переход всей власти в центре и на местах в руки Советов.

Рабочие, солдаты, крестьяне и матросы Севера, объединенные революционными Советами, сказали свое решительное, веское слово. Перед этим словом должны смириться обанкротившиеся соглашатели, создавшие коалиционную власть вопреки воле революционных низов.

Если власть, созданная и поддерживаемая соглашателями, власть, которая думает опереться на враждебные ей штыки, не уступит вовремя голосу революционных Советов и попытается удержаться на своем шатком основании, то она будет свергнута силой, которой в распоряжении Советов более чем достаточно.

Александр Женеvский».

(«Солдат» № 51 от 14 октября 1917 года).

„Радиотелеграмма Северного] Областного] съезда Советов] Рабочих] и Солдатских] Депутатов].

Всем, всем

...На 20-ое октября назначен Всероссийский съезд Советов. Его задачей является немедленное перемирие на всех фронтах. Передать землю крестьянам и обеспечить созыв Учредительного собрания в назначенный срок. Вся буржуазия, Временное правительство и покорные ему соглашатели всеми средствами срывают съезд Советов. Они пугают, будто съезд сорвет Учредительное собрание. Клевета! Северный Областной съезд Советов, в который входят самые могущественные организации Советов Петрограда, Москвы, Финляндии, Балтийского флота, Кронштадта, Ревеля и др., заявляет: Учредительное собрание срывают контрреволюционеры, затягивающие войну и громящие крестьянское восстание. Съезд Советов обеспечит созыв Учредительного собрания и немедленное предложение мира. Срыватели созыва съезда губят армию и революцию. Отдельные организации, высказывающиеся против съезда, нарушают постановление Всероссийского съезда, превышают свои полномочия и подлежат немедленному переизбранию. Солдаты, матросы, крестьяне, рабочие, ваш долг опрокинуть все препятствия через полковые, дивизионные и корпусные комитеты, обеспечив ваше представительство на съезде 20-го октября. Предлагаем настоящее извещение немедленно довести до сведения всех связанных с вами организаций...»

(«Рабочий путь» № 41 от 20 октября (2 ноября) 1917 года).

„Резолюция военно-гарнизонного комитета г. Петрограда.

Приветствуя образование Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете Раб[очих] и Солд[атских] Депут[атов], гарнизон Петрограда и его окрестностей обещает Военно-Революционному Комитету полную поддержку во всех его шагах, направленных к тому, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции.

О дне 22-го октября

Гарнизон Петрограда и окрестностей заявляет:

День 22-го октября — есть день мирного подсчета сил петроградских солдат и рабочих и сбора средств на революционную печать.

Гарнизон обращается к казакам: остерегайтесь провокации наших общих врагов. Мы ваши братья. Боремся за мир и свободу.

Мы приглашаем вас на наши завтрашние собрания. Добро пожаловать, братья казаки!

Вместе с тем Петроградский гарнизон заявляет: на страже революционного порядка в Петрограде стоит весь гарнизон вместе с организованным пролетариатом. Всякие провокационные попытки со стороны корниловцев и буржуазии внести смуту и расстройство в революционные ряды встретят беспощадный отпор.

О Всероссийском съезде Советов рабочих и солд[атских] депут[атов]

Присоединяясь ко всем политическим решениям Петрогр[адского] Совета Рабочих и Солд[атских] Депутатов, гарнизон Петрограда заявляет:

Время слов прошло. Страна на краю гибели. Армия требует мира, крестьяне требуют земли, рабочие требуют работы и хлеба. Коалиционная власть против народа. Она — орудие в руках врагов народа. Время слов прошло. Всероссийский съезд Советов должен взять власть в свои руки и обеспечить народу мир, землю и хлеб. Этого требует спасение революции и народа.

Власть Советам!

Немедленное перемирие на всех фронтах!

Землю крестьянам!

Честный созыв Учред[ительного] собрания в назначенный срок!

Петроградский гарнизон торжественно обещает Всероссийскому съезду в борьбе за эти требования отдать в его распоряжение все свои силы до последнего человека.

Надейтесь на нас, полномочные представители солдат, рабочих и крестьян. Мы все на своих постах: готовы победить или умереть».

(«Рабочий путь» № 43 от 22 октября (4 ноября) 1917 года).

„Гарнизону города Петрограда и его окрестностей.

На собрании 21-го октября революционный гарнизон Петрограда сплотился вокруг Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов, как своего руководящего органа.

Несмотря на это, штаб Петроградского военного округа в ночь на 22-е октября не признал Военно-Революционного Комитета, отказавшись вести работу совместно с представителями Солдатской секции Совета.

Этим самым штаб порывает с революционным гарнизоном и Петроградск[им] Советом Рабоч[их] и Солд[атских] Депутатов.

Порвав с организованным гарнизоном столицы, штаб становится прямым орудием контрреволюционных сил.

Военно-Революционный Комитет снимает с себя всякую ответственность за действия штаба Петроградского военного округа.

СОЛДАТЫ ПЕТРОГРАДА!

1) Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством Военно-Революционного Комитета.

2) Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-Революционным Комитетом, не действительны.

3) Все распоряжения на сегодняшний день — день Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — остаются в полной своей силе.

4) Всякому солдату гарнизона вменяется в обязанность бдительность, выдержка и неуклонная дисциплина.

5) Революция в опасности.

Да здравствует революционный гарнизон!

Военно-Революционный Комитет Совета Рабочих и Солдатск[их] Деп[утатов].

* *
*

Большинство воинских частей Петрограда признало компетенцию Военно-Революционного Комитета, учрежд[енного] при Совете, и выразило желание подчиниться только его распоряжениям. Между прочим поступило заявление 9-го кавалерийского полка, что он подчиняется только воле Совета.

В Петропавловской крепости Советом назначен специальный комиссар, заведующий складами припасов оружия, без ведома которого никакие предметы снабжения отпущаться не будут ни по чьему требованию. Гарнизон Петропавловской крепости заявил себя на стороне Совета».

(«Рабочий путь» № 44 от 24 октября (6 ноября) 1917 года).

„К населению Петрограда.

ГРАЖДАНЕ!

Контрреволюция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное собрание. Одновременно погромщики могут попытаться вызвать на улицах Петрограда смуту и резню.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов берет на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений.

Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств.

Население призывается задерживать хулиганов и черносотенных агитаторов и доставлять их комиссарам Совета в близлежащую войсковую часть. При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу—преступники будут стерты с лица земли.

Граждане! Мы призываем вас к полному спокойствию и самообладанию. Дело порядка и революции в твердых руках.

Военно-Революционный Комитет.

24 октября 1917 года».

(«Рабочий путь» № 45 от 25 октября (7 ноября) 1917 года).

ПУБЛИЦИСТИКА

Н. МИХАЙЛОВ

Министр культуры СССР

★

ПРАЗДНИК МИРА И ДРУЖБЫ

1

Несомненно, что VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве явился одним из выдающихся событий нашего времени. В фестивале со всей полнотой нашли свое выражение могучие силы, которые противостоят силам поджигателей войны и которые растут день ото дня. Это — знамение времени. Фестиваль молодежи и студентов по своему значению вышел далеко за рамки жизни молодежи. Он стал олицетворением всего лучшего, чем так богато и сильно международное движение борьбы за мир.

Сделаем маленький экскурс в историю.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны, в ноябре 1945 года, состоялся первый Всемирный конгресс демократической молодежи в Лондоне. На нем присутствовало шестьсот делегатов многих стран мира. Здесь было решено создать Всемирную федерацию демократической молодежи и провести летом 1947 года в Праге Всемирный фестиваль молодежи.

Тогда еще не было опыта проведения подобных массовых манифестаций, в которых принимали бы участие делегации молодежи различных стран мира. Но и первый опыт привлек в Прагу семнадцать тысяч участников фестиваля, представлявших семьдесят одну страну.

Как известно, во Всемирном фестивале в Москве участвовала уже сто тридцать одна страна — почти вдвое больше. В делегациях этих стран насчитывалось более тридцати четырех тысяч юношей и девушек. Чрезвычайно важен тот факт, что фестиваль был исключительно представительным. Итоговые данные свидетельствуют, что на фестивале было представлено более тысячи пятисот самых различных молодежных организаций, двадцать два различных международных объединения молодежи.

Сопоставление данных первого фестиваля в Праге и VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве как бы символизирует неуклонный рост могучей армии мира, ее волю к борьбе за мир и дружбу между народами.

Скоро начнут выходить многочисленные кинофильмы, посвященные событиям на фестивале, в том числе и встречам советскими людьми делегаций зарубежной молодежи. Кадры кинохроники запечатлели для истории чудесные, полные неподдельной искренности и радушия встречи — море цветов, улыбки, объятия, протянутые руки. Когда смотришь сейчас на кадры, воспроизводящие шествие делегаций молодежи из Останкина к стадиону имени Ленина в Лужниках, то снова испытываешь — может быть, даже с еще большей силой — то чувство радости и веры в силу разума, в победу света над тьмой, которое несли в себе эти незабываемые встречи на фестивале в Москве.

Газетные обзоры сообщают, что во многих странах мира в десятках газет и журналов начали публиковаться впечатления участников фестиваля. Есть среди этих рассказов и вымыслы, полные злопыхательства по адресу Советской страны, измышления по поводу жизни советских людей. Но, конечно, не такие отклики составляют главную суть. Господствующее место в тех публикациях, которые уже сделаны, занимает описа-

ние чудесных встреч на фестивале, ярких и незабываемых массовых праздников, полных исключительного мастерства театральных представлений, концертов, спортивных соревнований, которые так увлекали зрителей остротой спортивной борьбы и при всем том были полны большого и радостного чувства дружбы и товарищества.

Многие поколения людей зачитывались описаниями ярких праздников, которые бывали когда-то в Греции, Риме. И тем не менее, когда сопоставляешь все то, что читал о самых крупных праздниках, что видел в живописи, скульптуре античного мира, с тем, что было на фестивале в Москве, приходишь к выводу, что именно здесь, на празднике молодости, были созданы такие великолепные представления, такие яркие в идейном и художественном смысле праздники и спектакли, которым мог бы позавидовать любой, самый взыскательный художник и которые делают честь любому государству, любому народу.

Враги мира, люди, низость которых, очевидно, не имеет предела, пытаются сеять лживый вздор и уверять, что коммунисты совершили очередной пропагандистский трюк, затеяв фестиваль в Москве. Но кто мешает любому капиталистическому государству затеять такой «трюк». Почему, например, Англия не выступила с предложением провести очередной фестиваль в Лондоне. Если бы такое чудо совершилось, то этот «трюк» нашел бы поддержку. Но — чудес не бывает.

Бессильно пытаюсь хоть в какой-то степени ослабить влияние фестиваля, некоторые лжецы хотят изобразить дело так, что «пропагандистские ухищрения» Советов вели к искусственному созданию в Москве сцен радушия и гостеприимства. Эту ложь также легко разоблачить. Каждый здравомыслящий человек понимает, что невозможно искусственно создать обстановку, при которой на улицы выходят миллионы людей и от всей души, со всем радушием и сердечностью приветствуют иностранных гостей как вестников добра, как посланцев мира, олицетворяющих лучшие надежды человечества.

Слово «фестиваль» стало теперь интернациональным, понятным народам любой страны. Оно означает и молодость, и мир, и дружбу, и готовность к борьбе. Фестиваль — одно из самых емких, полных большого смысла слов. Этот смысл рожден борьбой.

2

Совершенно необходимо собрать воедино итоговые данные о фестивале, для того чтобы воочию представить себе его исключительную широту, размах и многообразие.

На фестивале было проведено более четырех с половиной тысяч различных массовых и зрелищных встреч, в которых участвовали десятки миллионов людей. Празднику молодежи были предоставлены все театральные и концертные залы столицы, все парки и стадионы. Москва украсилась новыми сооружениями — прекрасным Зеленым театром на одиннадцать тысяч мест, плавательными бассейнами.

Показательное совпадение. В этот же период в Лондоне велась кампания в печати против закрытия одного из драматических театров. Газеты сообщали, что сам Черчилль внес пятьсот фунтов в фонд материальной поддержки театра.

Фестиваль явился итогом, результатом подлинно колоссальной работы, которая проводилась в странах. В такую работу были втянуты сотни миллионов юношей и девушек. Легко представить себе, какой громадной школой воспитания, выработки организационного опыта явилась вся работа, связанная с фестивалем, какую огромную школу политического воспитания, борьбы прошла молодежь, готова свою замечательную всемирную манифестацию!

С большим размахом готовилась к фестивалю и наша молодежь. В советской делегации было около семи тысяч участников. Ее члены дали более пятисот различных художественных выступлений. На концертах только советской делегации в дни фестиваля побывало около полутора миллионов зрителей. К этому следует прибавить еще тех, кто пользовался услугами телевидения и радио. Данные об этой аудитории с трудом поддаются учету, но можно сказать без преувеличения, что, очевидно, в дни фестиваля общее число зрителей и слушателей составило десятки миллионов человек.

И прежде на фестивалях молодежи устраивались международные кинофестивали.

Но кинофестиваль в Москве по своему размаху превзошел все, что делалось в этом отношении раньше. По оценке многих видных деятелей кино, кинофестиваль в Москве может смело соревноваться с такими большими манифестациями киноискусства, какие бываюи в Каннах, Карловых Варах, Венеции.

В фестивале приняли участие кинематографисты тридцати пяти стран; на нем было представлено более двухсот различных фильмов. За этими цифрами скрывается немало различных художественных почерков. Подавляющее большинство кинопроизведений, показанных на фестивале, имело глубоко прогрессивный смысл, и, будучи различными по своему идейному устремлению и по своим художественным достоинствам, они роднились в одном — в призыве к миру. За две недели кинофильмы на фестивале просмотро более трех миллионов зрителей. Кинофестиваль творчески обогатил деятелей культуры, поставил много новых проблем, и это, несомненно, будет способствовать дальнейшему росту искусства кино.

Громадный интерес вызвали проведенные на фестивале художественные конкурсы. В них принимали участие представители сорока шести стран мира. Общее число участников художественных конкурсов достигло более трех тысяч человек. Конкурсы велись по двадцати одному виду искусства.

Трудно описать все богатство представлений, многообразие красок, обилие мелодий. Сохраняя национальную самобытность и прелесть художественных произведений, участники конкурсов и концертов своим искусством звали к благородному, светлому и этим помогали пропаганде гуманных идей борьбы за мир.

Говоря об искусстве на фестивале, нельзя не сказать об артистах цирка. И здесь можно смело утверждать, что такого многообразия различных жанров цирка мы еще не знали. Интересно прошла кавалькада участников цирка, ярким было их представление на стадионе «Динамо». Большой успех имели национальные программы всех цирков. В конкурсе циркового искусства участвовало более двухсот тридцати артистов, которыми было показано свыше ста номеров. Мне довелось побывать на замечательном собрании артистов цирка — участников VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Один из старейших артистов цирка, восьмидесятилетний болгарин Л. И. Добрич, который исколесил за свою жизнь полмира, взволнованно говорил, обращаясь к своим братьям по искусству, о том, что за всю свою жизнь он никогда не видел такого богатства цирковых представлений и не мечтал о том, что возможен такой большой и яркий конкурс циркового искусства.

Как подготовка фестиваля, так и его проведение описывались тысячами газет и журналов, показывались на тысячах киноэкранов, передавались сотнями радиовещательных и телевизионных станций. Все это говорит о громадном, поистине международном и историческом значении фестиваля молодежи.

Из итогов фестиваля, в смысле его размаха и широты, должен быть сделан и тот вывод, что в среде молодежи выросли замечательные кадры организаторов, пропагандистов, способных спланировать миллионы молодежи, объединять их под знаменем борьбы за мир и дружбу между народами.

3

Фестиваль явился крупнейшим международным смотром достижений прогрессивной культуры, искусства различных народов. Тема эта настолько обширна, что вполне заслуживает многих глубоких и самостоятельных исследований. Остается пожелать, чтобы издательство «Искусство», Академия художеств, представители советской интеллигенции, которые взялись за такую работу, успешно и по возможности в наиболее короткие сроки ее завершили.

Что можно сказать о художественных выступлениях на фестивале?

И в этом случае были со всей убедительностью продемонстрированы огромные успехи в развитии советской социалистической культуры, которую так любовно и заботливо растит Коммунистическая партия.

Посмотрите тысячи заметок, обзоров, статей, написанных в дни фестиваля; перечитайте впечатления, отзывы участников праздника молодежи; вслушайтесь в высказывания представителей зарубежной прогрессивной интеллигенции — во всем этом вы услышите слова восхищения по поводу достижений советского искусства.

Многие видели, с каким восторгом принимались спортивные и художественные выступления на стадионе имени Ленина в день открытия фестиваля. Порой некоторым казалось, что уже невозможно найти нечто более яркое. Но вдруг возникали новые картины, еще более восхитительные. То же можно сказать и по поводу танцевальной сюиты, в которой были богато представлены танцы всех союзных республик, — это было настоящее творческое соревнование, истинно народный праздник.

Для многих незабываемыми будут вечера советского балета, показанные на стадионе «Динамо». Правда, есть голоса, утверждающие, что вряд ли можно в условиях стадиона показывать балет. Дальнейшее совершенствование режиссерской работы, пытливые творческие почину дадут ответ и на этот вопрос. Но уже и сейчас ясно, что первый опыт вполне удался.

Чудесную картину являл собой стадион имени Ленина в последний день, когда закрывался фестиваль. Здесь были найдены новые приемы, новые краски, которые превратили этот вечер в новый своеобразный праздник.

Советская молодежь достойно представила искусство страны социализма на художественных конкурсах. Из 945 медалей, которые были присуждены победителям конкурсов, советская делегация получила 256 медалей, в том числе 118 золотых, 104 серебряных и 34 бронзовых.

С блеском выступали на конкурсах советские артисты балета, скрипачи, виолончелисты, альтысты, струнные квартеты, вокалисты, ансамбли малых форм, артисты цирка. С самой лучшей стороны показали себя наряду с профессиональными артистами участники художественной самодеятельности. Факт этот чрезвычайно знаменателен, ибо и в нем видно, на каком высоком уровне находится развитие советской культуры в нашей стране.

Большинство представителей зарубежного искусства было единодушно и исключительно высокой оценке советского искусства. Председатель жюри Международного конкурса классического пения знаменитый итальянский певец Тито Скипа отмечал, что награждение медалями многих исполнителей, представлявших Советский Союз, не есть случайность. Именно Советская страна, говорил Тито Скипа, обладает высокой вокальной и музыкальной культурой.

Среди членов советской делегации были представители молодежи всех союзных республик. Фестиваль выявил среди молодежи новых способных и талантливых исполнителей в самых различных видах искусства, в самых различных видах художественного творчества.

Советская делегация дала на фестивале много концертов. На этих концертах никогда не было недостатка в зрителях. Не было недостатка в зрителях и в залах Большого театра, Малого театра, Театра имени Маяковского, Центрального театра кукол, которые в дни фестиваля работали в Москве и показывали свои наиболее интересные работы.

Большим успехом пользовались такие коллективы, как Хор московской молодежи (руководитель В. Соколов), Государственный сибирский народный хор (руководитель В. Левашов), Хор Шестаковской МТС Воронежской области (руководитель Н. Русанов), Государственный украинский ансамбль народного танца (руководитель П. Вирский), Грузинский ансамбль народного танца имени Ленинского комсомола (руководитель Г. Дарахвелидзе), Азербайджанский танцевальный коллектив (руководитель А. Абдуллаев), узбекский женский танцевальный коллектив «Бахор» (руководитель И. Акилов) и многие другие.

Снова мы увидели доказательства того, что только социализм, как новый общественно-политический строй, открывает безграничные возможности для роста народных талантов, для развития культуры и искусства, для приобщения широчайших народных масс к культурным и духовным ценностям, созданным народами.

Замечательно было представлено на фестивале искусство стран народной демократии.

Единодушным было мнение о том, как далеко шагнуло вперед искусство народного Китая. Пение и музыка, танцы, полные своеобразия, исключительно яркие и оригинальные, — все это захватывало зрителей и вызывало восторженные аплодисменты. Такие,

например, танцы, как «Танец павлинов», «Танец драконов», могут украсить любую программу, рассчитанную на самых взыскательных ценителей искусства.

Трудно сказать обо всем хорошем, ярком, что было показано на фестивале художественными коллективами стран народной демократии. Во всяком случае те, кому пришлось побывать на концертах делегаций молодежи Албании, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кореи, Китая, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии, надолго запомнят настоящее мастерство участников этих концертов, всю прелесть и яркость народного творчества, все богатство народных песен и танцев, в которых поистине раскрывалась душа народа.

Большой интерес вызывали концерты Индии, Индонезии, Вьетнама, Цейлона, в которых нашли яркое отражение особенности искусства этих стран. Зрителей поражало умение артистов средствами танца, пантомимы, мимики передать все богатство духовного мира людей, специфику характера, традиций, быта, труда народов этих стран.

Впервые в Москве в широких масштабах представлено искусство стран Востока. Зрителям надолго будет памятен один из концертов на сцене театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, поставленный коллективами, прибывшими из Египта, Сирии, Ливана. Концерт этот интересен не только тем, что он знакомил слушателей с искусством названных стран. Для него была характерна связь искусства с жизнью, с борьбой народов Востока за свою национальную свободу и независимость. Много раз зал награждал исполнителей аплодисментами за то, что они в художественной форме, с большой искренностью и энтузиазмом призывали в исполняемых ими произведениях к борьбе за свободу народов Востока, за мир и дружбу между народами, за светлое будущее молодежи.

Большую радость вызвал тот факт, что на фестивале было широко представлено прогрессивное искусство стран Европы. Национальные программы коллективов Англии и Франции, Голландии и Италии, Финляндии и Швеции и многих других стран отличались большой содержательностью и художественным вкусом. Зритель от души приветствовал народные танцы Франции, вокальное и музыкальное искусство представителей скандинавских стран, темпераментные танцы Испании, представителей искусства Италии.

Зритель отчетливо видел, что сильны те национальные программы, которые основаны на лучших образцах творчества того или другого народа. И с другой стороны, на фестивале можно было слышать возгласы огорчения по поводу того, что порой в национальные программы делегаций молодежи некоторых стран, например, Италии, Англии, Франции, попадали произведения, ничего общего не имеющие с подлинно народным творчеством, — образцы так называемой модернистской музыки, лишенной даже подобия мелодий, или вульгарные танцы, дешевые пародии и импровизации с претензией на настоящее искусство.

На фестивале было широко представлено изобразительное искусство художников, графиков, скульпторов пятидесяти двух стран. Относительно размаха выставки изобразительного искусства можно судить по тому, что на ней было экспонировано 4 488 работ. Можно считать, что выставка в Москве оказалась более многообразной и представительной, чем прошлогодняя международная выставка в Италии, в Бьенале.

Надо отдать должное тому, что и на выставке нашел глубокое отражение общий дух фестиваля — дух борьбы за мир и дружбу между народами. Полотна, разоблачающие отвратительный, кровавый облик фашизма; картины художников Египта, рисующие борьбу народов Египта за свою независимость, против колонизаторов; многочисленные работы, изображающие те или другие картины борьбы простых людей за мир; картины, рисующие стремление людей к мирной, спокойной жизни, радостному труду, — все эти произведения снова доказали, как глубоко живут в народных массах лучшие чаяния, лучшие надежды, связанные с представлением о мире и дружбе между народами. Как и весь фестиваль, выставка учила также и тому, что мира нельзя ждать — за него надо бороться, его надо отстаивать всеми силами.

Наряду с множеством действительно хороших произведений на выставке были и полотна так называемого абстракционистского искусства, которые, как правило, не принимались зрителями. Да и трудно, обладая здравым смыслом, принять всерьез

произведения, которые именуются художественными, но представляют собой непонятное соединение всякого рода геометрических фигур, линий или даже, как это было с одной из работ, беспорядочное соединение обрывков газет, журналов, наклеенных на холст и подкрашенных кое-где краской.

Многие зрители, как это неоднократно можно было слышать на выставке, с полным основанием спрашивали: к чему зовет подобное искусство? Что оно пропагандирует? Что оно означает? И можно ли искать здравого смысла в подобных произведениях?

Многие зрители резонно говорили о том, что представленное на выставке искусство абстракционизма полезно лишь тем, что оно дает яркую возможность по-настоящему понять, насколько губителен так называемый абстракционизм для развития подлинно здорового искусства, какой вред несет он, стремясь увести людей от реальной жизни, действительности, от борьбы за настоящую осмысленную жизнь, за торжество прогрессивных, передовых идей. Что касается советских людей, то для нас совершенно очевидно, что модернизм ведет искусство в болото, губит и уничтожает его, ибо отрывает искусство от народа, от реальной жизни, от борьбы.

Фестиваль хорошо содействовал многочисленным встречам крупнейших представителей творческой интеллигенции многих стран. Деятели культуры и искусства имели все возможности широко обсуждать самые различные актуальные проблемы культурной жизни, развития искусства народов, связи искусства с жизнью, с борьбой за мир. Многочисленные почетные гости имели широкие возможности ознакомиться с состоянием искусства того или другого народа.

В Большом театре были встречи с английскими артистами, итальянскими и лионскими балетными деятелями, встречи с египетскими деятелями хореографии, с членами жюри международных конкурсов. Делегации Кореи, Китая, Норвегии, Швеции, Румынии встречались с актерами Театра оперетты. Состоялась очень содержательная встреча артистов театров кукол. Большой интерес иностранных гостей вызвала творческая встреча коллектива Театра имени Маяковского с работниками искусств тридцати шести стран. Здесь были делегации французов, японцев, англичан, индийцев, бельгийцев, шведов, венгров, немцев, итальянцев. Встречи проходили в атмосфере дружбы и творческого взаимопонимания.

Прогрессивная творческая интеллигенция живет вместе со своими народами мыслями о мире и дружбе. Творческие работники в статьях, устных выступлениях много раз подчеркивали все великое значение достижений движения сторонников мира, огромный вклад, который внес в это дело фестиваль молодежи и студентов в Москве.

Выступления различных деятелей культуры на страницах газет и журналов теперь, после окончания фестиваля, с рассказами о том, что было на празднике молодежи, помогают пропаганде идей мира и дружбы, содействуют сплочению прогрессивных сил.

Фестиваль показал, какую большую работу проделал Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Учреждения культуры должны работать в еще более тесном контакте с комсомольскими организациями, стремиться к тому, чтобы вместе с ними, не эпизодически, а постоянно вести большую и многообразную работу среди молодежи.

* * *

Подготовка и проведение фестиваля значительно обогатили опыт работы учреждений культуры. Надо внимательно обобщить и изучить этот опыт, с тем чтобы активно распространять все лучшее и передовое.

У нас имеются большие возможности для дальнейшего подъема коллективов художественной самодеятельности, развития всего дела художественного воспитания советской молодежи. Эти возможности должны быть использованы еще более умело и еще более энергично.

В итоге различных конкурсов выявилось много способной, талантливой молодежи. Надо позаботиться о том, чтобы эти таланты развивались успешно, чтобы лучшим представителям того или другого вида искусства предоставлялись наиболее благоприятные условия для совершенствования своего мастерства. Надо, чтобы и молодежь проявила больше трудолюбия, упорства и настойчивости в этом деле.

Праздник молодежи открыл множество новых, различных форм, способов массовой работы, методов, приемов организации больших, подлинно народных праздников и гуляний. Необходимо продолжить эту работу, всячески поощряя проявления инициативы, поиски нового. Это тем более необходимо потому, что, к сожалению, в деятельности многих учреждений культуры, концертных организаций нередко обнаруживается косность, рутинность, штампы.

Хочется подчеркнуть огромную работу, которую проделали в связи с подготовкой и проведением фестиваля представители творческой советской интеллигенции. Громадная армия работников искусства и культуры беззаветно трудилась над тем, чтобы хорошо подготовить фестиваль, помочь молодежи овладевать высотами искусства и достойно представить на своем празднике достижения нашей социалистической культуры. Тот факт, что Советская страна располагает огромным множеством молодых талантов, большим отрядом крупных специалистов, настоящих знатоков в различных областях искусства, дает все основания утверждать, что советское искусство может развиваться и будет развиваться еще более плодотворно, еще более успешно, будет хорошо служить великому делу коммунистического строительства.

По всем странам мира катится теперь эхо фестиваля. Миллионы людей во всех уголках земного шара снова услышат правду о мире и дружбе, узнают о том, какова Советская страна, каковы советские люди.

Идеи мира властно охватывают сознание людей. Чем сильнее будет борьба за мир, тем крепче будет единство и дружба между народами.

А. ЛЕОНИДОВ

★

ЗАГОВОР ДУШИТЕЛЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЛАН «ВТОРОЙ ИНДИИ»

Выступая 28 июня 1954 года в Национальном клубе печати в Вашингтоне, Уинстон Черчилль сказал: «Если бы меня надлежащим образом поддержали в 1919 году, то, я думаю, мы могли бы задушить коммунизм в его колыбели». Надо отдать должное старейшему политику английской буржуазии — он не боится называть вещи своими именами. Задушить великое коммунистическое движение Ленина «в колыбели», прежде чем оно успеет окрепнуть и стать мировой силой, — именно об этом мечтали английские, французские и американские империалисты сорок лет назад. Черчилль дал совершенно точное определение их политики. Но он не в ладу с фактами, когда старается создать впечатление, будто предложенная им попытка была предпринята только в 1919 году, и притом не «надлежащим образом». Нет, история говорит о другом. Факты и документы не оставляют сомнений в том, что заговор Антанты против социалистической революции в России был организован «своевременно», что он начался задолго до Октября и вооруженной интервенции англичан и французозов.

В 1917 году и в 1918—1920 годах Антанта вела на территории России одну и ту же политику — политику «душителей». Разница состоит лишь в том, что в первый период иностранные заговорщики оставались за кулисами; на виду была одна русская контрреволюция. Но уже в те дни ее верховное начальство находилось в Париже и Лондоне. Почти все активные деятели контрреволюции еще до Октября были прямо или косвенно связаны с иностранным капиталом или с разведками Антанты. Денежные средства для контрреволюционных организаций и авантюров шли из тех же источников. Не только профессиональные политики буржуазии, но и виднейшие генералы старого царского командования и нового окружения Керенского были вплетены в сеть, концы которой сходились за рубежом. Как мы увидим далее, было сделано все, чтобы всерьез осуществить замысел, так образно выраженный Черчиллем. Открытой внешней интервенции Антанты предшествовала тайная внутренняя интервенция в 1917 году, и ни Черчилль, ни его единомышленники не могут винить себя в том, что «колыбель» оказалась неприступной.

Что побудило стратегов западного капитализма пойти на внутреннюю интервенцию в России? За истекшие сорок лет на эту тему было написано немало книг. Теперь совершенно ясно, что объяснения, приводившиеся в свое время министрами, дипломатами и генералами Антанты, ответственными за ее политику, в те годы, нисколько не раскрывали подлинной подоплеку дела. Верно, например, что Антанта была заинтересована в том, чтобы продлить участие России в империалистической войне. Но наивно думать, что только к этому и сводилась ее политика. Уже к весне 1917 года правящим кругам Англии и Франции стало ясно, что царский режим довел Россию до последней степени истощения, что она не хочет войны и что по-прежнему рассчитывать на бесконечные жертвы с ее стороны так или иначе не приходится. Как следует из ряда документальных данных, уже отнюдь не этот вопрос больше всего волновал тогда наиболее сведущих политиков Лондона и Парижа.

Шла ли речь только о том — как это позднее утверждали десятки политиков и комментаторов в Англии и Франции, — что капиталисты Антанты боялись потерять

пятнадцать миллиардов золотых рублей, которые задолжала им старая Россия? Бесспорно, эти пятнадцать миллиардов сыграли большую роль, но все же не основную.

Основное для империалистов было в другом.

* * *

В то время как по России несся шквал Февральской революции, вдохновители Антанты — монополисты Англии и Франции — готовились к переделу мира, к тому, ради чего они вступили в войну. В 1914 году согласно царского правительства участвовать в войне было куплено обещанием предоставить русской буржуазии известную долю в таком переделе. Но уже в ходе войны выяснилась возможность сговора царского правительства с кайзеровской Германией. Незадолго перед Февральской революцией влияние группировавшейся вокруг царицы и Распутина прогерманской дворцовой клики достигло апогея. Немецкие империалисты уже готовили кабальную для России сделку с русскими черносотенцами. Крушение царизма сразу же изменило положение. Временное правительство Львова — Милюкова — Керенского было игрушкой в руках Антанты. По сути дела, это уже не было правительство великой державы: новые министры были людьми, обезумевшими от страха перед своим народом, готовыми на все, лишь бы вновь надеть на него узду. В Лондоне и Париже это поняли сразу. Виднейшие монополисты Запада пришли к далеко идущему выводу, который многие годы пьянил и дурманил их. Перед ними теперь, как им казалось, открывалась возможность добиться того, чтобы главным объектом передела мира стала сама Россия — величайшая страна с неисчерпаемыми и почти непочатыми богатствами, та самая страна, которая пожертвовала миллионами жизней для войны, проводившейся в интересах Антанты.

Так именно и котировалась Февральская революция на биржах Западной Европы. По существу речь шла о самой крупной спекуляции в истории капитализма — колонизации колоссальной территории, простирающейся от Балтийского моря до Тихого океана. Такое предприятие сулило еще несравненно большие барыши, чем дележ наследства Германии, Австрии и Турции. Внимание международной финансовой олигархии резким рывком переключилось на Россию. Как показали позднейшие события, было решено не останавливаться ни перед чем, чтобы не упустить возможности грандиозного «переливания крови» России в жилы дряхлеющего западноевропейского капитализма.

Факты подтверждают, что с 1917 года, после прихода к власти Временного правительства, этот план лег в основу всей политики держав Антанты по отношению к России. Ничто, так казалось в Лондоне и Париже, не могло воспрепятствовать его осуществлению. Изнемогающая под властью Керенского, обливающаяся кровью Россия уже рассматривалась в столицах Запада как полуколония. О сопротивлении со стороны русской буржуазии не могло быть и речи. Ее государство грозило развалиться, как карточный домик, ее политики дрожали перед наступающим рабочим классом, ее генералы готовили бонапартистские авантюры с помощью иностранных покровителей. В 1917 году русская крупная буржуазия, очутившаяся лицом к лицу с революционным народом, с готовностью соглашалась стать младшим партнером западноевропейских претендентов на колонизацию ее же страны. На худой конец, многие в ее рядах не отказались бы и от роли посредников-компрадоров — на большее они не были способны. Русским помещикам снились новые «варяги» с Запада, которые помогут защитить их усадьбы от крестьян. Если не немцы, думали собакевичи, ноздревы и плюшкины в 1917 году, то пусть это сделают французы и англичане. Правительство Керенского вело себя как исполнительный орган при посольствах Антанты. В столицах союзных держав негласный раздел богатств России между синдикатами иностранных финансистов считался решенным делом.

Точная схема такого раздела была намечена тогда же, в 1917 году, в ходе частных переговоров между важнейшими группами монополистов Запада. Подписанное впоследствии (23 декабря 1917 года) секретное соглашение правительств Англии и Франции о разграничении сфер влияния в России было лишь формальным дипломатическим подтверждением условий, выработанных представителями монополий и

четко зафиксированных на карте России. В соответствии с этими условиями бывшая царская империя рассекалась чертой, проведенной с юга на северо-восток, от Крымского побережья Черного моря вверх по течению Дона в направлении на Царицын. Территория к западу от этой черты включалась в сферу влияния Франции; ее зона, таким образом, должна была охватить всю Украину и прежде всего Донецкий угольный и Криворожский железорудный бассейны. Территория к востоку от той же черты — в первую очередь Кавказ, Закавказье, Закаспийская область и вся Средняя Азия — отводилась в сферу влияния Англии. Ей же предоставлялся контроль над Прибалтикой и севером России. Позднее к этому сговору присоединились и крупнейшие финансовые группы Соединенных Штатов и Японии, на долю которых был выделен Дальний Восток с частью Сибири.

Нетрудно заметить, к чему в действительности сводилась вся эта территориально-политическая схема. Речь шла о генеральном соглашении между важнейшими в то время группировками монополистов Антанты. Французской группе предоставлялось русское железо вместе с углем, английской — русская нефть и отчасти цветные металлы. Сделка финансовых королей Европы состояла в основном из двух пунктов. Но эти два пункта — железо и нефть — в конечном счете определили и политику русской контр-революции.

Для того чтобы осуществить план дележа богатств России между монополистами Антанты, надо было побороть и заново опутать цепями народ, свергнувший царя и стремившийся углубить революцию. Только народ, создающий социалистическое государство и строящий социалистическую экономику, мог бы стать силой, способной превратить в ничто планы колонизаторов. Идея создания социалистической России была основой программы партии большевиков. Вывод для империалистов Антанты был ясен.

* * *

Выработанная в 1917 году схема иностранных сфер влияния в России была отнюдь не случайной. Она отвечала самым затаенным вождениям главных монополистических групп Антанты. Каждая из них еще до первой мировой войны избрала свои «объекты» в России и не жалела ни денег, ни средств политического и дипломатического давления, чтобы добиться цели. Соглашение о раздроблении России на уделы железа и нефти было завершением долголетних устремлений и борьбы финансовых олигархов.

Во главе французской группы стоял пушечный король Шнейдер-Крезю — главный соперник германской монополии Круппа и английского концерна «Виккерс» на европейском рынке вооружений. Мощь концерна «Шнейдер-Крезю» покоилась на огромных сбережениях французской буржуазии, в то время господствовавшей на европейском денежном рынке. Французские банки одалживали эти капиталы в первую очередь государствам, закупавшим вооружение у Франции, французское правительство в свою очередь оказывало таким государствам политическую и дипломатическую поддержку. В годы первой мировой войны фирма «Шнейдер-Крезю» была главным поставщиком армии и флота царской России, извлекая из этого дела баснословные прибыли. Но, не довольствуясь этим, французский пушечный король уже накануне войны захватил в свои руки львиную долю военной промышленности самой России. К моменту Февральской революции под его прямым или косвенным контролем находились Путиловские заводы, Невский судостроительный завод, Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов (бывш. Парвийнен), Русско-Балтийский завод в Ревеле, заводы артиллерийского снаряжения Барановского и другие. Из крупнейших частных военных предприятий России от «Шнейдер-Крезю» не зависели лишь Царицынские артиллерийские заводы и Николаевские заводы и верфи, принадлежавшие группе «Виккерс».

Шнейдер-Крезю, таким образом, фактически управлял русской военной промышленностью. Этот факт всячески скрывали или затушевывали. Мало того, крупнейшие металлургические заводы на юге России, в Донбассе и Криворожском районе, поставлявшие сталь военным предприятиям, входили в ту же французскую группу. К их числу принадлежали, например, макеевский комбинат «Русского горного и металлургического Униона», Донецко Юрьевское металлургическое общество, «Русский Провиданс» в Ма-

риуполе. Ко времени Февральской революции концерн «Шнейдер-Крезо» уже рассматривал Донбасс как свою вотчину и мечтал о захвате всей металлургии России. Осуществление такого плана обеспечило бы французским магнатам первенство в военной промышленности всего мира. Тем самым русские дела приобретали для них исключительное значение.

Лучшие силы французской дипломатии были мобилизованы для того, чтобы содействовать успеху этих дел. Французские послы в России были прямыми эмиссарами Шнейдера-Крезо. Посол при царском правительстве Морис Палеолог, бывший директор политического департамента министерства иностранных дел, сыгравший большую роль при вовлечении России в мировую войну, после войны оказался директором концерна «Юнион эропеен эндустриель э финансьер», созданного концерном «Шнейдер-Крезо» для захвата военных предприятий Восточной и Центральной Европы. Заменивший Палеолога в качестве посла в Петрограде в 1917 году Жозеф Нуланс, бывший французский министр финансов и военный министр, стал после своей отставки председателем правления шнейдеровского военного концерна «Шантье э ателье де ла Жипронд». Начальник Главного артиллерийского управления русской армии генерал Маниковский называл французское посольство в Петрограде «здесьним филиалом Шнейдера».

Французский политик Поль Думэр, ставший впоследствии президентом республики, до войны заседал в правлениях «Русского горного и металлургического Униона» и других предприятий Шнейдера-Крезо в России. Французский военный министр в первый период войны Мильеран, впоследствии премьер-министр и президент республики, был в свое время юрисконсультом Шнейдера-Крезо. Во всех ведомствах французского правительства, имевших непосредственное отношение к русским делам, — в министерствах иностранных дел, финансов и военном, в генеральном штабе — действовали высокопоставленные агенты пушечного короля. Исследование материалов того периода приводит к бесспорному выводу, что союз империалистической Франции с царским правительством был в немалой степени делом рук Шнейдера-Крезо и связанной с ним группы парижских банкиров.

Оказывая сильнейшее влияние на политику Франции в русских делах, группа «Шнейдер-Крезо» в то же время стала мощной закулисной политической силой в самой старой России. Наложив свою руку на русскую военную промышленность, на военные поставки из-за границы, на крупнейшие металлургические предприятия юга России, подкармливая целую свору бюрократов, дипломатов и генералов старого режима, французский монополист занял положение одного из скрытых вдохновителей правящих петербургских кругов. Ходили слухи, что его петербургский представитель К. Ракуса-Суцеский поддерживал хорошие отношения с фавориткой царя балериной Кшесинской. Особенно же влияние пушечного короля укрепилось после того, как концерн «Шнейдер-Крезо» в предвоенные годы вступил в союз с ведущей финансовой группой в России — Русско-Азиатским банком и его синдикатом.

В 1910 году состоялось слияние двух учреждений петербургского финансового капитала: Русско-Китайского банка и Северного банка. Главным акционером первого из них был Парижско-Нидерландский банк, вице-председатель которого Демаши был одновременно председателем правления фирмы «Шнейдер-Крезо». Фактическим собственником Северного банка был французский банк «Сосьете женераль», тесно связанный с Парижско-Нидерландским банком. Объединенный Русско-Азиатский банк стал на деле филиалом финансовой группы «Шнейдер-Крезо». В состав его правления вошел французский финансовый агент в России Верстрат, в его совет вступило около десятка французских банкиров и политиков, включая бывшего посла Рендра. Под руководством биржевика А. Путилова Русско-Азиатский банк сразу занял первое место в России. Именно с его помощью концерн «Шнейдер-Крезо» в последние годы перед войной захватил в свои руки главные предприятия русской военной промышленности. В дальнейшем мы увидим, каким влиянием в буржуазных кругах России обладал этот банк и какую закулисную политическую роль его хозяева и агенты сыграли в событиях 1917 года.

Зарубежные претенденты на русское железо и уголь — французские торговцы смертью — занимали во время первой мировой войны сильнейшие позиции в верхах

государства буржуазно-помещичьей России. Они имели все основания стать в первые ряды тех, кто предпринял попытку задушить социалистическую революцию «в колыбели».

* * *

Роль, которую железо и пушки играли во французской политике по отношению к России, в политике английских империалистов играла нефть. Трудно сказать, перевешивала ли на общих весах Антанты нефть железо или же наоборот. Не подлежит сомнению, однако, что глава треста «Шелл» Генри Детердинг действовал за кулисами британской дипломатии не сколько не менее активно, чем Шнейдер-Крезо за кулисами французской. Политика Антанты в конечном счете определялась интересами и взаимоотношениями этих двух группировок пушечных и нефтяных магнатов, за которыми длинной вереницей шли другие.

Лондонский Сити обратил серьезное внимание на Россию лишь в последние годы перед войной, и на первый взгляд связи английского капитала с русской буржуазией намного уступали влиянию французских биржевиков. Но вынашиваемые в Лондоне планы «операций» в России шли еще дальше парижских проектов.

Анализ английских капиталовложений в царской империи накануне первой мировой войны обнаруживает любопытный факт. Британский капитал сосредоточивался по преимуществу на востоке и на юго-востоке страны — поближе к Индии. Лондонская Русско-Азиатская корпорация, руководимая Урквартом и Гербертом Гувером (впоследствии президент Соединенных Штатов), владела концессиями на Урале и в Сибири, уже тогда оценивавшимися в миллиард долларов. Английская компания «Лена-Голдфилдс» контролировала богатейшее Ленское золотопромышленное общество, на пририскх которого в 1912 году произошел массовый расстрел рабочих.

Членом правления этого общества был английский полковник Генри Бойл, один из видных деятелей консервативной партии. Главой компании «Лена-Голдфилдс» был бывший заместитель английского военного министра и бывший губернатор Бомбея лорд Гаррис. С той же группой были связаны владельцы обширных Сысертских и Шуваловских концессий на Урале, управление которыми находилось в руках директоров учрежденного в 1911 году Русско-Английского банка. В совет этого банка входили с русской стороны царские придворные граф А. Бобринский и князь Н. Урусов, А. Голицын, Н. Щербатов и М. Оболенский, а с английской — лидеры консерваторов сэр Остин Чемберлен (в 1917 году министр по делам Индии, впоследствии министр иностранных дел) и лорд Бальфур. Английский морской министр в 1917 году Эрик Геддс был вместе с Гувером акционером Кыштымских горных заводов, английский министр колоний Вальтер Лонг — акционером Англо-Русского треста, лидер либералов лорд Рединг — акционером Спасской меднорудной компании. Правящие политики Лондона совершенно так же, как их собратья в Париже, были непосредственно, частью своего личного состояния, заинтересованы в крупном русском бизнесе.

Но больше всего интересовал тузов английского капитала Кавказ. В 1912 году примерно половина всех новых английских капиталовложений в России приходилась на нефть. В этом году нефтяные владения парижских Ротшильдов перешли в руки Детердинга. Генеральное соглашение англо-французского капитала о разграничении сфер влияния в России на основе принципа «нефть за железо» уже вступало в силу. Примерно в то же время нефтяные концерны Лианозова, Манташева и Гукасова были переданы созданной в Лондоне при ближайшем участии английского капитала Русской генеральной нефтяной корпорации, под контролем которой оказалось свыше четверти нефтедобычи России. Та же корпорация начала скупать акции «Нобеля» — третьей нефтяной монополии в России. Ряд второстепенных предприятий в грозненском, майкопском и закаспийском районах также находился в руках англичан. Накануне первой мировой войны Детердинг уже считал себя некоронованным нефтяным королем России. Это означало, что он занимал второй в мире нефтяной трон. За такой трон империалисты бьются до последней капли чужой крови.

Дело было, однако, не только в Детердинге и его группе. Политика нефтяных монополий смыкалась с политикой так называемой «восточной школы» британской дипломатии, представленной в этот период лордом Керзоном, но основанной в свое время

еще Пальмерстоном. Доктрина исключительно влиятельной «восточной школы» сводилась по существу к одному: ради сохранения английского владычества в Индии — станом хребте колониальной империи — необходимо во что бы то ни стало, любой ценой, резко ослабить или даже подчинить Англии Россию.

В умах твердолобых имперских стратегов вопросы английской политики по отношению к Индии и к России сливались в единый агрессивный комплекс. Они полагали, что, только закабалив обе эти страны, английский капитал сможет дышать свободно. Керзон, считавший Англию наследницей древнего Рима и заявивший однажды, что «секрет мирового господства» находится в руках англичан, утверждал, что судьба Англии решается в Азии и что Индия «представляет собой мощь и величие Англии». Школа Керзона требовала, чтобы Англия опоясала свою империю в Индии с запада, севера и востока мощным обручем вассальных и зависимых государств, в число которых он включал Персию, Афганистан, арабские страны, Тибет и даже весь Южный Китай. Такая политика была прямым вызовом не только народам этих стран, но и России. В первом десятилетии XX века соперничество с Германией побудило правящих английских политиков на время отставить «антирусскую партию» Керзона в резерв. Февральская революция в России сразу ее оживила и выдвинула на первый план.

«Восточная школа» имперских реакционеров считала, что ее час настал. От бессильной, разваливавшейся России, управляемой Керенским и Милюковым, нельзя было ожидать серьезного противодействия планам Керзона в Азии. Наоборот, возникла возможность установить наконец опеку над самой русской буржуазией и даже заставить ее перевести под контроль английского капитала часть ее владений. Тем самым «восточная школа» Керзона вступала в союз с нефтяными монополиями. Это означало, что за спиной Детердинга начали действовать не только консервативные и либеральные политики, лично заинтересованные в русских спекуляциях, но и вся когорта твердолобых дипломатов, реакционных генералов англо-индийской армии, колониальных миллионеров, «имперских стратегов» и крайне правых журналистов. Вот от чьего имени действовал сторонник политики «удушения» Черчилль, начавший свою военную карьеру в англо-индийской армии и в качестве английского морского министра накануне войны завязавший тесные отношения с нефтяными монополиями.

К чему сводился «русский план» группы Керзона—Детердинга? На этот счет существуют два бесспорных исторических свидетельства. Первое из них — речь, произнесенная в конце 1917 года Гербертом Элленом, председателем англо-русской нефтяной компании «Биби-Эйбат ойл компани» на собрании акционеров в Лондоне. Эллен заявил:

«Никогда еще в истории этих островов (Англии. — А. Л.) не представлялось такой возможности для мирного распространения британского влияния и британской торговли, для создания второй Индии или второго Египта... Нефтяная промышленность России, широко финансируемая и правильно организованная под британским руководством, сама по себе составила бы ценное приобретение для британской империи... В нормальных условиях русская нефтяная промышленность все еще является второй по величине в мире, и английскому правительству предоставляется в настоящий момент золотая возможность оказывать мощное влияние на огромное производство грозненских, бакинских и закаспийских источников».

Кавказ — вторая Индия или второй Египет! Как же представляли в Лондоне осуществление подобного плана?

На первых порах предполагалось, очевидно, ограничиться негласной финансовой опекой английского капитала над нефтяными районами по соглашению с влиятельными кругами русской буржуазии — в обмен на крупные английские займы, поставки вооружений и другую плату. Но в конечном счете речь шла о чем-то более длительном и существенном. Лидер русских контрреволюционеров Борис Савинков сообщил в 1924 году, что в ходе его переговоров с Черчиллем в 1919 году англичане упорно говорили о необходимости создания на территории России «независимого» государства под названием «Юго-Восточный Союз», то есть нефтяного государства как раз того самого «вассального типа», о котором мечтал Керзон, чтобы «опоясать» англо-индийскую империю.

Действительно, этот проект полностью совпадал с содержанием секретного англо-французского соглашения от 23 декабря 1917 года, согласно которому Англии отводился весь юго-восток старой русской империи в качестве особой сферы влияния. Как можно проследить по карте английской интервенции и политического «зондажа» в 1918—1920 годах, это вассальное государство — «вторая Индия» — должно было включать не только весь Кавказ, но и Кубань, часть Урала, часть Сибири и Среднюю Азию. С юга к нему должны были примыкать оккупированные англичанами территории Персии и арабских стран.

Таковы в конечном счете были планы Детердинга — Керзона — Черчилля в России 1917 года. Сорвать эти планы, так же как и проекты Шнейдера-Крезс — Пуанкаре — Мильерана, могла только социалистическая революция народов России. Вывод с точки зрения англо-французских империалистов был ясен: необходимо помочь контрреволюционной русской буржуазии, чего бы это ни стоило.

Так начался заговор «душителее».

ЗА КУЛИСАМИ РУССКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В 1917 ГОДУ

«...Мы все прекрасно знаем быстрое нарастание сговора и заговора международных империалистов против русской революции. Задушить ее во что бы то ни стало... — вот к чему подходит международный империализм все ближе», — писал В. И. Ленин незадолго до Октябрьской революции. Крупная русская буржуазия не только находилась в экономической и финансовой зависимости от иностранных монополий и шла на то, чтобы передать им самые ценные богатства страны, — даже подготовку контрреволюционного нападения на свой народ она вела под неусыпным наблюдением тех же иностранных покровителей. Английские консерваторы, колониальные специалисты из Интеллидженс сервис, парижские биржевики обучали на сей раз лидеров русской буржуазии, как справляться с народом, — и прогорели.

Как обычно в таких делах, английский империализм принял участие в развязывании контрреволюции в России в первую очередь через посредство своей мощной разведки. Документальные данные, ставшие известными после 1917 года, показывают, что Интеллидженс сервис действовала при этом в тесном контакте с лондонскими финансовыми кругами и руководителями ультрареакционной «восточной школы». После Февральской революции в России возникло три связанных между собой центра контрреволюционных заговорщиков — в Петрограде, в Москве и в Ставке верховного главнокомандования. Интеллидженс сервис была непосредственно связана с каждым из этих центров.

Начальником английской военной разведки в 1917 году был генерал сэр Джордж Макдоног. Вскоре после своей отставки он оказался «заведующим бюро печати» при нефтяном тресте «Шелл», а затем стал директором этого треста. Нефть была неотделима от британской разведки; над Макдоногом стоял Детердинг.

Уже накануне Февральской революции, когда развал царского режима стал очевидным для дипломатов Антанты, в Лондоне приступили к укреплению связей с кадетско-октябристской группой Милюкова — Гучкова, мечтавшей о приходе к власти. Представителем Макдонога в России и начальником британского разведывательного бюро в Петрограде был консервативный депутат сэр Сэмюэль Хор, впоследствии министр иностранных дел и один из главных английских «мюнхенцев». Посредником между Хором и кадетско-октябристскими политиками стал Петр Струве, бывший «левый теоретик» русского либерализма, неудержимо скатывавшийся вправо. С 1916 года прямой личный контакт был установлен и между Милюковым и английским послом в Петрограде сэром Джорджем Бьюкененом, которого с этих пор стали считать истинным вдохновителем лидера кадетов. После Февральской революции Милюков, назначенный министром иностранных дел, и Бьюкенен действовали сообща, советуясь по каждому важному вопросу не только внешней, но и внутренней политики России.

Не меньшую роль сыграли финансовые связи между крупными дельцами Лондона и Петрограда. Уже с апреля 1917 года, через несколько недель после своего приезда в Россию, В. И. Ленин специально указывал на переплетение «тысячами нитей» рус-

ского и англо-французского банковского капитала, подчеркивая, что именно этот «богатейший во всем мире» капитал является «могучим покровителем и хозяином» русских капиталистов. Не только царские придворные и бюрократы поддерживали через банки прямой контакт с английскими политиками и дельцами вроде Чемберлена и Бальфура. Крупнейший русский сахарозаводчик и министр иностранных дел Временного правительства М. Терещенко, воспитывавшийся в Англии, был связан с Сити через своего управляющего Б. Ханенко, члена совета Русского торгово-промышленного банка, финансировавшегося из Лондона. Терещенко был близок как к Милюкову, так и к Керенскому и сыграл в 1917 году весьма значительную роль в штабе контрреволюции. К банкирам принадлежал и четвертый из виднейших буржуазных лидеров России 1917 года, глава октябристов и бывший председатель Государственной думы А. Гучков, ставший после Февральской революции военным министром. Компания московского «Торгового дома Е. Гучков и сыновья» и директор Петроградского учетного и ссудного банка, Гучков вел большие дела с Англией в качестве председателя Центрального военно-промышленного комитета, объединившего в годы войны весь крупный капитал России.

Даже в непосредственном окружении самого Керенского действовали агенты Сити. Одним из них был, например, небезызвестный инженер Г. Пальчинский, назначенный Керенским в августе 1917 года военным губернатором Петрограда, а позже, в день Октябрьской революции, — начальником обороны Зимнего дворца. В частной жизни этот Пальчинский был директором Лысьвенских горных заводов, контролируемых Русско-Английским банком.

Союз между Сити и верхушкой русской буржуазии отнюдь не ограничивался чисто экономическими сношениями. Насколько сотрудничество с финансовыми кругами входило в повседневную практику Интеллидженс сервис, видно хотя бы из мемуаров такого видного авторитета в этой области, как сэр Сэмюэль Хор. Касаясь деятельности начальника английской морской разведки в военные годы сэра Реджинальда Холла, ставшего впоследствии видным деятелем консервативной партии, Хор пишет:

«Его правой рукой был известный биржевик, а когда я потом ездил с ним из Рима в Лондон, его доверенными людьми были один из директоров Английского банка и компания известной фирмы спиртных напитков».

Немудрено, что в числе эмиссаров и союзников Черчилля, Керзона и Детердинга в 1917 году в первую очередь оказались как раз тузы русского капитала и их политические друзья. Это относилось не только к Петрограду.

* * *

Второй центр контрреволюции гнезвился в Москве. Здесь находился подлинный штаб партии кадетов, составленный из владельцев ведущих торгово-промышленных фирм и их политических адвокатов. Это было богатейшее старое московское купечество, двигавшееся быстрыми шагами по пути создания монополистического капитала. После Февральской революции герои пьес Островского, по примеру петроградских дельцов, не замедлили выступить с претензией на долю в политическом наследстве царских бюрократов и помещиков. Почти все эти купеческие династии финансировали кадетов и октябристов. После Февральской революции октябристы и даже более правые буржуазные группировки фактически слились с кадетами. Благодаря своим капиталам, своей сплоченности и своему весу в партии кадетов «московская группа» крупной буржуазии оказывала еще большее влияние, чем петроградская.

Во главе контрреволюционной плутократии в Москве стояли миллионеры Рябушинские, владельцы текстильных фабрик и Московского банка. В 1917 году глава династии Павел Рябушинский занимал пост председателя Всероссийского торгово-промышленного съезда, то есть начальника штаба всех предпринимателей страны. В этом качестве он уже летом выступил с совершенно беззащитным ультиматумом народу. «Может быть, — заявил Рябушинский, — для выхода из положения потребуются костлявая рука голода, народная нищета, которая схватила бы за горло... демократические Советы и Комитеты». Рябушинский был крупнейшим вкладчиком в кассу партии каде-

тов; его слово было законом для Милюкова. Юриисконсултом петроградского отделения Московского банка Рябушинских был влиятельный кадет В. Маклаков, правая рука Милюкова и впоследствии представитель Деникина и Врангеля при Антанте.

Маклаков имел, между прочим, и личные связи с Сити. В свое время он состоял адвокатом русского нефтяного магната Тагиева, предприятия которого перешли в руки английской компании, связанной с грестом «Шелл». В 1917 году председателем этой компании стал тот самый лондонский делец Эллен, который предложил превратить Кавказ во «вторую Индию» или «второй Египет».

Совладельцем и директором Московского банка Рябушинских был текстильный фабрикант А. Коновалов, товарищ председателя московской биржи. Этот капиталист, долгое время живший в Англии, после Февральской революции стал одним из наиболее влиятельных министров Временного правительства и оставался при Керенском до последнего дня. К Московскому банку имел непосредственное отношение еще один министр правительства Керенского из кадетов — председатель Всероссийского общества льнопромышленников С. Третьяков. Другими лидерами кадетского лагеря в Москве были городской голова кирпичный фабрикант М. Челноков, заместитель городского головы купец П. Бурыйшин, министр Временного правительства и впоследствии «диктатор» Петрограда Н. Кишкин, профессор и министр Временного правительства А. Мануйлов. Гучков вышел из того же московского купеческого круга. Все эти «миллионщики» шли за своим лидером Рябушинским и действовали по директивам его политических уполномоченных — Милюкова, Маклакова и Коновалова. Но за кулисами ими двигала и другая рука.

Вторым главным представителем Интеллидженс сервис в России был английский генеральный консул Брюс Локкарт — резидент генерала Макдонога в Москве. В своей книге «Мемуары британского агента» Локкарт пишет по поводу своих отношений с городским головой Москвы кадетским дельцом Челноковым:

«Мы стали теснейшими друзьями, и через него я не только близко узнал всех ведущих московских политиков, как князя Львова (первого премьера Временного правительства — А. Л.), Василия Маклакова, Мануйлова, Кокошкина и многих других, но и получал копии многочисленных секретных резолюций таких организаций, как Московская городская дума, Земский союз, председателем которого был Львов, и Союз городов, вдохновителем которого был сам Челноков. Временами я даже располагал возможностью получать через тот же источник копии секретных резолюций, принятых партией кадетов в Петербурге».

Сэр Сэмюэль Хор, которого Локкарт свел с московскими магнатами, подтверждает в своих собственных воспоминаниях, что эти «русские его (Локкарта.— А. Л.) любили, особенно дельцы и прогрессивные политики». Под прогрессивными политиками этот ветеран Интеллидженс сервис, естественно, понимает кадетов.

«Кадетская партия есть главная политическая сила буржуазной контрреволюции в России», — писал Ленин в августе 1917 года. «Кадетский центральный комитет, это — политический штаб класса буржуазии», — повторил он после Октябрьской революции. За ширмой этого центрального комитета рядом с русскими Титами Титычами действовали посланцы Детердинга, Черчилля и Керзона.

Вскоре после Октябрьской революции Локкарт, как и генерал Макдоног, перешел на ампулу прямого агента монополий. С 1922 по 1928 год он был директором Англо-Чехословацкого банка, руководство которого находилось в руках «короля Сити» Монтегю Нормана и бывшего царского министра финансов П. Барка. В годы второй мировой войны Локкарт снова выступил как дипломат: он стал вторым заместителем английского министра иностранных дел. Подобные преобразования происходят на Западе изо дня в день.

Такой же деятельностью, как Хор и Бьюкенен в Петрограде и Локкарт в Москве, занимался в Могилеве английский военный атташе и представитель при Ставке верховного главнокомандования генерал сэр Альфред Нокс — третий эмиссар британских империалистов в России. Ставка была не только верховным учреждением армии. Русские помещики видели в царских генералах и дворянских офицерах своих главных защитников от крестьян в зипунах или мундирах, требовавших земли и мира.

Ставка представляла собой своеобразный штаб умиравшего дворянства. Нокс был одним из тех привилегированных офицеров англо-индийской армии, вся карьера которых прошла в подготовке столкновения с Россией по заветам «восточной школы» английской дипломатии. Из тех же военно-колониальных кругов происходили и другие английские генералы, возглавившие затем интервенцию против Советской республики, например Гоф, Марш, Айронсайд, Данстервилл. С момента Февральской революции Нокс стал сотрудничать со старыми царскими генералами в подготовке военного заговора. Корнилов, Алексеев, Деникин, Лукомский, Крымов и другие заговорщики в эполетах находились с ним в постоянном контакте.

Царские генералы с полной готовностью шли на поводу иностранных эмиссаров. Любопытно, что многие из командующих белыми армиями имели личные или семейные связи с англо-франко-русской плутократией. Так, генерал Врангель вышел из семьи, один из членов которой, барон Н. Е. Врангель, был совладельцем двух англо-русских нефтяных компаний — Биби-Эйбатской и Манташевской. Начальник бандитских белых отрядов на Дальнем Востоке барон Унгерн-Штернберг принадлежал к семье, владевшей золотыми приисками. Адмирал Колчак начал свою активную контрреволюционную карьеру в Сибири в 1918 году после того, как Русско-Азиатский банк, управлявшийся французскими дельцами, пригласил его на Дальний Восток для «военной охраны» своих железнодорожных предприятий. Правой рукой Колчака в Сибири оказался тот же английский генерал Нокс.

С царскими генералами магнаты Антанты церемонились еще меньше, чем с кадетами.

* * *

Связи французских империалистов с русской контрреволюцией в 1917 году шли по особым каналам. Пушечные монополисты и биржевики Парижа предпочитали действовать за кулисами через свою финансовую агентуру в России — Русско-Азиатский банк и его группу. Неоспоримые данные подтверждают, что банк этот в период пребывания у власти Временного правительства был не только частным финансовым учреждением, но и скрытым центром контрреволюционных сил. Его председатель А. Путилов вместе со своими ближайшими союзниками С. Лианозовым, А. Вышнеградским, В. Завойко, В. Троцким-Сенютовичем и другими сыграл особую роль в организации заговора против народа, стремившегося к социализму.

Русско-Азиатский банк, располагавший тридцатью процентами основных активов петроградских банков, был не только самым крупным из коммерческих банков капиталистической России, — под его непосредственным контролем находилась основная часть важнейшей промышленности страны. К сфере влияния Русско-Азиатского банка относилась почти вся военная промышленность, включая Путиловские заводы и Общество изготовления снарядов (группа Шнейдера-Крезю), значительная часть нефтяной промышленности (группа Лианозова—Манташева—Гукасова), машиностроение и транспортное машиностроение, табачная промышленность (русско-английский табачный трест группы Путилова), цементные заводы, золотые прииски и ряд железнодорожных предприятий, в частности в Маньчжурии. Благодаря своим связям с правительственными кругами Русско-Азиатский банк в годы первой мировой войны наживал небывалые барыши на военных поставках.

Так же как Рябушинский в Москве, Путилов царил над промышленной буржуазией в Петрограде и провинции. Помимо его собственного банка, к путиловской группе принадлежали Русский торгово-промышленный банк (с участием английского капитала), Сибирский торговый банк и Петроградский частный коммерческий банк. В состав совета Русско-Азиатского банка входили лидер кадетов-октябристов Стахович, П. Крупенский и В. Гурко (брат начальника царского штаба верховного главнокомандующего), дипломат Ю. Нелидов, генерал А. Чаманский и другие представители политической верхушки крупной буржуазии. Должников и клиентов путиловского банка можно было встретить среди членов Государственной думы, военных вельмож и журналистов желтой прессы. Свой неофициальный контакт с петроградскими контрреволюционными кругами парижские дельцы в 1917 году поддерживали преимущественно

через Путилова и его окружение. Бежав из России после поражения контрреволюции, Путилов стал заправским французским банкиром под эгидой того же Шнейдера-Крезо.

Одним из наиболее влиятельных партнеров Путилова в его коммерческих и политических аферах был известный нефтяной магнат С. Лианозов, инициатор создания русско-англо-французского нефтяного треста «Генеральная нефтяная корпорация». Лианозов, обладавший огромным состоянием, принадлежал к числу тех, кто финансировал партию кадетов и мечтал возвыситься на волне контрреволюции. Его называли «русским Рокфеллером». В 1919 году, в дни злосчастного похода белого генерала Юденича на революционный Петроград, Лианозов стал премьер-министром, министром иностранных дел и министром финансов марионеточного «правительства», учрежденного при Юдениче под опекой английского генерала Гофа. Другим министром в этом «правительстве» был компаньон Лианозова кадет М. Маргулес, в 1917 году заместитель Гучкова по руководству Центральным военно-промышленным комитетом. Помимо нефтяных предприятий на Кавказе, «русский Рокфеллер» владел также военными заводами в Петрограде («Пулемет» и Механический и литейный завод), цементными заводами и другими предприятиями.

Лианозов еще до войны нашел влиятельных друзей в Англии, которым он продал значительную часть акций своего нефтяного концерна. Директором созданной им и Путиловым в Лондоне Генеральной нефтяной корпорации стал лорд Каррик, занявший во время войны видный пост в английском военном министерстве. В Лондоне же была основана Европейская финансовая корпорация, в правлении которой член семьи Лианозова заседал за одним столом с генералом англо-индийской армии сэром Байдоном Бладом, личным другом Керзона и бывшим начальником Черчилля. В 1917 году Лианозов был уже на положении наиболее влиятельного из агентов Сити в среде русской промышленной и финансовой знати. В связи с ролью, которую Лианозов сыграл вместе с Путиловым в создании тайного центра контрреволюционных сил в России, этот факт приобретает особое значение. Вскоре после Октябрьской революции бежавший за границу Лианозов официально вступил в состав нефтяной группы «Шелл» — Детердинг. Роль этого дельца в закулисной истории русской контрреволюции в 1917—1920 годы еще отнюдь не освещена надлежащим образом.

Можно не останавливаться на ряде второстепенных агентов Антанты в России в этот период — вроде нашумевшего впоследствии английского «чудо-шпиона» Сидни Рейли, организатора террористических актов в Москве в 1918 году, начавшего свою карьеру в России еще до революции в качестве агента по продаже морских вооружений и доверенного представителя Русско-Азиатского банка. Необходимо, однако, отметить роль, сыгранную за кулисами русской контрреволюции в 1917 году третьей группой империалистов — дельцами Соединенных Штатов.

Хотя Соединенные Штаты Америки вступили в войну только весной 1917 года и вначале не вмешивались в русские дела столь же грубо, как Англия и Франция, американские монополии к тому времени уже разрабатывали свою собственную колонизационную программу, чтобы овладеть богатствами России. В первую очередь их интересовали цветные металлы, нефть, железные дороги и Дальний Восток. Эмиссары заокеанской олигархии уже находились в России. Главным из них был миллионер Уильям Бойд Томпсон, прибывший в Петроград под видом начальника американской миссии Красного Креста. Томпсон, глава одной из американских меднорудных монополий, владел залежами цветных металлов в разных частях света и с начала войны стал совладельцем американского военного треста «Бетлехем», поставлявшего оружие Антанте. В Россию его привлекли залежи меди и марганца. За спиной американского посла в Петрограде банкира и хлеботорговца Давида Френсиса Томпсон в 1917 году фактически руководил русской политикой Соединенных Штатов и старательно налаживал связь с контрреволюционными кругами. Как выяснилось впоследствии, он предоставил этим кругам личную субсидию в размере миллиона долларов на «поддержание боеспособности русской армии». Это был своего рода аванс за будущие концессии.

Ближайшим сотрудником Томпсона в русских делах оказался американский инженер Герберт Гувер, директор рудников английской Русско-Азиатской корпорации в

России. Девять лет спустя Томпсон оплатил услуги Гувера: он помог ему стать президентом Соединенных Штатов, финансируя его избирательную кампанию. Хотя в 1917 году Гувер находился на службе английских монополий, он, Томпсон и Френсис уже готовили почву для генерального наступления доллара на Россию. Пробрить брешь в англо-французской заградительной стене должен был американский заем правительству Керенского в размере пяти миллиардов рублей. По соглашению с Керенским Сибирская железная дорога была передана в ведение американской «Технической миссии», под контроль которой предполагалось поставить все железнодорожные предприятия России. Вашингтон сразу повел крупную игру. Уолл-стрит брал на себя долю в финансировании русской контрреволюции, чтобы не отставать, а в конечном счете чтобы и перегнать англо-французских конкурентов при разделе богатств России.

Уже весной 1917 года империалисты Запада стеной стояли за спиной контрреволюционной русской буржуазии. Их агенты, друзья, младшие партнеры и приказчики занимали места на всех флангах контрреволюционного фронта. Реакционную буржуазию России не надо было торопить — она сама только и думала о том, как бы поскорее наброситься на народ. На очереди стояла практическая организация заговора для захвата власти. За этим дело не стало.

* * *

Давно установлено, что одним из главных организаторов корниловщины был сам глава Временного правительства эсер Керенский. По его предложению Корнилов был назначен верховным главнокомандующим, он же сделал все возможное, чтобы укрепить положение Корнилова и наделить его широчайшими политическими полномочиями. Керенский рассчитывал стать военным диктатором с помощью царских генералов, которым он поручал расправу с рабочими и солдатами; Корнилов и эсер Савинков также должны были вступить в «военную директорию». В последнюю минуту, однако, кандидаты в диктаторы не поладили между собой. Керенский боялся, что взрыв контрреволюции закончится неудачей и только усилит позиции большевиков. Кроме того, каждый из этих авантюристов пытался обмануть другого. Когда Корнилов начал свой мятеж, он потребовал, чтобы пост диктатора был предоставлен ему. Керенский не мог простить и не простил этого Корнилову: он сам метил туда же. Вот почему Керенский в день мятежа повернул против своего сообщника, а позднее, находясь уже в эмиграции и пытаясь обелить самого себя, кое-что рассказал о корниловской «эпопее».

В своей книге «Катастрофа», посвященной событиям 1917 года, Керенский сообщает: «Мысль о свержении Временного правительства путем заговора зародилась в Петрограде в начале мая 1917 года, если не раньше, в узком кругу банкиров и финансистов... Подробности заговорщической деятельности этой первичной группы реакционеров мало известны. Я знаю только, что были предприняты меры для создания фонда, для чего заговорщики связались с некоторыми политическими лицами. В то же время они стали готовить почву в военных кругах. Лицом, которому было поручено возглавить предварительную работу и найти пути и методы для осуществления заговора, был некий Завойко. Я не знаю, действовал ли он в качестве полноправного участника заговора или лишь в качестве агента».

Кто такой Завойко? Керенский об этом умалчивает. Даже после того, как все было кончено, он побоялся раскрыть карты финансовых королей, проигравшихся в пух и прах на контрреволюционной аванюре в России. Керенский слишком хорошо знал, что у него самого рыльце в пуху. Подлинная «родословная» Завойко пока еще не освещена полностью и в советской исторической литературе.

В 1917 году В. С. Завойко был членом правления «Товарищества нефтяного производства Г. М. Лианозова сыновья». Председателем этой компании был А. Путилов, директором-распорядителем — сам «русский Рокфеллер» С. Лианозов. Завойко входил в правление и других лианозовских предприятий, в том числе в правление лондонской Генеральной нефтяной корпорации, основанной Лианозовым и Путиловым под контролем Сити. Вот откуда происходил «некий Завойко», ставший уже через несколько недель правой рукой генерала Корнилова и главным организатором его мятежа.

Завойко был, собственно говоря, дельцом-аферистом, пользовавшимся даже в весьма неразборчивых петроградских биржевых кругах репутацией «темной личности». В прошлом он был связан с германским агентом коммерсантом Кюрцем, а незадолго до Февральской революции вместе с черносотенным царским министром Протопоповым принял участие в создании бульварной газеты «Русская воля».

Теперь этот директор англо-франко-русского нефтяного треста назначался своего рода секретарем конспиративного центра, созданного петроградскими и московскими финансистами — Путиловым, Лианозовым, Вышнеградским (главой Петроградского международного коммерческого банка), Рябушинским, Маклаковым, Гучковым — для руководства действиями контрреволюции. Участие этих фельдмаршалов русской буржуазии в «первичной группе» заговорщиков, о которой упоминает Керенский, подтвердилось впоследствии.

«Группа» эта образовалась в мае 1917 года. 27 августа разразился мятеж Корнилова.

ВНУТРЕННЯЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Основание петроградскими и московскими финансистами в мае 1917 года тайного политического центра было сигналом для мобилизации всех контрреволюционных сил. Денежный фонд для устройства заговора был налицо; виднейшие политические лидеры буржуазии были завербованы, поддержка правящих кругов Антанты обеспечена, программа ясна: задуть надвигающуюся социалистическую революцию. Расправа с рабочим классом, с Советами рабочих и солдатских депутатов, с партией большевиков, с Лениным, беспощадная диктатура крупной буржуазии — к этому сводился первый пункт программы заговорщиков. Второй пункт — расчет с иностранными кредиторами путем передачи им контроля над ключевыми позициями экономики страны — оставался в тени. Но именно этот пункт больше всего интересовал стоявших за ширмой империалистов Антанты. Их интервенция в России по существу уже начиналась. В 1917 году это была интервенция внутренняя — осуществляемая руками их приказчиков и агентов.

Путилов, Лианозов, Рябушинский, Завойко, Маклаков подготавливали контрреволюционный заговор одновременно в трех планах: политическом, экономическом («рука голода») и военном. Их главным политическим мероприятием было создание в июне 1917 года тайной организации «Республиканский центр», задачей которой было координировать деятельность разрозненных контрреволюционных сил.

Командующий белыми армиями в 1918—1919 годах генерал Деникин сообщает в своих воспоминаниях:

«В конце июня в Петрограде в числе многих других образовалась политическая группа под названием «Республиканский центр»... При приеме в организацию «никого не спрашивали, во что веруешь; достаточно было заявления о желании борьбы с большевизмом и о сохранении армии...»¹ Интеллектуальные силы и влияние группы были невелики, но она имела одно большое преимущество перед всеми другими — обладала некоторыми денежными средствами. Их давала крупная денежная буржуазия — «небольшая по числу, — как определяет один из организаторов «центра», — но очень влиятельная, довольно замкнутая и крайне эгоистичная в своих действиях и аппетитах»; буржуазия эта предложила («Республиканскому центру») первую денежную помощь, чтобы уберечь Россию... от очевидной тогда для них надвигающейся опасности большевизма».

Деникин сообщает дальше, что денежные средства «Республиканского центра» дали ему возможность объединить вокруг себя ряд контрреволюционных, главным образом военных организаций, включившихся в состав «военной секции» центра в лице своих представителей. Буржуазных офицеров, готовых расправиться с революцией, тысячами вербовали в эту секцию. По сведениям Милюкова, летом «Республиканский центр» объединял уже десять контрреволюционных организаций, в том числе «Всероссийский союз офицеров», созданный под руководством члена ЦК кадетской партии полковника

¹ Деникин, очевидно, цитирует информацию, полученную им из каких-то негласных источников (А. Л.).

Л. Новосильцева. Союз этот имел разветвления в главных городах, в Ставке и в полках действующей армии; его кадры впоследствии составили костяк белых армий.

Уже летом при участии Ставки началась систематическая переброска контрреволюционных офицеров из армии в Петроград, где они поступали в распоряжение военной секции «Республиканского центра», чтобы в назначенный день устроить путч, провозгласить военную диктатуру и развязать белый террор против рабочего населения. Речь шла о подготовке настоящей «Варфоломеевской ночи», в частности об убийстве всех активных деятелей партии большевиков. Что намечалось после этого? Один из пунктов программы «Республиканского центра» гласил: «...довести войну до победного конца в согласии с союзниками». Капиталисты Антанты знали, кого они поддерживали и зачем была нужна эта «Варфоломеевская ночь».

Ни Деникин, ни Миллюков не называют в своих воспоминаниях имен штатских руководителей «Республиканского центра», не говоря уже о тех, кто его финансировал. Не названы имена подлинных заправил этой организации и в исследованиях советских историков. И только в изданной в 1918 году книге контрреволюционера В. Винберга, упоминающего о «могущественных и влиятельных руководителях «центра», проskalъзывают кое-какие фамилии технических руководителей, в том числе некоего Финисова. Речь, по-видимому, идет об инженере П. Финисове, который в 1917 году был редактором журнала «Цемент, камень и железо» и директором цементного концерна «Русская Пуццолана». Концерн этот принадлежал к группе Лианозова — того же кадетского русско-англо-французского нефтяника, в услужении которого находился Завойко. Уже в 1917 году, как и в последующие годы, можно было с полным правом сказать, что русская контрреволюция насквозь пропахла нефтью.

* * *

Одновременно с созданием тайного контрреволюционного центра в Петрограде русские и англо-французские финансисты приступили весной 1917 года к поискам «генерала на белом коне» — человека, который должен был возглавить дело удушения революции и партии большевиков.

Деникин и Керенский сообщают, что одним из первых кандидатов на эту роль был адмирал Колчак — реакционер, изгнанный революционными матросами Черноморского флота из своего штаба. Деникин указывает, что «Республиканский центр» «находился в сношениях с адмиралом, который принципиально не отказывался от возможности стать во главе движения». Как выяснилось впоследствии, Колчак имел связи с русско-французской группой Русско-Азиатского банка, которая год спустя и направила его в Сибирь. В то же время Колчак пользовался поддержкой в английских кругах. Представитель Интеллидженс сервис в России сэръ Сэмюэль Хор назвал его «самым близким подобием английского джентльмена, какое только он видел в России». Однако переговоры «Республиканского центра» с Колчаком, в которых участвовал сам лидер кадетов Миллюков, расстроились, и адмирал, как пишет Деникин, «по невыясненным причинам уехал в Америку».

Другим кандидатом на пост военного диктатора, по свидетельству английского военного атташе в Петрограде Нокса, был царский генерал Гурко — родной брат члена совета Русско-Азиатского банка В. Гурко. Но и от этого кандидата пришлось отказаться ввиду его общеизвестных, слишком близких отношений со свергнутым царем. Тогда наконец была выдвинута кандидатура генерала Корнилова, и на этом имени, по словам Деникина, «все искания прекратились».

Корнилов никогда не был выдающимся генералом; как политический деятель он равнялся нулю. Но за него говорили другие обстоятельства. Корнилов был близок с Керенским и его помощником Савинковым; они-то и наметили его на пост верховного главнокомандующего. За Корнилова горой стоял английский генерал Нокс. И, наконец, секретарем-ординарцем Корнилова к этому моменту оказался не кто иной, как агент Лианозова и Путилова нефтяной делец Завойко.

Как подтвердили впоследствии показания решительно всех главных участников корниловского мятежа, Завойко был в 1917 году «серым кардиналом», подлинным вдохновителем Корнилова. Его называли «вторым я» верховного главнокомандующего. Хотя официально Завойко занимал при Корнилове должность простого ординарца в

чине прапорщика, он самолично управлял всеми его политическими делами и ограничивал роль генерала подписыванием бумаг.

«Странны, непонятны его пребывание и роль в Ставке, — пишет Керенский о Завойко в книге «Дело Корнилова». — Однако это был человек, который наибольшее влияние имел на Корнилова. Прошлое финансового дельца давало, видимо, возможность Завойко содействовать притоку в Ставку тех средств, о которых сведения могли бы дать и упоминаемые в письме генерала Алексева В. и П. (банкиры Вышнеградский и Путилов. — А. Л.)... Завойко — это одна из самых темных и отталкивающих фигур среди заговорщиков, и трудно понять, в чем был секрет его влияния на Корнилова».

Так симулируют наивность. Керенский издавал свои воспоминания в Англии. Он делал вид, будто не понимал, в чем был «секрет» Завойко, хотя легко мог бы нащупать его корни тут же в Лондоне — местопребывании Генеральной нефтяной корпорации, директором которой Завойко состоял еще в 1916 году.

Деникин заявляет, что Завойко был «главным советчиком» Корнилова и составлял все его воззвания, ультиматумы, телеграммы и списки министров. Милюков подтверждает задним числом, что Завойко стал «буквально правой рукой Корнилова. Он дополнял недостававшие у Корнилова свойства». Завойко явился к Корнилову в Петрограде еще в мае 1917 года, то есть тотчас же после создания тайного центра финансистов, и сразу остался у него. Он же побудил Корнилова принять пост командующего 8-й армией, то есть вступить в число кандидатов на должность верховного главнокомандующего. По наущению Завойко Корнилов потребовал от Временного правительства введения смертной казни для революционеров. Согласно показаниям самого Завойко, Корнилов не делал без него ни одного шага. Кандидат в военные диктаторы России был пешкой в руках своего ординарца — приказчика русских, французских и английских бизнесменов.

Тогдашний английский посол в России Бьюкенен пытается в своих воспоминаниях отвести подозрения от определенных английских кругов, участвовавших в закулисной подготовке корниловского путча. «Главный советник Корнилова Завойко, — мимоходом замечает Бьюкенен, — предназначался на пост министра финансов, но его прошлое было таково, что он не заслуживал доверия». Бьюкенен умалчивает о том, что не заслуживший доверия Завойко и летом 1917 года по-прежнему находился в контакте с влиятельнейшими лондонскими кругами, притом не только через английского военного атташе генерала Нокса, с которым он тесно сотрудничал.

Уже в 1917 году было известно, что корниловцы вели переговоры с влиятельными военными и политическими кругами Антанты.

Кто вел эти переговоры?

В августе 1917 года, накануне корниловского путча, в Петроград прибыл из Лондона бывший член Государственной думы А. Аладьин и остановился на квартире Завойко. Явившись в военное министерство к помощнику Керенского Савинкову, Аладьин, по показаниям Савинкова, заявил, что послан в Россию «английскими политическими деятелями для осведомления их о русских делах». Аладьин затем отправился в Москву, где 13 августа был принят приехавшим на Государственное совещание Корниловым для доклада «о международном положении». Аладьин, сообщила буржуазная газета «Русское слово», представил Корнилову в ходе «весьма продолжительной беседы» «вполне исчерпывающие объяснения» о «наших взаимоотношениях с Англией и Францией». Чего тогда не сообщали газеты и о чем только после Октябрьской революции рассказал рассорившийся с англичанами Керенский — это то, что Аладьин привез Корнилову конфиденциальное письмо от английского военного министра лорда Мильнера, в котором последний высказывался за диктатуру Корнилова и одобрял его заговор. Это письмо сразу окрылило корниловцев: Англия подтверждала, что она на их стороне! Аладьин поехал вместе с Корниловым в Ставку и стал у него вторым человеком после Завойко.

Мильнер был не только военным министром, но и крупнейшим колониальным политиком Англии. Два десятилетия спустя его ученики составили известную «клайвденскую клику» мюнхенцев. Помимо того, Мильнер был своим человеком в Сити; после войны он стал председателем меднопромышленного концерна Ротшильдов «Рио-Тинто». Накануне Февральской революции Мильнер приезжал в Россию и установил личные

связи с буржуазными политическими группировками. Резидент английской разведки Хор свел его с Петром Струве.

Аладьин — посредник между Мильнером и Корниловым — принадлежал к той же породе «темных личностей», что и Завойко, его «хороший знакомый», с которым, по всем признакам, он был связан коммерческими узами. В Англии Аладьин был известен в качестве корреспондента черносотенной газеты Суворина «Новое Время», членом издательского совета которой был Гучков, а также как агент оставшейся неизвестной фирмы в Лондоне. Имеются основания полагать, что речь шла о той же Генеральной нефтяной корпорации Лианозова — Путилова, директором которой был Завойко. Возможно, что в качестве корреспондента суворинской газеты Аладьин имел отношение к выходявшей накануне войны в Лондоне «Англо-русской газете», занимавшейся усиленным рекламированием русских нефтяных акций среди биржевиков Англии.

Теперь Аладьин, этот англо-русский делец и авантюрист, намечался министром иностранных дел в кабинете Корнилова. Любопытно, что составленный Завойко список членов этого кабинета, кроме самого Завойко и Аладьина, включал еще одного дельца лианозовской группы: на пост министра продовольствия предназначался В. Троцкий-Сенютович — член правления «Товарищества нефтяного производства Г. М. Лианозова сыновья», а также директор все той же англо-русской Генеральной нефтяной корпорации в Лондоне. Портфель министра торговли и промышленности намечалось отдать компаньону Рябушинского — Третьякову.

Нефтяные магнаты назначали контрреволюционное правительство для России совершенно так же, как если бы они на собрании акционеров переизбирали правление своего концерна.

* * *

Приближался день корниловского путча, назначенный на 26—27 августа. Керенский энергично расчищал ему путь, усиливая террор против большевистской партии, арестовывая ее активных членов. Как известно, заговорщики считали, что успех почти обеспечен и что революционное движение масс будет наконец потоплено в крови. Предполагалось, что в то время, как посланный Ставкой кавалерийский корпус с «дикой дивизией» корниловцев подступит к Петрограду, тайная военная организация «Республиканского центра» и «Союза офицеров» захватит город и сразу начнет массовые аресты революционных рабочих и казни большевиков. План вооруженного захвата столицы был составлен, список нового правительства — с Керенским или без него — готов, договоренность с финансистами зафиксирована аккуратно по всем пунктам. Еще 13 августа, находясь в Москве, Корнилов принял Путилова и Вышнеградского, которые якобы доложили ему о «финансовых затруднениях страны». К 16 августа в Ставку для совещания по поводу устройства новой власти были приглашены виднейшие лидеры реакции, в том числе кадетский лидер и адвокат Рябушинского Маклаков, сам Рябушинский и его компаньон по Московскому банку Третьяков. Московская группа торгово-промышленных тузов действовала заодно с петроградской. Столь же точно обо всех деталях заговора были осведомлены в Лондоне и Париже.

Английский посол Бьюкенен писал в своей книге «Моя миссия в России»:

«В среду 5 сентября (23 августа по старому стилю.— А. Л.) один мой русский друг, директор одного из главных петроградских банков, явился ко мне и рассказал, что... ему поручено некоторыми людьми, имена которых он назвал, передать мне сообщение... Их организация поддерживается рядом важных финансистов, может рассчитывать на содействие Корнилова и армейского корпуса, начнет операции в следующую субботу 8 сентября (26 августа.— А. Л.), правительство будет арестовано, и Советы распущены. Они надеются, что я помогу им, предоставив в их распоряжение английские броневики и содействуя их побегу в случае провала дела».

Не какой-нибудь дипломат или царский генерал и не кадетский политик, а банкир ведет с английским послом переговоры об участии иностранной державы в путче. Так «делалась» внутренняя интрига.

Бьюкенен, разумеется, утверждает, что, хотя «все его симпатии были на стороне Корнилова» и хотя он обещал заговорщикам их не выдавать, он будто бы возражал против такого «весьма наивного метода» переговоров с ним и даже советовал отказаться от всего предприятия. Слова Бьюкенена расходятся с делом.

В действительности Бьюкенен и его военный атташе Нокс, с самого начала настаивавшие на сговоре Керенского с Корниловым, сделали все, чтобы помочь заговорщикам. Еще 5 июля Бьюкенен передал министру иностранных дел Временного правительства Терещенко — дельцу, связанному с английским капиталом, — записку Нокса; английский генерал требовал в ней «разоружения всех рабочих в Петрограде», ареста «агитаторов» (то есть большевиков), введения смертной казни в армии, создания офицерской милиции в Петрограде и других больших городах, введения военной цензуры и разоружения всех военных частей в Петрограде, которые не согласятся с этими условиями. Нокс разговаривал с Временным правительством, как будто он находился в английской колонии. Его требования были требованиями Корнилова. Нокс подчеркивал, что видит в их удовлетворении «самый последний шанс».

Нокс занимался не только ультиматумами в колониальном стиле. Накануне корниловского мятежа Москва оказалась наводненной контрреволюционной листовкой «Корнилов, национальный герой», написанной Завойко. Керенский сообщает в своей книге задним числом: «Эти листовки были напечатаны за счет британской военной миссии и привезены в Москву из британского посольства в Петрограде в вагоне Нокса, английского военного атташе».

Когда корниловцы начали свое наступление на революционный Петроград, в их рядах были английские и французские офицеры, переодетые в русские мундиры. С «дикой дивизией» шли английские броневики. Бьюкенен, будто бы с таким достоинством отказавший помочь заговорщикам, сделал все, о чем они его просили, и больше. Когда революционные рабочие и солдаты покончили с заговором и провал корниловской авантюры был уже совершившимся фактом, Бьюкенен и Нокс еще пытались спасти дело. 28 августа Бьюкенен передал Терещенко заявление представителей союзных держав, в котором «единственно в стремлении служить интересам и России, и союзников», а также «в интересах гуманности» они предлагали свое посредничество между Временным правительством и Корниловым. Даже 31 августа, когда Корнилов ежеминутно ждал своего ареста, Нокс предложил английскому правительству послать телеграмму Керенскому, советуя ему «в интересах союза (то есть Антанты.— А. Л.) договориться с Корниловым». Бьюкенен, по его же словам, заявил Керенскому:

«Неудача предпринятой Корниловым попытки государственного переворота уничтожила мои последние надежды на улучшение положения».

Рабочий класс одним толчком отбросил душителей революции. Когда агент лондонских нефтяных магнатов и «серый кардинал» Корнилова В. Завойко накануне путча провозжал на Могилевский вокзал правого политика В. Львова, которого он посылал в Петроград для переговоров с Керенским, он, как передает в своих мемуарах генерал Нокс, сказал ему:

«Помните о трех вещах: Петроград — на осадное положение, Корнилова — военным диктатором, правительство — в отставку».

Все получилось иначе. По призыву большевиков рабочие, солдаты, железнодорожники поднялись на защиту революции и преградили корниловцам путь в столицу. В то время как министры Временного правительства занимались болтовней в своих кабинетах, а Керенский до самого последнего часа вел двойную игру с эмиссаром Корнилова В. Львовым, простой, трудящийся люд в течение нескольких дней ликвидировал контрреволюционный мятеж. Победу одержал не Корнилов и не назначивший его и интриговавший вместе с ним Керенский, а революционный народ, руководимый партией большевиков. Это тогда же пришлось признать Бьюкенену, отметившему в своей книге, что только одни большевики «имеют определенную политическую программу». Это означало: такую программу, за которой идет народ.

Корнилов был разбит. Керенский метался в панике. Ленин уверенно вел страну к социалистической революции. Но прогоревшие душители революции в Лондоне и Париже не складывали оружия. Напротив. В последнюю минуту они попытались удвоить свои усилия.

..*

Седьмого октября в письме к питерской городской конференции большевиков Ленин предупреждал о заговоре «между русскими и английскими империалистами, между

Керенским и англо-французскими капиталистами... об отдаче Питера немцам и об удущении русской революции таким путем».

Так и обстояло дело. Ленин указывал, что заговор заключен «через каких-нибудь корниловцев (Маклакова, других кадетов, «беспартийных» русских миллионеров и т. п.)».

Группа Путилова — Лианозова — Вышнеградского продолжала действовать. Несмотря на провал корниловского путча, контрреволюционные генералы по-прежнему признавали верховенство этой группы. 12 сентября начальник штаба нового верховного главнокомандующего Керенского генерал Алексеев обратился к Путилову, Вышнеградскому и другим миллионерам из тайного контрреволюционного центра с просьбой прислать деньги семьям арестованных корниловцев. И этот генерал — будущий организатор белых армий — знал, к кому обращаться. 15 октября один из главных руководителей того же центра, нефтяной магнат и кадет Лианозов, заявил американскому корреспонденту Джону Риду:

«Революция — это болезнь. Рано или поздно иностранные державы должны будут вмешаться, как всякий вмешался бы, чтобы вылечить больного ребенка и научить его ходить. Конечно, делать так более или менее не полагается, но нации должны учесть опасность большевизма в их собственных странах — таких заразительных идей, как «пролетарская диктатура» и «международная социальная революция».

Задолго до Черчилля и еще до Октябрьской революции Лианозов был одним из первых — если не первым, — кто пустил в ход аргумент о «международной опасности большевизма», облетевший потом весь капиталистический мир. Он же прямо предлагал иностранное вмешательство, то есть переход от скрытой, внутренней, интервенции Антанты к открытой вооруженной интервенции. Для Лианозова народ России был «больным ребенком», которого он, Лианозов, научит ходить, а Антанта вылечит палкой.

В беседе с американским корреспондентом нефтяной миллионер раскрыл все карты: «Что касается большевиков, — продолжал Лианозов, — то с ними можно покончить одним из двух методов. Правительство может эвакуировать Петроград, затем будет объявлено осадное положение, и командующий военным округом может расправиться с этими господами без юридических формальностей».

Английский военный атташе Нокс записал в своем дневнике предложение, переданное ему каким-то полковником контрреволюционного генерального штаба. В предложении говорилось, что Англия должна призвать в Россию японцев и американцев, нанять убийц, чтобы покончить с Лениным, устроить бомбардировку газовыми бомбами помещения, где собираются большевики. 21 октября в кабинете начальника американской миссии Красного Креста в Петрограде миллионера Томпсона было созвано секретное совещание военных представителей союзников в России. Только один пункт стоял на повестке дня: удушение большевизма. Обезумевший от ненависти французский генерал Ниссель, очевидно вспомнивший генерала Галифе, палача парижских коммунаров, назвал русских солдат «собаками». Английский генерал Нокс выразился суше. «Единственное, что сейчас возможно в России, — это военная диктатура, — заявил он. — Этим людям нужен кнут».

Почва горела под ногами Лианозова, Путилова, Нокса, Бьюкенена, Нисселя, Томпсона и всей клики миллионеров. Социалистическая революция наступала на тех, кто хотел ее удушить. Умнейшие из них понимали, что дело проиграно: нельзя арестовать целый народ. Нокс, потребовавший кнута, писал в своих мемуарах: «Мы были бессильны помочь нашим друзьям».

Да, все было тщетно. Сметая тех, кто пытался удушить революцию, рабочий класс России под руководством ленинской партии брал власть в свои руки.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В. ОЗЕРОВ

★

УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ НАШЕЙ ЭПОХИ

ВСЕГДА С НАРОДОМ, ВСЕГДА С ПАРТИЕЙ

«**К**то хочет быть с народом, тот всегда будет с партией. Кто прочно стоит на позициях партии, тот всегда будет с народом», — сказал Н. С. Хрущев. Эта ясная формула выражает неотделимость понятий партийности и народности в Советском государстве. И если приложить ее в качестве критерия к истории советской литературы, то мы с новой силой убедительности сможем уяснить основные особенности новаторского характера произведений социалистического реализма.

Мы часто и справедливо говорим о том, что Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Она открыла новую страницу и в его духовном развитии. С Октября 1917 года начинается своя история и советская литература. В нее сразу же пришли новые темы, вызванные грандиозными переменами в жизни, новые герои, порожденные революционной эпохой. И какие большие, сложные задачи выдвинуло время перед молодой советской литературой! Она не могла ограничиться беглыми зарисовками взбудораженной, ищущей, вдохновенной России: ей предстояло создать целостную картину революционной битвы, раскрыть силы, направляющие общее движение вперед.

Если единым взглядом окинуть советскую литературу, она покажется необъятным морем, где все разное: и тематика, и творческие течения, и писательские манеры, и поиски изобразительных средств. Но взгляните пристальнее, и станут заметными основные тенденции развития, их соревнование, их борьба.

...На необъятных просторах России разгулялась, бушует метель, все подхвачено ураганом, летит стремглав в порывах бури в неведомую даль, ничто и никто не мо-

жет противостоять смерчу, вихрю, пурге. В кровавой ночи вскипает людская злоба, вздымаются мужицкие топоры, полыхают усадьбы — по всей земле идет бунт, свирепый, порой неосмысленный, беспощадный. Такой представляла пролетарская революция в тех произведениях, где воспевалась стихийность, принижались силы, которые организовали и направляли народное движение. Конечно, каждый правдивый писатель не мог и не должен был обходить бурный размах борьбы, стихийные порывы, овладевшие восставшими массами. Но передовые писатели шли к все более глубокому художественному познанию движущих сил революции. Искусство социалистического реализма крепло и развивалось в борьбе с тенденциями воспевания стихийности. И об этом приходится особо напомнить, потому что время от времени встречаешься с попытками полностью и без каких-либо уточнений реабилитировать мотивы «ветра» и «метели».

Да, над страной пронесся могучий ураган, все стронулось с места, проснулся священный гнев обездоленных, борьба жестока, ненависть безмерна. Но это не просто случайный бунт, нечаянная вспышка. Развернувшееся восстание тщательно подготовлено, его ход направляется организаторами, его цели становятся все более ясными широчайшим массам участников, даже тем, кто включился в него неосознанно. В суровых боях, в жестоких схватках с врагами получают революционную закалку миллионы людей, мужая, сплачиваясь, духовно вырастая, и этот рост тем быстрее, что им руководят люди железной выдержки, высокой идеи — большевики. В таком освещении выступали революция, социалистические преобразования в книгах, напи-

санных с позиций коммунистической партийности. В этих книгах прославляется торжество большевистской организованности и сознательности, прославляется руководящая роль Коммунистической партии.

Созданный великим Горьким образ Павла Власова возвестил миру о появлении в литературе нового героя — революционного пролетаря, человека партии. Он открыл целую галерею образов коммунистов-ленинцев. Клычков, Левинсон, Глеб Чумалов, Павел Корчагин, Давыдов, Басов, Алексей Мересьев, Воропаев, — изображая этих рыцарей революции, советские писатели, подобно Маяковскому, стремились «сиять заставить заново величайшее слово — партия». В произведениях социалистического реализма, дающих многогранную картину революционной эпохи со всем богатством общественных взаимосвязей ведущих социальных сил, художественно правдиво показывается деятельность Коммунистической партии — организатора и вдохновителя общепартийной борьбы за социализм.

С жизнью и борьбой партии связаны все этапы победного пути советского народа к коммунизму. Вслед за книгами, поведавшими миру о выходе на историческую сцену революционного пролетариата, появляются произведения о героике завоевания новой жизни. И в этих романах, пьесах, поэмах вождь народной борьбы против капиталистов и помещиков, за укрепление советского строя изображена славная Коммунистическая партия. О том, как она «направляла, строила в ряды» миллионы восставших рабочих и крестьян, рассказывается в поэмах В. Маяковского, в «Чапалаеве» Д. Фурманова, «Железном потоке» А. Семеновича, «Хождении по мукам» А. Толстого, «Тихом Доне» М. Шолохова, «Неделе» Ю. Либединского, в романах и повестях Л. Леонова, К. Федина, Л. Сейфуллиной, Вс. Иванова, в пьесах Б. Лавренева, К. Тренева и во многих других произведениях. И как характерно, что, захотев вспомнить, в каких именно книгах отражена тема партии, мы обязательно назовем самые лучшие, самые талантливые произведения советской литературы.

В годы мирного социалистического строительства недавние войны вышли на леса многочисленных строек, взялись за развитие советской индустрии, коллективизацию сельского хозяйства. И снова, отображая их труд и быт, наша литература увидела, кто и как направляет народ к великой цели.

Руководящая и организующая роль партии запечатлена в ярких художественных произведениях. Среди них — «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Цемент» и «Энергия» Ф. Гладкова, «Бруски» Ф. Панферова, «Люди из захолустья» А. Малышкина, «Танкер «Дербент» Ю. Крымова, «Поэма о топоре» и «Мой друг» Н. Погодина, «Рельсы гудят» В. Кирсона, «Машенька» А. Афиногенова, целый ряд других романов и пьес, рассказов, очерков и стихотворений.

Перечитайте литературу периода Великой Отечественной войны, просмотрите книги самых последних лет — в лучших из них ярко показана деятельность Коммунистической партии. Не забывая о полноте списка, приведем просто для напоминания несколько названий: «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Непокоренные» Б. Горбатова, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Счастье» П. Павленко, «Знаменосцы» О. Гончара, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Решающий шаг» Берды Кербабая, повести и романы Г. Николаевой, очерки В. Овечкина и т. д.

И когда после окончания Великой Отечественной войны в ряде партийных решений прозвучал призыв достойно отобразить героический подвиг борцов и строителей, сплоченных под ленинским знаменем, — это был голос самого народа, требование миллионов советских патриотов. Под руководством партии они решали самые трудные и величественные задачи — как же им было не требовать, чтобы художники нашли вдохновенные слова для рассказа о руководителях и организаторах всех наших побед. На опыте своей жизни советские люди убедились в нерушимости святого единства партии и народа — как же можно было мириться с книгами, из которых «выпала» эта наипривычная особенность нашей эпохи. Выражавшая растущую меру требовательности критика произведений, где бегло или неправильно освещалась тема партии, дала принципиальное направление творческим усилиям советских писателей. И было бы совершенно неправильно считать эту критику случайной, устаревшей. С подобной точкой зрения связаны, например, сомнения в правильности выступлений партийной печати о романе «Молодая гвардия» А. Фадеева.

«Молодая гвардия» и в первой редакции представляла собой одну из самых значительных книг о Великой Отечественной

войне. И все же она подверглась серьезной критике, в первую очередь за то, что автор слабо показал деятелей партии в их организаторской работе по созданию большевистского подполья, по руководству молодыми партизанами. Вторая редакция романа, где исправлены эти недостатки, казалось бы, явилась исчерпывающим ответом на критику. Но прошло несколько лет, и стали раздаваться голоса, в том числе на страницах «Нового мира», оспаривающие необходимость сделанных Фадеевым исправлений.

В споре по поводу «Молодой гвардии» следует принять сторону товарищей, видящих преимущества новой редакции романа. В ней не утрачены достоинства первоначального текста, зато изображение подпольной борьбы советского народа против фашистских оккупантов стало гораздо полнее и глубже. Читатель узнает не только о героизме юношей и девушек, но и о размахе борьбы, о ее подготовленности и направлении. Как подтверждают документы, ставшие известными Фадееву при доработке книги, и в конкретных условиях Краснодона молодежью руководила тщательно замаскированная партийная организация. Хорошо, что ее деятельность осталась неизвестной врагу, но насколько беднее было бы наше представление о действительном положении дел, если бы и мы знали лишь часть исторической правды. Фадеев сам чувствовал необходимость изобразить партийных деятелей не декларативно, а в их живой практике. В 1948 году, обдумывая свои творческие планы, он в одном из писем рассказывал адресату о критике изображенных в романе подпольщиков. «Меня покритиковали, — писал Фадеев, — не за то, что эти подпольщики плохо описаны, а за то, что нужно было шире показать деятельность нашей партии в подполье и показать не только таких большевиков, которые оказались организационно-слабыми и провалились, а главным образом таких, что сумели организовать силу для действительного отпора немецко-фашистским захватчикам. Последнее, конечно, более типично, и я это еще сделаю».

Фадеев выполнил свое намерение; исправленное и дополненное издание «Молодой гвардии» получило всеобщее признание. Так нужно ли возвращаться к этому эпизоду истории нашей литературы? Да, нужно, ибо спор о романе, помимо всего прочего, нельзя выключить из общей атмо-

сферы литературной жизни и литературных настроений. Все советские писатели должны заботиться о том, чтобы тема партии разрабатывалась глубоко и ярко. Они знают, каким нападкам подвергается эта тема со стороны противников нашего искусства. Ведь ревизионисты разных мастей выступают как против принципа партийности литературы, так и против стремления советских писателей воспеть работу партии по строительству новой жизни. Да и у нас появились произведения, заслуженно осужденные советской общественностью. Вслед за «обличительными» пьесами, выставившими руководящие кадры Советского государства оголтелыми бюрократами и перерожденцами, увидел свет роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», где вообще не нашлось места для созидательной деятельности партийной организации, зато всю действуют всемогущие чинуши, рассказ А. Яшина «Рычаги», изображающий коммунистов лжецами и лицемерами. Конечно, подобные сочинения будут прочно забыты, но нужно помнить, как опасна в таких условиях малейшая недооценка темы партии!

На книжных полках останутся произведения, в которых запечатлены типические черты эпохи, сорокалетний путь советского народа под руководством его заслуженного боевого вождя — Коммунистической партии. В галерее положительных героев, запечатленных советской литературой, — люди различных жизненных судеб и призваний, закаленные бойцы и пытливая молодежь, те, чьи характеры уже сложились, и кто только еще ищет себя, опытные руководители, рядовые работники, смельчаки, расчетливые, скромные, нерешительные... Любой из этих человеческих типов имеет право на читательское внимание и интерес. Но не каждый литературный герой может претендовать на любовь читателей, не говоря уже о желании подражать ему. Это удел сильных и мужественных людей, идущих в авангарде народной борьбы. Их образы — синоним беззаветного служения Родине, негнбимого мужества, стойкости, готовности к подвигу. Бойцы, выдвинутые и воспитанные Коммунистической партией, они посвятили ей всю свою жизнь, безгранично преданы ей, подчиняют ее требованиям каждый свой шаг.

И в то же время эти коммунисты — герои нашей литературы — не простая копия одного и того же типа, все они очень разные, на них лежит отпечаток не только неповто-

римой личной судьбы, но и времени, их породившего. Прошедшее сорокалетие настолько насыщено событиями всемирно-исторического значения, разительными переменами в общественной жизни, быту и психологии людей, что речь идет о большем, нежели физический возраст героев. Юный Корчагин лишь вступал в борьбу, когда Левинсон был уже зрелым коммунистом-борцом, а Мересьев вырос в условиях, которых не знал Корчагин. Единый по основным своим устремлениям тип большевика-революционера ныне приходится рассматривать в сложном историческом развитии.

Есть, повторяем, внутренняя закономерность в том, что при создании многоплановой картины жизни советского общества не может остаться вне поля зрения определяющее влияние Коммунистической партии, деятельность коммунистов. Не приведет ли, однако, такое требование к схемам? Во все нет. Необходимость художественно разрабатывать жизненно важную тему расширяет творческий диапазон художника, формы же выражения темы могут быть самыми разными. Мы знаем произведения, в которых коммунист изображен главным героем, прослежен в его политическом и нравственном развитии, как, к примеру, в романе Н. Островского «Как закалялась сталь». Другие книги, воссоздавая сложнейшие процессы действительности, художественно передают силу воздействия коммуниста на его товарищей по борьбе, являющихся здесь центральными действующими лицами, подобно тому, как в «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого комиссар Воробьев помогает Мересьеву вернуться в боевой строй. В третьем случае герои обоих типов, так сказать, равноправны: в «Поднятой целине» М. Шолохова нарисована целая группа коммунистов — вся партийная организация Гремячего Лога, — и показаны они не изолированно от масс, а в теснейшем взаимодействии с Любишкиным, Майданниковым и другими беспартийными колхозниками, в свою очередь охарактеризованными подробно и глубоко. Но творчество того же М. Шолохова дает и пример иного подхода к теме: в «Тихом Доне» на первом плане люди колеблющиеся и даже враждебные революции, на них автор сосредоточил основное внимание. Однако коммунисты — персонажи романа, не занимая в нем центрального места, играют зачастую ре-

шающую роль в развитии событий, в судьбах окружающих. Все поиски и метания Мелехова определены его отношением к революции, приближением или отдалением от Бунчука, Штокмана, Кошевого и других коммунистов, правду которых он не в силах принять.

Возможности искусства в разработке любой темы безграничны, все зависит от выбора материала, авторского отношения к нему, от своеобразия творческого замысла. Один покажет главного героя современности крупным масштабам, другой передаст его роль косвенно — через восприятие остальных персонажей, третий не постесняется открытого и прямого проявления своих чувств, декларируя свое отношение к партии, как это нередко великолепно делал Маяковский, четвертый и не выведет коммунистов непосредственно на страницах своей книги, но вся ее атмосфера будет такова, что мы обязательно ощутим их могучее влияние. Каков бы ни был замысел писателя, важно в конечном счете одно: чтобы его книга была проникнута идеями партийности, воспитывала читателей в духе верности Коммунистической партии, готовности стойко биться под ее знаменами. И если писатель поставит перед собой эту задачу, он неизбежно покажет роль партии в народной жизни, сумеет художественно раскрыть принципы партийного руководства всеми сторонами нашей жизни.

Такому пониманию своих задач неустанно учит Коммунистическая партия советских писателей, деятелей искусства. Н. С. Хрущев в своих выступлениях перед писателями и работниками искусств показал на многочисленных примерах вдохновляющую и организующую работу Коммунистической партии, претворяющей в жизнь ленинские идеи, ее кипучую деятельность, отвечающую коренным интересам народа. Главная линия развития нашей литературы и нашего искусства состоит в том, что они всегда были неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво изображали проведенные в нашей стране исторические преобразования. Когда отдельные литераторы, не зная жизни, не обладая необходимым политическим опытом, умением видеть главное, не замечают этих преобразований, тенденциозно надергивают одни отрицательные факты, — они односторонне и неправильно освещают нашу действительность. Партия учит глубоко, подлинно по-партийному

постигать действительность, давать решительный отпор любым проявлениям буржуазной идеологии, любым попыткам увести литературу и искусство в сторону от главной линии развития. А это дается таким художникам, которые занимают партийные позиции в творчестве, которые понимают неотделимость в наших условиях понятия партийности и народности.

«Сила советского социалистического общества, — говорил Н. С. Хрущев, — в единении Коммунистической партии и народа. Политика Коммунистической партии, выражающая коренные интересы народа, составляет жизненную основу советского об-

Коммунистическая партия—родная, близкая народу партия, с нею связаны все его стремления и чаяния, труд и борьба, настоящее и будущее. Это она сплотила народные массы для штурма старого мира, это она организовала их для великой битвы за социалистическую перестройку страны, это она, наша партия, возглавила народ в годы суровой войны с фашизмом, а сейчас направляет все усилия трудящихся на строительство коммунизма. В теснейших связях с массами — источник силы Коммунистической партии, в партийном руководстве — залог всех успехов народа. Ленин всегда учил большевиков быть в гуще масс, во всей своей работе опираться на массы. «В народной массе, — говорил Ленин вскоре после революции, — мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится»¹.

Советские писатели с гордостью и любовью поведали миру о людях боевого авангарда народа, о тех, кто всегда идет впереди. Приглядываясь к ним, передовые художники полемизировали с эсеровско-народнической теорией «героев и толпы», с антимарксистским противопоставлением героической личности и пассивной массы. Незабываема заслуга Горького, развенчавшего философию индивидуализма. Пафос массовой борьбы, пролетарского коллективизма пронизывает и все творчество Маяковского послеоктябрьского периода. Осмысливая

государственного и государственного строя. Поэтому было бы большим заблуждением думать, что в наших советских условиях можно служить народу, не принимая активного участия в претворении в жизнь политики Коммунистической партии. Невозможно желать идти вместе с народом, не разделяя взглядов партии, ее политической линии»¹.

Запечатлеть подвиги советского народа, идущего под руководством партии по пути коммунистического строительства — такова величественная задача, поставленная Центральным Комитетом перед писателями и вдохновляющая их на новые творческие дерзания.

ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ

роль той силы, которая «прибирала к рукам» стихию, поэт шел от индивидуалистических настроений и абстрактных образов к воспеванию коллективной воли и разума ленинизма. Поэма «Владимир Ильич Ленин» синтезировала философские искания и раздумья Маяковского, в ней поэтически выражена диалектическая связь народа и партии, массового движения с руководящей волей партии, вождя партии.

Известно, что Маяковского больше всего беспокоило, чтобы Ленин «конфетной не был красотой оболган»; с полемическим задором он говорил о том, что готов встать «поклонениям и толпам поперек», если бы Ленин был «царствен и божествен». Появлению в поэме образа Ленина Маяковский предпослал поэтический рассказ о революционизировании масс, о том, как «пролетариат взрослел» и ждал выразителя своих стремлений. Им и стал Ленин.

Еще в стихотворении «Владимиру Ильичу» Маяковский заявлял: «...Не герои низвергают революций лаву. Сказка о героях — интеллигентская чушь!» В поэме о Ленине снова говорится, что «голос единицы тоньше писка», упор опять сделан на силу революционного коллектива.

Единица — вздор,
единица — ноль,
Один —
даже если
не подымет
простое
очень важный —
пятывершковое бревно.

¹ Н. С. Хрущев. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. Госполитиздат. 1957. Стр. 24.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 273.

тем более
 дом пятиэтажный.
 Партия —
 это
 миллионов плечи,
 друг к другу
 прижатые туго.
 Партией
 стройки
 в небо взмечем,
 держа
 и вздымая друг друга.

Маяковский славил Ленина не как избранного героя, а как олицетворение силы и мудрости партии, как вождя коммунистического движения, овладевшего массами. Навсегда останутся в памяти вдохновенные строки:

Партия и Ленин —
 близнецы-братья, —
 кто более
 матери-истории ценен?
 Мы говорим — Ленин,
 подразумеваем —
 партия,
 Мы говорим —
 партия,
 подразумеваем —
 Ленин.

Применительно к Ленину оказались совершенно непригодными такие определения, как «пророк», «царственный вид»; поэт акцентировал внимание на человечности Ленина, его скромности. «Этот самый вечный человек» держался просто, естественно. Когда Ильич появлялся, не было оваций и триумфов, не всякий и знал, что только сейчас «бочком прошел незаметный Ленин». И все же, остановись Маяковский на этом, он не сказал бы всей правды о партии и о Ленине.

Партия не только выражает общие интересы, она идет во главе масс, ведет их за собой, она не только учится у масс, но и учит их, растит, воспитывает. Коммунист — вожак масс, выдвинут ими, силен связью с народом и в то же время он видит дальше и больше остальных. Его обязанность не только лично бороться за идеи коммунизма, но и увлечь за собой людей, работать с ними. Прекрасно выражена эта мысль в поэме Маяковского:

Бился
 об Ленина
 темный класс,
 тѣк
 от него
 в просветленьи,

и, обданный
 силой
 и мыслями масс,
 с классом
 рос
 Ленин.

Изображенный в поэме внешне незаметный человек, «такой, что мелочами с нами», на практике — «в черепе сотней губерний ворочал», «он взвешивал мир в течение ночи». Ленин оказывается в самом центре событий, направляет движение масс, дает ему цель, указывает дорогу, он назван штурманом советского корабля, организатором пролетарских побед. Когда Ленин скрывался в шалаше в Разливе, подготовка к революции шла полным ходом.

Ленина не видно,
 но он близ.
 По тому,
 работа движется как,
 видна
 направляющая
 ленинская мысль,
 видна
 ведущая
 ленинская рука.

Перед Маяковским был образ Ленина, великого вождя великой революции, изображение которого требовало особого таланта и особой ответственности. Но общие принципы показа взаимоотношений большевистского деятеля и народной массы сохраняют свое значение для всей советской литературы. Они не «придуманы» абстрактным путем, а практически разработаны художниками социалистического реализма в соответствии с правдой жизни.

Сама жизнь явила примеры простоты и демократичности пролетарских полководцев периода гражданской войны. Она же познакомила читателей и с их железной волей, решительностью, выдержкой. Эти качества не всегда гармонично сочетались и в действительности, не говоря уже о литературных героях. Можно назвать произведения, где народный вожак выступает исключительно в функции сурового, беспощадного командира, скажем, в пьесах И. Сельвинского. Бывало и по-другому: эта роль отводилась человеку, который строил свои отношения с подчиненными на панибратских началах. Эти черты есть у Вершинина — командира партизанского отряда из повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». Но был и иной путь создания характера русского революционера, положительного

героя нашего времени. Этим путем пошел Фурманов, лепя своего Чапаева. Чапаева породила именно та масса, которая изображена Фурмановым, и в тот момент исторического развития; он «коренной сын этой среды и к тому же удивительно сочетавший в себе то, что было разбросано по другим индивидуальностям его соратников, по другим характерам». Отвечая настроению полупартизанской крестьянской массы, он мог заставить поверить в себя, увлечь за собой, как и полагается вожаку, который не только воплощает народные свойства и стремления, но сторицей возвращает массе полученный заряд творческой энергии, чтобы мобилизовать ее на движение к новым высотам. Кстати, такое же чувство особой ответственности руководителя испытывают и Кожух из «Железного потока» А. Серафимовича, человек властный и твердый, и Годун из «Разлома» Б. Лавренева, и женщина-комиссар из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского. Настоящий авторитет, показывает Фурманов, приходит только к руководителю, умеющему активно воздействовать на людей, вести их за собой. Чапаев «качествами своими умел владеть отлично: порожденный сырой, полупартизанской крестьянской массой, он ее наэлектризовал до отказа, насыщал ее тем содержимым, которого хотела и требовала она сама, — и в центре ставил себя!» В тесном взаимодействии со своим окружением, в работе с людьми раскрывается и образ комиссара Федора Клычкова; он растит и воспитывает Чапаева, умно и тонко гранит этот великодушный народный самородок.

Не случайно писатели, занимавшие идейно неправильные и художественно несостоятельные позиции, постоянно ставили под сомнение именно демократическую природу организаторов всенародной борьбы за социализм. Кое-кто на Западе, задумав «пересмотреть» историю советской литературы, выдвигает в ее зачинатели Б. Пильняка. Трудно придумать что-нибудь более противоречащее истинному положению дел. Б. Пильняк рисовал революцию как разгул животных страстей, большевиков он представлял «кожаными куртками» — людьми бездумными и бездушными, способными лишь командовать «темным мужичьем», неуклонно и автоматически действовать, говорить речи. Один из героев «Голого года», Архип Архипов, днем сидел в исполкоме, бумаги писал, потом метался по городу и

заводу — по конференциям, по собраниям; слова иностранные он выговаривал так: константировать, энергично, литенофограмма, фукцировать, бюджет. Под стать ему и остальные действующие лица, их описание завершается одним рефреном:

«Кожаные куртки.

Большевики. Большевики? — Да. Так. — Вот что такое большевики!»

Нет нужды доказывать, насколько извращенным было представление о коммунистах, проводимое в «Голом годе». Грубо искаженную картину нашей жизни рисовал Б. Пильняк и в романе «Волга впадает в Каспийское море» и в ряде других произведений. Может быть, именно поэтому его произведения и привлекают новоявленных «историков» нашей литературы? Но для нас гражданская реабилитация Б. Пильняка не означает отказа от критики его идейно-творческих позиций, чуждых идеологии марксизма-ленинизма, принципам социалистического реализма.

Эти принципы утверждались в сложной и упорной борьбе с противниками социалистического реализма, в большой работе по воспитанию писателей, чей творческий путь оказался трудным и неровным. Попытки обеднить образ нового человека, коммуниста, рисовать его сухим делягой, далеким от масс, встречали решительное сопротивление ведущей части советских литераторов. Поучительна давняя дискуссия конца двадцатых — начала тридцатых годов вокруг повести Ю. Олеши «Зависть», где работник-практик Андрей Бабичев искусственно изображен рабом своего дела — колбасного производства. Раньше об этом говорилось в полный голос, а теперь, когда книга получила новую жизнь и пришла к новому поколению читателей, критики почему-то уклоняются от анализа этого образа.

А зря! Весь ход литературного развития показывает необходимость дальнейшего художественного проникновения в существо партийной работы в массах. Советская литература тридцатых годов в этом же творческом ключе изображает строителей нового мира — командиров социалистической индустрии, энтузиастов коллективного ведения хозяйства, партийных и хозяйственных работников. По-разному идут к такому решению проблемы и Л. Леонов в «Соти» и «Дороге на океан», и А. Малышкин в «Людях из захолустья», и Ю. Крымов в повести «Танкер «Дербент», и Ф. Панферов в «Брусках», и Ф. Гладков в «Энергии», и

многие другие. На смену литературному герою — борцу за Советскую власть пришел строитель, создатель нового мира; они борцы одного лагеря, но уже отчетливо видны происшедшие в их характерах изменения, заметны черты, сформированные в новое время — в условиях социалистического строительства, свободного творческого труда. Вчерашние войны, поднимавшие трудящихся на штурм старого мира, теперь выступают организаторами хозяйственного строительства, и по-прежнему их сила — в умении опереться на массы, развить и направить по верному руслу энергию миллионов.

Новый этап борьбы за массы, за их коммунистическое воспитание с большой художественной силой запечатлел М. Шолохов в «Поднятой целине». Когда партия провозгласила политику коллективизации, в хуторе Гремячий Лог, как и в каждом уголке нашей страны, перевернулась вся жизнь. В жестоких классовых боях, через мучительные сомнения и колебания вставали крестьяне на неизведанный путь коллективного хозяйствования. Ни огромные трудности, ни бешеное сопротивление врага, ни страшная сила собственнических привычек, ничто не остановило их, ибо с ними были коммунисты, всегда готовые поддержать, ободрить, выступить на защиту. Маленький донской хутор вдруг стал местом, где решаются дела общегосударственной важности. Сюда, на этот хутор, приехал посланец партии, чтобы помочь строительству колхозной жизни; еще энергичнее взялась за работу хуторская партийная ячейка. Появилась в Гремячем Логу агитколонна, и казаки быстро признали умного, хитроватого Кондратько, полюбили вдохновенного агитатора Ванюшу Найденова. Московскую газету теперь ждали с нескрываемым нетерпением, иной номер нельзя было купить ни за какие деньги. Чутко прислушивался народ к голосу большевиков — голосу Москвы. Да и сама Москва, такая, казалось бы, далекая, вдруг неказанно приблизилась; в романе возникает образ ночной столицы, огни которой озаряют всю страну. Крестьяне бесповоротно решили свою участь: они за колхозы, за партию, им не по дороге с кулацко-белогвардейскими заговорщиками. Даже постоянно ворчавшие старики решительно заявляют бывшему офицеру Половцеву: «Мы не супротив советской власти, а супротив своих хуторских беспорядков, а вы нас хотели завер-

нуть противу всей советской власти. Нет, это не гоже нам!» Всеобщее мнение выражает реплика, адресованная на собрании к Давыдову: «А ведь нам вместе жить...»

Вместе с партией, навеки вместе — вот какой основной вывод сделало для себя трудовое крестьянство, весь советский народ. Показав изнутри, как пришли к этому выводу Любишкин, Майданников, Ипполит Шалый и многие другие, М. Шолохов художественно воспроизвел коренной перелом в вековой крестьянской жизни. С такой же изобразительной силой показал он и трудную работу по организации этого перелома, практическому установлению новых форм хозяйствования. На примере Давыдова, Нагульнова, Разметнова мы еще раз убеждаемся, что все зависит от политического подхода коммунистов к любому вопросу, и прежде всего к работе с людьми.

Давыдов — простой питерский рабочий, которому еще предстоит и культурный кругозор расширять и личную жизнь налаживать более разумно. Однако сколько ума, воли, энергии у этого человека, как искусно строит он свои отношения с казаками, направляя их на путь коллективизации.

Уже сцена приезда Давыдова на хутор передает его умение найти общий язык с людьми. Он успешно «отбился» от града шуток и насмешек и даже обнаружил сноровку в обращении с конем, чем сразу же привлек сердца казаков. Демократичный, живой, непосредственный, Давыдов хорош в дружбе, прост, обходителен. Но, когда надо, он умеет держаться твердо, непоколебимо, неуступчиво. Сколько ни требовали у него разъяренные бабы ключи от амбара с семенным зерном, как ни набрасывались на него с побоями и оскорблениями, они ничего не достигли. Давыдов говорит об одной из участниц «бабьего бунта»:

«...Ей хотелось, чтобы я на колени стал, пощады попросил, ключи от амбаров ей отдал! Но, граждане, не из такого мы, большевики, теста, чтобы из нас кто-нибудь мог фигуры делать! Меня в гражданскую войну юнкера били, да и то ничего не выбили! На коленях большевики ни перед кем не стояли и никогда стоять не будут, факт!»

Однако Шолохов не собирался изображать своего героя по принципу «пришел, увидел, победил». Давыдову нелегко разобрататься в хуторской жизни, но с наибольшими трудностями дается ему знание лю-

дей, кое в ком он обманулся, как, например, в действующем исподтишка кулаке Островнове, кое-кто оказался куда более противоречивым, чем могло показаться при первом знакомстве, как Тимофей Борщев, бедняк, а ныне кулацкий пособник. Особенно беспокоило Давыдова, что «к познанию многих людей и их взаимоотношений не мог он подобрать ключа».

Не менее трудно определить и другое: как самому держаться в этой необычной обстановке. Ведь так много надо знать для того, чтобы иметь право учить других, столько нужно упорства и выдержки, чтобы всегда оставаться твердым, решительным, готовым помочь одним, выступить против других, прислушаться к критике третьих! Давыдов многое приобретает и от многого избавляется, рост его проходит в сложных и трудных условиях. Стоило допустить ошибки в работе — это заметили на хуторе, а кузнец Ипполит Шалый не побоялся и «обидных слов» наговорить. «Поразженный любовной слепотой», Давыдов все больше тяготился связью с Лушкой, все острее чувствовал осуждение хуторян. Шолохов ничего не приглаживает в своем герое, ничуть его не идеализирует. Давыдов может и ошибиться, но сила его — в готовности исправить ошибку, в стремлении искать правильное решение каждого вопроса, и в первую очередь вопроса о том, как налаживать отношения с людьми.

Что бы ему ни приходилось делать, он никогда не забывает, что на него смотрят сотни глаз. Сцена приезда Давыдова в бригаду, оставившую работу, дает предметный урок того, как коммунист должен строить свои отношения с окружающими. Забыв было о том, что коммунист должен воздействовать на людей прежде всего методом убеждения, Давыдов начал с брани и угроз, он кричал срывающимся голосом и даже задохнулся от негодования и крика, но это вызвало только противодействие. Когда Устин издевательскими насмешками довел его до белого каления и пустился на явную провокацию, Давыдов почувствовал, что пальцы его сами собой сжимаются в кулаки. По-человечески можно понять вчерашнего боевого моряка, путиловского слесаря. Но сегодняшней руководитель, председатель колхоза не вправе поддаться слепому гневу. И когда Давыдов страшным напряжением воли усмиряет этот гнев, мы проникаемся к нему еще большим уважением.

Это была победа и над собой и над казаками. Острыми шутками Давыдов сумел развенчать авторитет Устина в глазах собравшихся, ясными словами убедить их в своей правоте. Он нашел общий язык с ними и понял, как близок был к непоправимой ошибке, когда едва не потерял самообладания. Ведь именно неправильный подход к людям — причина тяжелых ошибок, совершаемых другим героем романа, Макаром Нагульновым.

Зато, сближаясь с людьми, Давыдов достигает замечательного эффекта. На его глазах расцветают дарования колхозников, в них пробуждаются самые благородные порывы, они приобретают чувство собственного достоинства, ту окрыленность, которая может быть только у человека-творца. Когда Давыдов премировал Ипполита Шалого за ударный труд, это буквально потрясло колхозного кузнеца.

«Не избалованный вниманием Ипполит Шалый, никогда в жизни не говоривший «просторных» речей и получавший от хуторян за работу одни скупые водочные магарычи, подарком правления и торжественной обстановкой его вручения был окончательно выбит из состояния всегдашней уравновешенности. У него дрожали руки, накрепко прижавшие к груди красный сверток, дрожали ноги, всегда такой уверенной и твердой раскорякой стоявшие в кузнице... Не выпуская из рук свертка, он вытер рукавом слезинку и докрасна вымытое по случаю необычайного для него события лицо, сказал охрипшим голосом:

— Струмент нам, конешно, нужный... Благодарные мы... И за правление, за ихнюю эту самую... Спасибо и ишо раз спасибо!.. А я... раз я кузницей зараженный и могу... то я всегда, как я нынче — колхозник с дорогой душой!..»

Люди горячо берутся за дело, отдают ему всю свою энергию, сметку, инициативу, и это приводит к чудесным результатам — труд становится для них радостью, содержанием жизни. И в этом решающая заслуга Давыдова, коммунистов Гремячего Лога.

Пример, исполненный большого смысла! Успех нашего движения вперед во многом зависит от умения каждого организатора, вожака мобилизовать и вдохновить весь коллектив, направить к единой цели творческую энергию людей. Не удивительно, что проблема стиля и методов руководства, проблема взаимоотношений руководителя и

коллектива остро ставится в ряде произведений послевоенной литературы.

Окружающие, особенно молодежь, справедливо видят в коммунисте старшего друга и наставника. Его влияние на людей отображено во многих произведениях советской литературы. В лучших книгах это влияние рисуется прежде всего как политическое, нравственное. В отличие от легковесных и схематических произведений, где партийный работник изображается, как некий «поучающий товарищ», который только и знает, что повторяет общезвестные истины, наиболее значительные наши послевоенные повести, романы, поэмы раскрывают «секрет» большевистского воздействия на души людей — умение вдохновить массы высокой целью, разбудить в них творцов. В эпоху строительства коммунизма, когда каждый человек должен посвятить этому великому делу все свои способности, пробуждение людских талантов и мобилизация их для главной цели является самой важной и нужной задачей.

Не случайно в романе Г. Николаевой «Жатва» так прочно запомнилась и так тепло была отмечена в критических статьях сцена первого закрытого партийного собрания в колхозе, начинающем становиться на ноги после тяжелых испытаний военного времени.

Три коммуниста участвуют в этом собрании: Валентина Березова, Василий Бортников и Михаил Буянов.

И вот в ожесточенных спорах, в суровых разговорах начистоту закончено обсуждение дел, иные из которых могли бы показаться сугубо личными, а на поверку оказались тесно сплетенными с главным общественным делом, — и писатель рисует чувства трех героев повествования:

«Давно уже был разрешен последний вопрос, давно уже был написан протокол, а они все еще не могли разойтись. Они планировали будущее, советовались друг с другом, критиковали друг друга и просто радовались тому, что партийная организация в колхозе «Первое мая» уже существует, что уже чувствуется ее направляющая и руководящая сила.

Их было только трое, трое коммунистов, и все они были обыкновенными людьми, со многими слабостями и недостатками, но оттого, что все они стремились к одной высокой цели и шли к ней неуклонно, путями, указанными партией, шли, жестоко критикуя, исправляя и дополняя друг друга, они

сами становились силой, имя которой — партия».

Как точно показано здесь самочувствие рядового сельского большевика, ощущающего себя руководителем, вожаком, ответственным за все, что происходит вокруг, и за общее движение вперед. Вожаком массы! Изображая его, настоящий художник рисует не внешние атрибуты должности, но раскрывает деятельность человека, его истинную сущность, его объективную роль в жизни, уровень политического и нравственного развития. Когда в произведении нарисован крупный организатор, мы пристально следим за его делами, потому что находим у него олицетворение качеств настоящего коммуниста. Не меньший успех достанется на долю литературного персонажа, занимающего самую скромную должность, если он на своем участке действует так, как учит партия и как подобает ее верному сыну.

Порою же некоторые литераторы (а с ними и иные критики) склонны трактовать понятия «руководитель», «вожак» чересчур буквально и прямолинейно. Изображение руководящей роли партии они отождествляют лишь с изображением водружаемых на ходули руководящих работников. Радует, что эта тенденция все более успешно изживается в нашей литературе. Жаль только, что порой проявляется другая крайность: некоторые авторы под видом борьбы с культом личности стали изображать партийных и советских руководителей сплошь бюрократами и рутинерами.

Искусство знает один, главный критерий — верность жизненной правде. А в жизни нет условных градаций, заранее расплывчатых ролей, согласно которым, например, хозяйственник неизменно зачисляется в противники нового, а партторг — в защитники демократии. Но когда образ партийного работника, претендующий на художественное обобщение, на типичность, являет нам рефлектирующего одиночку либо человека безынициативного и безвольного, то мы можем увидеть в этом лишь искажение действительности, отступление от лучших традиций советской литературы.

Ныне почти не встретить произведений, где, как двадцать — двадцать пять лет назад, коммунист-руководитель гордится своей непохожестью на беспартийных. Но и сейчас он порой изображается всезнающим вершителем дел, непосильных простому смертному. Один из героев романа Кон-

стантина Лебедева «Люди и степени», секретарь партбюро института профессор Петров, включается в научную дискуссию по сложнейшим вопросам биологии. В этой области науки произошло важное событие — только что закончилась сессия ВАСХНИЛ, она резко осудила отступления от павловской теории. И вот выделенный партийным бюро докладчик профессор Ради́н решает полемизировать с постановлениями сессии, пишет дискуссионную статью. У него есть непримиримые враги, готовые теперь свести с ним счеты, есть и новый друг, заступник. Кто же он? Защиту Ради́на взял на себя секретарь партбюро. Нет нужды, что Петров не биолог, что он не имел времени глубоко разобраться в вопросе, что большинство ученых-материалистов твердо стоит за решения сессии. Петров умнее и дальновиднее всех, уверен в необходимости несколько «поправить» эти решения, ему уже понятна целесообразность открытой дискуссии вокруг поднятых проблем. Рекомендуя статью в печать, Петров не считал необходимым посоветоваться со специалистами, на заседании партбюро он рассуждал обо всем тоном непогрешимого судьи. Он безапелляционно заявляет, что «не может быть никаких сомнений относительно важности и актуальности вопроса, поднятого в статье профессора Ради́на». Статью предполагается направить в московский журнал, но ее судьба уже ясна герою романа: «Она будет напечатана. Рано или поздно, но будет!»

Если бы мы знали причины такой убежденности профессора Петрова, если бы она была основана на изучении жизни, на опыте людей, не пришлось бы говорить о нелогичности его поведения. Однако секретарь партбюро мудр уже «по должности», каждая его речь молниеносно покрывает слушателей, каждый взгляд привлекает сердца.

Пример с романом «Люди и степени» лишний раз показывает, как вредит произведению искусства схематическая прямолинейность, привычка приписывать все успехи коллектива одному человеку.

И властные всезнайки и примитивные «рубахи-парни», еще появляющиеся в литературных произведениях, мало чем напоминают живых деятелей партии — смелых, энергичных, близких к людям и умеющих вести за собой людей. Механическим введением в книгу образа организатора и воспитателя еще не передашь его определяю-

щее воздействие на людей. Важно, насколько действительна его роль в развитии событий, какое место занимает его образ в сюжете, в системе действующих лиц. И занимает не по арифметическому подсчету посвященных ему страниц, а по общественной активности, практическим действиям, нравственной значимости. Конечно, и здесь нет единых рецептов, это влияние может проявляться непосредственно и постоянно, как во взаимоотношениях между Клычковым и Чапаевым, в определенные моменты жизни, как при встрече Воробьева и Мересьева, оно может быть косвенным, как в последнем томе «Тихого Дона». В первом случае коммунистов соединяют с остальными действующими лицами наиболее многочисленные, тесно переплетающиеся сюжетные нити, во втором и третьем — они эпизодические персонажи и, тем не менее, выполняют особую роль в жизни тех, с кем довелось встретиться и работать. Что лучше? Такой вопрос по меньшей мере наивен. В центре изображения в «Тихом Доне» была судьба людей типа Григория Мелехова, мучительно ищущих «своей» правды, их образы и стали главными в романе. «Поднятую целину» М. Шолохов посвятил социалистическим преобразованиям в деревне — вполне понятна потребность сосредоточить внимание на образах организаторов этих преобразований.

Какое бы место ни занимал «человек партии» в сюжете произведения, он будет живым образом, а не «дежурной» фигурой в том случае, если изображена его активная роль в общественной жизни. Молодой писатель Василий Кукушкин взялся за сложную задачу. В своей повести «В добрый час» он попытался рассказать о многогранной деятельности секретаря райкома крупного промышленного города. Повесть эта очень неровная, автору еще не хватает мастерства, но достоинства ее и недостатки чрезвычайно показательны. Характер Камышина проявляется во встречах с единомышленниками, с людьми, которых он пытается привлечь на свою сторону, в спорах и столкновениях с противниками. И это весьма своеобразный, не очень-то легкий характер. Камышин вовсе не всемогущий идеальный герой, каким выставляет его критик В. Кардин в статье «Искатель или обыватель» (журнал «Молодая гвардия» № 1 за 1956 год).

Нет, секретарь райкома не только умный и настойчивый, он горячий, излишне резкий, не

всегда умеет сразу разглядеть человека, и в этом нет ничего удивительного — его опыт партийной работы совсем невелик. Но в том, как напористо борется Камышин за резкое увеличение темпов жилищного строительства, за наиболее удобную планировку домов, как увлеченно отстаивает свои представления о красоте и удобствах жилищ — во всем этом узнается недюжинная личность, кипучий темперамент. И успехи секретаря райкома и его ошибки связаны с тем, как ему удается построить отношения с людьми. Камышин всей душой тянется к молодому архитектору Ильину — автору оригинального плана застройки Левобережья, он решительно выступает против проекта Соснина, предлагавшего построить район малоэтажными домиками на манер деревенских хат. Принимая размах жилищного строительства, отстаиваемый Ильиным, герой повести разделяет и его крайние увлечения; он не сразу понял, что строгая красота выше и благороднее дорогостоящих украшений. Решение пришло не по наитию свыше, а как результат размышлений, прикидок, сомнений. Когда проект подвергся суровой критике со стороны старейшины архитекторов Семена Владимировича, Камышин был обескуражен, но переменил свою позицию лишь тогда, когда убедился в правоте оппонентов, и сделал это открыто, убежденно.

И так во всем. Камышин на конкретных примерах учится сочетанию требовательности к людям и заботы о них. Он нередко рубил сплеча, бурно обрушивался на тех, кто совершал ошибки, как начальник строительства Градобоев, но мало думал о природе ошибок, о путях их исправления, о подходе к человеку. История с коммунистом Сорокиным, напрасно исключенным

Полюбившиеся читателям герои — люди высокоидейные, убежденные борцы за высокие цели, за политику партии, против буржуазной идеологии. В ореоле коммунистической партийности выступают и Левинсон, и Давыдов, и Корчагин, и другие персонажи книг, которые уже принято называть классическими.

Коммунисты — герои «Разгрома» и «Последнего из Удэге» — познаются в своем умении руководить массами, воспитывать массы, управлять вооруженной борьбой

из партии, многому научила секретаря райкома.

И сколько еще таких историй проходит перед ним, обогащая знанием жизни и людей! Возникает даже вопрос: не слишком ли их много? При всей своей характерности, метко схваченных жизненных черточках, образ Камышина не получает того типического звучания, на которое мог бы рассчитывать. И происходит это не потому, что перед нами сверхидеальный герой, а потому, что он как бы потонул в обилии дел, встреч, действующих лиц. Молодой писатель перегрузил свою повесть проблемами и героями, он не сумел художественно определить кульминационные точки духовного развития Камышина, выразить в них глубину его переживаний и стремлений. Когда партийный работник искусственно выделен из всей системы действующих лиц, он нередко оказывается противопоставленным людям, и это делает его образ нежизненным. Но правдивость образа страдает и в противном случае — когда он «растворен» в массе действующих лиц, или же лишен личной выразительности, или же не успевает раскрыться на страницах книги во всем богатстве своего характера. Последнее относится и к повести В. Кукушкина.

Конечно, эта повесть молодого прозаика не дает еще оснований для прямого сопоставления с лучшими книгами советской литературы. Однако сложившиеся в нашем искусстве традиции не только образец, — они питательная почва для творческого восприятия и развития. «Золотой фонд» советской литературы, созданный за сорок прошедших лет, велик, богат и разнообразен; равнение на него обязывает молодых литераторов работать больше, лучше, интенсивнее.

«ЦЕНА ЧЕЛОВЕКУ — ДЕЛО ЕГО»

партизанских отрядов. Фадеева особо интригует «секрет» приобретаемого ими авторитета, принадлежащей им духовной власти над людьми. Дело не во внешних прерогативах этой власти; не ради «расчудесных» глаз Левинсона идут в бой партизаны из его отряда. А какая сила заставила тысячи шахтеров и крестьян принять к неуклонному исполнению директиву обкома партии, который находится в тюрьме («Последний из Удэге»)? И в том и в другом случае руководителям верят, за ними

идут потому, что видят в них представителей партии, проводников ее политики. Левинсон нарочито нарисован не могучим богатырем, как иной раз изображали партизанского командира, но человеком маленького роста, физически немощным. Его превосходство в другом — в высоте сознания, большевистской пронизательности, прекрасном знании и понимании людей. Он посвятил всего себя борьбе за идею коммунизма, и это знают остальные бойцы, они верят Левинсону и считают его человеком «особой породы», принимающим на свои плечи груз общих тягот и общей ответственности. Благодаря этому командир отряда может вести партизан на самые трудные дела, может в нужных случаях идти и на принуждение. Невидимые духовные нити связывают Левинсона и со взводом Дубова, и с отважным Метелицей, и с Морозкой, которому еще нужно изживать у себя вьезшую за долгие годы «плесень» старых привычек и пережитков.

Верность большой идее — источник и личного мужества человека, его самоотверженности. Коммунист — герой лучших книг советской литературы — силен потому, что он выдвигает и отстаивает коммунистические идеи, умеет заразить и вдохновить ими массы. Символом беззаветного патриотизма выглядит знаменитая сцена митинга в крепости, описанная в «Мятеже» Д. Фурманова. Большевик-оратор, выступая перед мятежной толпой, сумел покорить ее большевистской правдой, вырвать из-под чуждого влияния. Не в этом ли обаяние и коммисара из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского, и Корчагина из романа Н. Островского «Как закалялась сталь», и молодых подпольщиков из повести В. Кина «По ту сторону»? Идеи коммунизма стали для них движущей силой, вошли в плоть и кровь, каждый мог бы повторить слова одного из персонажей неоконченного романа П. Павленко «Труженики мира»: «Идея — это чем дышат».

Коммунистическая партийность — внутренняя потребность передового советского человека, тем более члена партии. Для любого нашего работника сохраняют свое значение слова Н. С. Хрущева, обращенные к писателям и деятелям искусств, о том, что художник-патриот, живущий интересами народа, «избирает путь служения народу свободно, без принуждения, по собственному убеждению и призванию, по велению души и сердца. В условиях социалистиче-

ского общества, где народ является действительно свободным, подлинным хозяином своей судьбы и творцом новой жизни, для художника, который верно служит своему народу, не существует вопроса о том, свободен или не свободен он в своем творчестве. Для такого художника вопрос о подходе к явлениям действительности ясен, ему не нужно приспособляться, принуждать себя, правдивое освещение жизни с позиций коммунистической партийности является потребностью его души, он прочно стоит на этих позициях, отстаивает и защищает их в своем творчестве».

Каждому передовому советскому человеку близки и понятны эти слова, ибо для него служение партии — наивысший долг, борьба за ее цели — смысл жизни.

Преданность советских людей своим идеалам окрыляет их оптимистической верой в победу, дает силу в борьбе. Эпиграфом к роману «Как закалялась сталь» можно было бы поставить слова одного из бойцов о героизме Овода: «Так человек не выдержал бы, но как за идею пошел, так у него все это и получается». Молодые герои романа обрели прямую дорогу в жизни тогда, когда приобщились к великой идее революционной борьбы, получили цель для приложения своей бьющей через край энергии. В книге Н. Островского, как и в ряде других произведений советской литературы, по-новому поставлена проблема «отцов и детей». Классическая литература изобразила спор, рожденный тем, что люди разных поколений, как правило, не понимают друг друга. В революционном движении мотив «поколения» — возрастных различий — не является главенствующим. В «Как закалялась сталь» мы встречаем соратников или противников — по классу, по мировоззрению. Юноши и девушки рабочего класса, как эстафету, перенимают из рук старшего поколения знамя коммунистической идейности. В этом смысл их встречи с балтийским матросом — большевиком Жухраем. Его слова о том, что «надо знать, кого бить и за что бить», — завет, определивший всю дальнейшую жизнь Павла Корчагина. Ими руководствуются в своей боевой, излучающей деятельности и другие юные революционеры — Иван Жаркий, Валя Брузжак, Рита Устинович...

Никто из них не любит и не произносит красивых слов. Но они живут и работают так, чтобы каждый шаг соответствовал требованиям коммунистической морали.

Все дело в том, что иначе они и не могут жить, идеи коммунизма для них не что-то внешнее, формальное, это — самое существо человека, весь строй его мыслей, чувств, привычек. Павел Корчагин «не умел жить спокойно, размеренно-ленивой зевотой встречать раннее утро и засыпать точно в десять. Он спешил жить. И не только сам спешил, но и других погонял». Юноше не приходило в голову сомневаться, правильно ли он сделал, уйдя с красными, обязан ли он — больной и усталый — оставаться на стройке узкоколейки. Человек чуждых взглядов делался чужим Корчагину, будь это даже любимая девушка; злобный пошляк вызывал чувство брезгливости, приобретал в Павле личного врага. Рассказ о нелегкой и героической жизни Корчагина — это рассказ о том, как большевистская идейность становится второй натурой человека, формирует новую, цельную личность. Для героя романа пребывание в партии — дело всей его жизни; даже прикованный к постели, он продолжает вести партийную работу. От самого сердца идут слова Павла: «...Меня от партии не оторвать. Из строя меня выведет только смерть».

Превосходно выразил своеобразие книги «Как закалялась сталь» А. Фадеев. «Роман понравился мне, — писал он, — многими сторонами; прежде всего, глубоко понятой и прочувствованной партийностью, которую я только у Фурманова (из писателей) видел так просто, искренне и правдиво выраженной».

Н. Островский не искал необычных средств, для того чтобы воспеть своего героя. Он правдиво и точно показал самый процесс формирования высокоиндеедного, смелого, непоколебимого борца партии. Символически выглядит в романе такой образ. Много лет Павел не брал в руки любимую гармонию. Это были годы трудных испытаний, нравственного роста. Теперь он «играл не так, как бывало. Нет бесшабашной удали, ухарских взвизгов и разудалой пересыпи, той хмельной залихватистости, прославившей молодого гармониста Павку на весь городок. Музыка звучала мелодично, не теряя силы, стала более глубокой».

Не так ли случилось и с Павлом? Сохранились в нем и неумная энергия, и юная горячность, и сердечная чистота — и все это закалилось и сплавилось в горниле революционной борьбы, в жизненных потрясениях.

Беззаветный боец за идеи партии, светлый рыцарь революции, Корчагин — чело-

век трагической судьбы, в борьбе с ней и сложился его замечательный характер. Павлу приходится пройти через многое — тяжелую болезнь, неудачи, горе. Все это изображено в романе, как школа воспитания большевистского мужества. Измученный, разбитый болезнью, герой романа думает даже о самоубийстве. Однако этот порыв побежден — и не абстрактной волей к жизни, а страстью к действию, стремлением остаться в боевом строю, продолжать борьбу любыми средствами — до последнего дыхания. Жить и бороться, как положено коммунисту, — вот чему подчинены размышления Павла в эту драматическую минуту.

«Все это бумажный героизм, братишка! Шлепнуть себя каждый дурак сумеет всегда и во всякое время. Это самый трусливый и легкий выход из положения. Трудно жить — шлепайся. А ты попробовал эту жизнь победить? Ты все сделал, чтобы вырваться из железного кольца? А ты забыл, как под Новоград-Волынском семнадцать раз в день в атаку ходили и взяли-таки наперекор всему? Спрячь револьвер и никому никогда об этом не рассказывай. Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной».

Интересы партии всего дороже Корчагину, служение ей он считает своим наивысшим долгом. Это самоотверженный боец партии, свято оберегающий чистоту ее рядов. И вполне естественно его непримиримое отношение к врагам партии, будь это белогвардейские бандиты, или кэпманы, или оппозиционеры.

Упорная борьба коммунистов за монолитность партии не могла не отразиться и в художественной литературе, изображающей партию как непобедимый коллектив политических единомышленников, спаянный единством идейных убеждений, целей, обязательной для всех дисциплиной. Это монолитная армия, все члены которой действуют, как один человек, сплочены вокруг партийных знамен. Слитые в могучую революционную когорту, безгранично преданные идеям марксизма-ленинизма, коммунисты представляют собой силу, которую никто и ничто не может поколебать. В лучших произведениях советской литературы показана и монолитность партийных рядов и упорная борьба за единство партии против всех, кто его нарушает, становится на путь оппозиции, сектантства, групповщины.

О большой очистительной работе, которую проделывает партия, изгоняя из своих рядов чуждые элементы, рассказывается и в «Цементе» Ф. Gladкова и в «Людах из захолустья» А. Малышкина; сплочение партийного коллектива на новые большие дела показано в «Поднятой целине» М. Шолохова. В романе Н. Островского «Как закалялась сталь» глава, где описан отпор троцкистам со стороны городской партийной конференции, принадлежит к числу сильнейших. После выступления троцкиста Дмитрия Дубавы «в зале словно разорвалась граната. Ураган криков обрушился на Дубаву. Словно удары хлыста по щеке, стегнули Дмитрия гневные восклицания:

- Позор!
- Долой раскольников!
- Хватит! Довольно поливать грязью!

Насмешливый хохот провожал Дмитрия, когда он сходил со сцены, и этот хохот убивал его».

В речах коммунистов раскольники были заклеимы позором, весь зал аплодировал словам Панкратова: «Мы единство нашей великой партии не позволим разрушать». Такую же атмосферу ощущает читатель романа и в описании других событий. На конференции огласили письмо, дающее яркое представление об идейной твердости таких коммунистов, как Павел Корчагин, и о беспринципном поведении троцкистов. В письме сообщалось следующее:

«...Уже четвертый день все бюро в районах, троцкисты развернули борьбу с небывалой остротой. Вчера произошел случай, возмущивший всю организацию. Оппозиционеры, не получив в городе большинства ни в одной ячейке, решили дать бой объединенными силами в ячейке окрвоенкомата, в которую входят коммунисты окрплана и рабрпса. В ячейке сорок два человека, но сюда собрались все троцкисты. Мы еще не слышали таких антипартийных речей, как на этом заседании. Один из военкоматских выступил и прямо сказал: «Если партийный аппарат не сдастся, мы его сломаем силой». Оппозиционеры встретили это заявление аплодисментами. Тогда выступил Корчагин и сказал: «Как могли вы аплодировать этому фашисту, будучи членами партии?» Корчагину не давали говорить дальше, стучали стульями, кричали. Члены ячейки, возмущенные хулиганством, требовали выслушать Корчагина, но, когда Павел заговорил, ему вновь устроили обструкцию. Павел кричал

им: «Хороша же ваша демократия! Я все равно буду говорить!..»

Страницы истории, воскрешенные в романе Н. Островского и других произведениях советской литературы, сохраняют все свое жизненное значение, помогая и ныне крепить единство партии, которое не поколебать никаким антипартийным группировкам. Эта глубоко осознанная боевая традиция советской литературы находит свое воплощение не только в книгах, но и в общественном поведении писателя-гражданина. Вспомним, как гневно и страстно выступили писатели против раскольников, как единодушно одобрили решения июньского Пленума ЦК КПСС, осуждающие антипартийную группировку Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова.

Акцентируя внимание на идейной и политической жизни партии, советская литература идет сложным новаторским путем, отвергает все попытки оторвать психологию человека от его повседневной практики. Следуя ложному методу «психоанализа», иные писатели в двадцатых — тридцатых годах рисовали коммуниста не работником и борцом, а рефлектирующим рабом своих инстинктов, стихийных порывов. Искусство социалистического реализма должно было преодолеть и другую крайность — изображение этого героя узколобым делеягой.

Отвергая все и всяческие попытки изображать коммунистов узкими практиками, советская литература видит в них не беспредметных мечтателей, не прекрасодушных созерцателей, а умелых организаторов, стойких борцов. Это люди, знающие, чего они хотят, и понимающие, как практически достигнуть поставленной цели. Они не ограничиваются добрыми побуждениями, готовы работать засучив рукава, изучают дело, за которое берутся.

Наша партия — партия революционеров, искателей, и не случайно, что коммунисты-передовики изображаются страстными новаторами в различных областях жизни, борцами против рутин, консерватизма, формалистики. Пьеса А. Корнейчука «Платон Кречет» была событием в общественной и литературной жизни не только потому, что автор «открыл» тип самозабвенного новатора в науке, интеллигента советской формации. Он нарисовал незаурядного человека, чьи убеждения тверды и непоколебимы, поступки решительны, жизнь чувства находится в строгой гармонии с жизнью

мысли. И когда эту цельную личность писатель ставит в центр насыщенного исключительным драматизмом конфликта, когда он стягивает все сюжетные нити к кульминационным сценам, где проверяется духовная ценность Платона Кречета, пьеса дает огромный простор для разнообразных проявлений этого характера. И вместе с тем в ее образах как бы материализуется волновавшая автора проблема вдохновенного творческого отношения к делу. Надо ли удивляться, что образы вроде Кречета из пьесы А. Корнейчука или Басова из повести Ю. Крымова «Танкер «Дербент» появились в середине тридцатых годов, когда победившие в нашей стране социалистические отношения, новый взгляд на труд уже стали входить в повседневный быт и определять стиль жизни и духовные интересы людей. Новые общественные условия порождали новые характеры. Отыскивая и изображая их, литература социалистического реализма показала себя смелым разведчиком жизни.

Раскрыть образ новатора, рожденного нашим социалистическим обществом, — это значит с особой пристальностью разглядеть доминирующее в нем творческое начало, смелость дерзаний, нетерпимость к узкому делячеству. Изобразить и понять это — значит понять смысл всей жизни передовых людей, который подраزمевал один из героев горьковской «Матери», когда заявил: «Цена человеку — дело его».

Действительно, именно в конкретных делах, в трудовом коллективе выявляется отношение людей к жизни, своему долгу, своим товарищам, их взгляды, привычки, симпатии и антипатии. В. И. Ленин указывал: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне»¹.

Как уже говорилось, главная миссия партийного деятеля — работа с людьми. Это его важнейшее жизненное дело, и дело большое, трудное, ответственное. Это то самое искусство руководства людьми, их воспитания, то умение воздействовать на человеческое сознание, об изображении которого заботится каждый, кто хочет верно раскрыть существо связей партии с массами.

Живая практика — лучший критерий для проверки деловых и человеческих качеств секретаря райкома Макарова (В. Кочетов. «Молодость с нами»), персонажей «Жатвы»

Г. Николаевой и ее «Повести о директоре МТС и главном агрономе».

Сила Г. Николаевой — в умении нарисовать коллектив советских людей, в многообразии составляющих его характеров. К сожалению, в ее новом романе «Битва в пути» этот критерий нет-нет да и утрачивается.

Разбор большого и многопланового романа «Битва в пути» — предмет специальных литературно-критических статей. В данном случае хочется отметить стремление писательницы показать новые черты людей советской промышленности на современном этапе индустриализации страны, их роль в решении выдвинутых партией новых задач. Важно, что, читая роман, мы видим, как задачи эти возникают, зарождаются в среде рядовых людей, возникают из народных потребностей. Взаимосвязь различных устремлений показана очень широко. Положением на заводе, где разворачивается действие романа, активно занимается не только первичная партийная организация, но и многие работники обкома, не остаются в стороне и сельские коммунисты, убеждающиеся в низком качестве заводской продукции — тракторов. Конфликт захватывает широкий круг людей, на завод приезжает бригада ЦК КПСС, о тракторостроителях подробно говорят при обсуждении в Центральном Комитете доклада обкома. Одним словом, организующая роль партии передана всей атмосферой романа, через судьбы действующих лиц. Тем досаднее схематичность образа парторга ЦК Чубасова. Правильно замысел автора показать, что это не узкий специалист, а человек, глубоко усвоивший политический подход к делу. Но, как живая личность, парторг не запоминается. Он разворачивает энергичную борьбу за реорганизацию производства, предложенную главным инженером Бахиревым, приводит в действие силы новаторов, обращается за содействием в вышестоящие организации. Заслуги Чубасова перечислены, однако в его достоинства не веришь, потому что почти не видишь парторга в делах, не знаешь, как и о чем он думает, каковы его интересы, человеческие качества.

Будь Чубасов так называемым «проходным» персонажем книги, о нем не стоило бы много говорить. Однако писательница отводит ему существенную роль в развитии действия. Вначале он настороженно относился к Бахиреву и примиренчески — к директору завода Вальгану, а потом разо-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 355.

брался что к чему, решительно выступил против Вальгана, не только принял сторону главного инженера, но и стал направлять его действия. Перемена благотворная и заслуживающая того, чтобы показать ее подробно и убедительно. Этого-то и не сделала Г. Николаева.

Сцена партийного актива, где Бахирев был раскритикован за неверные методы работы, но поддержан за свою главную линию, — одна из ключевых в романе. Однако Чубасов и здесь показан без достаточной глубины; его решение — поддержать Бахирева — психологически мало подготовлено, так же как и его внезапная твердость в обращении с Вальганом. Роману не хва-

тает проникновенного исследования дел и помыслов Чубасова. Другие образы романа, в частности образ Бахирева, лучше удалась автору. «Не повезло» же именно и преимущественно образу парторга. А «не повезло» ему вдвойне: не показанный в делах, он не изображен и в личной жизни. Чубасов просто «представляет» свою должность, но как индивидуальность не существует на страницах произведения. Такой персонаж далек от ярких и интересных людей, которых вырастила партия за годы Советской власти и которые запоминаются и как умелые организаторы масс и как богато одаренные человеческие личности.

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ — БОЛЬШИЕ ХАРАКТЕРЫ

Положительный герой современной советской литературы ничем не напоминает сухих и рассудочных делег, «кожаных курток». Бесчувственные аскеты, выдававшиеся иными писателями за коммунистов, не больше похожи на них, чем лабораторные гомункулысы на живых людей. Столь же ошибочно и стремление изображать деятелей, борцов, общественников в узко личном аспекте, в одних семейных, бытовых отношениях. Любая одноплановость ведет не только к искаженному представлению об их месте в советском коллективе, но и обедняет наши представления о том, кого, как Воропаева, народ называет «человеком для всех».

Это образное определение вызывает в памяти людей большой души и щедрого сердца, знакомых с детских лет. В рядах Коммунистической партии выросли и воспитались самозабвенные работники. Общественные интересы стали для них главными, заботы других — их собственными. Кому не приходилось встречаться с умным и проницательным человеком, всегда готовым выслушать вас, помочь, посоветовать! К нему, большевику, партийному работнику, все идут со своими вопросами, жалобами, неурядицами, и каждый ждет внимания, поддержки, совета. И он все время в гуще общественных дел, везде его ждут, всем он нужен. Порой забываешь, что этот человек, может быть, сейчас не расположен тебя выслушивать, что ему тоже надо куда-то торопиться, что и он может испытывать грусть, переживать горе, в свою очередь искать дружеского участия и тепла. Впрочем, пожалуй, и он сам обо всем этом забы-

вает; повседневные заботы, личные его дела отступают на задний план.

Такая жизнь трудна, беспокойна, не очень уютна. Но только она способна дать полное удовлетворение человеку с характером большевика — борца, деятеля, подлинного вожака масс. Думаешь о людях типа Кирова, Орджоникидзе, Куйбышева, о прошедших подобную же школу коммунистах, которым мы с молодости хотели подражать, — и никого из них невозможно представить тяготящимся своей участью, чувствующим себя в какой-то мере ущемленным. Увлеченность общественными делами, приверженность благородным идеалам возвышают человека, раскрывают в нем все лучшее, светлое, настоящее. Его собственная жизнь оказывается заполненной до краев, личные стремления заметно расширяются, долг и чувства приходят в соответствие. У передового коммуниста нет стены между личным и общественным. Сборники рассказов ленинградских рабочих о Кирове воскрешают облик очень душевного человека, который с огромным интересом и жадным любопытством относился ко всему, что попадало в поле его зрения, удивительно непосредственно радовался удачам других, воспринимал, как личное горе, их поражения. Близость к людям, забота о них не только не сковывали личность Кирова — в этом он находил источник неизменной душевной бодрости, неутолимого любопытства, неистребимой жизнерадостности. Качества, характерные для каждого убежденного коммуниста.

Именно эти качества присущи образу Воропаева, который имеет принципиальное

значение для литературы послевоенного времени и, пожалуй, несколько недооценивается нашей критикой. В последние два-три года о «Счастье» П. Павленко вообще стали писать как-то приглушенно, напрасно относя этот превосходный роман к произведениям, порожденным культом личности. Есть в «Счастье» глава, которая уязвима в этом отношении, но ведь не она определяет звучание всей книги. Общая же идея романа не вызывает сомнения: писатель горячатует за усиление связей партии с массами, за творческое отношение к своему делу.

Партийная работа для Воропаева не просто исполнение должности, это—особое призвание, он горячо увлечен обязанностями пропагандиста, потому что они дают возможность постоянно находиться среди людей, чувствовать себя нужным людям, помогать развернуться их способностям.

Выразительность этому образу дало проникновение художника во внутренний мир своего героя, мастерское раскрытие сложности его душевной и эмоциональной жизни. П. Павленко показал Воропаева и в порыве вдохновенного выступления и в минуту тоски по фронтовым товарищам; обуреваемого тяжелыми мыслями о болезни и одиночестве и увлеченного смелыми планами преобразования района; в широком кругу соратников и рядом с любящей женщиной. При всей своей выдержке и принципиальности, Воропаев далеко не «твердокаменный» герой. Он глубоко, по-человечески радуется и страдает, легко воспламеняется и может впасть в отчаяние, держится с людьми то твердо, жестко, то с редкой теплотой, проявляя самую лирическую сторону своей натуры. В его образе художественно подчеркнуты искренность душевных порывов, сила чувств, многообразие различных ощущений, и благодаря этому Воропаев становится по-человечески близким читателям, понятным, родным.

Вот Воропаев получил письмо с фронта, где остались лучшие друзья, откуда он ушел большим инвалидом, не веря в возможность нового счастья. Как трудно вскрыть эти заветные треугольники! «Все, что в них могло излагаться, было заранее известно. Он закрыл глаза, увидел милые лица старых друзей — и защемило сердце, и все, что тут его окружало, сразу померкло и осточертело». Когда Воропаев смотрел на трогательную пару — Юрия и Наташу Поднебеско, «его охватывало непреодолимое волнение». Не умея объяснить Лене

возникшие в его душе сомнения, он «слушал ее со смешанным чувством страха и уважения... И ему было стыдно за свое молчание». Вспоминая сына, он представил себе его худенькую фигурку, и ему «стало ужасно грустно».

Но в том-то и дело, что сила переживаний у Воропаева не является исключительным достоянием личной, интимной стороны его жизни. Острее всего он переживает свои отношения с людьми, казавшуюся вначале неизбежной выключенность из общих дел, трудность взаимопонимания с Коротовым, так осложнившееся чувство к Лене. В любое дело, за которое он берется, Воропаев вкладывает всю душу, оно его увлекает, вызывает новый прилив сил, страстную одухотворенность. Не мог он спокойно смотреть на колхозников, потерявших интерес к своей работе, все больше и больше подававшихся мелким житейским неурядицам. Вся кипучая натура Воропаева сказалась в том, как он сумел увлечь их на «ночной штурм» — прополку виноградников. Далеко не все правильно в этом шаге — наверное, можно было обойтись без аврала; однако «ночной штурм» пробудил людей от нравственной спячки, а сам Воропаев раскрылся как пламенный трибун и вдохновитель масс. Какая заражающая сила живет в его импровизированной беседе-диалоге с бывшими фронтовиками. Воропаев напоминает им о победах, достигнутых единством усилий, беззаветным героизмом воинов:

«— А Киев, ребята? Кто брал Киев? Помните, какие бои шли?.. А Корсунь-Шевченковский? Ты?.. Дай руку — земляки мы с тобой на всю жизнь!.. Может, ты под Яссами был? — обнимал он кого-то. — Может, случаем, и ты ранен там?.. Ну, иди, пожелуемся... Кто резал, не Горева ли? Не хватало еще, чтобы она тебя оперировала... А ты, милый друг, и более моего видывал, — и Воропаев снова положил руку на плечо того сталинградца с бледным, одутловатым лицом, который, он только сейчас рассмотрел, был без одной руки и без одного глаза».

Сам бесконечно взволнованный, испытывающий огромный нравственный подъем, Воропаев почувствовал, насколько воодушевлены слушатели, и обратился к ним с горячим призывом:

«— Сейчас я объявляю колхоз на угрожаемом положении... Фронтовикам организовывать и возглавить штурмовые группы...

Кто помер, только тому бюллетень, все остальные — в атаку с нами!..»

Активный работник, загруженный множеством дел, переполненный массой впечатлений, Воропаев никогда не перестает непосредственно реагировать на все увиденное и услышанное. Ему не приходит мысль, что свои чувства надо за чем-то прятать, искренние порывы подавлять, он и не думает о «дистанции» между собой и другими, о которой некогда так заботился Левинсон. Воропаев доступна вся красота жизни — он счастлив общением с людьми, жаждет любви, мечтает о дружной семье, учит колхозников понимать искусство, поддерживает у них влечение к «умным вещам». Еще одна примета его высокой внутренней культуры — тонкое ощущение природы. многообразного мира красок, звуков, цветов...

Образ Воропаева дает наглядное представление об общей эволюции того типа людей, который в литературе восходит еще к Павлу Власову, а затем к Клычкову, Левинсону и другим коммунистам — героям гражданской войны. Первые в шеренге новых героев молодой советской литературы выросли в условиях эксплуататорского общества, в нужде и лишениях; они закалились в подпольной борьбе с царизмом, в революционных восстаниях. Ныне в этот ряд отважных бойцов включились их сыновья и дочери, приобретшие опыт социалистического строительства, познавшие радость жизни и труда в коллективе свободных советских людей.

Если мы всмотримся в боевую шеренгу этих мужественных, прекрасных духом людей, мы заметим и то, что среди стоящих в начале этой шеренги, скажем, юная Марютка — революционный боец из рассказа Б. Лавренева «Сорок первый» — даже не могла понять многое из того, что говорит ей пленный белый офицер... А среди героев книг, написанных в сороковые — пятидесятые годы, мы находим и философа — ныне комиссара Богарева (В. Гроссман. «Народ бессмертен»), и такого образованнейшего партийного пропагандиста, как Воропаев, о котором мы только что говорили, и привыкшего к дружбе с книгой, к раздумью над ней Мартынова (В. Овечкин. «Районные будни»), и обладающего незаурядной широтой горизонта хозяйственника Немирова (В. Кетлинская. «Дни нашей жизни»), и страстно влюбленного в стихи Маяковского, наделенного истинным чувством поэзии инженера Лобанова (Д. Гра-

нин. «Искатели»). Здесь выражен общий духовный рост всего социалистического общества.

В этом непрерывно развивающемся обществе некоторые сложные проблемы передаются от поколения к поколению, причем формы конфликтов, рожденных этими проблемами, и путь к их разрешению также непременно несут на себе приметы формирующего их времени.

Проблема единства личного и общественного является очень острой и актуальной для нашей эпохи, когда практически вырабатывается и утверждается новая, коммунистическая мораль. Она утверждается в борьбе с пережитками мелкобуржуазного индивидуализма, с эгонистическими замашками, частнособственническими инстинктами. Пример передовых советских людей, сочетающих интересы личные и общественные, приобретает особое значение еще и потому, что эти люди не родились «готовенькими», идейно зрелыми, чуть ли не с нимбом вокруг головы. Им пришлось многому учиться, одно приобретать, от другого отказываться, третье менять в самих себе. Соответственно и для литературных героев, изображенных писателями, которые чутко прислушиваются к голосу живой действительности, движущим конфликтом оказывается борьба за обретение этой гармонии. Путь к ней долог, одни его проходят быстрее, другие медленнее, не все могут изжить до конца старые привычки, в ком-то остаются черточки, мешающие стать подлинным коллективистом. Но знаменательно, что наше высокоидейное гуманистическое искусство сосредоточивает внимание на истории роста характеров, формирования в едином коллективе разнообразных человеческих индивидуальностей.

Только вульгаризаторы и схематики сводят все многообразие типов новых людей к одному шаблонному типу коммуниста «вообще», наделяя его суммой заранее известных, «положенных» ему свойств и воплощающему схоластическое представление о добродетельной личности. Конечно, при некоторой усидчивости сконструировать умозрительно подобный абстрактный образ не слишком трудно, но жизненным он так и не станет. В реальной же действительности нет устоявшегося единообразия. Настоящие коммунисты — политические единомышленники, связанные общностью целей, мировоззрения, дисциплины. Но единство в главном не мешает любому из них оставаться самим

собой, сохранять личную самостоятельность, по-особому подходить к решению общих задач. Как говорил Ленин об организаторах из рабочих и крестьян. «единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу...»¹

Ленинские слова приходят на память, когда читаешь произведения, проникновенно изображающие большевиков — деятелей и вожakov масс. Примерно в одинаковых условиях социалистического строительства действуют Мирон Ватагин (Ф. Гладков. «Энергия»), Увадьев (Л. Леонов. «Соть»), Подопригора (А. Малышкин. «Люди из захолустья»), Гай (Н. Погодин. «Мой друг»), Басов (Ю. Крымов. «Танкер «Дербент»), воспитатель юных правонарушителей (А. Макаренко. «Педагогическая поэма»). Есть в них общие черты? Конечно, есть. Все они держатся, как бойцы партии, безгранично преданные ее идеалам, стойкие, смелые, принципиальные. Но вместе с тем их никак не спутаешь. Пылкий, увлекающийся Ватагин — иной характер, чем суровый, тяжеловесный Увадьев; простой обходительный массовик Подопригора — это не предприимчивый, порывистый командир производства Гай; герой романа А. Макаренко, этот величайший мастер педагогического дела, не разошелся бы в принципиальных вопросах с механиком Басовым, но вряд ли они стали бы близкими друзьями.

Сорокалетнее развитие нашей литературы, история крупнейших художественных побед, одержанных на этом пути, с достаточной наглядностью показывают, что победы одерживаются именно там, где писатель, следуя верному курсу, руководствуясь методом социалистического реализма, показывает человека партии, борца, общественника в единстве его общественной и личной жизни, в неповторимости его характера.

Своеобразными, не похожими одна на другую личностями предстают перед нами и герои книг В. Ажаева «Далеко от Москвы» или Д. Гранина «Искатели». Они показаны и на производстве и в домашней обстановке, и «на людях» и наедине с самими собой, причем каждый запоминается своеобразием характера. Тут можно вспом-

нить и повесть молодой писательницы Лидии Обуховой «Глубынь-городок». Изображенные в повести районные работники — секретарь райкома Ключарев и председатель райисполкома Якушонок — оба прекрасно знают свое дело, свой район. Но они и работают по-разному и лично не похожи друг на друга. Стоит воспроизвести выразительную характеристику, сопоставление обоих:

«Ключарев и Якушонок действительно во многом отличались друг от друга... Якушонок никого не пробовал воспитывать в одиночку. У него не было вкуса к беседам один на один, как у Ключарева, который словно часть своей души перекладывал в другого. Для Ключарева очень важным было выраженные лица, что говорилось и как молчалось. Якушонок же сразу переходил к делам.

Работать он любил сообща, большим коллективом; заседания райисполкома всегда были для него увлекательным делом: он сталкивал характеры, и сам сталкивался с другими. Он был весел, любопытен, находчив, его рабочая площадка неизмеримо перерастала письменный стол.

И если Ключарев воспитывал души, подготавливал их, поднимал целину сознания, бросал семена, то Якушонок выходил на поле в грохоте машин — и начинал жатву!

Ключарев был очень впечатлительным, подчас резким человеком, кого-то он любил, кто-то ему не нравился. За одного он боролся, хотя был против всех, другому не боялся одинолично высказать презрение, у него не было одинакового подхода к людям. Население района — сорок тысяч — это были прежде всего сорок тысяч личностей, чрезвычайно интересных для него самого.

Якушонок же охотнее мыслил масштабами района. Он больше и ближе чувствовал порывы целых коллективов, чем отдельных людей».

Слитность мыслей, дел, чувств обоих героев придает особое обаяние образам, а интерес писательницы и к их практической деятельности и к их личной жизни создает полное впечатление об изображенных характерах. При всем несходстве это люди живые, умные, творческие. Увлеченность Ключарева своей работой раскрыта как глубокая страсть, владеющая всем его существом, это и придало такую убедительность образу. При всем желании невозможно разделить жизнь Ключарева на две разные сферы: здесь начинается общественное,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 374

а здесь — личное, а вот тут разъединяющий их барьер.

Ключарев запоминается как партийный работник, глубоко чувствующий перемены в жизни, творческий, инициативный. Он враг догматизма, безразличия, формалистики, партийная работа для него — это постоянные поиски, смелое новаторство, обобщающая мысль. Обращаясь к благодушному, довольному собой и своим бытом, не желающему думать Пинчуку, секретарь райкома говорит: «...Если мы будем только подчиняться, Максим Петрович... не вдумываясь ни во что и не пытаясь исправить или улучшить наши планы, мы, коммунисты, то что тогда будет с государством?» Это не только слова, а выражение повседневного осуществляемой программы. Ключарев принадлежит к славному племени людей, чей жизненный девиз стал рефреном известного стихотворения А. Межирова: «Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!»

В передовом коммунисте писатели отмечают качества живого, ищущего человека, непримиримого к рутине, застою, бездушию. В этом смысле произведения В. Овечкина имеют как бы двух героев. Один — Мартынов, с его творческими поисками наилучших методов и форм партийной работы, неуступчивостью в принципиальных вопросах. Сейчас, когда партия в осуществление решенный XX съезда выступила с новыми смелыми начинаниями, еще острее чувствуется, что жизнь двигают именно смелые, творческие люди и что Мартынов завоевал в их рядах прочное место. Что бы ни делали персонажи очерков, о чем бы они ни разговаривали, рядом с ними неизменно ощущаешь присутствие еще одного участника всех полезных начинаний, яростного врага ханжей, бездельников, тупых администраторов. Этот второй герой очерков — сам автор. Вместе с остальными ездит он по колхозам и полевым станам, встречается с трактористами, прислушивается к мнению рядовых членов артели, к голосу ее руководителей. И он неустанно размышляет, сопоставляет увиденное, анализирует существо происходящего, проверяет его соответствием высоким принципам коммунистического строительства. Форма его не испугает, магия напыщенных слов не смутит, до всего он старается дойти своим умом, во всем хочет разобраться. И поскольку в этих поисках В. Овечкин руководствуется идеями и интересами партийности, их на-

правление совпадает с огромной созидательной работой, проводимой партией в сельском хозяйстве, во всех областях нашей жизни.

Изображая людей партийных людьми творческими, В. Овечкин неумоимо воюет со всеми и всяческими борзовыми, твердо убежден, что борзовщина внутренне враждебна самым основам, на которых зиждется социалистическое общество. Какие это коммунисты, если интересы народа им безразличны, а сохранение собственного престижа кажется главной целью! Советские писатели решительно отказывают в звании коммуниста тому, кто остается в плену догматических представлений о жизни. Они, как и В. Овечкин, отнюдь не умалчивают об отрицательных типах, если в карманах у них имеются партийные билеты. Потапенко и Долгин в «Искателях», Чекмень — в «В родном городе» В. Некрасова, Полудин — в пьесе А. Штейна «Персональное дело», Дремлюга и Овчаренко — в пьесе А. Корнейчука «Крылья», Дононов — в «Сонете Петрарки» Н. Погодина, Мелентьев — в «Молодости с нами» В. Кочетова — мы называли далеко не всех отрицательных персонажей, изображенных литературой в последние годы. Огонь критики, обрушенный на них авторами названных романов и пьес, столь жесток потому, что он обращен против людей, не оправдавших общественного доверия и не сумевших явить достойный пример на передовом участке общего фронта. Но дело даже не в отдельных образах; один из основных конфликтов современной литературы связан с борьбой против индивидуализма, безразличия к людям, голого администрирования, нетворческого отношения к жизни.

Советские писатели подходят к изображению деятеля партии с возрастающим чувством ответственности. На страницах книг все реже встречаются бесплотные аскеты, жертвеннически отказывающиеся от всего личного. Но единство личного и общественного нередко показывается весьма упрощенно; о семейной жизни героя, о его интимных отношениях сообщается не в силу истинной художественной потребности, но лишь для того, чтобы несколько «очеловечить», «утеплить» образ. «Общественная» и «личная» линии при этом развиваются параллельно, внутренне они почти не связаны, а иногда даже противоречат друг другу.

Разве нужно искусственно оживлять образ человека, который и без того полон кипучих страстей, многообразных чувств? Революционер, новатор относится именно к таким людям: у него горячая кровь, отзывчивое сердце, быстрый ум. Такой герой не укладывается в художественную схему. Его не понять до конца, не изобразив во всем богатстве душевного мира, во всей полноте и многообразии. Ленин отмечал, что «...без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искажения истины»¹.

Когда-то довольно часто выходили книги, где коммунист изображался преимущественно в своей «твердокаменности», с помощью эпитетов «железный», «каменный» и т. д. Подобный внешний подход к образу не удовлетворяет ныне ни читателей, ни писателей. Раскрытие глубин духовной и эмоциональной жизни коммуниста — важная задача, которую решает вся советская литература. Действительность все еще полнее и ярче, чем ее отражение в художественных образах, но достигнутые успехи и готовность продолжать творческие поиски внушают уверенность, что наше искусство многого добьется на избранном пути.

Показательна новая, высшая степень познания существа событий и человеческих характеров, которой отмечено вторичное обращение многих советских художников к некогда затронутому жизненному материалу. Сравните «Города и годы» К. Федина с его же дилогией «Первые радости» и «Необыкновенное лето». И в том и в другом случае рассказывается о драматических событиях гражданской войны, о строительстве советской государственности. Симпатии автора неизменно на стороне борцов за новый строй жизни, К. Федин осуждает не только прямых врагов, но и равнодушных обывателей, колеблющихся интеллигентов старой формации. И все-таки невозможно не заметить разницы между романом «Города и годы», написанным в 1924 году, и дилогией, созданной уже в сороковых — пятидесятых годах.

В новом освещении предстала перед художником вся эпоха, несравненно яснее стали ее движущие силы, истинный характер. Извеков и Рагозин не потеряли болевых качеств, отличавших коммунистов ранних произведений К. Федина, — воли, энергии, беспощадности к врагу. Но они

приобрели новые нравственные богатства, они не только сознают себя строителями будущего, но и видят конкретные черты этого будущего и в росте товарищей по борьбе и в заложенных лесах — во всем, что делается для прогресса человечества.

«...Думаешь ты с человеческих отношениях в будущем? — обращается Рагозин к Извекову. — Думаешь. Так вот ты ищи такое в нынешней жизни, чтобы уже сейчас в тебе хоть немножко зажило из будущего, понял? Как бы тебе сказать? Ну... воплоти, что ли, свой план в живом человеке. В отношении своем к человеку, понятно? Чтобы практика была. А то ты будешь поклоняться своему желанию, скажем, коммунистического общества, когда еще общества такого нет. И привыкнешь поклоняться — желанию. А от человека отвыкнешь... Ты умеи найти такого человека, в котором немножко будущего есть. В труде его, в службе народу, еще в чем. И на нем учиись. Практикуй свой идеал-то на человеке».

Когда в Извекове «немножко зажило из будущего», его деятельность стала еще осмысленнее, интерес к людям еще прочнее.

Так высота социалистического опыта, в свете которого писатель вновь обратился к образам революционеров, строителей нового мира, помогла ему раскрыть существо их интересов, их верность великой ленинской правде.

Показать идейный и духовный рост борцов и победителей, широту их мироощущения, красоту нравственного облика — задача трудная, но и благодарная. Решение ее требует от писателя-реалиста глубокого проникновения во всю сложность многогранной душевной и эмоциональной жизни своего современника.

Цельный характер — всегда характер многогранный; единство главных качеств человека достигается в нравственных поисках, сложном и целеустремленном росте. Показывая результат этого роста, советские писатели представляют своих героев в их наивысших возможностях, и тогда они становятся тем образцом для подражания, которого ищет молодежь.

Приглядываясь к передовому человеку, коммунисту, мы узнаем его и как превосходного работника и как носителя лучших моральных качеств, приобретаемых народом по мере продвижения к коммунизму и уже присущих лучшим из лучших. Павел Корчагин стал любимым героем советской молодежи, потому что она видит в нем оди-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 237.

цветоренье нового, социалистического человека. Такие люди — цвет Коммунистической партии. Советская литература не собирает их идеализировать, но рисует во всей красоте и величии их духовного облика. Они сходят со страниц книг и становятся близкими нам, демонстрируя качества, которые стремится выработать в себе всякий, кто хочет соответствовать идеалу нового человека.

В поведении и чертах такого героя нет ничего надуманного, утопического; напротив, именно в повседневных делах и проявляется торжество коммунистической морали, уже воспринятой и усвоенной передовыми людьми нашего времени. Коммунисты-борцы — это вовсе не сверхидеальные герои; в их сегодняшнем труде, во взглядах

на жизнь уже реализуются высокие идеалы завтрашнего дня, и поэтому их образы устремлены в будущее, в коммунизм. Да так и должно быть, ведь не зря они называются коммунистами.

Наша литература — литература высоких идеалов, проникнутая духом страстного утверждения жизни, пафосом борьбы за новое, передовое. Коммунистическая партия — это, по выражению Ленина, ум, честь и совесть нашей эпохи, и вполне понятно, что гимн во славу социалистического общества, слагаемый коллективными усилиями советских писателей, — это одновременно гимн в честь партии. Тема партии была и остается глубоко поэтической темой, вдохновляющей чутких к жизни художников на создание многокрасочных полотен, достойных нашей великой эпохи.

ЗА ИДЕЙНУЮ ЧИСТОТУ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА!

(Новые материалы из литературного наследия А. А. Фадеева)

Советский читатель знает не только романиста Александра Фадеева. На читательской книжной полке остались, помогая еще и сегодня ориентироваться в живом литературном процессе, многие литературно-критические работы А. Фадеева, хотя сам он теоретиком себя не считал и говорил, что занимается теорией только в силу необходимости.

Более тридцати лет мужественно и последовательно выступал Фадеев на переднем крае борьбы за социалистический реализм, за новую, социалистическую культуру. Перечитывая написанные им страницы, ясно понимаешь, как остро и верно видел он основные пути развития нашей литературы, как точно оценивал главные явления литературной жизни, каким был горячим патриотом, воинствующим писателем-коммунистом. Фадеев справедливо говорил о себе: «Я прежде стал революционером, чем писателем, и когда взялся за перо — был уже сформировавшимся большевиком. Несомненно, от этого и мое творчество стало революционным».

Еще при жизни писателя был подготовлен к печати сборник его избранных статей, речей и писем «За тридцать лет».

В последние месяцы жизни Фадеев много занимался этим сборником.

Огромная кропотливая творческая работа над текстами свидетельствует о большой взыскательности писателя к своему труду. Вместе с тем она дает наглядное представление и о круге проблем, особенно интересовавших А. Фадеева в последний год его жизни. Следует напомнить, что подготовка сборника «За тридцать лет» была самой последней работой писателя на его столе так и осталось недописанным задуманное послесловие к этому сборнику.

Редакция считает полезным ознакомить читателей с работой А. Фадеева над некоторыми статьями сборника. Подготовка текста и комментарии С. Преображенского.

Взаимоотношения реализма и романтизма, их взаимосвязь, взаимопроникновение — эта проблема была крайне близка Фадееву, она давно и остро волновала его.

В 1947 году, выступая на собрании московских писателей-прозаиков с докладом «О своей работе», Фадеев говорил:

«Если в одном слове объединить все мой размышления и поиски на протяжении истекших... лет, — то они сведутся, в общем, к попыткам определить роль, значение и место романтизма в социалистическом реализме и в собственном творчестве». (Из неопубликованного).

Романтизм, романтику Фадеев считал свойством «большого», «крылатого» реализма, который рожден крупными общественными движениями, крупными социальными сдвигами,

Вместе с тем Фадеев критикует такое понимание революционной романтики, которое сводилось к «приподыманию», идеализации жизни.

«Сегодня особенно видно, — добавляет он в «Заметках о литературе» (новая редакция), — какой вред такое представление приносило и еще может принести нашему искусству, мешая ему правдиво вскрывать противоречия и трудности нашего развития, отрицательные явления и недостатки в нашей жизни».

Не надо приукрашивать, «приподымать» действительность. Надо видеть — на основе объективного развития — ее завтрашний день, говорил писатель.

Надо писать правду о жизни. Но ведь и лучшие художники прошлого стремились в своем творчестве говорить правду о жиз-

ни! Очевидно, та правда, которую должен сказать социалистический реализм, чем-то отличается от их правды? И в новой редакции статьи «Съезд советских писателей и социалистическая культура» мы находим по этому поводу такие строки:

«Правда — это не только внешнее сходство с жизнью. Нет, нужно взять самые основные, самые глубокие тенденции развития действительности, видеть, что им мешают, но и видеть далеко вперед, — тогда это будет подлинная правда, и в этом отличие нашего социалистического реализма от старого. Наш реализм должен, обязан видеть завтрашний день».

В новой редакции «Заметок о литературе», говоря о многообразии форм внутри социалистического реализма, Фадеев обращает особое внимание на то, что нашу жизнь, наш завтрашний день можно изображать не только в форме, родственной классическим реалистическим романам, но и вообще в любой форме (романтической, сказочной, условной и т. д.), позволяющей видеть правду жизни.

«Сказанное... — добавляет при этом он, — ставит своей целью дать отпор проявлениям догматизма в этих вопросах. Вместе с тем я глубоко убежден — и опыт развития советской литературы доказывает это, — что в прошлом наибольшей полноты выражения жизненной правды достиг классический реализм XIX и XX веков во всем многообразии своих форм и он был и остается пока что лучшей, наиболее плодотворной и совершенной школой для советских писателей».

Во время расцвета европейского реализма, вызванного Великой французской революцией, буржуазный реализм был способен, пишет Фадеев в новой редакции статьи «Задачи литературной теории и критики»:

«...лучше... видеть движение жизни, ему наиболее присущи в этот период прогрессивные идеалы, и это придает ему романтические черты, которые не только не нарушают правды жизни, а придают реализму крылья. Вместе с тем, это естественно сочетается с наиболее беспощадной критикой по отношению к современному буржуазному обществу».

Вообще, неоднократно подчеркивал Фадеев, буржуазный реализм был наиболее полнокровен в период, когда он произрастал на почве больших общественных движений, когда он был «пронизан, согрет, освещен прогрессивными идеями».

По мнению Фадеева, Бальзак велик потому, что из всех буржуазных художников Западной Европы он в наибольшей степени синтезировал в своем творчестве то лучшее, что было в реализме и романтизме его времени.

«Использование лучших сторон современного ему романтизма, — а именно его «крылатости», — придало необычайную силу реализму Бальзака», — пишет Фадеев в новой редакции статьи «Задачи литературной теории и критики».

Но с укреплением капиталистического строя (начавшим вскоре «приносить свои горькие плоды») начинается — по мысли Фадеева — расщепление французской литературы на романтизм, лишенный подлинной истории, и на бескрылый, «ползучий» реализм («романтизм оторвался от «грязной» действительности, а реализм потерял идеалы и пополз по земле»).

Эта ущербность реализма сказала, по мнению Фадеева, в творчестве Флобера, потерявшего веру «в человека и в возможность преобразования общества на справедливых началах», и даже Золя и Мопассан, которые — при всех несомнимых достоинствах своего реализма — «во многих... произведениях... ползут по земле, в хвосте исторического развития». Пересматривая статью «Задачи литературной теории и критики», писатель делает к этому месту такое примечание:

«Пусть не сочтет читатель мои критические замечания по адресу таких выдающихся писателей Франции, как Флобер, Золя, Мопассан, за отсутствие уважения к их труду и к их литературному наследию. О, как многому можем мы еще у них поучиться! Здесь речь идет лишь об относительной силе их реализма и реализма тех, кто им предшествовал».

Говоря о наступившем в конце XIX века расцвете французской реакционной романтики, которая постепенно смыкалась с нарождающимся, теряющим человеческое содержание натурализмом, Фадеев добавляет в старый текст статьи «Задачи литературной теории и критики» такие строки:

«Это (литературное вырождение, декаданс во французской литературе.—С. П.), однако, совсем не означает, что линия прекрасного французского реализма вовсе прервалась и не получила своего блестящего продолжения в конце прошлого и начале нынешнего века. Мы имеем в виду Анатоля Франса, а вслед за ним — Романа Роллана и Барбюса. Их великий гума-

низм, сочетающийся с необыкновенной силой критики старого общества, был несомненно порожден великими освободительными движениями нового времени».

Особая сила русского реализма, говорит Фадеев, объясняется силой освободительных народных движений в России; эта сила — в той особенности русского реализма, когда, оставаясь самым критическим реализмом из всех, которые знал мир, он всегда или почти всегда освещен романтикой, верой в будущее, борьбой за будущее.

Уточняя старую редакцию статьи «Задачи литературной теории и критики», Фадеев пишет:

«В русской литературе первой половины XIX века реализм и романтизм, как течения, были почти слиты в творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя. А если говорить о романтике в том смысле, как мы употребляем это слово в связи с ленинскими высказываниями «о мечтаниях», то, начиная с Пушкина и до Горького включительно, этого рода романтика выступает, можно сказать, как характерная черта русского критического реализма».

И тут же, после этих строк, Фадеев дает новое примечание:

«Этим я не ограничиваю роль Горького только как критического реалиста, а хочу сказать, как естественно и органично в его творчестве критический реализм перешел в реализм социалистический».

В той же статье он расширяет свою мысль о влиянии революционных движений в России на творчество русских писателей второй половины XIX века:

«Нельзя не поражаться необыкновенной преемственности революционных движений в России с их все возрастающей мощью, особенно когда начали чувствоваться подземные толчки крестьянской революции. Она породила писателей революционных демократов и окрасила собою творчество всех крупных русских писателей второй половины XIX века».

В переработанной Фадеевым статье о постановлениях Центрального Комитета партии по вопросам литературы и искусства мы читаем:

«Особенность русской литературы — видеть и находить элементы красоты в самой действительности и звать людей к лучшему. Отсюда — привлекательные, светлые, сильные положительные образы русской литературы, отличавшиеся реали-

стической правдивостью и одновременно выступавшие носителями тех общественных идеалов, которыми были одухотворены их авторы».

Конечно, не все русские писатели, говорит Фадеев в статье «Задачи литературной теории и критики», были на стороне революционно-демократического движения. Но они видели и чувствовали силу русского народа, верили в возможность торжества справедливости на земле и стремились — каждый, конечно, по-своему — утвердить свои идеалы в положительных образах, наряду с беспощадной критикой существующего строя.

А. Фадеев приводит здесь в качестве примера Пушкина, который создал не только Татьяну Ларину, но и увидел в Емельяне Пугачеве «крупный исторический характер»; Тургенева, впервые изобразившего русского крепостного крестьянина как человека с большим сердцем и душой и показавшего, что это замечательный и своеобразный характер, — и далее вносит добавление:

«Что же можно сказать о поэте революционном демократе — Некрасове? Он первый в русской поэзии сумел с предельной правдивостью и необыкновенно приподнятым чувством воспеть мужика с его мужицких позиций. Вспомните всю галерею крестьянских образов Некрасова, вспомните поэму «Мороз, Красный нос»: ведь это — гимн русской женщине-крестьянке!»

В подтверждение своей мысли о «романтичности» русского критического реализма А. Фадеев вписывает в новую редакцию статьи такие строки о творчестве Л. Н. Толстого:

«Лев Толстой, беспощадный реалист, срыватель всех и всяческих масок, дал целую галерею положительных образов, одухотворенных высокими нравственными идеалами, начиная с образов «Войны и мира». Благодарная задача — показать, насколько беспощадный, именно в своей критике, реалист Толстой был в то же время «романтичен». Вспомните хотя бы Хаджи Мурата! Такое разоблачительное по отношению к царскому строю произведение, как «Воскресение», является одновременно и самым «романтическим» его произведением. Почти все, что происходит с героями «Воскресения», — это почти неправдоподобно, но все это — великая правда. И униженная и, кажется, уже совсем-совсем затоптанная в грязь ужас-

ным и жестоким обществом Катюша Маслова вырастает в героиню — носительницу высокого нравственного начала, полную человеческого и женского обаяния.

Известно, что эту черту романтичности русского критического реализма первый отметил Горький.

И у Горького впервые его литературный положительный герой совпал с подлинным новым героем истории — рабочим-революционером, большевиком, способным осуществить в жизни свои идеалы, идеалы рабочего класса, ведущего за собой все трудящиеся классы и слои общества. В творчестве Горького впервые слилось осознанное историческое содержание — осознанное в свете революционного научного социализма — с исключительной жизненностью и живостью изображения новых характеров. Так Горький стал родоначальником социалистического реализма.

В другом месте новой редакции этой же статьи Фадеев записывает:

«Русский реализм — самый идейный, самый политически окрашенный, самый тенденциозный в самом благородном и высокохудожественном значении этого слова».

Именно поэтому, говорит Фадеев, русский реализм — «...самый свободный, полнокровный, богатый и неожиданный по форме».

А несколько дальше, ссылаясь на статью Л. Н. Толстого («Несколько слов по поводу романа «Война и мир»), Фадеев дополняет старый текст:

«Нетрудно видеть, что Толстой гордится... новаторской ролью русской литературы, не укладывающейся в уже известные, уже открытые «канонические» формы. Величайшая жизненная правдивость образов русских художников-реалистов, освещенная и осененная высокими нравственными идеалами, за которые художники боролись и ради которых критиковали все, что мешало осуществлению этих идеалов, — придала их творчеству глубоко новаторское значение, породила величавые и в то же время простые, естественные, свободные формы».

* *
*

С той же точки зрения — связи реализма с романтизмом — разрабатывает Фадеев сложный вопрос о положительном герое в

русской классической и советской литературе.

В новой редакции статьи «Задачи советской литературы» А. Фадеев вновь говорит о романтичности русской классической литературы, которую, по его мысли, «одухотворяли высокие идеалы и поэтому ей всегда был присущ момент не только «сущего», а и «должного». Он пишет, что:

«...русскому критическому реализму присуща традиция изображения положительного героя, освещенного сознанием, что жизнь может и должна быть лучше, и в этом смысле можно сказать, что русский реализм всегда был, в той или иной степени, романтичен».

Вслед за этими строками Фадеев делает новое примечание:

«Эта формулировка... дана мною здесь в исправленном виде, и такой я считаю ее совершенно правильной. В прежнем варианте статьи получалось, что изображение положительного героя не есть свойство реализма, а является признаком только романтики. Между тем, под романтикой нужно понимать момент «должного». Если «должное» не отрывается от «сущего», романтика является одной из сторон всякого большого, подлинного реализма».

В старой редакции этой же статьи было сказано далее: «Беда, однако, в том, что и наш русский реализм не видел подлинного героя истории или почти не видел его». Сохранив эту старую формулировку, Фадеев пишет к ней новое примечание:

«Эта формулировка ошибочна. Я... сохранил эту формулировку, чтобы зафиксировать на ней внимание читателя и своим примечанием содействовать тому, чтобы этот ложный взгляд на русский критический реализм навсегда ушел из нашего литературоведения».

На самом деле, большинство наших критических реалистов XIX века не только в деле новых героев, выдвинутых развитием самой жизни, но вокруг того или иного изображения этих героев шла в русской литературе глубокая идейная борьба, отражавшая борьбу различных общественных сил.

Справедливо, однако, что ограниченность взгляда на развитие общества, присущая даже самым передовым силам русской литературы (которые, разумеется, не могли в ту пору подняться до исторического материализма), а также условия царской цензуры, особенно сказавшиеся на творчестве как раз наиболее передовых сил литера-

туры, ограничили возможность создания исторически осознанных характеров и даже снизили силу изображения там, где речь шла о революционных характерах.

В дальнейшем изложении, как и во всех других статьях, я заменяю эту неточную формулировку — толкованием этой своей основной мысли.

Фадеев вновь и вновь опровергает свое прежнее («юношеское») заблуждение, будто наши классики не видели положительного реального героя. Перерабатывая одну из последних своих статей — «Заметки о литературе», опубликованную в «Литературной газете» 20—29 сентября 1955 года, — Фадеев опять-таки уточняет старую формулировку:

«Мы понимаем, что Пушкин — величайший выразитель самого передового общественного сознания своего времени, связанного, в частности, с движением декабристов. И идеология декабризма раскрывается перед нами в творчестве Пушкина, хотя оно, творчество это, охватывающее более широкие стороны русской жизни, разумеется, не может быть сведено только к «декабризму».

И дальше, говоря, что в шестидесятых годах XIX века вся наша литература буквально сражалась за положительного героя (Некрасов, Чернышевский, Тургенев, Гончаров), А. Фадеев добавляет:

«Конечно, надо помнить, что взгляд на исторических героев был у классиков в большей или меньшей степени ограничен их мировоззрением и что революционно-демократические писатели в полный голос не могли сказать правду о своем герое также из-за цензурных соображений».

Продолжая в другом месте (новая редакция статьи «Задачи советской литературы») развивать ту же мысль о положительном герое, он пишет:

«Никто в нашей старой литературе во всю силу, то есть с полным историческим сознанием, не показал декабристов, никто не показал все величие Чернышевского, Добролюбова, то есть тех людей, которые явились носителями самого передового начала в истории в свое время. Никто исторически верно не показал народовольцев. Никто до Горького не показал революционеров-марксистов.

Горький первый создал образ передового рабочего-революционера. Горький первый из классиков России сумел с исторически верных позиций изобразить того

героя, который был передовым и действительным началом новой истории. Именно поэтому Горький стоит на рубеже между литературой дооктябрьской и советской и является родоначальником советской литературы. Он своей сильной рукой как бы принял от старых гуманистов их знамя и передал его в руки нам, но оно, это знамя, как бы преобразилось, стало уже иным.

Мы, продолжая работу Горького, изображаем нового, советского человека, создателя еще невиданной жизни и носителя величайших освободительных идей».

Мы не раз слышали от Фадеева, что для писателя недостаточно показать, что настоящее — лучше прошлого. Нужно дать читателю почувствовать, что вслед за настоящим придет будущее и это будущее будет совершеннее тех дней, в которые мы живем.

В сохранившейся (но еще не опубликованной) стенограмме доклада А. Фадеева «О своей работе» (1947) мы находим такие строки:

«Что значит вообще — сегодня увидеть завтрашний день? Выдумать несуществующего человека? Нет, это — по единицам, существующим сейчас, увидеть завтрашнее большинство».

Вот почему и современность заключена для Фадеева не только в показе современного социального устройства, в характеристике современных нравов и страстей — она живет для него в борьбе идеалов, в упорной работе мысли, в людях, которые умирают во имя будущего, в людях, совершающих во имя этого будущего героические подвиги.

Надо изображать передовое в наших людях! — неустанно призывал Фадеев. Но, нередко говорил он,—

«...стоит только произнести эту фразу, как сейчас же раздаются голоса: «Как бы не оторваться!» Еще не успели как следует изобразить, а уже боятся оторваться! А почему Лев Толстой не боялся, Тургенев не боялся, когда вдруг в страшной деревне увидел нового крестьянина?... Почему нам бояться изображения передовых сторон нашего человека? Наоборот, овладев этими сторонами, мы сможем наиболее критически показать все отсталое и косное, что еще есть у нас... Мы должны бичевать недостатки с позиций нового, т. е. передового». (Из той же стенограммы).

И еще одна очень важная мысль высказывалась Фадеевым:

«Надо... покончить с представлением, будто по каким-то случайным, попавшим в поле зрения элементам действительности ты можешь показать нашу действительность...»

...никакие доводы, что в жизни это можно видеть, что я знаю т а к о г о соседа,— не годятся; на этом не построишь великой литературы. Так Тургенев не смог бы написать «Записки охотника», а Некрасов — «Мороз, Красный нос»...

Литератор, «...который сейчас ежедневно, из месяца в месяц не следит за развитием нашей действительности, за жизнью рабочих, крестьян и интеллигенции на местах, там, где она творится... не осознает, на краю какой пропасти он стоит как писатель». (Из той же стенограммы).

Перерабатывая свои «Заметки о литературе», Фадеев вписывает туда такие строки:

«Глубокая связь с народной жизнью и ясное понимание путей нашего развития— это решающее в работе писателя, когда он действительно талантлив».

* *
*

В статье «Задачи советской литературы» Фадеев ставит вопрос о многообразии форм литературы социалистического реализма.

Уточняя старую редакцию статьи, он пишет:

«На Западе некоторые люди, по существу незнакомые с советской литературой, любят обвинять ее в том, что будто она однообразна по своим формам. Это глубоко неверно!

Что общего в области формы, например, между «Василием Теркиным» А. Твардовского, «Сыном» П. Антокольского, «Пулковским меридианом» Веры Инбер? Что общего в области формы между стихами М. Исаковского и Н. Асеева? Константина Симонова и Н. Тихонова? М. Рыльского и П. Тычины? Я. Коласа и А. Кулешова? Самеда Вургуня и Сулеймана Густама?

Возьмите роман Венямина Каверина «Два капитана». Он написан, с точки зрения традиций, не в русской классической манере, а в западно-европейской, в манере Диккенса, Стивенсона. Однако, это — оригинальное произведение социалистического реализма. Сравните этот роман, например, с романами «Белеет парус одинокий» или «Сын полка» В. Катаева, идущими от русской классической традиции, что тоже, разумеется, не снимает их оригинальности. Это очень разные явления. Как видите,

социалистический реализм обнимает разные индивидуальности, он их предполагает».

Говоря о многообразии форм нашей литературы, А. Фадеев пишет в новой редакции «Заметок о литературе», что —

«...обязательных решений в искусстве не бывает...»,

что при анализе произведений искусства —

«...нужно проникать в своеобразие формы, к которой прибегает сам писатель».

В качестве примера Фадеев приводит творчество И. Сельвинского, разобраться в котором, не проникая в своеобразие формы его произведений, нельзя. В трагедии «Читая «Фауста» дано несколько условных фигур, действующих в условной обстановке.

«Однако,— добавляет Фадеев,— это особенность формы, свойство или манера обобщения. На самом деле, обстановка в пьесе исторически конкретна (вторая половина Отечественной войны, ближе к концу ее), тема современна и значительна (гуманистическое назначение науки в связи с вопросом использования атомной энергии)».

В творчестве надо использовать все богатство художественных возможностей, утверждает Фадеев.

«Все должно быть по существу жизненно, но не обязательно все должно быть жизненно. Среди многих форм может быть и форма условная. Ее, конечно, можно использовать и чисто формалистически, ибо формалисты любят цепляться как раз за такие «необычные» формы. Но это сразу можно видеть. Ибо формализм — это подмена формой правды жизни. А мы говорим о содержательной форме, какой бы она ни была, то есть о форме, выражающей правду жизни. Сущность вопроса в том, что правду жизни можно выразить с помощью самых различных форм».

В статье «Заметки о литературе», характеризую поэму Н. Грибачева «У наших знакомых» как острую сатирическую поэму, Фадеев добавляет:

«Возможно, Грибачев и не ставил целью написать сатирическую вещь, ибо в поэме присутствуют «приметы» и обычной реалистической поэмы. Однако приемы заострения в характеристике главного персонажа поэмы таковы, что заставляют воспринимать ее, как сатирическую. При всех условиях, это — по-настоящему талантливое произведение».

Говоря о том, что принято им в этой статье деление произведений литературы по историческим периодам и по темам («какие области жизни они, эти произведения, стремятся охватить») условно, А. Фадеев дополняет статью:

«Невозможно, например, новую повесть В. Герасимовой «Простая фамилия» отнести к «колхозным», хотя действие повести в известной части разворачивается в колхозе, и нельзя ее назвать повестью об интеллигенции, хотя некоторые ее действующие лица принадлежат к интеллигенции и даже к интеллигенции из сферы искусства. Как и прежние повести и рассказы В. Герасимовой, повесть «Простая фамилия» пронизана оригинальной и глубокой мыслью. Читатель, начав повесть, не может предугадать, как дальше развернется сюжет, и самая мысль повести станет ему ясна, когда он закончит все произведение. Это несомненно является достоинством произведения и свидетельствует о мастерстве автора».

* * *

Своевременно и остро, в свете недавних дискуссий, звучат слова А. Фадеева о творческих группах и творческих направлениях (новая редакция статьи «О Маяковском и течениях в поэзии»).

Мы, советские писатели, говорит А. Фадеев, формировались по-разному, разными путями шли к коммунизму, воспитывались на разных литературных традициях.

«Этим объясняется и то, что в нашем литературном поэтическом развитии, при общей идейной основе, могут быть и наличествуют различные индивидуальности и течения в области формы, способов и приемов литературной работы.

В литературном соревновании наших дней можно прощупать реальное соревнование различных поэтических течений в области формы. Задача марксистской критики состоит, между прочим, в том, чтобы понять и объяснить их особенности».

Далее А. Фадеев пишет:

«...О поэтических течениях можно говорить тогда и там, когда и где люди владеют стихом, работают над ним серьезно и тем достигают настоящей поэтической индивидуальности.

Течения в поэзии не могут сложиться так, что встретятся хорошие люди, поговорят друг с другом и образуют «течение». Надо, чтобы люди сходились не из побочных, вне поэзии лежащих соображе-

ний, — это порождает только групповщину. И критика, если она хочет помочь развитию советской поэзии, должна, не взирая на сложившиеся личные отношения между теми или иными поэтами, объективно анализировать их поэтическую работу и объяснять людям, что их роднит между собой и что между ними разного. Это будет способствовать развитию плодотворного соревнования различных индивидуальностей и течений единой социалистической литературы, все более обогащая формы литературы».

В новой редакции «Заметок о литературе» Фадеев пишет по этому же поводу:

«Конечно, течения не нужно искусственно создавать, изобретать их. Речь идет о течениях в области формы, здесь одно переходит в другое. Многие писатели по мере своего творческого развития используют самые различные формы, поворачиваясь все новыми сторонами. И, наконец, все мы хотели бы достичь пушкинского совершенства в овладении всем многообразием формы».

В новой редакции статьи «За хорошее качество, за мастерство» Фадеев говорит:

«...только социализм дает почву для действительного, то есть богатого, полнокровного и разностороннего многообразия форм, приемов, жанров, различных взглядов на все вопросы творчества, дискуссий между ними, соревнования...»

Вместе с тем Фадеев отрицательно отвечает на вопрос, нужны ли нам разные творческие группы. Что вообще является признаком так называемой «творческой группы»?

«Если она действительно является серьезной, выдвинутой жизнью творческой группой, — говорит Фадеев, — она должна быть объединена комплексом идеологических и формальных требований, связанных между собой. За каждой серьезной литературной группой всегда должен стоять какой-то социальный знак, иначе пропадет всякий смысл ее существования».

На примере и дореволюционных и пореволюционных «творческих групп» он убедительно показывает, что всегда эти «группы» были и не могли не быть отражением определенных общественных движений, отражением борьбы классов.

Но значит ли это, что между писателями не может и не должно быть дискуссий по вопросам литературной работы?

«Сколько угодно. Но нам не нужны разные группы...»

...люди, согласные друг с другом в одном вопросе творчества, могут разойтись в других вопросах творчества. Из этого «течений» — в старом смысле слова — не выйдет. Но это может быть соревнованием различных течений в области формы, где, разумеется, будут свои «противники» и «единомышленники», стоящие, однако, на общих идеологических позициях. Только в этом смысле можно говорить о «течениях» в наше время.

* *
*

Вопрос о многообразии литературных течений теснейшим образом связан с вопросом о взаимоотношении мировоззрения и художественной практики писателя. Не случайно, что и в «Заметках о литературе» А. Фадеев наиболее тщательно правит разделы «Мировоззрение и метод» и «О многообразии в искусстве».

Говоря о противоречии между методом и мировоззрением, Фадеев приводит большую цитату из книги Б. Рейзова «Творчество Бальзака», где Рейзов говорит о противоречивости мировоззрения Бальзака, который «был принужден идти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков» (Энгельс), так как эти классовые симпатии и политические предрассудки были побеждены «другой, более сильной стороной его мирозерцания, той философской его «основой», которая находится в прямой связи с революционной философией французского просвещения XVIII столетия. Вот почему, даже усваивая политическую философию Бональда и мистические учения Сведенборга, Бальзак остается подлинным преемником французских философов просвещения — что бы ни говорил он сам в своих политических декларациях».

Соглашаясь с таким анализом мировоззрения Бальзака, А. Фадеев, однако, расширяет эту характеристику и дает (в новой редакции статьи) весьма существенное дополнение.

«Но к этому нужно прибавить еще следующее важное соображение. Мировоззрение писателя, как и всякого человека, не определяется только философскими учениями, коим он привержен, и вообще не только книгами, которые он прочел, а и всем опытом его жизни и деятельности. Здесь очень применимо старинное простое выражение: «Жизнь учит». Если бы было иначе, мы должны были бы отказать в

мировоззрению миллионам рабочих и крестьян, особенно в условиях старого общества, а считать, что мировоззрение — это привилегия относительно неширокого круга начитанных людей. Между тем, даже в условиях старого общества у рабочих и крестьян, у разных групп и слоев и отдельных лиц, принадлежащих к трудящимся классам, вырабатывается свое отношение к барину-помещику, хозяину-капиталисту, к труду, к товарищам по труду, к богу, к царю, чиновнику, священнику, к природе (в смысле ее утилитарного использования и в смысле ее эстетического восприятия), к семье, любви, войне, игре и вообще ко всем явлениям жизни. Это мировоззрение простых людей в отношении к основным факторам жизни обладает такой силой устойчивости и воздействия, что оказывает даже влияние на писателей, выходящих из эксплуататорских классов. Влияние простых мужиков на духовное развитие Льва Толстого было, вероятно, не менее сильным, чем то, что он читал Шопенгауэра или восточных философов; и не случайно Ленин раскрыл противоречия мировоззрения Толстого, прежде всего, через раскрытие тех противоречий, которые свойственны были движению крестьян в пореформенной России.

Бальзак видел многое правдиво, вопреки своим легитимистским взглядам, не только потому, что сложились под влиянием французских просветителей, а и потому, что этому «учила его жизнь» — борьба классов в современном ему обществе.

Это соображение всегда нужно иметь в виду и при анализе творчества писателей — наших современников. Надо однако помнить, что, при прочих равных условиях, овладение марксистско-ленинским мировоззрением не только повышает идейно-художественный уровень произведений советского писателя, оно необходимо писателю, чтобы правильно разбираться в сложных явлениях нашей бурно развивающейся действительности. И когда мы справедливо выдвигаем требование глубокого знания жизни, это требование всегда должно идти рядом с требованием не менее глубокого изучения марксистско-ленинской науки об обществе и, как мы уже много говорили в статье, рядом с требованием глубокого овладения художественным мастерством. Это — три необходимых условия развития всякого серьезного писателя в наше время».

* *
*

Важнейшей задачей литературной критики А. Фадеев считал борьбу за ленинский

принцип партийности литературы, борьбу с враждебной идеологией. Он хорошо понимал, что, только бережно охраняя и защищая идейную чистоту нашего искусства от влияния буржуазной идеологии, можно по-настоящему широко ставить вопрос о свободе творческих поисков художника и о соревновании творческих направлений в нашей литературе. «Советская литература, — писал Фадеев, — развивается не изолированно, а как передовой отряд прогрессивной демократической литературы мира, и мы выступаем... как пролагатели новых путей в борьбе с буржуазными влияниями».

Нездолго до смерти, в новой редакции «Заметок о литературе», Фадеев пишет:

«Пока существует враждебная идеология за рубежом, она будет проникать и к нам. Необходима беспощадная борьба со всякими проявлениями чуждой нам идеологии: нельзя врагу открывать лазейки. К сожалению, далеко не все это до конца понимают...»

...Огорчение вызывает и то, что в некоторых сегодняшних статьях, справедливо направленных против зазнайского квасного «патриотизма», против пошлого и чванливого стиля «а ля рюс», обходится вопрос о борьбе против антипатриотических тенденций в искусстве, против космополитизма».

* *
*

Подготавливая для сборника «За тридцать лет» свое выступление на IV пленуме правления Союза советских писателей (март 1937 года), А. Фадеев в марте 1956 года значительно переработал это выступление и дал ему новое название: «О требовательности в мастерстве». Думается, что будет интересно привести здесь целиком ту переработанную часть этой статьи, где он говорит об отношении писателя к труду своего собрата по перу. Вопрос этот всегда волновал Фадеева; особенно много говорил он об этом в последние месяцы своей жизни.

«История, — пишет он, — дает нам изумительные примеры глубочайшего уважения и правдивости по отношению к своим современникам у величайших художников прошлого. Мы должны учиться этой правдивости, этому уважению к мастерству. Способность требовательно относиться и в то же время радоваться успеху, достижению другого, чистое отношение к своей и чужой работе, — как это важно в развитии искусства, какой это великий моральный стимул подлинного творчества!

Пример такого отношения к своим товарищам даст гениальный Пушкин. Вспомните его стихотворение «Художнику»:

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:

Гипсу ты мысли даешь, мрамор

послушен тебе:

Сколько богов, и богинь, и героев!.. Вот

Зевс-громовержец,

Вот исподлобья глядит, дуя в цевницу,

сатир.

Здесь зачинатель Барклай, а здесь

совершитель Кутузов,

Тут Аполлон — идеал, там Ниобея —

печаль...

Весело мне. Но меж тем в толпе

молчаливых кумиров

Грустен гуляю: со мной доброго

Дельвига нет;

В темной могиле почил художников

друг и советник.

Как бы он обнял тебя! Как бы гордился тобой!

Изумительное стихотворение! Пушкин относится с восхищением к ваятелю и грустит об умершем поэте — «друге и советнике художников», — как бы и тот радовался и гордился! Для того, чтобы испытать это чувство творческой радости, входя в мастерскую к товарищу, нужно знать и чувствовать, что тот действительно «гипсу мысли даст и мрамор ему послушен». Признание высокого, чистого, честного отношения товарища к труду, высокого качества его труда — есть основа радости, уважения и благодарности. И какой это благородный стимул в работе!

А что делать, к примеру, если писатель работает небрежно, суетные мысли заслоняют ему сознание высокого назначения его труда, признание первых его успехов кружит ему голову и он пишет все хуже и хуже? Трудно, входя в его мастерскую, сказать: «Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе!» И нечему радоваться.

Мне могут сказать: откуда ты берешь смелость предполагать, что тебе доступно это овладение гипсом и мрамором? Видите ли, может быть, никто из лучших советских писателей не достиг совершенства, — его не было и у Дельвига. И, однако, Пушкин вспомнил о нем. Каждый из нас может воскресить в памяти лучших «друзей и советников», сыгравших эту благородную роль в нашем развитии своей способностью радоваться, которая неотрывна от неподкупной требовательности. И число талантливых людей — тружеников, требовательно относящихся друг к другу, людей прямодушных, имеющих право на эти пушкинские слова по отношению друг к другу — все растет...

...Только строгие эстетические оценки развивают вкусы и дают основу для взаимной радости. Разве наша социалистическая демократия предполагает одинаковые оценки и одинаковые вкусы? Ничего подобного! Наоборот!

Клод Монэ говорил Фельсу (излагаю по памяти):

— В наше время не говорили уклончиво: «Эта картина, знаете ли, не плохая, но в ней то-то нехорошо и то-то нехорошо». Или: «Эта картина неважная, но что-то в ней, знаете ли, есть». А говорили так: «Это прекрасно! Это подло!» Это стимулировало нас, это заставляло нас работать еще лучше.

Конечно, резкость суждений во времена Клода Монэ вызывалась не только эстетическими критериями, а сами эти критерии были выражением общественной борьбы. Но когда люди требовательны, они больше верят друг другу, верят в художественный вкус друг друга, и это создает высокую атмосферу, в которой только и может развиваться настоящее искусство.

Значит ли это, что нужно создать какое-то царство «небожителей»? Нет, страна наша не такая. Завтра выявятся более способные люди, чем те, которых выдвинуло наше поколение, и окажется, что гипс и мрамор им более послушны. Значит, нужно заботиться все время о молодняке, о смене.

Нужно внимательно и требовательно работать с молодыми писателями, не вклю-

чать их раньше времени в «синодики», надо прямо говорить им:

— Тебе над этой вещью нужно поработать еще, по крайней мере, год, тебе нужно выправить то-то, или совсем бросить занятие, в котором у тебя нет решительно никаких способностей.

Мы сами, критикуя друг друга, должны, прежде всего, говорить правду. Мы должны говорить: это плохо, по-моему, и плохо потому-то и потому-то, а это хорошо, а вот здесь нужно то-то улучшить и то-то выправить.

Этой атмосферы не внесешь и не создашь, если не будет высоких эстетических критериев, если мы не будем оценивать вещи не только по их идейному замыслу, а и по их художественному уровню.

Надо сказать, что, при всех наших ошибках и заблуждениях, мы все-таки научились хорошо чувствовать чужое и свое. И на чужое мы тут же стремительно и с открытым забралом идем в атаку. А когда это свое, но не талантливо или недоработано, мы почему-то стесняемся. А между тем, и здесь надо говорить правду. Это создаст, во-первых, уважение к настоящей работе и, во-вторых, уважение к тем людям, которые эту настоящую работу делают. Это повысит требовательность нашей писательской молодежи к себе. Это внесет товарищеские формы отношений и большую ясность в наши дискуссии, даст сильнейший стимул для соревнования».

Перечитывая книги...

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

★

ПЕСНЬ О БИТВЕ НАРОДНОЙ

Мы на пороге славного сорокалетия. За это время выросло по крайней мере два поколения советских людей, с волнением вглядывающихся в ту эпоху, когда были заложены основы нашего советского строя. Людям хочется сквозь толщу времени разглядеть события Великого Октября, гражданской войны — грозные для эксплуататорских классов, благодетельные для трудящегося народа, самые величественные в истории человечества события.

Потому каждую книгу, рассказывающую о тех днях, мы раскрываем с жадным интересом. К числу таких книг принадлежит роман «Россия, кровью умытая». Автор ее — Артем Веселый.

Здесь все необычайно — стиль, мысли, люди. Строй книги — столь же бурный, беспокойный, что и время, которое в ней кипит.

Вас перебрасывает с фронта в бунтующую деревню, из деревни — в глухой, но живущий столь же бурно провинциальный городок. Вам кажется, что сюжет отсутствует. Но неожиданно обнаруживается, что вы успели побывать во всех кипящих водоворотах революции, что вам с разных сторон показали Россию.

Знакомство с главным героем происходит сразу — в заголовке. Россия, кровью умытая, — вот первое и точное определение. И чем ближе, читая книгу, вы узнаете этого героя, тем глубже любите его. Эта книга написана человеком, знавшим, любившим, чувствовавшим Россию. И потому его любовь заразительна. Она цепко держит читателя.

Широко охватывает автор события, и потому ощущение широты, многоголосицы, ощущение жизни народа, переживающего резкий исторический перелом, не покидает вас до последней страницы романа. Десят-

ки, сотни, тысячи людей — множество голосов, безыменных, возникающих порою, чтобы тут же исчезнуть, доносятся до вас со страниц книги и складываются в единую, стройную симфонию.

Художественная память автора поразительна. Порою кажется, что на площадях и базарах, на вокзальных перронах, в окопах и теплушках он ставил фонограф или магнитофон. Но в этом потоке изумительно меткой и яркой народной речи мы угадываем искусный авторский отбор. В толпе, провожающей рекрутов, мы вдруг слышим рыдающие голоса:

« — Не вино меня качает, меня горюшко берет...»

« — Ух... Лучше бы я камень родила, он бы дома лежал» — только материнское горе может исторгнуть из души такой вопль, только чуткое сердце художника может повторить, увековечить его.

Книга захватывает и влечет. Через крутой и скорбный пролог — войну — сна отвергает вас в Февральскую революцию. И спустя некоторое время вы начинаете замечать, что, передавая разноголосый и мощный гул народной жизни, автор вовсе не хаотически выписывает свои впечатления, как могло показаться с первого взгляда. Сохраняя всю естественность и непосредственность «зигзагов» революции, он укладывает события ее сообразно своему глубоко продуманному и выверенному художественному замыслу.

В начале каждого раздела дается как бы лейтмотив его, запечатленный в выразительном и кратком эпитафье. Вот эпитафья второй главы многозначительно предвещает: «В России революция, вся Россия — митинг». А эпитафья третьей продолжает: «В России революция, вся Россия на ногах»,

Эти запови — всегда о России, всегда о революции, с которой автор не спускает любящих и преданных сыновних глаз. «В России революция — по всей-то Расеюшке грозы гремят, ливни шумят», — и какая яростная нежность слышится в голосе автора.

Один из разделов кончается картиной, изображающей первую революционную пахоту: «На пашню выехали вооруженные винтовками, бомбами, дробовиками — у кого что нашлось...», а следующий раздел, как на вынесенном вперед знамени, своим эпиграфом обещает: «В России революция, вся-то Расеюшка огнем взялась да кровью подплыла». Так конец одного раздела крепко связан с эпиграфом последующего. Ведь из вооруженного захвата деревенской беднотой земли в весну 1918 года действительно следуют неизбежные годы кровавой гражданской войны.

«В России революция...» — твердит автор, и эти слова теперь уже звучат для нас музыкальным рефреном всего романа — «пыль, орь, ярь, половодье, урывистая вода...». И среди этой «урывистой воды» революционного многолюдства и многоголосья, которое, не переставая, гудит со страниц романа, перед нами нет-нет да появится скромная фигура Максима Кужеля, низового деятеля революции и едва ли не главного героя книги.

В начале романа Максим Кужель — еще простодушный солдат, воюющий на Турецком фронте. Но, конечно, не случайно автор от его имени рассказывает о приходе революции на фронт.

Это впечатления очевидца и участника, вышедшего из самых глубинных недр поднимающегося народа. И потому его рассказ дышит первозданной свежестью первого восприятия, достоверностью, которую невозможно имитировать.

В этом бьющем кипучей жизнью, переплескиваемом через край начале простодушный рассказчик получает задание от однопольчан своих — отвезти в Тифлис, в общеармейский комитет Турецкого фронта, урну, в которой хранятся бюллетени по голосованию в Учредительное собрание — солдатские голоса. Так среди многоголосого гула революции зарождается сюжет. И порою, при дальнейшем чтении, может показаться, что автор забыл об этом своем герое. Да и как за ним уследить?

«Горы, леса, битые дороги...

По хоженным дорогам, по козьим тропам несло солдат, будто мусор весенними ручьями...

...Поезда катились на север, гремя песнями, уханием, свистом... Дребезжащие теплушки были насыпаны людьми под завязку, как мешки зерном».

Но нет, при посадке в вагон мы вдруг слышим:

« — Куда прешь?.. Афоня, сунь ему горячую головешку в бороду.

— Депутат, голоса везу, — охрипло кричал Максим и, как икону, поднимал перед собой урну с солдатскими голосами».

Максим Кужель не забыл о своем поручении. Он не жалеет последней краюхи своего солдатского пайка, чтобы попасть в вагон. Он слушает солдатские сказки про Гришку Распутина, пожалев, заступает за избитого солдатами старика полковника, который потом из смиренного, покладистого старичка превратится в командира белогвардейского отряда и будет зверствовать над пленными большевиками и красноармейцами! Максим бурно вмешивается в жизнь. Порою он ошибается, но его вмешательство всегда искренне и правдолюбиво.

Приехав в Тифлис, Максим узнает у этапного коменданта, что комитет, в который он должен был сдать «солдатские голоса», переехал в Екатеринодар...

Чудесна способность автора буквально несколькими штрихами обрисовать какую-либо эпизодическую фигуру — в данном случае этапного коменданта станции Тифлис, — дать ее исчерпывающую характеристику. И ведь порою дается эта характеристика одним абзацем прямой речи!

« — Законность, порядок, идеалы — все проваливается в пропасть, все летит в тартарары. Ах, Ниночка, Ниночка, как ты меня огорчила, как огорчила! Тебе чего, солдат? Почему не по форме одет? Ах, да... Туда и езжай со своими голосами, хотя это и бесполезно... Эти мерзавцы уже разогнали Учредительное собрание, разгромили колыбель России — Московский Кремль... Получай пачку папирос и езжай к чертовой матери. Все рушится... Господи... Вековые устои... Горе, горе россиянам... Гайда да тройка, снег пушистый, ночь морозная кругом, — пропел он, и, закрыв лицо руками, зарыдал.

«Нализался», — подумал Максим и вышел...»

Конечно, не искусленный в барских переживаниях, Максим никак иначе и не мог

объяснить этот истерически-бессвязный монолог. Но ведь здесь в насмешливо-пародийном виде дана вся гамма мятущейся и растерянной души возвращенного на сдобных булочках и сбитого революцией с панталыку барчонка — скорбь по гибели России ложится на мотив кабацкого романа «Гайда тройка», а злоба и ненависть к народу перемереваются с переживаниями по поводу поведения некой Ниночки...

Создавая широкую картину гражданской войны, автор не мог ограничиться изображением только одной стороны — красных, к которым лежало его сердце. Дело шло о борьбе, борьбе непреклонной, драматической, и все, что касается лагеря белых, — картины офицерского госпиталя в Ростове, описание начала корниловского похода, — все это дано превосходно.

Вот, казалось бы, бедые целиком залили кубанские равнины, а с ними и соответствующие страницы романа. Но нет, автор не забывает о своих. И после «победонессного» захвата станицы мы слышим многозначительный ответ крестьянина на угрозы белого офицера:

«— Придут вот немцы и заберут нас со всем: с землю, со вшами, с лаптями. Тогда узнаем, где раки зимуют.

— Вся Расея не заберут. Расея, она обрывать себя не даст. Я, ваше благородие, смолоду тыщу городов прошел, деревень — несчетно, народов сколько перевидал, и кругом тебе, не обессуди на моем глупом слове, один пашет, а семеро ему шею гложут...» Все в словах этого безыменного крестьянина подтверждает правоту Ленина и ведомой им большевистской партии.

Но большевики в романе возникают не сразу и не на первом плане повествования. У Артема Веселого солдатская масса сначала на разные лады перебирает еще непонятное, только залетевшее на фронт, в солдатские теплушки слово «большевик». Постепенно, по мере того как революционные события ставят все новые и новые вопросы, солдаты убеждаются, что большевики — это те люди, которые на деле осуществляют заветные народные чаяния о мире, о земле. И все же о большевиках солдаты еще только слышат, воочию они ни одного большевика не видели.

Первый большевик появляется только на девяносто второй странице романа, и поначалу его никак не отличишь от прочей разудалой солдатни: появляется он в теплушке с гармоникой в руках, и, раньше чем начать

серьезный разговор с солдатами, он «переиграл все переборы и вальсы, какие умел, перепел все песни, какие помнил...» и только после этого неторопливо, исподволь, начал агитацию. Сам кость от кости, плоть от плоти народа, он умеет говорить на его языке:

«— Дело мое молодое, дело мое холостое, завод закрылся — самое теперь время погулять, да по горам, да по долам с винтовочкой порыскать...»

И на ехидное предложение одного из собеседников: «Ехал бы к туркам, там есть где порыскать...» — он отвечает:

«Мне турки не интересны. Мне интересно контрика соследишь и хлопнуть».

Первое слово сказано, цель ясна. Эта цель — борьба с врагами революции. Большевик не столько говорит сам, сколько заставляет спрашивать себя. «Так ты красногвардеец?» — догадывается кто-то из собеседников. «Так точно».

И полетели вопросы: «Расскажи нам, что вы есть за люди и какая у вас цель?» И большевик заводит пересыпанную острой шуткой, но упрямо гнущую свое речь: «...а мы как гаркнем: «Наддай пару, резвей ход!» Таковой наш клич по всей по России огнем хлеснул — рабочий пошел буржуа бить, мужик пошел помещика громить, а вы... вы фронт поломали и катите домой... Наша большевистская партия, товарищи, дорогого стоит. У нас в партии ни одного толсторожего нет; партия без фокусов; партия рабочих, солдат и беднейших крестьян. Я вас призываю, товарищи...»

Так среди разбушевавшейся революционной стихии возникают новые, революцией рожденные, прямые и разумные слова, поднимаются основы нового, революционного порядка — новая, революционная классовая мораль. И в ответ на смятенный вопрос: «Ну а как русскому русского бить?» — повел большевик крепкий рассказ о том, как под станицей Отважной схватились красногвардейцы с белоказаками, а через этот рассказ, перебираясь по солдатским вопросам, перекинулся он на разговор о смысле гражданской войны и подвел солдат к малопонятной им еще мысли, что надо сдать свое оружие новой, Советской власти. «На Дону против революции восстали генералы, офицеры, юнкarya. На Дону война идет на полный ход. Нам не сладите оружия, поедете дальше в Кубанскую область, там вас все равно полковник Филимонов разоружит».

Так не сразу, слово за словом, встает перед нами замечательная фигура большевика-

агитатора того времени, и можно смело сказать, что такой фигуры, столь мастерски и ярко, с таким коммунистическим чутьем написанной, у нас в литературе не было. Этот новый герой прост в обращении, он не хорхорится на грубое слово своего собеседника и тонко угадывает, что за этим словом стоит. На самый занозистый вопрос он умеет ответить остро, толково и точно. Кстати сказать, ведь это он ответил нашему знакомцу Максиму Кужелю, когда тот «пробарабанил согнутым пальцем по ящику с голосами и спросил красногвардейца:

— Выходит, зря голосовали мы?

— Зря, землячок.

— Как так? Не мог же целый полк маху дать?

— Вся Россия, брат, маху дала...

И после этого разъяснения голодный и оборванный Максим «срвал с урны сургучную печать и на все солдатские голоса выменял у бабы коврижку ржаного хлеба».

Перевернув страницу, мы обнаруживаем, что баба «в солдатские голоса» заворачивает селедки. И, дочитав до этого места, я словно въявь увидел перед собой автора романа, с его неожиданной и медленной ухмылкой, и мне захотелось рассказать уже не только о романе, но и о создателе его, который достаточно много сделал для нашей литературы, чтобы имя его не было предано забвению.

Всякий, кто раскроет эту книгу, с глубоким волнением дочитает ее до конца. Читателем будет двигать ощущение правды. Он с сочувствием будет следить за дальнейшей судьбой Максима Кужеля, который еще вернется в родную станицу, — ведь Максим Кужель это обязательный, хотя и незаметный герой революции. В ответ на насмешливое обвинение, что «он сам в комиссары метит», Максим скромно отвечает:

«— Куда мне, я малограмотный... Вперед не суюсь, но и сзади не остаюсь: интересует меня, что у нас получится? Ночей не сплю, думаю».

И Кужель идет и в революции и по страницам романа своей походкой; среди многоточия книги мы видим осбенный, протоптанный им следок. В горячих спорах, которые надвое ломают станицу: с одной стороны — безземельное большинство иногородних и казачья беднота, а с другой — кулацко-атаманская головка станицы, — Кужель нет-нет да и скажет свое слово в поддержку своих. И с ним всегда истрепанный номер большевистской газеты, «с кото-

рым он не расставался уже с месяц. Почти все статьи он знал наизусть. Бегло читал по листу и, где было нужно, добавлял перцу от себя, так что получалось здорово».

Вместе с Максимом Кужелем мы подойдем к тому месту, где автор лицом к лицу сведет его с другим героем книги — с героической и трагической фигурой Ивана Черноярова. Каким, казалось бы, будничным и сереньким выглядит Максим рядом с этим прославленным в боях с беляками командиром партизанского отряда! Кажется, что от противопоставления этих фигур должен проиграть Максим. Но вот короткий диалог, возникший тогда, когда Максим заступился за другого сельского большевика — учителя Григорова:

«— Чей таков?

— Максим Кужель... Я тутошний.

— Комиссар?

— Я простой».

И за этим диалогом, который можно было бы вынести как эпиграф перед всей книгой, кроется глубочайшее и трагическое для Ивана Черноярва противопоставление. «Простой» Максим Кужель — это будущее революции, это ее завтрашний и послезавтрашний день. Конечно, анархист Ванька Черноярров мог бы тут же на месте убить Максима, но на смену Максиму придут другие сельские коммунисты, те, которые будут строить Советскую власть в станицах, селах, деревнях.

Иван же Черноярров при всех своих революционных заслугах, при своей субъективной честности и преданности революции не поймет ее великих целей, ее тактики и дисциплины. Он анархист, отряд его превращается в бандитскую шайку, которая будет уничтожена. Гибель суждена и самому Ивану Чернояррову: красные его не приняли, а белые не помиловали, когда он отказался им служить.

И я, читая книгу, словно въявь слышу глуховатый басок Артема, его неторопливую речь, его слова, выражающие глубокое раздумье о революции, о людях ее...

Артем пришел в литературу из гражданской войны, участником и пристальным наблюдателем которой он был. Его не покидало ощущение, что он принес с фронтов сокровища, выразить которые нужно как-то по-новому, совсем иными средствами, чем те, которые представляла старая, дореволюционная литература. Его, так же как и меня, не удовлетворяло ни одно из создававших

ся уже после революции литературных направлений, и мы оба оказались в орбите тогдашнего, только создаваемого журнала «Молодая гвардия».

Ни он, ни я, ни Л. Н. Сейфуллина, работавшая тогда в журнале, да и вообще никто из писателей, сотрудничавших в журнале, членами редколлегии не состояли. Артем сдал в один из первых номеров свою повесть «Рески огненные», и повесть эта была принята в журнал. Однако Артем не мог ограничиться пассивным сотрудничеством — журнал «Молодая гвардия» стал для него родным, заветным домом. Он приходил сюда с утра и, так как стульев было маловато, забирался на высокий подоконник позади редакторского стола (случалось, что он ставил ногу в сапоге на стол редактора). Артему с его вышки видно было все, что делается на столе редактора, и, когда дело касалось оценки литературных произведений, он вставлял свои замечания, всегда дельные и никогда не шзблонные.

Артем готов был исполнить любое редакционное поручение. У нас в редакции работал до крайности странный курьер. Комсомолец, влюбленный в книгу, всегда погруженный в чтение какой-нибудь политической или научной литературы, он, будучи послан из редакции с поручением, исчезал до конца дня, а то и на весь следующий день. Редактор наш, кипуче-деятельный, все время разрывался между стремлением послать курьера с поручением и страхом перед его длительным исчезновением. Кончалась эта душевная борьба тем, что курьер посылался — и неизбежно исчезал. Так он исчез однажды, вторые сутки уже не появлялся, и редактор бесился: ему нужно было, чтобы один известный ученый, Лапиров-Скобло, прибыл в редакцию, так как его статья готовилась к набору и необходимо было сделать кое-какие поправки. Надо послать курьера, а где он?

Фамилия, вернее псевдоним, нашего курьера была — Шометт... Он, комсомолец тех лет, был поклонником Великой французской революции и назвался именем одного из самых непримиримых якобинцев.

— Куда же, наконец, провалился этот чертов Шометт?! — грезно вопрошал редактор, обращаясь к бедной Кате, секретарю редакции.

Катя, хотя и происходила из старой большевистской семьи, была весьма плаксива и на яростный вопрос редактора отвечала потоком слез.

В редакции начался бедлам. Артем усмехнулся своей неторопливой усмешкой.

— Давай я схожу к этому, как его... Папирус-Вобла...

— Вот ты так и назовешь его... А его фамилия Лапиров-Скобло...

— Знаю, знаю. Что, пакет ему отнести?

— Нет, совсем не пакет! Он сам нужен здесь.

— Нужен — значит будет...

— Погоди, Артем!..

Но Артем уже исчез. Редактор отчаянно махнул рукой, взъерошивая свои жидкие волосы, и вновь погрузился в редакционную горячку.

Не прошло и двух часов, как дверь распахнулась и в дверях появился — рядом с Артемом в его матроске и тельняшке кажущийся до крайности штатским и несколько тщедушным — Лапиров-Скобло.

Артем занял свой обычный пост на подоконнике. Редактор недовольно покосился на его сапог, — обычно он не обращал на этот сапог никакого внимания, но при постороннем и таком ученом посетителе... С Лапировым-Скобло начался разговор, который не заинтересовал Артема, и он ушел.

И тогда известный ученый, опасливо поглядывая на дверь, быстро сказал:

— Я у вас с охотой буду сотрудничать...

И журнал у вас симпатичный... Только не присылайте этого морячка. А то он, знаете, без стука пришел в кабинет и вместо «здравствуйте» говорит: «Зачем заставляете себя ждать?» «Да вы откуда?» — спрашиваю я. А он: «Собирайтесь!» И, знаете, увел меня. Весь институт думает, что меня арестовали, да и я сам, признаться, только по пути узнал, что ведут меня в вашу редакцию.

Однажды Артем на неделю или на две исчез из редакции. Появился с обветренным и облупившимся лицом.

— Комсомол послал в деревню... — объяснил он свое исчезновение. — Слушай, Юрий, мне нужно посоветоваться по этическому вопросу, выйдем в коридор...

Стоим у подоконника, лицо Артема выражает недоумение и обиду.

— Понимаешь, сосед мой по общежитию тоже комсомолец. Ну, всегда жили дружно... А тут я уехал, а он жене прохода не дает. Что делать, а? Писать кляззы, ты знаешь, это я не люблю. Очень хочется морду ему набить...

Я невольно взглядываю на внушительный кулак Артема, уже приведенный в боевую готовность.

— Нет, нет, Артем... — быстро говорю я. — Это уж действительно будет незэтично...

— А приставать к жене товарища, да еще когда он исполняет комсомольское поручение, этично? — сумрачно спрашивает Артем.

— Я его не оправдываю. Но ты сразу сам попадешь в положение обвиняемого... И потом, я ведь знаю твою жену, она тебя любит. Ведь он от нее ничего не добился, верно?

— Это верно, — говорит он, и хмурые складки на лице его расходятся. — Так как же быть?

— Предать забвенню.

— Верно.

После того как был создан журнал «На посту», который начал острую полемику с редактором «Красной нови» Воронским, Артем Веселый и с ним несколько других молодых писателей ушли в группу «Перевал» при «Красной нови». Но и «Перевал» не удовлетворил Артема; он ушел в ЛЕФ, к Маяковскому. И не случайно ушел. Его занимали поиски новой формы в художественной прозе — такой формы, которой можно было бы передать новое, революционное содержание. Однако и ЛЕФ его не удовлетворил...

Правительство предоставило молодым писателям воспитанное позднее Михайлом Светловым общежитие на Покровке, 3. Каждый из нас получил по комнате, — это была по тем временам роскошь! Артем перевез туда своих простых и славных родителей, зажил по-семейному.

Прочитав мою первую повесть «Неделя», — помнится, я сам подарил ему ее, когда она вышла отдельным изданием, — Артем пришел ко мне в комнату. Книга была у него в руках, на лице выражение напряженного раздумья.

— Не понравилось? — спросил я.

— Читать интересно, а все как-то не так.

— Почему не так? Что в ней неверно?

— Погоди, ты не сердись... Все равно — видно, что ты сам это испытал, видел... Я это знаю все. Но как-то не с той стороны берешь. Понимаешь, за это время вся Россия кровью умылась, каждый уголок...

— Но ведь я именно об этом и писал.

— Это верно, но показано как-то не так. Надо, чтоб жизнь, самая обыкновенная жизнь была видна. Во всей своей правде.

— А разве не видна?..

— Не могу я тебе объяснить. Литературности у тебя много, что ли... Вот я напишу вещь, тогда ты увидишь, это будет ответ твоей «Неделе»... — несколько угрожающе сказал он. — Тогда поговорим!

Я с нетерпением стал ждать.

Иногда Артем появлялся в моей комнате.

— Юрий, я пришел к мысли, что запятая — это совершенно излишний знак препинания.

— Что ты только говоришь, Артем? — пугаюсь я. — Ведь сложно-сочиненное предложение...

— Сложно-сочиненное... — насмешливо произносит он и уходит.

Проходит еще несколько дней, снова появляется Артем.

— И точки тоже не нужны... — говорит он вместо «здравствуй».

— Но ведь тогда просто нельзя будет ничего понять. Ну, представь себе телеграмму — и то не всегда догадаешься, что в ней написано. А если таким телеграфным способом написать целый роман...

— Не то ты говоришь. А заглавные буквы? Разве они не заменяют точки? Понимаешь, чего я хочу? Я хочу, чтобы само слово говорило, чтобы оно пело, сверкало разными красками, чтобы не было никакой книжности, а была бы живая речь, и я добьюсь этого!

Он работал много и неустанно, снова и снова возвращаясь к написанному. Свою повесть «Реки огненные» он знал наизусть и огромными кусками читал ее нам, закрыв глаза, неторопливо, выразительно. Иногда — в том месте, где ему самому нравилось, — он открывал глаза и усмехался.

На первом плане этой повести были два разложившихся удалыца-матроса, возвращающихся к себе на корабль, который они бросили во время гражданской войны. Их происхождения, довольно мерзкие, кончаются моральным и политическим крахом — дружок прогоняют с родного корабля; их сменили дисциплинированные и выдержанные комсомольцы.

Артем сам недавно вернулся с флотской службы и сам принадлежал к таким комсомольцам. Идея повести была правильная. Но молодые военморы казались скучноватыми, а обе отрицательные фигуры были написаны с огромной жизненной силой; язык, на котором они изъяснялись, при некоторой нецензурности был густо-колоритен. Чувствовалось, что автор любит их, и это любованье передавалось читателю,

Еще сильно было в нем тяготение к стихийному началу, все еще был он склонен отождествлять разгульную удаль с широтой души и даже позднее, в «России, кровью умытой», далеко не вполне избавился от этого своего увлечения.

Автора хвалили за талантливость, порицали главным образом за нецензурности. Но Артем уже работал над новым произведением — «Реки огненные» остались позади. Он не только писал. Он, не переставая, по-своему, не по-школьному, а по-писательски изучал литературу. Заходя к нему, я заставлял его за чтением классиков, то русских, то иностранных.

Не довольствуясь сокровищами народной речи, собранными им за время революции, он взялся за словарь Даля. Иногда он приходил ко мне, большой, круглоголовый, — он рано начал лысеть и брил наголо свою большую голову. Косой ворот рубашки растегнут, видна загорелая шея. Он делился своими соображениями о языке, всегда интересными и самобытными, — их нужно было бы записывать.

Однажды он пришел очень мрачный и сказал, что совсем бросает писать.

— Прочел «Мадам Бовари» Флобера, там все вперед написано. Лучше же не напишешь?

Но он не мог не писать. Пережитое и наблюденное в первые годы революции бродило и требовало выражения.

— Юрий, я написал, вот...

Со времени нашего разговора о «Неделе» прошло чуть ли не два года, но я понял, о чем говорит Артем.

Это были гранки какого-то альманаха. Я тут же кинулся их читать.

Да, Артем исполнил свое обещание. Знакомый провинциальный город вставал передо мной. Но он действительно показан был с иной стороны. Артем увидел в нем совсем других людей, но я чувствовал, что именно в этом городе живут и мои герои, и, бродя по знакомым улицам и входя в учреждения, я недоумевал, что не встречаю их.

«Из словесной мякоти многочасовых докладов выпирали ребра задач, а задачи были огромны и просты: выкачать восемь миллионов пудов хлеба и перебросить его в центр; организовать городские низы; из глубин уезда вывезти к линии железной дороги полтора-два тысяч кубов дров; потушить разгоравшийся тиф; углубить классовое расслоение деревни; провести всяческие мобилизации...»

Да, да, это та же тема «Недели», но мне показалась она здесь недосказанной, свернутой. Это не было простой ревностью к теме. Но именно тогда, когда читаешь, как другой, отличный от тебя по манере, по подходу к материалу писатель написал о том же, что и ты, особенно остро чувствуешь, что сам писал бы по-иному, и кажешься себе правым.

Я молча вернул гранки Артему.

— Ну как? — спросил он, взглядываясь в мое лицо.

— По-моему, не то, — ответил я. — Хорошо, даже нравится, но не то...

Мы помолчали.

— Похоже, что у тебя конец еще не написан... — добавил я.

— Это верно. Я еще не кончил. Понимаешь, разрастается и нет предела! Будет называться «Россия, кровью умытая»... — сказал он раздельно...

...Шли годы. Артем создал «Гуляй Волга» — великолепный исторический роман о Ермаке, роман, свидетельствующий о том, что Артем идет в глубь народного языка, что в поисках новых сокровищ он ворошит прошлое, изучает славную эпоху истории народа русского. Прочитав «Гуляй Волга», я впервые подумал о том, что в самом таланте Артема, в его эпическом размахе, драматизме и живописности есть что-то, роднящее его с Суриковым.

Это сходство чувствовалось даже в том, как он собирал материал к роману. Артем купил лодку и целые месяцы проводил на Волге. Просторы родной реки — Артем происходил из Самары — очевидно, открывали дорогу воображению, уносили в прошлое. Насколько им владела эта тема, можно судить по тому, что младшую дочку свою, родившуюся в то время, назвал Волгой, и, когда ее купали в корытце, он посмеивался:

— Вся Волга в одном корытце поместилась...

Но все эти годы он не переставал работать над романом «Россия, кровью умытая».

Порой Артем «чудил». Ему хотелось, чтобы этот роман был издан на цветной бумаге, — особый цвет в соответствии с содержанием каждого раздела, — разделов будет семь, по цветам радуги. И он сердился, что полиграфисты отказывались исполнять эту прихоть. И тогда тешил себя тем, что печатал свои рукописи на цветной папиросной бумаге: один раздел — на розовой, другой — на малиновой, третий — на зеленой. Совсем плохо было с теми разделами, которые соот-

ответственно мрачному своему содержанию печатались на темно-синей бумаге, — их читать было почти невозможно...

Получилось так, что полностью, в окончательном виде, прочесть роман «Россия, кровью умытая» мне пришлось только сейчас, спустя двадцать лет после смерти его автора.

Дочитав его до конца, я, к своему удивлению, обнаружил, что то забытое мной мне изображение жизни маленького городка, которым Артем «ответил» мне на «Неделю», совсем исчезло из романа. И только заглянув в этюды, приложенные к роману, я в одном из них узнал эту знакомую мне, но сюжетно так и не доведенную до конца маленькую повесть. Называется она «Клюквин городок»...

Бывало, в первые месяцы знакомства, глядя на Артема, я с недоумением думал: «Что за охота была этому мрачному парню избрать столь не соответствующий его натуре псевдоним? Какой он Веселый? Скорее угрюмый...»

И только сейчас, читая «Россию, кровью умытую», понимаешь, как верно выразилось в этом псевдониме основное устремление писателя. Дело тут, конечно, не только в комическом финале забавной истории с «солдатскими голосами», истории, которая приводит к серьезной мысли, что большевики — настоящие революционеры — решали насущные задачи того времени путем революционного действия. Весь роман «Россия, кровью умытая» проникнут усмешкой, которая имеет множество оттенков. Даже в эпических картинах возвращения солдата после демобилизации мы видим затаенную усмешку автора, и чем его рисунок лаконичнее, тем эта усмешка носит более явный характер.

«В вокзальном садике три толпы. В одной — играли в орлянку, в другой — убивали начальника станции и в третьей, самой большой толпе, китайчонок показывал фокусы...»

Когда же Артем пишет о родных себе людях, усмешка его приобретает мягкий, можно даже сказать, нежный оттенок.

Вот Максим Кужель вернулся к себе домой, к жене.

«Марфа — босая, с подоткнутым подолом, мыла полы — выбежала во двор и бросилась ему на шею. Сама плачет, сама смеется.

Максим целовал ее и не мог нацеловаться.

— Рада?

— Так-то ли, Максимушка, рада, ровно небо растворилось надо мной и на меня оттуда будто упало чего».

Со странным соединением скорби и радости закончил я чтение этого романа Артема Веселого. Зная с самого начала историю замысла, я радуюсь тому, что Артем завершил в этом романе свои упорные новаторские искания. Во всем — в сюжете и в композиции, в множественности голосов, в умелой генерализации главных героев, в искусном сочетании сочной, быстрой прямой речи с великолепно написанными эпическими картинами и тонко прочерченными описаниями душевного состояния героев, в неотделимом единстве трагического и комедийного начала, буквально в каждом взвешенном, прочувствованном и отобранном слове ощущается мастерская рука художника-новатора, черпающего краски своей палитры прямо из жизни, но преломляющего их через призму своего отточенного дарования.

С интересом прочтет читатель этюды, приложенные к роману. Как ни отрывочны и «осколочны» они, в каждом верно и ярко отражены незабываемые черточки первых лет революции.

Не доведи Артем Веселый до конца «Россию, кровью умытую», мы все равно добром помнили бы его, так как и другие его произведения твердо доказывают, что он крупнейший талант. Но в «России, кровью умытой» все те черты новизны, которые можно было лишь угадать в его этюдах, повестях и рассказах, предстают перед нами в собранном и законченном виде.

Артем Веселый — настоящее имя его Николай Кочуров — был добр к друзьям, очень ласков к детям, не только своим, но и чужим. Дети любили его, они помогали ему в составлении той замечательной книги частушек, которую он собирал всю жизнь — и в гражданскую войну и во время своих путешествий по Волге.

Счастье, что Артем успел воплотить свои новаторские замыслы. Скорбно, что смерть его была безвременна. Он много мог бы еще сделать для нашей литературы, для народа, из которого вышел и которому был предан всей душой до конца.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Вл. Баскаков. Судьбы народные.— Борис Слуцкий. «Живу в двадцатом веке».— А. Наревич. Русские очерки.— Сергей Наровчатов. Светлый талант.— Г. Брейтбурд. Новый роман Альберто Моравиа.

ПОЛИТИКА И НАУКА

В. Невзоров. Ученый-революционер.— Е. Ковалев. Великая сила Китая.— А. Мельчин. Жизнь героя.— Полковник Н. Денисов. Третья тысяча...— Л. Василевский. Управляемые снаряды США.— Г. Толокольников. Быть всегда начеку.

Литература и искусство

Судьбы народные

В Украина осени тысяча девятьсот двадцатого года. Еще не сброшен в море черный барон Врангель, еще не кончились бои с белополяками, еще «головной атаман» Симон Петлюра сидит в Каменец-Подольске, вынашивая планы новых авантур. Но дни враждебных сил уже сочтены, и черные тучи, застилавшие землю, уходят на Запад. Украинские трудящиеся твердо встали на тот путь, который открыла партия большевиков, Ленин. В муках, в крови, в огневых битвах рождается новое, социалистическое государство, новые человеческие отношения, новая мораль, новые, советские люди, умы и сердца которых исполнены светлых революционных помыслов. И хотя по освобожденным от врага полям еще выются ржавые мотки колючей проволоки и не заросли травой линии окопов, хотя по пыльным шляхам бродят кровавые «бабки», советская жизнь властно вступает в свои права.

Вот этот нелегкий процесс, эту трудную обстановку, сложившуюся в то время на Украине, и стремился воплотить в своем романе Михайло Стельмах. У романа вы-

разительное заглавие «Кровь людская — не водица». Да, кровь борцов за свободу и счастье народа, за великую ленинскую правду — святая кровь; она пролита не даром, а во имя счастья людей, во имя светлой жизни грядущих поколений.

Михайло Стельмах известен советскому читателю своим романом-хроникой «Большая родня». Это была интересная, правдивая книга, в которой чувствовался очень серьезный и вдумчивый подход писателя к материалу. М. Стельмах рассказывал о жизни украинского села за четверть века. Но в романе-хронике далеко не все было удачно. Критика справедливо указывала на композиционную рыхлость ряда частей, на некоторую несразмерность главного и второстепенного. В романе за калейдоскопической беспорядочностью эпизодов порой неясно выделялись характеры героев, их поступки не всегда были психологически мотивированы.

В романе «Кровь людская — не водица» талант М. Стельмаха как бы предстает в новом качестве. Это — произведение художника, способного не только собрать большой исторический материал, но и отобрать из него самое главное, основное, произведение художника, овладевшего сложным мастерством построения острых,

М. Стельмах. Кровь людская — не водица. Авторизованный перевод с украинского Вл. Россельса. «Дружба народов» №№ 3, 4 и 5 за 1957 год. «Роман-газета» № 11 за 1957 год.

драматически насыщенных сцен, умеющего вскрывать жизненные конфликты, лепить запоминающиеся характеры, по-своему говорить о времени и о человеке.

Хронологически новый роман М. Стельмаха как бы предшествует «Большой родне». То же село над Бугом, та же земля. И люди те же: одни из них проходят через сюжеты обеих книг, другие — это отцы и старшие братья тех, кто потом в жестоких классовых битвах строил колхозы, защищал свою землю от фашистских захватчиков.

Роман открывается драматической сценой, которая прямо вводит читателя в обстановку тех дней, помогает зримо увидеть людей, сознательно или еще ощупью идущих к новой жизни.

Убит председатель земельной комиссии комбеда Василь Пидопригора. Убит зверски — бандиты скосили его ночью пулеметной очередью, а потом граненым пятидюймовым гвоздем прибили к сердцу списки новых земельных наделов. И вот теперь людям нужно избрать нового председателя, чтобы был он такой же честный, такой же неподкупный и такой же непримиримый к кулацкому племени, как погибший Василь. Трудное это, очень трудное дело. Крестьянам-беднякам нужна земля — это их жизнь, но не всякий возьмет на свои плечи такую опасную ношу: люта кулацкая злоба, за комбедовцами охотятся «батки», рыскающие по степным шляхам, лезут из щелей коварные шепотки: «Гляди, а то и самого за крестом понесут!»

Разные люди сидят в заброшенном помещичьем доме, обсуждая при свете копилки свои земельные дела, свое будущее. Здесь и председатель комбеда, коммунист Свирид Яковлевич Мирошниченко, умный, знающий людей сельский вожак, за плечами которого и служба во флоте и партизанские бои с гайдамаками и петлюровцами. Здесь и горячий Степан Кушнир и спокойный, уравновешенный Тимофий Горицвит. Здесь и молчаливый, но люто ненавидящий кулаков Иван Бондарь и осторожный, побаивающийся нового Мирон Пидопригора — двоюродный брат убитого активиста.

И если Свириду Яковлевичу Мирошниченко не надо сегодня решать, что делать дальше — продолжать борьбу или переждать, пока совсем утихнут бури (еще в

семнадцатом году он посчитал себя мобилизованным революцией и с тех пор был ее бойцом), то для других бедняков многое надо решить, многое взвесить.

Поэтому Свирид Яковлевич Мирошниченко искренне радуется, когда видит, что далекий до сих пор от политики Тимофий Горицвит твердо, без страха берется за опасную и ответственную работу председателя земельной комиссии комбеда. Да и как же не радоваться: еще один человек — простой селянин, который и знать ничего не хотел, кроме клочка своей земли, — становится активистом, бойцом за Советскую власть. Но не все решаются на такой смелый шаг, как Тимофий Горицвит, — силен еще страх перед петлюровской агентурой, кудачеством, старым миром.

И не случайно Мирон Пидопригора не хочет брать себе землю, которую нарезают от кулацких владений. Вот помещичьи уголья он возьмет, пожалуйста, — помещики-то не вернуться, в это он поверил твердо: последнего их защитника Красная Армия вышибает из Крыма. А кулаки? Кто их знает! Страшно притрагиваться к кулацкой земле — ляжешь носом в пыль от обреза или бандитской сабли. «Разве я чего-нибудь особенного хочу? Дадите мне кулацкую землю — меня же первого в лесу шлепнут. Я ведь не в селе живу. А кому другому, может, сподручнее мой клочок на барскую обменять», — хитрит Мирон.

И тогда Тимофий Горицвит бросает ему в лицо: «— Не скули псом среди людей, ежели человеком стать захотел. Я поменяюсь с тобой».

Тимофий Горицвит берет кулацкую землю, отдавая выделенную ему помещичью не потому, что она ему больше нужна, — ведь и он не застрахован от бандитской пули. Берет потому, что так надо: его пример сослужит хорошую службу, меньше будут бояться селяне, смелее станут браться за работу на новой земле. Берет потому, что хочет стать настоящим человеком.

Тимофию Горицвиту отведено в романе не много страниц. Но трудно забыть этого неразговорчивого, чистого помыслами, правдивого человека, с радостью вступившего на путь новой жизни.

Тимофий гибнет; его, плывущего по реке, настигает бандитская пуля. Он, простой украинский хлебороб, гибнет от руки тех, кто называл себя «защитниками» ук-

раинского крестьянства, «борцами» за «свободную» Украину.

Большая удача художника — образ сельского вожака, коммуниста Свирида Яковлевича Мирошниченко. С его литературными собратьями Мирошниченко роднит революционная страсть, горение, горячая преданность коммунистическим идеалам. Но это своеобразный характер, отнюдь не сотворенный, как нередко бывает, на дрожжах литературных реминисценций.

Всегда и во всем — во время собрания крестьян, где Мирошниченко сказал слова, так близкие сердцу «тружеников и мучеников земли, примостившихся на скамьях и подоконниках, на пороге и на полу помещичьего дома», и в бою с бандой Гальчевского, и в споре с Кульницким, уездным работником, не понимавшим глубоко жизни села, и в долгих, порой нелегких беседах с крестьянами — виден великолепный, крупный характер этого человека.

У этого закаленного бойца-партизана, сурового, беспощадного к врагам, — тонкая поэтическая душа, сердечная теплота к людям труда. Он знает, как надо говорить с односельчанами, умеет увидеть в этих людях сквозь заскорузлую, черноземную непроницаемость, сквозь мужицкую жадность к земле светлые человеческие черточки, ухватиться за них. Это он пробудил у Тимофия Горицвита желание «послужить людям», внести долю и своего труда в общее дело. Это он помог уверовать в свои силы Марийке Бондарь, метавшейся между комбедом и кулаками. Это он поддержал сельского учителя в его стремлении во что бы то ни стало добиться, чтобы дети ходили в школу. Это он стремится разобраться в судьбе каждого человека, прояснить его место в жизни.

После раздела земли пришел к нему с вопросом, как жить дальше, что делать, его старый приятель — Супрун Фесюк. Это фигура весьма своеобразная. Был он когда-то бедняком, кожевником, полюбил хорошую девушку Олесю, женился на ней, но вот обуяла его страсть к стяжательству — и каторжным, нечеловеческим трудом он достиг своего. Фесюк выбился в «настоящие хозяева», но потерял и радость дружбы и радость любви. Мало осталось в нем от того мастера «золотые руки», которого звал Свирид. И все же Супрун не хочет вставать на черную дорожку, он хочет жить «по совести», и в то же время ему мучительно тяжело расставаться даже с частью своего богатства, «своей» земли. Супрун в

раздумье, в смятении: что делать, как поступать?

Но в жизни есть лишь два пути — с народом или против него. И Мирошниченко прямо, без обиняков говорит Фесюку: «А уж это, Супрун, как тебе совесть подскажет. Если она за годы твоего богатства стала комом грязи, бери обрез и ступай убивать людей. Большое богатство всегда с этого начинается или этим заканчивается».

Мы не знаем дальнейшей судьбы Фесюка — ее не показал писатель, но, может быть, Фесюк найдет в себе силы порвать с миром хищничества и наживы, станет человеком.

В романе явственно присутствует и иная сила, которая противостоит таким людям, как Свирид Мирошниченко и Тимофий Горицвит, — противостоит народу. Скупыми, точными штрихами рисует писатель собрание кулаков, яростно цепляющихся за «свою» землю, «свои» права. «На окнах, как черные птицы, распластались тяжелые с бахромой платки, — пусть свет не проникает ни во двор, ни со двора. На столе железная лампа, узкая бутылка с сизым самогоном и толсто нарезанное сало, — видно, не женская рука готовила ужин. А гости, кажется, пьют не самогон, а отраву — ни одной улыбки не вызывает на угрюмых лицах хмель».

Здесь, в просторной хате лавочника Созоненка, так же как и там, в барском доме у бедняков, идут разговоры о земле. И не только о земле, но и о крови человеческой.

«— Не возьмем греха на душу — пропадем, как мыши», — говорит Созоненко. И сельские богатеи — Иван Сичкарь, Сафрон Варчук, Яков Данько — твердо решают: надо убить активистов, убить Свирида Мирошниченко, Тимофия Горицвита, Степана Кушпира. Тогда, дескать, мужики отшатнутся от кулацкого добра: тяжело оно им покажется.

М. Стельмах прослеживает внутреннюю логику морального падения людей, вставших на путь, враждебный народу, дает четкий психологический рисунок каждого персонажа. Хитрый, увертливый Сафрон Варчук сам боится стрелять из обреза, но он приводит в село банду батьки Гальчевского: пусть, дескать, тот сжигает и мучит, убивает и грабит, а он, Варчук, постарается быть в тени и даже при случае приспособиться к новой власти. Иного склада Иван Сичкарь. Он по-своему смел, но это смелость зама-

терелого преступника, привыкшего проливать кровь. Иван Сичкарь хладнокровно убивает маленьких детей Свирида Мирошниченко — Левкѣ и Настечку. Сцена этого убийства, написанная с большой трагедийной силой, обнажает звериную остервенелость кулака. И читатель понимает: как ни случайны обстоятельства, толкнувшие Сафрона Варчука или Ивана Сичкаря на преступление, как ни различны эти люди по характеру, — их социальная суть, их собственническое нутро одинаковы. Эта суть, это нутро неизбежно делают обоих извергами и кровопийцами. И рядом с ними еще более зримой становится духовная красота таких людей, как Свирид Мирошниченко и Тимофий Горицвит, еще лучше видны их скромные дела, их самоотверженная борьба за счастье народное.

Но есть люди, которые стали на верный путь не сразу, которые долго проблуждали темными путанными тропами, прежде чем вышли на светлую дорогу. Таков Данило Пидопригора. Сын крестьянина-бедняка, сельский учитель, он не устоял против националистического угара. Петлюровский трезубец показался ему символом грядущей свободной и могучей Украины. В 1918 году Данило примкнул к отрядам Симона Петлюры, думая, что этим он выступает на защиту горячо любимой им земли от германских интервентов. Данило Пидопригора считал тогда, что лишь петлюровцы смогут сохранить украинские народные традиции, украинскую культуру, украинскую государственность. Но чем больше Данило вытягивается в орбиту петлюровщины, тем яснее видит, что головной атаман и его присные — это всего-навсего лишь шайка продажных авантюристов и шкурников, которым нисколько не дороги интересы Украины. Данило с ужасом осознает, в какой омут он попал. Иллюзии рухнули, он понял, что связал свою судьбу со страшным, антинародным делом. И хотя он лично сам не грабил, не жег, но он стал фактическим соучастником разорения украинской земли, пособником интервентов. Нет, он не может больше нести на себе позорное клеймо — будь что будет, но он пойдет в родное село и склонит свою повинную голову перед лицом Советской власти, той власти, которую всецело поддерживает украинский народ.

Рисуя нелегкую судьбу Данилы Пидопригоры, писатель вскрывает моральный крах буржуазного национализма, показывает, что любовь к своей земле, к родной Украи-

не несовместима со службой у петлюровцев.

Роман М. Стельмаха — не историческая хроника. Но рука историка, глубоко знающего эпоху, чувствуется на каждой странице: и в описании петлюровщины, и в показе быта крестьян того времени, и в обрисовке деятельности сельского комбеда.

В романе нет сюжета в строгом понимании этого слова, но он весь построен очень продуманно, как бы соткан из связанных между собой драматических эпизодов, раскрывающих характеры людей, характер эпохи. Через все эти эпизоды проходит большая, важная для писателя мысль: земля не может жить без солнца, а человек — без счастья. К счастью тянутся люди, в борьбе за него льется кровь, святая кровь.

В романе взят небольшой отрезок времени — несколько дней, действие ограничено пределами одного уезда. Но в этих, казалось бы, «узких» рамках художник много сказал и о времени и о человеке, поднял глубинные жизненные пласты, поставил большие философские вопросы, показал неповторимые в своем многообразии и в то же время глубоко типические судьбы людей.

В книге целая галерея прекрасных образов, целостных характеров. Даже эпизодические персонажи живут — их видишь, чувствуешь: и мятущуюся Марийку, променявшую свой земельный надел на коня, и того сельского учителя, что шьет ночами сапоги, — ведь надо чем-то жить и надо учить детей, и «батюку» Палилюльку, решающего бросить свое лихое житье, прийти вместе со своим отрядом с повинной, попроситься на врангелевский фронт. Тем обиднее, что, например, партийный работник Нечуйвитер, поверивший в искренность Данилы Пидопригоры, намечен как-то очень пунктирно, без психологической углубленности. Или Кульницкий. По замыслу это очень примечательная фигура — этакий «левак», любитель покрасоваться, выпятить свое «я». Такие люди наносят ущерб делу, они хотят решать сложные вопросы советского строительства сплеча, кавалерийской атакой. Но замысел писателя оказался не претворенным полностью — характер Кульницкого глубоко не разработан, поступки героя часто не мотивированы.

И все же не эти недостатки определяют главное в этом содержательном, волнующем произведении, где органически слиты эпос и лирика, глубокое изображение духовной жизни героев и публицистическая

страстность. Роман М. Стельмаха по-настоящему поэтичен. Здесь много лирических отступлений, авторских рассуждений о плодах земли, о нелегкой судьбе героев, об их прошлом и будущем. Вот одно из них:

«Каждый когда-нибудь произносит свои самые лучшие слова. У одного они, может, оборвались на детском «мама», а потом жизнь так искромсала, помяла человека, что во рту ничего, кроме скверности, и не осталось. У другого эти слова нашлись негладанно для милой, невесты, которую он, одолжив у друга сапоги, повел к венцу, а третий вымолвил их на краю могилы, чтобы запомнились детям на всю жизнь».

Такое лирическое отступление — не доводок к содержанию, а само содержание, не украшение, а необходимость. Оно помогает глубже понять людей, ищущих свои «самые лучшие слова».

Подобных отрывков можно было бы привести много — они придают роману особый колорит. В лирических отступлениях, в описаниях чудесной природы, в смелых сравнениях, которых так много в романе, — тусклые полосы облаков, как «недобеленные холсты», «певучий колос», «красные банты маков», — писатель в большинстве случаев соблюдает чувство меры. Некоторая приподнятость описаний не становится

выспренностью. Развивая традиции украинской прозы, писатель всячески избегает риторики, ложной красоты. Поэтичность у него, как правило, сочетается с глубоким проникновением в духовный мир героев, правдой характеров. Здесь явственно чувствуется плодотворная учеба у Шолохова, с его эпическим размахом и строгой простотой, красочностью картин и верностью деталей, напряженной драматичностью и остротой диалога.

За последний год-два вышло немало книг о революции, о гражданской войне. Они познакомили читателя с очень интересным, часто новым для него историческим материалом, без предвзятостей и неточностей показали события тех памятных лет. Это нужные, полезные книги. Но немногие из них отмечены печатью подлинных художественных открытий. Роман М. Стельмаха «Кровь людская — не водица» в этом отношении занимает в ряду историко-революционных романов нынешнего и минувшего года видное место. Это не просто еще одно хорошее произведение, верно передающее события тех памятных лет. Это значительное явление украинской, и не только украинской, литературы — большая, умная, честная книга.

Вл. БАСКАКОВ.

★

«Живу в двадцатом веке»

Поэзия должна быть похожа на радиogramму с адресом «Полюс». Получатели — люди занятые и серьезные. У них нет времени читать пустяки, даже блестящие. Отправители трижды и четырежды перечитывают текст. Все лишнее вычеркивается. Все взаимозаменяющее сокращается. Остаются только слова, значащие так много и звучащие так сильно, что их действительно стоит гнать через материки и океаны.

Стихи Михаила Львова — одно из таких слов в радиogramме. Они выдерживают жесткие вычеркивания. Книга его, изданная в Казани тиражом в семь тысяч экземпляров, дойдет до всесоюзного читателя. Потому что это книга умная и современная.

Умная! Не хочется употреблять слова вроде «философская лирика», «поэзия мысли». Частое употребление стерло их, как

катерининские пятаки. Под философской лирикой нередко подразумеваются рифмованные сентенции о старости и о молодости, о неминуемой смене возрастов, а также времен года. А ведь философия — это наука об общих законах развития не только природы, но и общества и мышления.

Стихи о веке и человеке, о «времени и о себе» должны составлять преимущественный предмет подлинной философской лирики.

Время и люди — главная тема книги Львова, очень точно названной «Живу в двадцатом веке».

В одном из последних стихотворений Львова сказано:

Я свергнут в жизнь, в волненья, в страсти,
В огонь, и в воду, и в цветы,
В твои, двадцатый век, ненастья,
В твои заботы и труды...
...В ночную пляску тьмы и света,
И все ж подвластен нам твой бег —
Земля — корабль, а не комета.
Я твой матрос, двадцатый век.

Михаил Львов. Живу в двадцатом веке. Редактор Б. Железнов. 183 стр. Татнигиздат. Казань, 1957.

Это не декларация. Это вывод, итог.

Могучая поступь времени, грозное величие природы, предстающие перед нами в книге, все-таки ниже человека. Человек — борец — сильнее... «И все ж подвластен нам твой бег — Земля — корабль, а не комета».

Перед нами проходят «портреты» чувств людей двадцатого века, советских людей. Их бесстрашие:

Известно всем, что плата есть за страх.
Но плата есть страшнее — за бесстрашие.
Ведь не за страх
Ведь не за страх

сжигали на кострах.
в сраженьях гибли наши.
...Хоть нет на этом свете никого,
Кто страха бы не ведал вплоть

до старости —
Есть люди, одолевшие его,
Над слабостью поднявшись в ярости,
Отряхивая с плеч своих, как прах,
Страх.
Они видны народам далеко.
А страх живет внизу, невысоко.

Их вера в человека, в товарищество:

Когда в себя уже не верил я
И сам себя давно уж «брал в кавычки» —
По доброте, а может, по привычке —
В меня зачем-то верили друзья...

...Еще входил я равным в их кружок
И слушал их раскованные строки,
Но время шло, но проходили сроки,
И горький стыд огнем мне душу жег —
Ведь я ничем ответить им не мог.

И я сказал открыто им о том
И, права не имея лицемерить,
Ругал себя, просил в меня не верить,
Поставить крест на имени моем.

Не согласились добрые друзья,
Мол, не поставим, говорят, нельзя...

...Не мог я их доверье обмануть.
Пришлось перо в чернила обманнуть,
Пришлось с неверьем собственным
протиститься,
Опять в дорогу новую пуститься.
Иду по ней, шатаюсь и скользю.
Спасибо, терпеливые друзья.

А вот стихи о верности революционному долгу этих людей, привыкших встречать грядущий ветер истории:

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте.
Но раньше должен на нее подняться.
И высота была взята,
И знают уцелевшие солдаты —
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.

А если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты,—
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.

Органически входит в книгу тема Отечественной войны. О ней — полкниги. Да и как может быть иначе, если на обложке стоят слова: «Живу в двадцатом веке». Горек удел писателя, который не разделит с народом черного сухаря военной беды. И вот стихи о годах, когда «даже сны военные нам снятся — воздушные и танковые сны».

Четыре года — до тех пор, пока можно написать: «торопимся к берлинской автостраде и письма пишем, не сходя с брони». И наконец:

По той причине, может, по
которой
Орлы не понимают похвалы,
И все-таки откуда-то беспорно
Орлам известно, что они орлы,
Ты жизнь считал не по улыбок

женщин —
По скорости, что танк нагрохотал.
Ты жизнь считал секундами и
меньше —
Мгновеньями, как молнию, считал.
Эпоха воспитала цепких, жестких,
Нас, не согласных стяг склонить хоть

раз —
Мы знали, командиры и
подростки,
Эпоха недействительна без нас.

Так сказано в итоговом стихотворении, датированном 1945 годом. Убедительно сказано!

Очень интересен и значителен казанский цикл книги. Русский поэт Михаил Львов влюблен в язык, на котором он пишет. Вся его жизнь связана с Москвой и Уралом. Но родился он в башкирском селе Насибаш. Отца его звали Давлетша, и был он бедным татарским крестьянином. Факт обычный. В русской советской культуре трудилось и трудится много крупных талантов инокровного происхождения. Это факт замечательный, свидетельствующий о великом интернационализме советских людей.

На пиру русской советской культуры Львов — равноправный соотрапезник и соучастник.

Я по-татарски говорю в Казани,
Но мой словарь пока что не богат,
Хоть в жизнь смотрю татарскими глазами,
Хоть звался в детстве именем Рафгат.

Еще не бравший даже в руки книги,
Я с детских лет был в город увезен —
В другой язык, как океан — великий,
Безбрежный, титанический, как он.

И на просторах этих океанских
Тридцатый год я моряком служу
И свой корабль среди судов гигантских
В словесные сражения вожу.

С гордостью вспоминает Львов о своем происхождении. Обращаясь к отцу, он говорит: «Но даже там, в поверженном Берлине я вспоминал татарское село». Ведь для Львова Казань — город Ленина и Горького, Тукая и Джалиля.

Сила чувства в стихах Львова часто сопряжена с силой выражения.

«Мы ночью спим на танке, как на громе», — пишет он в одном из стихов военного времени. Это очень точно. С такой же точностью в стихах о детстве сказано: «В отцовском доме за стеклом, как в дымке, висят мои мальчишеские снимки, — где с каждым годом старше и суровой лицо, улыбка, сдвинутые брови, как будто я, старея на ходу, сквозь галерею мальчиков иду...» («Снимки»).

У Львова стихи последних лет зачастую взрослее и мудрее юношеских стихов. Написаны же они на прежнем уровне.

Поэтическая мысль похожа на план воинской кампании. Но во многих стихотворениях от боя к бою, от строфы к строфе Львов не развивает первоначальный успех, а скорее обедняет его. Слишком часто его поэтические средства ниже его поэтических целей. Стихотворная техника его седьмой книги примерно та же, что и первой.

Равнодушие к поискам новой формы — общая черта многих талантливых поэтов. Принято объяснять это приверженностью к классической традиции. Однако Пушкин и Тютчев были мастерами и новаторами. Пушкин относился к так называемой зрительной рифме своего времени с сердитым раздражением. Откровенно осуждая ее, он облегчил открытия Некрасова и Маяковского.

Львов рифмует «любовь» и «вновь» со спокойной душой. Новое вино он подчас вливает в старые мехи. И мехи не добротные, а прохудившиеся. Вот очень показательный пример:

Мне жалко чувств, за давностью забытых,
Не год назад забытых и не два,
Как занавесом, временем закрытых,
В тумане лет лишь видимых едва.
Мне жалко их, как тех друзей хороших,
Погибших на переднем рубеже,
Кто в жизни больше встретиться не может
И с вечностью сливается уже.
Лишь редко-редко кто-нибудь прохожий
Вдруг в городском кипенье промелькнет,
На одного из тех друзей похожий, —
И острой болью душу всколыхнет.
Как тех друзей неповторимых, милых,
Мне жалко чувств, растаявших, как снег,
До времени схороненных в могилах,
Гвоздями заколоченных навек.
От них портретов даже не осталось.
Они в стихи не перенесены.
И все труднее вспоминать их стало,
Как осенью сияние весны.

На этом бы и стоило кончить стихотворение. Но затем следует еще восемь строк, и они ничего не прибавляют нового к мыслям и чувствам, уже выраженным. Они только назойливо перпевают их.

Кстати говоря, рифма «любовь» — «вновь» у Львова не описка. Она встречается и в хорошем стихотворении «Вера друзей», естественно соседствуя с рифмами «лицемерить» — «верить», «друзья» — «нелзя» и т. д.

Не хочется увеличивать пропорцию дегтя в статье, а возможности для этого имеются.

М. Львов — человек незаурядного таланта и заурядной выучки, сильно и самостоятельно мыслящий и торопливо пишущий. Он сказал уже много и хорошо. Но мы, товарищи его по поэтическому оружию, верим: лучшее, что он скажет, еще впереди.

Борис СЛУЦКИЙ.

★

Русские очерки

У советских очеркистов есть много предшественников, и запомнившихся и забытых. Русские писатели оставили богатейшее очерковое наследство. В своих произведениях они осветили разнообразные области русского прошлого.

Русские очерки. Составление и подготовка текста Б. О. Костелянца и П. А. Сидорова. Вступительная статья Б. О. Костелянца. Т. I—III. Гослитиздат. М. 1956.

Со страниц очерковой литературы встают картины подневольного труда крепостного крестьянства и жизни пореформенной деревни, бьющейся в тисках мироедов и капиталистического хищничества. Мы читаем живые свидетельства очевидцев о нечеловеческой эксплуатации рабочих на фабриках, заводах и рудниках прошлого века, присутствуем при первых попытках организованного отпора рабских хозяевам.

Очеркисты ведут нас в каморки и трущобы, где ютится столичная беднота, и в помещичью усадьбу. С улиц русского города мы переносимся на палубу корвета, плывущего с Мадейры на острова Зеленого мыса, или на парходик, с которым замечательный русский писатель пробирается к «монашеским островам на Ладожском озере». Жизнь больших городов сменяется картинами быта захолустья. В очерках отражается и жизнь угнетенных малых народностей и освещается зарубежная действительность.

Если тематическое и географическое разнобразие русского очерка дает большой и ценный материал для изучения русской жизни на протяжении трех веков, то не менее интересны очерки прошлого для изучения эволюции очеркового мастерства.

Обширное, насчитывающее почти две с половиной тысячи страниц, трехтомное издание Гослитиздата содержит более ста очерков или отрывков из них. Здесь представлено почти шестьдесят знаменитых и малоизвестных авторов XVIII—XX веков: от Радищева и Карамзина до Горького, Серафимовича, Вересаева и Куприна.

Трехтомнику предпослана содержательная вступительная статья Б. Костелянца. Автор тонко и вдумчиво анализирует обширный и малонисследованный материал. Историю русского очерка он убедительно связывает с развитием русского общества и историей русской литературы.

К сожалению, едва ли можно дать высокую оценку комментариям. Правда, в них содержится немало интересных и ценных сведений, но, во-первых, здесь много сомнительных и неверных указаний, во-вторых, сильно сказывается обычный порок комментаторов: поясняется, порой весьма пространно, то, что и без того всем известно, и тут же оставляются без разъяснений места, непонятные для громадного большинства читателей.

Так, встретив в «Письмах из Франции и Италии» Герцена фразу: «Робеспьер возил свою Элеонору в Théâtre Français», комментатор считает необходимым объяснить, кто такой Робеспьер, и оставляет без толкований Элеонору, хотя девяносто девять процентов читателей осведомлены о Робеспьере, но об Элеоноре едва ли имеют представление. Обнаружив в тех же «Письмах из Франции и Италии» фразу: «Вспомните всех Бриколеней, Галюше и других в романах Ж. Санда», комментатор сообщает

даты жизни Ж. Санд, «выражавшей в своих романах протест против социальной несправедливости», но умалчивает насчет Бриколена и Галюше, хотя следовало бы сказать вкратце, об этих образах, о первом из которых Белинский заметил: «Это лицо нарисовано поистине гениальной кистию».

Подобных случаев, к сожалению, немало. Но еще хуже, когда комментарины направляют читателя по ложному следу. Например, в очерке М. Горького «Вездесущее», опубликованном в 1913 году, описывается, как на берлинской улице чистильщики улиц и продавец газет читают газету, заголовок которой «Вперед». В ней пишет «Старый Карл», который «хорошо знает ее (правду.— А. Н.) и умеет сказать». Комментатор разъясняет, что это большевистская газета «Вперед», выходявшая в Женеве в 1905 году, хотя нетрудно было бы сообразить, что едва ли трое немцев в Берлине могли читать выходявшую в Женеве на русском языке газету. Горький, бесспорно, имел в виду орган немецких социал-демократов «Форвертс», название которого, чтобы было понятнее читателям журнала «Просвещение», где было напечатано «Вездесущее», он перевел на русский язык. «Старый Карл» — К. Каутский, постоянно сотрудничавший в «Форвертс».

Нередко неточности объясняются недостаточным вниманием к комментируемому тексту. В очерке Д. Мамина-Сибиряка «Золотуха» рассказчик интересуется жизнью артелей золотоискателей-кержаков. В примечаниях разъясняется: «Кержаки — здесь: обитатели раскольничьих скитов на реке Керженец», хотя указание Мамина-Сибиряка о том, что на приисках работали раскольники с реки Чусовой и из Чердынского уезда, должно было бы навести комментатора на мысль, что в данном случае кержаки — синоним раскольников вообще.

В тех редких случаях, когда авторы вводят в свои тексты стихотворные цитаты и при этом не указывают источников, комментаторы сообщают, кому принадлежит данный отрывок, но делают это чрезвычайно непоследовательно. Допустим, они разъясняют, что Пушкин в «Путешествии в Арзрум» цитирует Ч. Вольфа, Державина и Дениса Давыдова, но оставляют без пояснений, что М. Михайлов в «Лондонских заметках» цитирует «Песню о рубашке» Т. Гуда и его же «Фабричные часы»; разъясняют, что Добролюбов цитирует

Пушкина, и не считают нужным сообщить, что в «Девичнике» Ф. Нефедова молодые люди поют (с небольшими неточностями против авторского текста) «Затворницу» Я. Полонского — стихотворение, рано ставшее популярной песней. Словом, делается это по произволу и доброй воле, а не во всех необходимых случаях.

В примечаниях много ошибочных дат: Ага-Мохамед, скончавшийся, как сообщается в комментариях, в 1792 году, в 1795 и 1797 совершает походы в Грузию. А. М. Кутузов, друг Радищева, умерший в 1797 году, по воле комментария доживает до 1890 года. Об ошибках на несколько лет и упоминать нечего.

Антология русских очерков выходит впервые. Едва ли скоро выйдет аналогичный труд или будет переиздан данный трехтомник. Приходится, к сожалению, признать, что возможности, предоставлявшиеся составителям, использованы ими недостаточно. В сборник не включено много примечательных забытых произведений, прочесть которые современному читателю было бы интересно, а рассчитывать на их выпуск отдельным изданием трудно.

Причина этого в ошибочном принципе составления антологии. Наряду с произведениями, давно, мало или вовсе не переиздававшимися, в сборник включены широко известные очерковые произведения классиков русской литературы, с тем «чтобы читатель имел возможность представить себе более или менее полную картину путей развития русского очерка, картину творческих исканий и разнообразных художественных решений, которые давали в этом жанре писатели различных дарований и литературных направлений».

К чему же привели эти благие намерения? Стопятидесятитысячным тиражом перепечатаны в трехтомнике несколько глав из «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, хотя это классическое произведение все целиком имеется в широкодоступных недавних изданиях.

Воспроизведено в сборнике «Путешествие в Арзрум», несмотря на наличие многих изданий сочинений Пушкина, и два очерка из «Записок охотника», хотя «Записки охотника» в целом многократно переиздавались и переиздаются как в собраниях сочинений Тургенева, так и отдельно.

Даны в трехтомнике и отрывки из «Зимних заметок о летних впечатлениях», полностью доступных читателю в собрании со-

чинений Достоевского, и два письма из «Писем из Франции и Италии» Герцена, и кусок из «Фрегата «Паллады», и три главы из «Острова Сахалина».

Слов нет, это все замечательные произведения великих мастеров слова, но зачем перепечатывать их, к тому же, как правило, в неполном виде? Полная картина развития русского очерка была бы, думается, достигнута углубленным анализом русского очеркового наследства во вступительной статье (что и сделано Б. Костельяном). Весь смысл появления подобных антологий в том, чтобы познакомить читателя с материалом, который отсутствует в широкодоступных собраниях сочинений и отдельных изданиях.

Выход «Русских очерков» может повлечь за собой другие аналогичные издания — «Русскую сатиру», «Русскую комедию» и так далее. Представим себе на минуту такой сборник на основе «Недоросля», «Горя от ума», «Ревизора», трилогии Сухова-Кобылина и т. д. Такой «составитель» поставил бы и себя и издательство в смешное положение. Никакими словами о значительности и величии этих произведений нельзя оправдать такое «составительство», которое вызвало бы справедливое негодование читателей.

Разумеется, это очевидная нелепость, но соблазн и угроза составления антологий из широко известных вещей и легкий труд соединения под общей обложкой таких доступных для составителя произведений велики. Эта издательская тенденция поощряет составительскую лень, верхоглядство и вообще многие дурные привычки составителей сборников, антологий и хрестоматичков.

Трехтомник «Русские очерки» — серьезный, добросовестный труд, но жаль, что благодаря этой общей тенденции в сборник не вошел ряд ценных и интересных вещей.

Взять хотя бы тему Москвы. Можно было бы включить превосходные нравоописательные и бытовые очерки К. Батюшкова «Прогулка по Москве» (1811—1812), Н. Полевого «Мелкая промышленность, шарлатанство и диковинки московские» (1832), отрывки из «Очерков московской жизни» П. Вистенгофа (1842), у которого Белинский признал «замечательную наблюдательность и умение схватывать характеристические черты общества», талантливые московские очерки

В. Сухарева (псевдоним Е. Салиас де Турнемир) (1861).

Потрясающие картины страшного по неимоверно тяжелым условиям труда русских людей на Шпицбергене даны в очерке А. Харитонова «Архангельские промышленники на Груманте» («Отечественные записки» № 10 за 1849 год).

Вас. Немирович-Данченко несправедливо третируется в сборнике как представитель «легковесного, описательного жанра, апологического по отношению к существующему строю». Эти суровые слова не могут быть отнесены ко всему наследию плодовитого писателя. Вспомним, что грозный и требовательный Шедрин печатал очерки Немировича-Данченко в «Отечественных записках». В недавно опубликованных воспоминаниях о Горьком Л. Пасынкова сохранено признание Горьким правдивости географических очерков Немировича-Данченко. В его книге «Кама и Урал» (1890) имеются главы со страшными подробностями жизни уральских рабочих, вполне достойные перепечатки.

Можно было бы поместить избранные отрывки из «Ситцевого царства» И. Волкова, содержащего любопытные бытовые данные о дореволюционном Иваново-Вознесенске — городе мануфактурных королей и нищеты и бесправия рабочих, а также куски из талантливого и яркого «Сахалина» В. Дорошевича.

Все это лишь отдельные примеры многочисленных пропусков и упущений. Но даже из этого беглого и краткого перечня видно, что очень много интересного очеркового материала осталось за пределами трехтомника. И если трехтомник читается с интересом и в его настоящем виде, то можно с уверенностью сказать, что при более инициативном подходе составителей к комплектованию сборника он оказался бы значительно свежее и интереснее.

В антологии помещено довольно много

вещей с купюрами. В ряде случаев это оправдано и законно, однако и в этом отношении кое-что вызывает протест. В частности, рекомендую не читать помещенных в сборнике отрывков из «Зимних заметок о летних впечатлениях» Достоевского, а обратиться к собранию сочинений Достоевского и прочесть эту замечательную вещь целиком. Б. Костелянец правильно считает основными чертами русского очерка «описание, но непременно сочетающееся с анализом и раздумьем; глубокое... обобщение наблюдаемого». И сам же, препарировав очерк Достоевского, оторвал описание от анализа, раздумья и обобщения.

Издание снабжено несколькими десятками рисунков, принадлежащих разным художникам. Качество их неравноценно, манеры авторов разнообразны. Общее же, что объединяет подавляющее большинство этих рисунков, — совершенная их ненужность для иллюстрируемого текста. Авторы очерков дают нам первоклассный материал серьезных и разнообразных жизненных наблюдений. Все, о чем они пишут, они изучили, исследовали, выстрадали. Авторы рисунков или не знают русского быта прошлого времени и дают произвольные вариации, особенно проигрывающие по сравнению с точностью и документализмом иллюстрируемых очерков, или рисуют вульгарные карикатуры, или же создают пейзажи, не вызывающие особых возражений, но и не помогающие читателю глубже почувствовать и понять изображаемое. Низкое качество воспроизведений окончательно портит дело. Счастливых исключений здесь мало.

Таким образом, антология русских очерков, порадовав читателей текстами, читающимися с большим интересом, и хорошей вступительной статьей, в то же время заставляет сожалеть о редких и богатейших возможностях, упущенных составителями.

А. НАРКЕВИЧ.

★

Светлый талант

Давным-давно на Дальнем Севере во время пятидесятиградусного мороза я видел редкостное явление: вокруг солнечного диска в туманной дымке сияло еще четыре солнца. Мне, мальчику, показалось тогда это чудом, но я вскоре узнал, что

П. Маркиш. Избранное. Редактор В. Левин. 416 стр. «Советский писатель». М. 1957.

это объясняется простыми законами природы. Не случайно вспомнилось мне это юношеское впечатление, когда я на днях прочитал сборник стихов известного еврейского поэта Переца Маркиша. Многогранность и, если можно так выразиться, многоискровость его творчества действительно неоглядны. Эпика, лирика, политические

стихи, сатира не только соседствуют, но и перекликаются в одной книге большого советского поэта.

Проникновенные стихи Перец Маркиш посвятил Владимиру Ильичу Ленину:

Придет одно и сменится другим,
Уходят поколения навеки,
Но никогда народ не разлучался с ним,
Как с морем никогда не расставались реки.

Народ его мечты взрастил, как семена,
И сердце уберег, его заветам внемля.
Цветущая, как сад, раскинулась страна,
Обильный урожай едва вмещают земли.

Во всем, что ныне мы без усталости творим,
Свершает мысль его, великая, простая,
И кажется — он здесь, он жив, и вместе с ним
Любимая страна живет и расцветает.

Поэт огромного и свободного политического пафоса, он одновременно был и глубоким лириком. Не удержусь, чтобы целиком не процитировать короткое стихотворение «Под дождем» в четком переводе Вероники Тушновой:

Нас берега не ждуть нигде,
Не ждуть дороги с их зеленой сенью.
Плывем вдвоем в невидимой воде,
Сквозь ночь плывем мы, под дождем осенним.

Чтоб ничего не видеть — тьмы покров,
Внизу — река, и молодость, и бездна.
В глазах — огни двух встречных поездов,
Сознание неизбежности железной.

Тьма говорит, что далям нет конца
И что пространство черное огромно.
Так близко бьются, так стучат сердца —
Вот-вот река расплещется от грома.

Нас задевает бледный хлыстик света,
Как обруч, в небе катится звезда.
Постой, мы взглядами беглянку эту,
Как чайку, в плен захватим навсегда.

Перец Маркиш был поэтом радостным и оптимистическим. Творчество его одновременно драматично и жизнеутверждающе:

Искать друг друга в поле и в лесах.
И быть вдвоем. И не терять друг друга.
Так — звездам суждено на небесах!
И что с того, что на дорогах выюга!

Снег почернеет. Прилетят грачи.
И ветер снова к листьям возвратится.
Находят море реки и ручьи,
Далеких гнезд не забывают птицы.
(Перевел А. Кленов).

Стихи Перца Маркиша говорят сами за себя. Не только говорят, но кричат, ликуют и скорбят. Мне довелось перевести на русский язык два его стихотворения. Разумеется, я смог оценить качества подлинника лишь по прозаическому подстрочнику. Вели-

колепная оркестровка стихотворений Перца Маркиша раскрылась мне, когда я слушал его стихи в чтении друзей. Но глубочайший философский смысл стихов, их жизнеутверждающее звучание были восприняты мной непосредственно, как и будут восприняты любым читателем. Отнюдь не претендуя на полную оценку и характеристику творчества Перца Маркиша, рассказывая о нем, как поэт о поэте, я хочу передать и то неизгладимое из души впечатление, которое вызвало у меня чтение, а затем и перевод подлинника. Два стихотворения, лежавшие у меня перед глазами, казалось, были не похожи одно на другое. Но оба они представляли две разные, но общие стороны искусства поэта. Стихотворение «Горная Мадонна» поразило меня философским осмыслением темы. И не только философским, но и символическим обобщением, казалось, случайного жизненного впечатления. Увидеть в образе простой казачки образ мадонны, почувствовать и передать извечную боль матери о ребенке, который может пойти на суровое и тягчайшее испытание, мог только великий поэт. Эти стихи сейчас особенно звучат в связи с борьбой народов против новой войны. Библейские образы отнюдь не исключают современность. Они являются лишь средством для выражения глубочайшей и мудрой идеи.

Другое стихотворение — «У реки» — до того полно радости, ясного света и любви к молодому поколению, которое воспримет наследство отцов, что только диву даешься. Мне невольно вспомнились образы классической древнегреческой поэзии; Перец Маркиш внутренне, желая того или нет, следовал им, когда описывал нагих девушек, целомудренно говоря об их красоте. Эти два стихотворения, которые мне посчастливилось перевести и предложить читателю в упомянутой книге, характеризуют только две стороны таланта Перца Маркиша. Его эпические произведения — а он был мастером эпоса, — особенно поэмы «Чертополох» и «Война», нуждаются в отдельном обстоятельном разборе. Я не случайно начал свою краткую статью с воспоминаний о юности. Творчество П. Маркиша — это многоискрывый свет. Редко когда у одного поэта так счастливо сочетались все жанры, — это, образно выражаясь, и есть несколько солнц вокруг одного диска. Имя этому диску — поэзия.

Сергей НАРОВЧАТОВ.

Новый роман Альберто Моравиа

«**Ч**ьочара» — так назван новый роман итальянского писателя Альберто Моравиа, известного нашему читателю по его переведенной на русский язык книге «Римские рассказы». Роман «Чьочара», как и многие другие произведения Моравиа, в своей основе автобиографичен.

Действие романа точно локализовано во времени и пространстве. И в этом заключен для Моравиа определенный элемент формальной рюкзаны, ибо во многих других его произведениях конкретные приметы времени и места либо вовсе отсутствуют, либо намечены двумя-тремя условными штрихами.

В романе «Чьочара» изображен период тютюстного безвременья на юге страны, который может быть датирован вполне точно (с октября 1943 по июнь 1944 года). После свержения Муссолини столицу Италии, как известно, оккупировали гитлеровцы. На долгие месяцы затянулось ожидавшееся наступление союзных войск, которые продвигались (вернее, почти не продвигались) к Риму с юга.

Преследуемый гестапо, Альберто Моравиа бежал из Рима вместе со своей женой — писательницей Эльзой Моранте — и провел эти месяцы вблизи горного селения Фонди, среди нищих пастухов Чьочарии и разоренных войной беженцев.

Моравиа прожил в Чьочарии почти год, и в основе книги — его опыт и наблюдения того времени. «Я жил среди тех же страхов и лишений, питался теми же надеждами и иллюзиями, что и персонажи моей книги», — говорил позднее Моравиа в одном из интервью.

Первая глава книги написана вскоре после окончания войны, но затем писатель прервал работу над романом и вернулся к нему более чем десять лет спустя.

Таким образом, этот, вне сомнения, наиболее демократический из романов Моравиа, им самим названный «вкладом писателя» в Соппротивление, фактически был создан в период с июня прошлого года по апрель нынешнего. Книга писалась в такие времена, когда твердая народная почва стала ускользать из-под ног кое у кого из тех литераторов, кто еще не так давно, и не

без основания, считался намного «левей» Моравиа.

По страницам «Чьочары», по описанным в романе дорогам и перепутьям военных лет проходит множество самых различных персонажей. Здесь пастухи и крестьяне, беженцы и спекулянты, адвокаты и священники, монахи и пленные, здесь итальянцы, немцы и французы, англичане и американцы, солдаты и офицеры многих армий — разношерстная толпа людей, которых столкнула друг с другом война. В этой густой «населенности» книги также нельзя не усмотреть нечто новое для Моравиа, который обычно ограничивал число персонажей своих романов четырьмя или пятью. Но на фоне этого множества людей все же отчетливо вырисовываются три фигуры: сама «чьочара» (ее имя Чезира) — образ, наиболее близкий автору (по сути дела в уста Чезиры, от лица которой и ведется повествование, писатель вложил свою оценку происходящих событий), дочь Чезиры Розетта — образ сломленного, растоптанного войной человека, и Микеле — один из самых сложных персонажей книги, интеллигент, который и близок писателю и далек от него, и дорог ему и ненавистен. В этих трех образах, при всей их жизненной и фактической достоверности, заключена попытка большого обобщения. Чезира воплощает в себе «типично итальянские народные черты, — говорит о ней сам Моравиа в том же интервью, — потому что лишь в народе сохранилась классическая основа лучшей итальянской традиции, основа, которую образуют чувство меры, моральная чистоплотность, честность, однако не без некоторой примеси лукавства и при значительной способности к приспособлению».

К этим чертам Чезиры нужно добавить и другие — целостность характера, отсутствие какой-либо надломленности и раздвоенности, ясность и трезвость в оценке людей и явлений, глубокое, идущее изнутри стремление к счастью и красоте, способность видеть недостатки не только в других, но и в себе и, главное, жизненную стойкость и твердость. Такой предстает перед нами Чезира на страницах романа, такой проходит она сквозь испытания войны и разрухи. Образ Чезиры глубоко полемичен в своей противопоставленности многим персонажам современной декадентской литературы, в том числе и отдельным женским об-

Alberto Moravia. *Ciociara*. „Bompiani“. 1957 (Альберто Моравиа. Чьочара. «Бомпиани». 1957).

разам самого Моравиа. Он сложен и в социальном плане. Чезира родилась в деревне, но замуж вышла за пожилого римского лавочника, а после смерти мужа сама вела мелочную торговлю. Она знает цену деньгам, знает, что такое власть денег.

Но в Чьочарии, куда Чезира вместе с дочерью бежала из Рима, все резко дает себя знать разница между крестьянами и городскими спекулянтами — людьми тупыми, жадными, ограниченными и завистливыми. Здесь Чезира ощущает фальшь спекулянтской морали, основанной на чистогане, — и крестьяне становятся ей ближе, чем лавочники.

Откровенная жадность хищников и неприкрытая, извечная нищета крестьян пробудили в Чезире лучшие стороны ее характера. Но есть в ее образе и другая важная черта, мимо которой нельзя пройти даже в краткой рецензии. Чезира при внешнем и формальном соблюдении церковных обрядов и предписаний в глубине души своей отрицает религию. И это подлинно народная черта. Нередко в засилье католицизма в Италии усматривают признак религиозности народа, нередко исторически укоренившееся политическое влияние церкви смешивают с религиозностью народных масс. Такие взгляды ошибочны и в корне противоречат существующему положению вещей.

Чезира в бога не верит, не обращается к нему за помощью в самые тяжелые минуты, не рассчитывает на эту помощь, не взывает к ней. Вот характерный разговор Чезиры с дочерью.

« — Видишь, Розетта, что значит иметь деньги? »

— Мадонна помогла нам, я знаю, мама. Мадонна всегда нам станет помогать.

Я не посмела ей возразить, ведь я знала, до чего сильна ее вера. . и все же не могла я удержаться и подумала: если все это верно, то Мадонна как-то уж очень странно помогает людям. Томмазино согласился помочь нам ради денег, но эти деньги заработаны на черном рынке, получены благодаря войне и голоду. Выходит, Мадонна желала, чтобы была война и голод? Но зачем? Чтоб покарать нас за наши грехи? »

Лишь однажды мы видим Чезиру в церкви — за несколько минут до события, которое навсегда должно было убить в ней веру, если бы она ее питала, потому что здесь, в церкви, «на глазах у Мадонны», солдаты изнасиловали ее дочь.

Вторым по значению, а не по силе художественной выразительности, является образ Розетты, который звучит как антитеза к образу Чезиры. Если раскрыть символику писателя, то мы найдем здесь противопоставление народности католицизму. Воспитанная монахинями, Розетта гибнет при первом же серьезном испытании. Аффектированная религиозность, ангельская доброта и христианское смирение, подчеркнутая моральность и чистота оказываются всего-навсего хрупкой оболочкой. Эта оболочка спадает при первом же столкновении с действительностью. И то, что для Чезиры могло стать лишь тяжким испытанием, что не сломило бы ее воли к жизни, то привело Розетту к моральному краху и надлому.

«В образе Розетты, — говорит Моравиа, — я хотел показать недостаточность и хрупкость католического воспитания».

Но символика образа не только в этом, она сложнее и противоречивее. Судьба Розетты — символ бедствий, принесенных войной, символ насилия, совершенного над женщиной, народом, страной. В одном и том же персонаже писатель и символизирует «хрупкость католической оболочки» и отрицает, осуждает войну. И здесь нет противоречия, здесь две стороны одного и того же вопроса, ответ на который предельно четок и ясен: раз возможна эта война, беспощадная, всеобъемлющая, ничего не щадящая на своем пути, значит ложны, значит преступно обманчивы заповеди религии, значит, если говорить словами Чезиры, «Мадонна не совершила чуда».

Наконец, третий из основных персонажей романа — Микеле, сын спекулянта Филиппо, юноша, получивший университетское образование. Микеле — человек тонкого и ясного ума, человек одаренный, талантливый. Своего отца он глубоко презирает, как презирает и всю породившую его самую буржуазную среду, в которой видит людей, достойных возмездия, людей, осужденных историей. Антифашизм Микеле — его ненависть к итальянским фашистам и гитлеровцам — ясен и достоверен. Микеле — человек культуры, ему дороги ее ценности (великолепна сцена, в которой Микеле объясняет бегавшим из плена английским офицерам, кто такой Данте), Микеле верит в неизбежность поражения фашизма и, несмотря на полную отрезанность от внешнего мира, правильно анализирует ход военных событий.

Взгляды его были достаточно зрелыми для того времени. Немало подобных ему молодых итальянских интеллигентов в те годы стали борцами. Но Микеле не стал борцом: ненавидя свою семью, он не смог порвать с ней бесповоротно; ненавидя фашистов, он не нашел пути, который вел к борьбе против них. А ведь ему не откажешь в храбрости, мужестве, способности к самопожертвованию. Микеле гибнет, когда один, без оружия в руках, хочет защитить крестьян, на которых направлены автоматы гитлеровцев. Но гибель Микеле лишь трагический жест одиночки, который не нашел своего пути. И не случайно Чезира, которая так полюбила Микеле, многого в нем не понимает. В образе Микеле есть черты, сближающие его с другими интеллигентами из романов Моравиа, но и здесь прежде всего нужно отметить то новое, что в нем содержится. Если у студента Джакомо из романа «Римлянка» писатель на первый план ставит развещающую силу рефлексии и душевное равнодушие, которое приводит его к предательству и самоубийству в расправу за предательство, то в образе Микеле трудно обнаружить черты раздвоения личности. Напротив, для Микеле характерны цельность, моральная чистота, страстность и непримиримость антифашистских убеждений, стремление к лучшему будущему, мечты о том новом мире, который возникает из пепла и развалин войны. Рисуя образ Микеле, Моравиа нарочито избегает прямых политических определений, но читателю ясно — Микеле мог бы стать коммунистом, мог бы стать борцом, но не стал им. Микеле мог бы победить, но погиб, выражая этим свой протест.

Какова же основная, доминирующая тема «Чьочары»? Ответ нам представляется несомненным: беспощадное и безоговорочное осуждение войны.

Выступая более года назад по московскому радио, Моравиа говорил, что намерен написать книгу «о войне и против войны». И писатель осуществил свое намерение.

Война в романе изображена не как явление вневременное, вневременное. Это война современная, всеобъемлющая, неумолимо вовлекающая всех и вся в свой страшный водоворот. Ее дыхание ощущаешь с первых же страниц романа.

Война приходит и в горы, добирается до убогих лачуг пастухов, приносит с собой голод, болезни, лишения и смерть; вой-

на проникает в души людей, подрывает устой их жизни и безжалостно губит и слабых и сильных. Сколько раздавленных войной человеческих судеб встречаем мы на страницах этой книги!

Вот встреча с молодой матерью, потерявшей рассудок. Она говорит Чезире: «Они приходят и отбирают, приходят и отбирают, они немцы, сами знаете... но что же я им сказала в последний раз? Я сказала им: нет у меня ничего, нет муки, нет фасоли, нет сала, только молоко для ребенка... берите, если надо, вот оно. — И она, пристально глядя на меня своими широко раскрытыми глазами, принялась расстегивать лифчик...»

Кому же нужна война? Ради кого ведется война? Кто повинен в принесенных ею бедах?

Ответ на эти вопросы заключен прежде всего в образах спекулянта Филиппо и других «королей черной биржи», воплощающих наиболее отвратительные черты буржуазного мира, его волчью мораль и животные, чревоугодные инстинкты.

Вот разговор между дядей Микеле — помещиком и адвокатом — и немецким лейтенантом, которого он, желая задобрить, позвал к себе на обед.

«— А знаете ли вы, — спрашивает немец, — отчего Италия проиграла войну? Из-за огромной разницы между солдатами и офицерами, между народом и вами, господа из правящего класса. Итальянский солдат не желает сражаться, он считает эту войну вашей, а не своей войной...»

Адвокат сумел преодолеть свой страх и сказал:

— Верно, народ этой войны не хотел. Но и я ее не хотел. Войну нам навязало фашистское правительство. Не мое это правительство, можете не сомневаться.

Тут немец слегка повысил голос:

— Нет, дорогой сеньор, слишком удобный для вас ответ. Это правительство — ваше правительство... Правительство вашего класса!..»

Вот как в романе поставлен вопрос об ответственности.

Чем же отличается «Чьочара» от прежних книг Моравиа? Кое-что нами отмечено: четкая локализация действия во времени и пространстве, большое число персонажей. И еще — отказ писателя от преувеличенного внимания к сексуальной стороне и то, что в ткань романа введен пейзаж. Обычно Моравиа ограничивал опи-

сания природы двумя-тремя штрихами. Здесь же, в «Чьочаре», изумительные по красоте пейзажи Италии сменяют друг друга, здесь ощущаешь и время дня и время года, здесь пейзаж всегда содержателен и гармонирует с душевным состоянием героев.

Все это, конечно, радует. Но главное отличие «Чьочары» от прежних книг Моравиа заключено в выборе героини из народной среды. Отсюда — проблемы языка и стиля. Ведь свои мысли и оценки автор вкладывает в уста Чезиры. Нелегко это, особенно если вспомнить об устойчивости итальянских диалектов, о насыщенности диалектальными оборотами речи любого итальянца из народа. Писатель не пошел здесь по пути, соблазнившем многих, — в романе почти отсутствуют обороты на диалекте области Лацио, которые должны быть присущи речи Чезиры и других персонажей. Речевая характеристика выражена в синтаксисе, в сложном разговорном ритме фразы, не в лексике. В этом романе, народном не только по содержанию, но и по языку, отступления от речевой характеристики персонажей весьма редки.

Сейчас на Западе идут ожесточенные споры о судьбах романа как жанра. Может быть, особенно остры эти споры в Италии — на родине неореализма, художественного направления, которое отрицает роман, по крайней мере в традиционном его понимании. Совсем недавно на страницах альманаха «Улиссе» шел интересный

спор о романе. Немало сегодня в Италии писателей, и писателей талантливых — укажем хотя бы на Карло Леви и Итало Кальвино, — которые отрицают правомерность изображения современной жизни в романе, предпочитают ему иные жанры. «Очерк, записки о путешествии, утопия, философский и исторический рассказ, диалог должны стать протагонистами литературы», — говорит Кальвино. Споры эти начались не сегодня, и Моравиа давал на них простой и ясный ответ — писал романы. В «Чьочаре» мы видим стремление писателя отдельные мотивы, присущие неореализму, слить с традицией большого романа XIX века, идущей от русской и французской литературы.

От неореализма в романе — и внимание к судьбам простых людей, и некоторый налет мягкого лиризма, и отказ от усложненности сюжета, и забота о достоверности факта, жизненного документа. От традиции — четкое построение образов, широкий охват событий, спокойное, последовательное развертывание повествования, глубина психологических характеристик.

В попытке проложить мост между новаторством и традицией заключается экспериментальность книги.

Альберто Моравиа в декабре этого года исполняется пятьдесят лет. Писатель в расцвете сил, и хочется надеяться, что «Чьочара» не будет только эпизодом на его большом творческом пути.

Г. БРЕЙТБУРД.

★

Политика и наука

Ученый-революционер

В текущем году отмечалось 85-летие со дня рождения старейшего члена Коммунистической партии, друга и соратника В. И. Ленина, основателя советской школы энергетиков, Героя Социалистического Труда академика Глеба Максимилиановича Кржижановского.

Инициатор и строитель первой в России районной электростанции на торфе, председатель комиссии ГОЭЛРО и первого Госплана, вице-президент Академии наук СССР, основатель и руководитель Энергетическо-

го института Академии наук, носящего его имя, — таковы основные вехи жизненного пути выдающегося советского ученого.

Перу Г. Кржижановского принадлежит большое количество работ по вопросам марксизма-ленинизма, теории и практики социалистического планирования, проблемам электрификации и хозяйственного строительства, а также ряд ценнейших воспоминаний о выдающихся деятелях революционного движения и представителях отечественной и зарубежной науки и техники.

Работы Г. Кржижановского отличаются энциклопедичностью, глубоко проникновением в существо рассматриваемых про-

Г. М. Кржижановский. Избранное. Редактор В. Кудрявчикова. 568 стр. Госполитиздат. М. 1957.

блем, оригинальностью мысли. Вот почему с таким интересом встречен советским читателем выход в свет избранных произведений маститого ученого. Несмотря на солидный объем книги, она включает только часть важнейших трудов Г. М. Кржижановского.

Еще в 1915 году Кржижановский впервые выступает с идеей централизации электроэнергетического хозяйства страны на базе районных электроцентралей, работающих на местном топливе, подробно развивая эту мысль в тогда же прочитанном докладе, которым и открывается том избранных произведений ученого. Но идеи электрификации смогли осуществиться только после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

23 января 1920 года В. И. Ленин после ряда бесед с Кржижановским написал ему письмо, положившее начало составлению исторического плана электрификации страны — плана ГОЭЛРО.

В брошюре «Основные задачи электрификации России» Кржижановский дал блестящий марксистско-ленинский анализ путей развития материально-технической базы современного общества и показал ту революционизирующую роль, которую играет электроэнергия во всех областях экономики. Утверждая, что если век пара был веком капитализма, а век электричества будет веком социализма, автор делает интереснейший прогноз, звучащий теперь, через тридцать семь лет, почти пророчески:

«Мы подходим к последней грани. За химической молекулой и атомом — первоосновами старой химии — все яснее обрисовываются ион и электрон — основные субстанции электричества; открываются ослепительные перспективы в сторону радиоактивных веществ. Химия становится отделом общего учения об электричестве. Электротехника подводит нас к внутреннему запасу энергии в атомах. Занимается заря совершенно новой цивилизации».

Назначенный по предложению Ленина председателем комиссии ГОЭЛРО, Глеб Максимилианович сплотил вокруг себя свыше двухсот крупнейших представителей русской науки и техники. Комиссии удалось в исключительно короткий срок создать план электрификации страны, воплотивший в себе все самые передовые идеи технического развития, годами накапливавшиеся в нашей стране, но не реализованные в условиях капиталистической России.

Вдохновляемый указаниями Ленина, Кржижановский развивает кипучую деятельность. В его научных работах, основные из которых помещены в «Избранном», сформулированы главные направления развития социалистического электроэнергетического хозяйства, которые были положены в основу составления пятилетних планов.

Благодаря усилиям Кржижановского была значительно расширена программа коренной реконструкции топливного баланса нашей электроэнергетики с включением в него местных сортов топлива. Идея использования неисчерпаемых гидроэнергоресурсов страны органически связывалась ученым с проектом строительства высоковольтных линий электропередачи и объединением тепловых и гидравлических электростанций в энергетические системы.

На VIII Всероссийском съезде Советов, в декабре 1920 года, Кржижановский выступил с докладом о плане ГОЭЛРО, который Ленин назвал «второй программой нашей партии» (разделы плана ГОЭЛРО, написанные Кржижановским, воспроизводятся в этом издании).

Социалистическая электрификация, как это неоднократно показывал в своих работах Глеб Максимилианович, возможна лишь благодаря плановому началу в развитии хозяйства. И когда было принято решение о создании центрального планового органа — Госплана, во главе его был поставлен Кржижановский. Он сумел четко организовать деятельность этого планового центра, возглавить огромную работу по составлению первого пятилетнего плана, в основу которого были положены ленинские идеи создания в СССР крупной машинной индустрии и электрификации всей страны.

Доклад Кржижановского на V съезде Советов СССР в 1929 году «Пятилетний план развития народного хозяйства СССР», проникнутый глубокой убежденностью в победе коммунизма, является блестящим образцом творческого применения принципов марксизма-ленинизма при решении конкретных проблем планирования социалистического хозяйства. В этом докладе сформулированы основные принципы районирования страны и взаимосвязей отдельных отраслей народного хозяйства.

В книге помещены также исследования Кржижановского «Основы технико-экономического плана реконструкции СССР», до-

клад «Проблема подготовки кадров во второй пятилетке» и ряд других.

Внимательно следит автор за всем тем, что рождает поднятая социализмом инициатива масс, и заботливо поддерживает ростки нового. В статье «Межселенные машинно-тракторные станции» (1929) Кржижановский, говоря об историческом значении первой машинно-тракторной станции совхоза имени Шевченко, утверждает, что «эта новая энергетическая база всесторонне преобразует самый тип сельскохозяйственной производственной ячейки».

В статье «Кукуруза в нашем сельском хозяйстве» автор приводит письмо к нему В. И. Ленина о кукурузе и считает, что «ставка в реконструкции нашего сельского хозяйства на быстрое увеличение массы зерна, очевидно, должна быть скорректирована резким увеличением кукурузного клина».

Особый интерес представляют работы Кржижановского о В. И. Ленине, с которым его связывала тридцатилетняя революционная и государственная деятельность. Из большого количества работ ленинского цикла в книге напечатаны только четыре: «Памяти В. И. Ленина», «Ленин и наука», «В. И. Ленин и плановая работа», «Ленин и техника». В этих трудах, сочетающих воспоминания автора о встречах, беседах и переписке с Владимиром Ильичем с глубоким анализом ленинских положений, со-

ветский читатель найдет драгоценные страницы, где с огромной любовью нарисован облик великого вождя советского народа.

Не раз подчеркивая глубочайшую веру Владимира Ильича в неиссякаемые силы советского народа, в многомиллионный актив строителей социализма, автор пишет: «Этот актив спаян небывалым единством воли, сплочен, как никогда, вокруг великой Коммунистической партии. Он горит ленинским революционным энтузиазмом. Это поистине поколение победителей. Этому миллионному активу, формирующему во всех уголках нашей необъятной страны победоносные стахановские отряды, не страшны никакие исторические бури, никакие препятствия».

Заключительная часть книги содержит тепло написанные воспоминания автора о его друзьях — передовых бойцах ленинской гвардии—Феликсе Дзержинском, А. Д. Цюрупе, Л. Б. Красине, Кларе Цеткин, Н. К. Крупской.

Госполитиздат сделал большое и хорошее дело, напечатав избранные произведения Г. М. Кржижановского. Однако этим нельзя ограничиться. Назрела необходимость в опубликовании всех научно-литературных работ выдающегося ученого-революционера. Такое издание следовало бы подготовить Академии наук СССР.

В. НЕВЗОРОВ.

Великая сила Китая

Все прогрессивное человечество с чувством огромного удовлетворения отметило 1 октября восьмую годовщину провозглашения Китайской Народной Республики. Со времени всемирно-исторической победы китайского народа над объединенными силами внешней и внутренней реакции лицо Китая неузнаваемо изменилось. Десять — пятнадцать лет тому назад, когда в стране хозяйничали японские, американские империалисты и чанкайшистская клика, трудно было представить, что Китай, который до недавнего прошлого был чуть ли не классическим примером вековой отсталости, сможет в максимально короткий срок стать великой мировой державой.

Какая чудесная сила преобразила Китай? «Без Коммунистической партии не

может быть нового Китая», — говорят теперь в народе. Признание руководящей и направляющей роли Коммунистической партии хорошо выразил поэт Ван Сюэ-бо:

Нам открыли коммунисты путь побед,
а без коммунистов и Китая нет.
Коммунисты любят свой народ,
коммунист бесстрашно в бой идет.
Воля коммунистов жизнь дала нам.
Путь коммуниста,
как стрела, прям.

Капитальная, обобщающая история Коммунистической партии Китая еще не написана. Славные деяния и свершения партии еще ждут своих исследователей. Пока китайскими учеными сделаны лишь первые, хотя и весьма ценные, попытки нарисовать величественную картину героического пути, пройденного авангардом китайского пролетариата. Одним из звеньев этого большого

труда является книга «Краткая история Коммунистической партии Китая», написанная Мяо Чу-хуаном.

Ее научное и познавательное значение очень велико. Автор, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, тщательно разобрался в многочисленных фактах и событиях, связанных с историей партии, отобрал из них главные, правильно оценил их. В результате получилось краткое систематическое изложение истории Коммунистической партии Китая за период 1921—1949 годов.

Книга знакомит читателя с ролью КПК в период подъема рабочего движения 1921—1923 годов, первой гражданской революционной войны 1924—1927 годов, второй гражданской революционной войны 1927—1937 годов, антияпонской войны 1937—1945 годов, третьей гражданской революционной войны 1945—1949 годов в Китае. На любом отрезке времени Коммунистическая партия выступала как основная политическая сила, руководившая народно-освободительной борьбой трудящихся Китая.

Огромное революционизирующее влияние на борьбу китайского народа оказала Октябрьская социалистическая революция в России, продемонстрировавшая китайским трудящимся всепобеждающую силу идей марксизма-ленинизма и указавшая путь выхода из колониального рабства.

Передовые представители китайской интеллигенции (Ли Да-чжао, Мао Цзэ-дун, Цюи Цю-бо и другие) начали пропагандировать марксистско-ленинское учение среди рабочих и создавать первые коммунистические группы в стране. Соединение марксизма с рабочим движением способствовало образованию Коммунистической партии Китая. Она организационно оформилась на своем первом съезде 1 июля 1921 года.

Основание Коммунистической партии Китая явилось выдающимся событием в истории революционного движения страны и всего международного рабочего и коммунистического движения. Съезд признал, что конечной целью борьбы китайского рабочего класса является установление диктатуры пролетариата и построение социалистического общества в Китае.

Умело применяя теорию марксизма-ленинизма к конкретным условиям страны, партия подняла китайский народ на народно-демократическую революцию. Одновре-

менно происходило и идейно-организационное укрепление партии. Она повела решительную борьбу против капитулянтов, которые не признавали за пролетариатом руководящей роли в революции, не понимали, что аграрное движение является главным ее содержанием, а потому и не включали крестьянство в состав движущих сил национально-освободительного движения.

Серьезной проверкой боеспособности партии был период первой гражданской революционной войны — 1924—1927 годы. Китайский рабочий класс, только что вышедший на арену политической борьбы, стоял перед сильными противниками: империалистами, феодалами, милитаристами. Чтобы разбить этих врагов, пролетариат нуждался в союзниках, которые могли бы объединиться с ним на платформе общей борьбы против империализма. Опираясь на решения третьего съезда КПК (июнь 1923 года) об установлении единого революционного фронта Коммунистической партии с гоминданом, руководимым Сунь Ят-сеном, партия сплотила в революционно-демократический, антиимпериалистический союз рабочих, крестьян, городскую мелкую буржуазию и национальную буржуазию. Этот союз был поддержан первым съездом гоминдана в январе 1924 года. Не теряя в едином фронте своей организационной и политической самостоятельности, коммунисты вели настойчивую работу по сплочению всех патриотических сил китайского народа против империализма. Выражением этих усилий явились героическая борьба шанхайских рабочих 30 мая 1925 года и Северный поход, предпринятый в июле 1926 года революционным правительством Кантона против северных милитаристов за объединение Китая.

До поры до времени национальная буржуазия шла вместе с пролетариатом. Но когда выступления рабочих и крестьян приобрели огромный размах, буржуазия испугалась и решила наговор с империалистами. Следствием этого явился контрреволюционный переворот Чан Кай-ши 12 апреля 1927 года. После выхода коммунистов из Уханьского правительства в июле 1927 года единый фронт распался, и первая гражданская революционная война в Китае потерпела поражение.

Но поражение это было временным: решение основных задач революции — объединение Китая и освобождение страны от

ига империализма и феодалов — становилось все более насущно необходимым.

Вскоре вспыхнула вторая гражданская революционная война (1927—1937). Под руководством Коммунистической партии были созданы Красная армия и революционные опорные базы. Они — специфическое явление для Китая того времени. Их возникновению способствовала сложившаяся обстановка: неравномерность политического и экономического развития страны, постоянно обострявшиеся противоречия в лагере империалистов, между компрадорами, феодалами и милитаристами, между империалистами и национальной буржуазией.

Восстания народных масс в различных районах, проходившие под руководством коммунистов, часто заканчивались поражением феодалов и установлением на местах политической власти народа в форме собраний депутатов. 7 ноября 1931 года в столице центральной опорной базы — городе Жуйцзине (провинция Цзянси) состоялся первый Всекитайский съезд рабочих и крестьянских депутатов, избравший центральное рабоче-крестьянское правительство под председательством товарища Мао Цзэ-дуна.

На территории опорных баз осуществлялись широкие социально-экономические преобразования. Возникновение опорных баз свидетельствовало о перенесении центра тяжести работы партии в деревню, о том, что партия рассматривала участие крестьян в революции под руководством пролетариата как важнейшее условие победы антиимпериалистической и антифеодальной буржуазно-демократической революции. Во главе с товарищем Мао Цзэ-дуном партия отстаивала этот путь развития китайской революции, ведя беспощадную борьбу как с авантюристическими планами «левых», предлагавших организовать всекитайское вооруженное восстание, так и с правыми оппортунистами, которые отказывались вести борьбу, считая, что у революции нет будущего.

Японское вторжение в Китай осенью 1931 года нанесло удар не только по трудящимся и мелкой буржуазии, но и существенно ущемило интересы китайской национальной буржуазии. С позиций живого, творческого марксизма партия оценила противоречия между империализмом и китайской национальной буржуазией и разработала стратегию и тактику применительно к новому историческому этапу развития Ки-

тая. Важнейшей задачей партии стала мобилизация всех сил народа на борьбу против японского империализма и создание в этих целях широкого фронта рабочих, крестьян, а также буржуазии. Этому периоду посвящена глава книги Мяо Чу-хуана, озаглавленная «Коммунистическая партия Китая в период антияпонской войны».

Коммунистическая партия неустанно укрепляла единый антияпонский фронт, сплачивала китайский народ на борьбу за национальную независимость. 8-я армия, Новая 4-я армия и партизанские отряды, руководимые коммунистами, выдерживали всю тяжесть войны. Самоотверженность китайских коммунистов снискала им всенародное уважение, являлась вдохновляющим примером патриотического служения родине.

Опираясь на единый фронт, Коммунистическая партия ковала победу над японскими империалистами в освобожденных районах Китая. На территории этих районов китайские коммунисты осуществили серьезные демократические преобразования и вели огромную работу по приобщению широких народных масс к управлению государством, к строительству свободного Китая. Многосторонние достижения освобожденных районов являлись революционизирующим фактором огромной силы для населения остальной части страны, вдохновляя его на борьбу с японскими оккупантами. Напротив, клика Чан Кай-ши толкала страну на капитуляцию перед Японией, подрывала единый фронт и выступала инициатором походов против коммунистов.

В тяжелых условиях войны Коммунистическая партия Китая значительное внимание уделяла делу пропаганды революционной теории. Большая заслуга в этом принадлежит товарищу Мао Цзэ-дуну. В своих произведениях того периода он беспощадно высмеивал и бичевал догматиков и начетчиков, заучивших отдельные положения марксизма-ленинизма, как готовые формулы, вне связи их с практикой.

Огромное значение в жизни Коммунистической партии Китая имел 7-й съезд КПК, собравшийся в апреле 1945 года. К тому времени компартия объединяла в своих рядах свыше миллиона двухсот тысяч членов. Увеличивалось число освобожденных районов, возрастала поддержка партии со стороны всего народа Китая, а также со стороны миролюбивых народов всего мира во главе с Советским Союзом.

О том, как китайский народ завоевал окончательную победу, рассказывается в заключительной главе книги, озаглавленной «Коммунистическая партия Китая в период третьей гражданской революционной войны».

Разгром Советским Союзом во время второй мировой войны империалистической Японии на полях Северо-Восточного Китая развязал демократические силы всего китайского народа и облегчил ему победу над внешними и внутренними врагами. В период третьей гражданской войны была очищена территория страны от чанкайшистов и их покровителей из США. Победа народной революции в Китае и строительство Китайской Народной Республики подтвердили правильность стратегической и тактической линии партии, проводившейся ею с начала своего существования, свидетельствовали о торжестве идей марксизма-ленинизма в Китае.

Рецензируемая книга воссоздает величественную картину продолжавшейся десятки лет самоогверженной борьбы китайского народа за свободу и независимость. Книга убедительно показывает, что в наше время нет в мире таких сил, которые могли бы противостоять могучей тяге поработанных стран к национальной самостоятельности. Крах империалистической политики в Китае знаменовал кризис колониальной системы.

Народ — творец своей истории, он — движущая сила общественного развития, и это хорошо раскрыто в книге Мяо Чу-хуана на примере борьбы трудящихся Китая. Но китайский народ, как это неоднократно подчеркивает автор, не смог бы добиться освобождения, если бы его не вела к победе Коммунистическая партия. Она с честью выполнила свою историческую миссию вождя и организатора масс в народной революции. Своей неутомимой деятельностью по революционному преобразованию

страны она заслужила безграничную любовь и доверие всего китайского народа. На своем собственном опыте он убедился в том, что из всех политических партий Китая только Коммунистическая партия по-настоящему боролась за его интересы, была подлинно народной партией. Ясная внешняя и внутренняя политика партии отражала чаяния миллионов простых китайцев, полностью соответствовала их стремлениям к свободе и демократии.

Сила Коммунистической партии Китая не только в том, что идеи марксизма-ленинизма являлись и являются для нее руководством к действию, не только в том, что народ активно поддерживал и поддерживает ее политику, но и в том, что партия воспитывала и воспитывает коммунистов в духе пролетарского интернационализма, дружбы и сотрудничества с лагерем мира, демократии и социализма. В братской дружбе китайского, советского и других народов Коммунистическая партия Китая всегда видела могучий источник силы, которую не могли преодолеть никакие происки империалистов.

История Коммунистической партии Китая имеет огромное международное значение. Многогранный опыт, накопленный партией при решении разнообразных тактических вопросов, освещенный революционной теорией марксизма-ленинизма, служит ныне источником, из которого черпают знания коммунистические и рабочие партии угнетенных стран Востока, борющихся за свою национальную независимость.

История борьбы и победы Коммунистической партии Китая — это неопровержимое свидетельство интернационального характера марксизма-ленинизма, жизнеспособность которого проверена опытом Советского Союза и стран народной демократии Европы и Азии.

Е. КОВАЛЕВ.

★

Жизнь героя

В одной из своих рецензий на книги о политических деятелях Карл Маркс писал: «Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии движе-

М. Губельман. Лазо. 1894—1920. Литературная обработка Б. Любимова. Редактор Е. Грушко. 279 стр. «Молодая гвардия». М. 1956.

ния, — до революции ли, в тайных обществах или печати, после нее ли в качестве официальных лиц, — были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной яркости. Все существующие описания никогда не рисуют этих лиц в их реальном виде, а лишь в официальном виде, с котурнами на

ногах и с ореолом вокруг головы. В этих преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения».

Столь высокие требования, предъявленные к художественному изображению политических деятелей, показывают, какое значение придавал Маркс историко-биографическому жанру. Воспитательная роль таких книг огромна. На примере жизни и борьбы выдающихся революционеров воспитывается молодое поколение, образы их вдохновляют людей на боевые и трудовые подвиги во славу родной страны.

Несомненно удачной книгой историко-биографического жанра представляется нам книга «Лазо», вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей». О герое гражданской войны Сергее Лазо тепло и правдиво рассказывает его боевой соратник и друг, старый большевик М. Губельман. Он работал над биографией Лазо много лет. В основу настоящего, наиболее полного издания положены новые архивные материалы.

Образ Лазо дан в движении, в развитии, начиная с детских лет, когда формировалось мировоззрение будущего героя.

Вступительная глава книги — «Первые размышления» — вводит читателя во внутренний мир молодого Лазо. Общение с крестьянами Бессарабии, где он родился и вырос, страстная любовь к чтению будили мысль юноши. Он стал задумываться о социальном неравенстве людей, мечтать о лучшем будущем для трудового народа. Вот характерная выписка из дневника, которому Лазо поверял свои сокровенные думы:

«Пылкое воображение уже нарисовало светлыми красками картину коммунистической жизни городов и деревень. Этим мыслям я отдавался со всей страстью и иногда часами раздумывал над мелочами этого лучшего строя. Попутно я связывал возможность его осуществления с великими научными открытиями, авторы которых не продадут их капиталистам, а отдадут безвозмездно народным массам... И я уже считал себя непременно одним из работников на этом пути».

И эта и другие выписки, приводимые в книге, свидетельствуют об огромной работе, которую юноша Лазо проделал над собой, чтобы «стать человеком». Лазо много и упорно учился, закалял себя физически, изучал ремесла. «Привычка к работе и лишениям, — писал он, — сделают тебя своим

человеком среди трудящихся и обездоленных».

Поступив в Петроградский технологический институт, Лазо окончить его не сумел. В 1915 году он был мобилизован и направлен в Алексеевское военное училище в Москве, а затем в чине прапорщика — в Красноярске, в 15-й Сибирский полк.

Революцию Лазо встретил восторженно. Первым из красноярских офицеров он снял царские погоны и привел свой взвод для защиты образовавшегося в городе Совета рабочих депутатов. Правда, в первые месяцы революции Лазо примыкал к «левым» эсерам. Но уже в середине 1918 года, порвав с ними, вступил в Коммунистическую партию.

Подробно, чуть ли не день за днем, автор рассказывает о борьбе Лазо против интервентов и белогвардейцев в Иркутске, на Забайкальском фронте, в Приморье. Лазо хорошо показан как военачальник и политический деятель, в самые трудные минуты не терявший присутствия духа и ясности мысли, воодушевлявший пламенным словом бойцов и рабочих.

Особенно удался автору образ Лазо — руководителя партизан Приморья, организатора восстания во Владивостоке против колчаковцев. М. Губельман в этот период находился рядом с Лазо и сумел рассказать о нем интересно, волнующе.

Огромный авторитет Лазо объяснялся не только обаянием его личности, умением вести за собой массы. Сила Лазо — и это хорошо показано в книге — была в том, что он выступал от имени партии, борющейся за интересы народа. Он глубоко и беззаветно верил в окончательную победу революции, горячей сыновней любовью любил свою Родину и умел передавать эту веру и эту любовь всем окружающим.

Нельзя без волнения читать речь Лазо перед белогвардейскими офицерами на Русском острове, куда — в логово врага — он пришел один, безоружный.

«— За кого же вы, русские люди, молодежь русская? — горячо, громко и вдохновенно сказал Лазо.

Эти слова заставили прислушаться. Шум начал стихать.

— Вот я пришел к вам один, небооруженный, — продолжал Лазо. — Вы можете взять меня заложником... убить можете...

Воцарилась полная тишина.

— Перед вами Владивосток — этот чудесный русский город, последний на вашей

дороге! Вам некуда отступить: дальше чужая сторона... чужая земля... и солнце чужое...

Раздался истерический крик:

— Замолчи!

Послышались и другие голоса:

— Не перебивай!

— Пусть говорит!

И Лазо говорил:

— Нет, мы, революционеры, русскую душу не продавали по заграничным кабакам, мы ее не меняли на заморское золото и пушки... Мы не наемными, мы собственными руками защищаем нашу землю: мы грудью нашей, мы нашей жизнью будем бороться за родину против иноземного нашествия!..

И, заканчивая свою речь, сказал:

— Вот за эту русскую землю, на которой

я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим ее никому!..»

Глубокое впечатление оставляет глава о гибели Лазо, захваченного в апреле 1920 года японскими интервентами и сожженного в мае того же года в топке паровоза.

Правдивая и яркая книга о Лазо не лишена, к сожалению, некоторых недостатков, присущих, кстати говоря, и многим другим работам этого жанра. В книге упоминается много имен друзей и соратников Лазо, но только мельком. Это, помимо всего, обедняет образ самого Лазо, который сумел воспитать плеяду героев, руководил ими и сам без них не был бы тем, кем стал..

А. МЕЛЬЧИН.

★

Третья тысяча...

В конце августа нынешнего года с одного из наших аэродромов дважды стартовал реактивный самолет «Сокол». На борту скоростной машины находились советские военные парашютисты. Первый раз — это было днем — они во главе с полковником В. Романюком оставили машину на высоте около 15 тысяч метров и в затаенном прыжке, длившемся почти четыре минуты, установили новый мировой рекорд свободного падения с длительной задержкой в раскрытии парашюта. Через несколько дней группа отважных воздушных спортсменов опять покинула самолет в стратосфере и установила новое мировое достижение. Совершая этот прыжок, В. Романюк и его товарищи — теперь уже в условиях темной ночи — пролетели свободным падением, не раскрывая парашютов, более 13 тысяч метров.

Этим выдающимся успехам советских парашютистов предшествовала большая, полная подлинной героики работа. О ней просто и доходчиво, с глубоким знанием дела рассказывается на страницах интересной и поучительной книги заслуженного мастера спорта СССР полковника В. Романюка «Заметки парашютиста-испытателя».

Имя В. Романюка хорошо известно не

только в Советском Союзе, но и во многих зарубежных странах. Мужество и высокое мастерство выдающегося советского парашютиста-испытателя принесли нашей Родине не один мировой рекорд. Исключительные достижения В. Романюка, совершившего наибольшее в мире количество прыжков — а счет их приближается к трем тысячам, — во многих областях парашютизма остаются пока непревзойденными. Он прыгал на сушу и в воду, с аэростатов, планеров и самолетов, с высоты бреющего полета и из стратосферы. Большинство этих прыжков — испытательные, и, как говорится в «Заметках», за каждым из них — месяцы напряженного труда, творческих исканий, сомнений и надежд целого коллектива парашютистов, конструкторов, инженеров, врачей, укладчиков парашютов, летчиков-испытателей и других авиационных специалистов.

Несомненным достоинством книги, о которой идет речь, является ее документальность. В «Заметках» описано по крайней мере около полутора ста прыжков с парашютом, и каждый из них зафиксирован в личной парашютной книжке автора или в парашютных книжках других советских авиаторов. В. Романюку удалось довольно полно и точно проследить развитие советского массового парашютизма, выразительно рассказать о его талантливых представителях — Н. Евдокимове, В. Козуле, Н. Аминтаеве, А. Зигаеве, Н. Острякове,

В. Г. Романюк. Заметки парашютиста-испытателя. Литературная запись Алексея Голикова. Редактор инженер-майор М. В. Дружининский, 256 стр. Издание 3-е, переработанное и дополненное. Военное издательство, М., 1956.

В. Харахонове, В. Евсееве, А. Кабанове, А. Белоусове, И. Федчишине, В. Селиверстовой и многих других советских людей, посвятивших свою жизнь парашютному спорту. В книге популярно повествуется и о таких сторонах деятельности конструкторов и испытателей парашютов, которые мало известны широкому кругу читателей.

В. Романюку и его товарищам за многие годы испытательной работы довелось иметь дело с парашютами различных конструкций. Совершив свой первый прыжок более двадцати лет назад — летом 1934 года, автор уже вскоре начал испытывать новые парашюты. Вот инженер Н. Лобанов сконструировал парашют с квадратным куполом, обеспечивающим устойчивое снижение парашютиста. Вот студенты братья Доронины создали прибор—полуавтомат для раскрытия парашюта в заданное время. Вот конструктор Л. Савичев разработал еще один прибор, гарантирующий раскрытие парашюта на определенной высоте. Вместе с конструкторами парашютисты-испытатели отыскивали наиболее выгоднейшие аэродинамические формы куполов, проверяли прочность материалов, из которых изготавливались части парашютов, устанавливали возможность совершать прыжки с различных высот и при различных скоростях полета в дневных и ночных условиях. В этом смелом и сложном труде, основанном на глубоких теоретических знаниях, В. Романюк принимал живейшее участие.

Большой интерес вызывают те страницы «Заметок», где автор сопоставляет условия работы советских летчиков и парашютистов-испытателей с условиями работы авиаторов капиталистических стран.

Как правило, знакомство советского парашютиста-испытателя с новым образцом парашютной техники начинается еще в те дни, когда конструкция только появляется на чертежной доске. В тесном творческом содружестве с коллективом людей различных специальностей парашютист-испытатель участвует в процессе создания нового парашюта. Когда это нужно, новый парашют проверяется в воздухе с помощью макета или животнох. Эти испытания фиксируются на киноленту. Затем фильм просматривается специалистами и самим парашютистом-испытателем, и только тогда ему разрешается произвести прыжок.

Совсем по-другому обстоит дело на лет-

но-испытательных станциях в капиталистических странах. Там вместо заботы об испытателях (они считаются своего рода «роботами», необходимыми для завершения производственного процесса) проявляется горячая «забота» о получении максимальной прибыли. Покупая за определенную сумму жизнь безработных авиаторов, владельцы авиационных фирм поручают им самые опасные испытания. Судьба летчика или парашютиста-испытателя, возможность его гибели или тяжелой увечья мало беспокоит предпринимателей. «Мы, советские парашютисты-испытатели,— горячо восклицает В. Романюк,— никогда не чувствовали этого холодного равнодушия. Наоборот, всегда, а перед ответственными прыжками в особенности, нас окружала атмосфера теплой дружбы, большой заботы советского народа. В организации наших экспериментальных полетов и прыжков никогда не было и тени этого проклятого капиталистического принципа — пусть опасно для другого, но дешево для меня. В наших, советских условиях главное внимание обращается на сохранение жизни парашютиста. Конечно, опасные моменты бывают и в нашей практике, но только в тех случаях, если наука и практический опыт почему-либо не в состоянии предусмотреть эту опасность».

Известно, что автором «Заметок» сделан немалый вклад в такие области парашютного дела, как прыжки с длительной задержкой раскрытия парашюта, прыжки из стратосферы, с борта скоростного самолета, прыжки на точность приземления и т. д. Живо поддерживая славную традицию передовых советских парашютистов — не делать секретов из своих достижений, В. Романюк широко делится своим богатым опытом. В «Заметках» обстоятельно рассказывается, как проходили рекордные прыжки, какая большая и вдумчивая подготовительная работа предшествовала каждому из них, какие выводы надо было сделать после прыжков. Рассказ В. Романюка о своем опыте, а также об опыте других видных советских парашютистов особенно ценен и интересен читателю, который как бы вместе с автором «Заметок» проникает в самые сокровенные глубины парашютного дела.

Успехи, достигнутые В. Романюком и другими парашютистами-испытателями и спортсменами,— плод дружного творческого

труда большого коллектива советских людей. Тепло говорится в «Записках» о многих «однополчанах» автора, немало потрудившихся для новых достижений советского парашютизма. Многие из этих людей, как и В. Романюк,— коммунисты. Партия на протяжении многих лет направляла его творческую деятельность, основную помощь во всех своих начинаниях он получал от партийной организации. «И так было,— пишет В. Романюк,— на протяжении всех семнадцати лет моей парашютной службы. В трудную минуту я всегда чувствовал надежную поддержку коллектива... И это закономерно. Ибо товарищеская взаимопомощь — одно из основных качеств наших советских людей».

Не случайно «Заметки парашютиста-испытателя» выходят третьим изданием. Они безусловно заслуживают этого. Однако взыскательным читателем, думается, будут высказаны и некоторые сожаления по поводу отдельных недостатков книги. К числу их, например, надо отнести маловыразительную главу «В годы войны». Сухо, протокольно излагается и все то,

что связано с достижениями наших спортсменов-парашютистов на всесоюзных, а также на международных соревнованиях в Чехословакии, во Франции и в Болгарии. А жаль! О спортивной борьбе, развернувшейся на этих соревнованиях, можно было бы рассказать куда красочнее и интереснее, с большим мастерством, нежели это сделал А. Голиков, ведущий литературную запись «Заметок» В. Романюка.

Автор заканчивает книгу кратким описанием своего «юбилейного», 2500-го прыжка с парашютом. Но и после этого он немало раз оставлял самолет и раскрывал надежный советский парашют в синеве родного неба. В. Романюк недавно удостоился высокой награды — ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Уже совсем близко завершение третьей тысячи прыжков В. Романюка. И, прочитав его выразительный рассказ об отваге и творчестве наших парашютистов, хочется пожелать и автору и всем его «однополчанам» новых, еще больших успехов в развитии советского парашютизма.

Полковник Н. ДЕНИСОВ.

★

Управляемые снаряды США

Сообщение ТАСС об успешном испытании в СССР межконтинентального баллистического снаряда вызвало самые широкие отклики во всех странах. Все передовое человечество приветствовало это сообщение, понимая, что советский межконтинентальный баллистический снаряд (МБС) является оружием мира, грозным предостережением тем, кто, готовя новую войну, надеется остаться в стороне от военных действий и избежать ужасных последствий атомной войны. Повседневно уверяя весь мир в превосходстве американского оружия, агрессивные круги США оказались перед неоспоримым фактом собственного отставания.

Председатель сенатской комиссии по вопросам военного применения атомной энергии Джексон откровенно заявил, что успешное испытание МБС в Советском Союзе нанесло «колоссальный удар по престижу США, который может иметь чрезвычайно тяжелые последствия для нас за гра-

ницей». Крупный американский журнал «Ньюсуик» прямо писал, что в области «создания абсолютного оружия Советская Россия сильно обогнала Соединенные Штаты».

Недовольство определенных кругов США вполне понятно. Ни для кого не секрет, что США стремятся к завоеванию мирового господства и, спекулируя своим мнимым преимуществом в области вооружения, отвергают все конструктивные предложения Советского правительства по разоружению.

Успешное испытание советского баллистического снаряда дальнего действия нанесло агрессивной политике США еще один сокрушительный удар, даже более сильный, чем создание советской атомной и водородной бомб, положившее конец американской монополии на эти виды оружия. В данном же случае приоритет оказался на стороне советской науки и техники.

В этой связи небезынтересно познакомиться с тем, что делается в Соединенных Штатах в области создания МБС.

После второй мировой войны в США начали непрерывно возрастать темпы работ

По страницам зарубежных журналов «Нью-Йорк геральд трибюн», «Флюгвельт», «Сайенс ньюс летер», «Ле з'Эль» и других.

по созданию и усовершенствованию управляемых снарядов. На службу этому делу поставлена научно-техническая и производственная мощь страны. В марте 1956 года правительство США назначило специального заместителя министра обороны по управляемым снарядам. По заявлению начальника штаба ВВС США генерала Туайнинга, в 1958 году на управляемые снаряды будет израсходована треть, а в 1961 году — даже половина всех средств ВВС.

Работы ведутся над созданием большого количества типов баллистических снарядов различного назначения. Таковы управляемые снаряды класса «земля-воздух», предназначенные в системе ВВС для борьбы с авиацией противника и в значительной степени заменяющие современную зенитную артиллерию, а также снаряды типа «воздух-воздух» и «воздух-земля», идущие на смену пушечному и бомбовому вооружению современных самолетов.

Как и в некоторых других странах, управляемые снаряды используются теперь в США как основное средство противовоздушной обороны крупных административно-политических и промышленных центров страны. Успехи в деле создания таких зенитных ракет, обладающих дальностью полета до 180 километров, настолько значительны, что, по мнению того же генерала Туайнинга, в ближайшие годы управляемые снаряды должны в основном заменить истребительную авиацию.

Однако особое внимание уделяется созданию боевых баллистических снарядов дальнего действия. Командование стратегической авиацией США считает, что баллистические снаряды большой и средней дальности явятся «наиболее сильно действующим и убедительным фактором в американском арсенале стратегического оружия». Разработкой этих типов снарядов в США занято шестнадцать основных фирм, имеющих девятнадцать больших промышленных предприятий, и более двухсот фирм-смежников.

Что же такое баллистический снаряд? Это бескрылая ракета с термоядерным боевым зарядом. Он снабжен жидкостно-реактивным двигателем, придающим ему ту огромную скорость, которая должна позволить покрыть расстояние порядка восьми тысяч километров всего лишь за тридцать минут.

Вначале к снарядам предъявлялось требование исключительно большой точности

попадания — в пределах двух десятых процента (то есть шестнадцати километров при расстоянии в восемь тысяч километров). Но с 1954 года в связи с созданием легких и малогабаритных термоядерных боевых головок и новых приборов управления и наведения эти требования были несколько снижены с учетом большого радиуса действия термоядерных бомб. Поскольку траектория полета таких снарядов проходит на высоте более тысячи километров, необходимо наряду с другими решить весьма сложную проблему обратного входа снаряда в плотные слои земной атмосферы, где он, разогревшись от сопротивления воздуха, может сгореть, не долетев до цели.

В США разрабатывается два типа МБС. Об одном из них, носящем название «Атлас», известно, что в последнем варианте его взлетный вес будет составлять сто — сто десять тонн. Большая часть веса падает на запас горючего, которое должно быть израсходовано в первые же несколько минут полета. Этот снаряд разрабатывается с 1949 года. Его длина будет составлять около тридцати метров, диаметр — около трех метров, максимальная скорость — свыше шести с половиной километров в секунду, а высота траектории — 1280 километров. Время полета — тридцать минут. В первых числах апреля этого года было сообщено, что на базе Патрик (полуостров Флорида) произошел первый запуск опытного образца снаряда «Атлас» с дальностью порядка 2800 километров, но этот запуск окончился неудачно.

Параллельно с «Атласом» фирмой Мартин разрабатывается другой межконтинентальный баллистический снаряд под названием «Титан». По английским данным, этот снаряд имеет тридцать метров в длину при стартовом весе, превышающем сорок пять тонн.

Оба эти снаряда не вышли пока из стадии опытных работ и не были еще запущены на предельную дальность, хотя испытательные полигоны уже давно подготовлены. Трасса одного из них проходит от полуострова Флорида через цепь островов Карибского моря и Атлантический океан в направлении острова Св. Елены.

По оценке газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», ВВС США будут вооружены достаточным для ведения войны количеством МБС лишь между 1963—1967 годами. В той же газете сообщалось, что разработка вто-

рого типа МБС, «Титан», отстает от разработки снаряда «Атлас» примерно на один год. Газета указывает, что хотя снаряд «Атлас» должен быть испытан не позднее конца 1957 года, но это еще не означает, что боевой образец поступит на вооружение в ближайшем будущем. Кроме того, испытания могут быть неудачными.

В январе 1957 года на ежегодной сессии Института авиационных наук в Нью-Йорке с обзорным сообщением о состоянии и перспективах развития ракетного оружия выступил генерал-майор Шривер, начальник Западного отделения командования по научно-исследовательским и опытным работам ВВС. Шривер заявил, что количество и качество снарядов, имеющихся в распоряжении ВВС США, обычно преувеличиваются и что управляемые снаряды до сих пор находятся «в младенческом возрасте».

Уже более десяти лет в США ведется работа и над другим видом управляемых снарядов дальнего действия. Ими являются беспилотные межконтинентальные самолеты-снаряды класса «земля-земля». Из двух разрабатываемых в настоящее время образцов один, известный под названием «Снарк», находится в стадии завершения. «Снарк» представляет собой беспилотный самолет с одним турбореактивным двигателем и дальностью восемь тысяч километров.

Во время испытаний несколько этих снарядов совершили полеты на расстояние до 3200 километров, но в процессе испытаний были случаи отказа систем управления и аварии. Недостатком этого межконтинентального снаряда является его небольшая скорость, равная 965 километрам в час, и высота полета порядка пятнадцати километров. При таких данных «Снарк» может быть легко перехвачен и сбит современными

самолетами-истребителями, обладающими, как известно, значительно большими скоростями и высотой полета. Тем не менее «Снарк» усиленно рекламировался американской печатью и даже экспонировался на нескольких европейских авиационных выставках.

Одновременно со «Снарком» с 1946 года велись весьма дорогостоящие работы над другим межконтинентальным самолетом-снарядом, известным под названием «Навахо». В отличие от «Снарка» он должен был обладать высотой полета до тридцати километров и скоростью порядка три-четыре тысячи километров в час. В конце 1956 года начались летные испытания «Навахо», но во время первого же запуска этот самолет-снаряд взорвался. О «Навахо» очень много писалось в авиационной печати. Ожидалось, что он поступит на вооружение в 1958 году.

По поводу этих снарядов все тот же генерал-майор Шривер в январе этого года заявил, что хотя работа над «Навахо» (начатая одиннадцать лет назад!) успешно продвигается вперед, но, чтобы довести снаряд до эксплуатационной готовности, потребуется еще очень много времени.

Однако недавно было опубликовано сообщение, что контракт с фирмой «Норт-Америкен» на разработку «Навахо» аннулирован. Как заявил министр авиации США Дуглас, причина аннулирования — «бюджетного характера». Военные же обозреватели в США считают, что истинной причиной является то обстоятельство, что этот самолет-снаряд все еще не доведен до стадии запуска в серийное производство.

Таково в общих чертах положение в США с разработкой стратегических снарядов дальнего действия.

Л. ВАСКЛЕВСКИЙ.

★

Быть всегда начеку

В 1933 году в международной жизни произошло первостепенной важности событие: были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Понятно, какую огромную роль должно было сыграть это в деле укрепления мира во всем

мире. Оба правительства обязались не вмешиваться во внутренние дела другой стороны, «не создавать, не субсидировать, не поддерживать или не допускать на своей территории военных организаций или групп, имеющих целью вооруженную борьбу» против другой стороны, а также обязались «предупреждать всякую вербовку, предназначенную для подобных организаций и групп... имеющих целью свержение или подготовку

В. П. Московский. Быть всегда начеку. Редактор Н. А. Бубнов. 104 стр. Военное издательство. М. 1957.

свержения или изменение силой политического или социального строя».

Это соглашение должно было обеспечить мирное сосуществование крупнейших государств с различными политическими и общественными системами. Советский Союз, последовательно осуществляя миролюбивую ленинскую внешнюю политику, остался верен духу и букве соглашения.

Иначе отнеслись к своим обязательствам Соединенные Штаты. Американские империалисты открыто предпринимали различные подрывные действия, направленные против СССР и стран народной демократии.

Печальной известностью пользуется, например, пресловутая поправка сенатора Керстена к «законам о взаимном обеспечении безопасности», ежегодно принимаемым конгрессом США. «Моя поправка, — достаточно откровенно заявил Керстен, — предусматривает возможность оказания помощи подпольным организациям, которые, возможно, имеются в этих странах (речь идет о странах социалистического лагеря.— Г. Т.) или могут появиться в этих странах... Эта помощь будет заключаться в том, чтобы осуществить прямую цель свержения нынешних правительств, существующих в указанных странах».

В истории международных отношений беспрецедентным является положение, когда высший законодательный орган одного государства официальной целью своей политики провозглашает подрывную деятельность против стран, с которыми это государство поддерживает нормальные дипломатические отношения.

Разоблачению вероломной политики империалистов, пропаганде высокой бдительности советских людей посвящена интересная и полезная книжка В. П. Московского «Быть всегда начеку».

Автор подробно знакомит нас с широко разветвленной разведывательной службой США. При этом он приводит множество фактов, в большинстве своем мало или совсем не известных широкому читателю. Вот некоторые из них.

На обложке американского журнала «Тайм» был помещен портрет крупного разведчика Аллена Даллеса с трубкой во рту. Из дыма трубки вырисовывается фигура убийцы, закутанного в плащ, с кинжалом в руках. Автор статьи, которого отнюдь не отличают симпатии к коммунизму, писал: «Даллес руководит разведывательной

службой, располагая средствами, далеко превосходящими те, какие имели его исторические предшественники. Штат Центрального разведывательного управления огромен — по разным оценкам он исчисляется до 30 тысяч человек — и включает больше высокооплачиваемых гражданских служащих, чем всякое другое правительственное учреждение США. Оно занимает, по крайней мере, 30 зданий в одном только Вашингтоне... Сумма бюджетных ассигнований для Центрального разведывательного управления, утверждаемая конгрессом в засекреченной форме, под видом финансовых требований других федеральных учреждений, никогда не публиковалась, но можно предполагать, что она достигает 500 миллионов долларов в год. Вооруженные всеми традиционными средствами шпионажа и некоторыми новшествами XX века, как, например, пластической взрывчаткой и микропленкой, которую можно спрятать под почтовой маркой на конверте, агенты Центрального разведывательного управления рассеялись по всему миру».

Одной из целей их преступной деятельности явились подготовка и организация фашистского путча в Венгрии.

В главе «Диверсия против народной Венгрии» автор приводит свидетельство бывшего агента американского шпионского центра в Мангейме Зденека Копта. 25 октября 1956 года его вызвал начальник центра майор Дональдсон и приказал ему подготовиться для переправки людей из Штутгарта в Венгрию. «В Штутгарте группа хортистов разместились в автобусе и в сопровождении лейтенанта Прайса и сержанта разведки выехала к австрийской границе и далее через Линц и Вену к пограничному местечку Никпенсдорф. На австро-венгерской границе автобус был встречен мятежниками. По приказу американского офицера все «пассажиры» пересели в специально подготовленный грузовик, куда также были перегружены чемоданы, помеченные красным крестом. Один из чемоданов упал, и на землю вывалилось оружие — американские автоматы «Томпсон» и диски с патронами».

Действия хортистских банд направляла пресловутая радиостанция «Свободная Европа». Эта радиостанция, пишет автор, принадлежит американской организации «Крестовый поход за свободу», которую финансируют и которой руководят видные государственные деятели США, а также представители крупнейших американских монополий.

В ноябре 1956 года были назначены новые директора «Крестового похода за свободу». Имена и должности этих директоров говорят сами за себя. Это Харлоу Кэртив, президент компании «Дженерал моторс», Сесиль Морган, помощник президента «Стандард ойл компани», Гвилим Прайс, президент «Вестингауз электрик корпорейшн», Фрэнк Стэнтон, президент «Коламбия бродкастинг систем», Ховард Шеперд, президент правления крупнейшего нью-йоркского банка и генерал-лейтенант в отставке Виллис Гриттенбергер, являющийся руководителем радиостанции «Свободная Европа».

Один из ответственных сотрудников этой радиостанции, реакционный эмигрант некто Есевич, цинично признавался: «Американцы платят, американцы требуют, а я делаю так, как прикажут. Если у них есть желание, пусть выбрасывают деньги в грязь. По крайней мере мне пока неплохо живется».

Происки империалистов отнюдь не ограничиваются Европой, где они пытаются осуществлять так называемый «план икс», направленный против социалистических

стран (этому плану посвящена отдельная глава). «Тайная война» ведется и против народного Китая. Посильную помощь в этом оказывает чанкайшистское отребье, окопавшееся под защитой американских вооруженных сил на Тайване. Автор сообщает мало известные сведения о преступной деятельности в Китае «святых отцов» — агентов Ватикана.

Множество примеров шпионской деятельности капиталистических разведок, документальные фотографии шпионского снаряжения, изъятого у иностранных разведчиков, приводит в своей книжке В. П. Московский. Не прекращается, а все усиливается с ростом могущества Советского государства «тайная война», начатая сорок лет назад империалистами против нашей социалистической Родины.

Обращаясь в заключение своей работы к советским воинам, автор пишет, что их долг — «всегда быть начеку, всегда помнить требование партии, правительства и народа: бдительно охранять мирный созидательный труд строителей коммунизма!».

Г. ТОЛОКОЛЬНИКОВ.

ОТГОЛОСКИ МИНУВШЕГО

лось установить, что стихотворение «Боже, царя храни» впервые было опубликовано не в 1901 году, а в 1891 году в № 20—21 журнала «Народ».

СУДЬБА ОДНОЙ ПАРОДИИ

В 1935 году в первом томе антологии «Пролетарские поэты» было напечатано стихотворение, написанное в виде пародии на официальный гимн царской России «Боже, царя храни». Стихотворение это характеризует всероссийского монарха как «деспота», «врага просвещения», основным девизом которого является:

Всех, кто свободу
Ищет народу,
Вей и дави!

Вместе с тем автор пародии выражает веру в то, что

Время настанет,
Солнце проглянет —
Разбудит борцов...

В примечаниях редакции антологии сказано, что стихотворение это анонимное, что впервые оно было напечатано в тексте прозаической фантазии неизвестного автора «Фельдфебель и тюремщик — отцы-командиры народного образования», опубликованной в 1901 году в первом номере выходившего в Женеве журнала «Свобода».

30 мая 1939 года «Литературная газета» поместила письмо известного пролетарского поэта Александра Алексеевича Богданова, сообщившего, что он является автором пародии «Боже, царя храни»

На этом основании в вышедшей в 1954 году книге «Революционная поэзия 1890—1917» (редактор А. Дымшиц, Большая серия «Библиотеки поэта») «Боже, царя храни» помещено среди стихотворений А. А. Богданова. В комментариях сказано, что впервые оно напечатано в № 1 «Свободы» (это сообщение в свое время не вызвало возражений А. А. Богданова).

Однако, просматривая украинский радикальный журнал «Народ», выходивший в 1890—1895 годах во Львове под редакцией прогрессивного писателя и общественно-го деятеля М. И. Павлыка и известного украинского писателя И. Я. Франко, уда-

Поместив на русском языке «Боже, царя храни», редакция снабдила эту пародию следующим характерным примечанием:

«Этим мы исполнили обещание, данное недавно в шутку одному чеху в Галиции, восхищавшемуся музыкой «Боже, царя храни», написать к ней новый текст, более соответствующий положению России и ее повелителя.

Надеемся, что тем большей будет наша заслуга перед толпой недогадливых рабов не только в России, а и за границей, особенно во Франции и Чехии, где последнее время русский гимн заглушает часто всякое чувство человеческого достоинства.

Пусть точно знают, что играют. Особенно это нужно теперь, когда миллионы русских людей гибнут от голода...»

Редакция указала также, что текст стихотворения прислан в журнал из Парижа. Это позволяет выяснить вопрос о том, почему сам Богданов не знал о появлении своего стихотворения на страницах «Народа». Стихотворная пародия «Боже, царя храни», как и многие другие антиправительственные стихотворения Богданова, широко распространялась в рукописных списках. Кем-то из лиц, обладавших списком этого стихотворения, оно и было направлено в «Народ».

Многие старые коммунисты вспоминают, что в конце девяностых — начале девятидесятых годов эта пародия пользовалась огромной популярностью.

Публикация «Боже, царя храни» в «Народе», на страницах которого печатались такие прогрессивные украинские писатели, как Иван Франко, П. А. Грабовский, Леся Украинка, не только позволяет уточнить дату написания стихотворения Богданова, но и убедительно свидетельствует о том, какой интерес проявляла передовая общественность Западной Украины к русской революционной поэзии.

А. ДУН.

г. Судовая Вишня
Дрогобычской обл.

★

**ПИСЬМО
В РЕДАКЦИЮ**

В редакцию нашего журнала пришло письмо от товарища А. Ротштейна — члена Коммунистической партии Англии.

Приводим текст этого письма:

«Дорогие товарищи, по поводу интересной статьи Е. Волошко в № 7 Вашего журнала я хотел бы сделать два замечания:

1. О тексте «Речи Софьи Бардиной». У меня имеется сборник стихотворений и песен «Вперед», изданный в Ростове-на-Дону, по-видимому, в 1905 году или вскоре после этого (имеется ссылка на манифест 17 октября). В сборнике дан текст этих стихов, немного отличный от текста, переданного С. Я. Дальней. Вероятно, можно найти эту книжку в одной из московских центральных библиотек. На титульном листе указано, что сборник составила М. Л.

Наиболее важные варианты. Вместо: «Где голод — царь, а люди — бедняки» — сказано: «Где вечный труд и бедняки», вместо: «Но ты, судья, победой не хвались!» — сказано: «Тяжелой работой я разбита»...

В конце идут две строфы, опущенные в тексте, записанном от Дальней:

«Пожизненно» меня ты похоронишь...
Но мой недуг уж написал протест...
И мне грозит — сам видишь ты и знаешь —
Лишь кратковременный арест.

И я умру все с тою же любовью...
И, уронив тюремные ключи,
С молитвою приникнут к изголовью
И зарыдают палачи!..

Пожалуй, последняя строфа свидетельствует о том, какие широкие круги общества 70-х годов были взбудоражены процессом 50-ти.

2. О песне «Пройдут года суровые...»¹

¹ В статье приводился впервые публикуемый текст песни, в годы революции распространенный в Луганске и близлежащих шахтерских поселках:

Пройдут года суровые,
Настанет новый век.
Идеи будут новые
И новый человек.
Исчезнет бесконечная
Жестокая вражда,
Настанет царство вечное
Свободы и труда.

(Примеч. ред.)

В начале июля с. г. я провел две недели в пансионе около моря (г. Хейстингс), где наша компартия (британская) устраивает краткосрочные курсы и куда часто приезжают на отдых члены партии. Среди отдыхающих была одна пожилая женщина, родившаяся в местечке около Вильно и привезенная в Англию еще девушкой примерно в 1907 г. Она рассказывала нам о своих воспоминаниях, в частности о 1905 годе, когда после одной из демонстраций гимназисток всех загнали в какой-то зал и продержали 48 часов под арестом, тщетно добываясь от них обещания «вести себя прилично». Ей было тогда 14 лет.

Пока их держали в зале, они коротали время песнями и декламациями. Настроение было очень приподнятое. Но самое глубокое впечатление произвело на нашу собеседницу выступление одной пятнадцатилетней девочки, которая вскочила на стол и продекламировала стихи. Заключительные строфы были именно те, которые приведены т. Волошко. По просьбе нашей собеседницы эта девочка впоследствии записала их ей в альбом, и наш товарищ (она уже много лет является членом компартии и держалась очень твердо во время недавней ревизионистской волны у нас) выучила их наизусть.

Это было тем более замечательно, что она нам призналась, что уже почти 40 лет ей не приходилось вспоминать их вслух. Во всяком случае ясно, что, если эта песня и бытовала среди луганских рабочих-красногвардейцев в 1917 году, она была составлена значительно раньше или, быть может, в другом крае.

Хочу отметить, что тут тоже имеются разночтения (надо сказать, что наша собеседница с большим трудом говорит теперь по-русски, значительно хуже меня, и поэтому вряд ли эти разночтения исходят от нее). Вместо «исчезнет» она помнит «умолкнет», вместо «настанет» она помнит «и будет», вместо «свободы и труда» — у нее «науки и труда».

С коммунистическим приветом

А. РОТШТЕЙН.

Лондон.

КОРОТКО О КНИГАХ

★

Н. НИКИТИН и М. СКОРОХODOB. В огне трех революций. Архангельское книжное издательство. 1957. 27 стр. Цена 30 к.

«— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась...» — этими словами Ленина, произнесенными 25 октября 1917 года, начинается небольшой взволнованный документальный очерк о судьбе одного из солдат революции — Василия Львовича Некрасова. В настоящее время герой очерка — пенсионер, четверть века проработавший на Архангельском судоремонтном заводе «Красная Кузница».

Мы встречаемся с деревенским паренком Васей Некрасовым хмурым петербургским утром 1898 года, а расстаемся осенней октябрьской ночью 1917 года, когда рабочий Металлического завода Василий Некрасов вместе со своими товарищами штурмует Зимний.

Авторы очерка показали путь, который привел деревенского мальчишку в революцию, сумели запечатлеть образы большевиков — учителей Василия — рабочего-медника Петра Реброва, телеграфиста Петра Ошанина. С большой теплотой нарисован в очерке образ В. И. Ленина.

С. И. КУДИНОВ. Этого не забудешь. Воспоминания. Ростовское книжное издательство. Ростов-на-Дону. 1957. 101 стр. Цена 2 р.

Книга очерков-воспоминаний С. И. Кудина — члена Донского областного Военно-революционного казачьего комитета, а позднее члена правительства Донской Советской республики — посвящена борьбе Донского комитета за установление Советской власти в казачьих районах.

«Пытливо присматривались казаки к происходящему, вслушивались в речи многочисленных ораторов. Одни — за Керенского, за войну «до победного», другие — за мир, за землю, против капитала. Но и те и другие говорят о революции, свободе, братстве... Кому верить? Станицы раскалывались, нередко дело оканчивалось драками: сесобородые, старой казачьей ковки захребетники шли стеной на бедняков, приехавших с фронта и горячо поддерживавших большевиков».

Живо, с большой любовью повествует Кудин о товарищах по борьбе, о героях

большевиках, руководивших красным казачеством, — Е. Я. Шаденко, Ф. Г. Подтелкове, М. В. Кривошлыкове.

В последней главе автор рассказывает о своей встрече с В. И. Лениным в Москве в 1918 году.

ИЛЬЯ СЕЛВИНСКИЙ. Большой Кирилл. Сцены народной драмы. «Искусство». М. 1957. 171 стр. Цена 4 р. 25 к.

Героическая народная драма «Большой Кирилл» завершает драматическую эпопею «Россия», знакомую читателю по двум первым трагедиям «Ливонская война» и «От Полтавы до Гангута».

События 1917 года разворачиваются в этой драме на широком историческом фоне: из дворца Николая II автор переносит действие в казематы Петропавловской крепости; из кабинета Керенского в Таврическом дворце — на апрельский митинг, посвященный встрече Ленина; из здания английского посольства — в Смольный...

В центре драмы — образ старого большевика-ленинца Кирилла Чохова (партийная кличка — «Большой Кирилл»).

Драма заканчивается сценой в Московском Кремле, где красногвардейцы под руководством Кирилла Чохова, присланного сюда из Питера по заданию Ленина, выбивают юнкеров. Теперь уже и над Москвой реет красное знамя победившей революции...

В. ПАРШКОВ. Пулеметчики. Повесть. Киргизгосиздат. 1957. 95 стр. Цена 1 р. 50 к.

Комиссар Дубовицкий привел бедно одетого паренка к командиру. «— Вот товарищ Чуднов просится к нам в гарнизон. Парень, видать, боевой. Не примешь ли его в свою команду, ездовым что ли?.. Кстати, тебе все равно надо готовить резерв пулеметчиков... Молодняка обучать надо». И шестнадцатилетний сын бедняка Степан Чуднов стал пулеметчиком.

А через некоторое время Степан уже сам привел к командиру Голякову оборванного и голодного киргизенка, отца которого убил русский кулак. Маленького киргизенка звали Бакыт — «Счастье» по-киргизски. Какие надежды возлагал отец на своего сына и какой горькой издевкой звучало это имя для киргизского мальчика!

О жизни и боевых подвигах юных друзей-пулеметчиков во время гражданской войны в Киргизии, о том, как боролись Степан, Бакыт и их друзья за свое счастье, и рассказывает повесть Василия Паршкова.

О братской дружбе русских и киргизов, об их совместной борьбе за победу Советской власти говорится в этой книге.

Е. ПОДВИГИНА. *Партия — организатор трудового подъема в борьбе за развитие тяжелой индустрии (в довоенные пятилетки).* Госполитиздат. М. 1957. 160 стр. Цена 2 р.

В 1928 году в СССР было произведено две тысячи металлорежущих станков, в 1940 году — 58,4 тысячи; выпущено автомобилей соответственно 700 и 145,4 тысячи; произведено электроэнергии 5 миллиардов киловатт-часов и 48,3 миллиарда; добыто угля 35,5 миллиона тонн и 165,9 миллиона. Эти и многие другие факты, приведенные в книге Е. Подвигиной, наполняют гордостью сердца советских людей, служат неопровержимым аргументом жизненности ленинских идей.

Принимая первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР — программу развернутого социалистического наступления, Шестнадцатая партийная конференция указывала, что его осуществление возможно «лишь на основе величайшего роста активности и организованности трудящихся масс вообще и рабочего класса в особенности, на основе всемерного вовлечения миллионных масс рабочего класса в социалистическое строительство и в управление хозяйством...».

Показать роль Коммунистической партии как вдохновителя и организатора трудового героизма советского народа — такую задачу поставил перед собой автор книги.

Н. Н. НЕКРАСОВ. *Экономика промышленности и технический прогресс.* Госполитиздат. М. 1957. 120 стр. Цена 1 р. 80 к.

Если в последнем году шестой пятилетки поднять производительность труда лишь на один процент, то это позволит уменьшить потребность в рабочей силе более чем на 165 тысяч человек, даст прирост добычи угля в четыре с лишним миллиона тонн, нефти — почти на 800 тысяч тонн, выработки электроэнергии — более чем на миллиард киловатт-часов и т. д.

Постоянное совершенствование техники, лучшее использование производственных мощностей в условиях социализма означают непрерывный подъем экономики и культуры страны. В книге Н. Некрасова рассказывается о том, как технический прогресс непосредственно воздействует на экономику производства.

Г. АНДРЕЕВ. *Экспорт американского капитала.* Госполитиздат. М. 1957. 452 стр. Цена 8 р.

Американская фирма «Бауш энд Ломб» заключила соглашение с немецкой фирмой «Карл Цейсс». Концерн крупнейшего «торговца смертью». Крупна систематически получает финансовую и иную поддержку от своих заокеанских друзей. Широкою помощью от американских банков получает химический концерн «ИГ Фарбениндустри»...

Эти сведения кажутся очень злободневными, но они имеют солидную давность и относятся к годам, непосредственно по-

следовавшим за первой мировой войной, в которой вилгельмовская милитаристская Германия была разгромлена. Тогда, как и теперь, экспорт американского капитала помог германским империалистам быстро оправиться после поражения и, ошестившись новейшим вооружением, снова стать серьезнейшей угрозой миру.

В своей работе, написанной в историко-экономическом плане, Г. Андреев анализирует экспорт капитала из США на протяжении последних сорока—пятидесяти лет. Безудержная погоня за прибылями, пишет автор, попрание принципа суверенитета государств и возросшая агрессивность внешнеполитического курса буржуазии США превратили американский монополистический капитал в главного врага независимости народов, особенно слаборазвитых стран.

ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ. *Русские об Индии.* Госполитиздат. М. 1957. 408 стр. Цена 7 р.

«Новая история не содержит в себе другого столь важного приключения, как покорение Бенгал... Сия столь богатая и счастливая нация под новым владением пришла столь скоро в упадок и бедность, что и сему также нет примера в истории». Эти строки принадлежат выдающемуся русскому просветителю Н. И. Новикову и были напечатаны в «Прибавлении к «Московским ведомостям» в 1784 году.

А вот что писал о покорении Индии англичанами Г. С. Лебедев, побывавший в ней в конце XVIII столетия и хорошо изучивший жизнь народа: «Индийцы нисколько не похожи на диких и более имеют справедливости приписать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними укоризнятся, нежели самые кровожадные лютые звери».

Индия с давних пор вызывала глубокий интерес и симпатии широких слоев русской общественности. В сборнике «Глазами друзей» читатели найдут ряд малоизвестных литературных материалов на эту тему.

А. ГАРМАШЕВ. *Изобретательство в СССР.* Госполитиздат. М. 1957. 148 стр. Цена 1 р. 80 к.

«С тех пор как Стефенсон дал человечеству стального коня, только Казанцев впервые создал настоящие вожжи для укрощения этого стального чудовища, для управления им», — так писала зарубежная печать о первых тормозных приборах, изобретенных советским машинистом...»

О невиданном расцвете советской науки и техники говорят такие цифры: за целое столетие — с 1814 по 1917 год — в России было запатентовано 6348 изобретений, а только в одном 1955 году в производство внедрено 1160 тысяч предложений. Иной раз сухой перечень фактов и цифр действует на воображение сильнее самого увлекательного романа.

В книге А. Гармашева рассказывается об успехах советских новаторов науки и производства, о важнейших задачах изобретателей и рационализаторов в области технического прогресса.

Сдаются в печать...

Через месяц народы Советского Союза, братских социалистических стран и все передовое человечество торжественно отметят сорокалетие Великой Октябрьской социалистической революции. Естественно, что книги, посвященные Великой революции, занимают основное место в планах Государственного издательства политической литературы. С некоторыми из них мы уже познакомили наших читателей. Расскажем теперь о ряде других, которые должны вскоре выйти в свет.

Огромный интерес представляет книга «В. И. Ленин в 1917 году», являющаяся биографической хроникой гениального вождя. Составители собрали воедино ранее опубликованные, а также новые факты жизни и деятельности Владимира Ильича, начиная с того знаменательного мартовского дня, когда Ленин получил сведения о революции в России, вплоть до Октябрьского переворота.

О титанической роли Владимира Ильича — организатора и руководителя Октябрьского восстания — рассказывают его ученики и соратники в сборнике воспоминаний «Ленин в Октябре».

Книга «Второй Всероссийский съезд Советов» является сборником документов. Большой интерес представляют анкеты членов большевистской фракции съезда. Они дают представление о положении на местах в канун Октября. Специальный раздел знакомит с документами о непосредственном участии В. И. Ленина в подготовке и работах съезда.

Могучий революционный поток с непреодолимой силой разливался по необъятной стране. Ряд монографических статей, объединенных в книге «Победа Великой Октябрьской революции», рассказывает о развитии революционных событий в центре и на местах.

В основе книги И. Петрова «Стратегия и тактика большевиков в Великой Октябрьской революции» лежит большой исторический материал. Автор дает обстоятельный анализ курса большевистской партии на социалистическую революцию, на борьбу за массы. Заключительная глава посвящена международному значению большевистской стратегии и тактики.

Революционной романтикой овеяна рожденная революцией Красная гвардия. О ее боевых действиях рассказывает Е. Ерыкалов в своей работе «Красная гвардия в борьбе за власть Советов». Автор знакомит с историей создания Красной гвардии и ее ролью в защите завоеваний революции.

Героической страницей борьбы советского народа является разгром злейшего врага революционных рабочих и крестьян, канди-

дата буржуазии в «диктаторы», ставленника Антанты — Колчака. Истории разгрома его армии посвящена книга Л. Спирина.

Автор книги «Из боевого прошлого» И. Гордненко — старый рабочий, большевик-подпольщик. Он вспоминает о своей революционной деятельности в годы 1913—1918, о забастовочном движении на юге России и в Петербурге. В книге живо нарисованы картины Февральской и Октябрьской революций. С большой теплотой рассказывает автор о своих встречах с Лениным.

Ряд книг Госполитиздата посвящен величественному пути, пройденному нашей страной за четыре славных десятилетия.

«Осуществлением мечты» назвала М. Овсянникова свою книгу, где она рассказывает о многообразной деятельности советских женщин во всех областях жизни, о том большом вкладе, который внесли и вносят советские патриотки в строительство нашего государства, об их борьбе за мир во всем мире.

Две работы посвящены вопросам экономики: «Советская социалистическая экономика (1917—1957)» — сборник, составленный рядом видных советских экономистов, и «Экономическое соревнование двух систем» — коллективная монография, где обобщен материал о соревновании двух мировых систем: социализма и капитализма. Авторы освещают различные стороны этого соревнования, высокие темпы развития социалистической экономики, многообразные формы сотрудничества стран, образующих лагерь социализма.

Деятельность КПСС в области культурного строительства отражена в книге Г. Карпова «Партия — организатор культурной революции в СССР».

К этой работе примыкает книга М. Кима «Советская культура за сорок лет». Автор рассматривает отличительные черты советской социалистической культуры, основные этапы ее развития. Особое внимание уделено творчеству народных масс в культурном строительстве, а также организующей роли партии и Советского государства.

Несомненно, с большим интересом будет встречена новая серия Госполитиздата «Октябрьская революция в России и мировое освободительное движение». Эти небольшие брошюры по просьбе издательства написаны руководящими деятелями зарубежных коммунистических и рабочих партий для советских читателей. Первыми изданиями этой серии являются брошюры генерального секретаря компартии Испании Долорес Ибаррури и секретаря компартии Швеции Эрика Карлссона.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Устав Коммунистической партии Советского Союза. 116 стр. Цена 2 р.

В. И. Ленин. О Великой Октябрьской социалистической революции. 412 стр. Цена 7 р.

О развитии жилищного строительства в СССР. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, принятое 31 июля 1957 года. 24 стр. Цена 20 к.

Н. С. Хрущев. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. 32 стр. Цена 40 к.

Больше домов для народа! Сборник статей 64 стр. Цена 70 к.

П. Буняков. Будьте бдительны! 120 стр. Цена 1 р. 25 к.

Эмиль Бэрнс. Влияние Октябрьской революции на рабочий класс и революционное движение в Англии. 52 стр. Цена 50 к.

И. Глазырин. Регулирование состава КПСС в период строительства социализма. 100 стр. Цена 1 р. 25 к.

Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения в двух томах. Том I. 564 стр. Цена 8 р. 50 к. Том II. 372 стр. Цена 6 р.

В. Жмуйда, Г. Дмитриев. Туркменская ССР. 144 стр. Цена 1 р. 85 к.

Долорес Ибаррури. Октябрьская социалистическая революция и испанский рабочий класс. 32 стр. Цена 25 к.

О. Калекина. Издание марксистской литературы в России конца XIX века. 144 стр. Цена 1 р. 75 к.

Эрик Карлссон. Октябрьская революция и революционное движение в Швеции. 32 стр. Цена 30 к.

Материалы III съезда Трудовой партии Кореи 23—29 апреля 1956 г. 216 стр. Цена 5 р.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Том I. 408 стр. Цена 8 р. Том II. 296 стр. Цена 7 р.

Пребывание К. Е. Ворошилова в Китае, Индонезии, Вьетнаме и Монголии (15 апреля — 30 мая 1957 года). Сборник материалов. 240 стр. Цена 2 р.

Равноправие женщин в СССР. Материалы международного женского семинара. Москва 15 сентября — 1 октября 1956 года. 340 стр. Цена 6 р.

Рассказывают участники Великого Октября. Сборник. 468 стр. Цена 7 р. 60 к.

Максим Рыльский. Великий подвиг. 24 стр. Цена 25 к.

Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг. 694 стр. Цена 16 р.

И. Флеровский. Большевики в июльские дни. 32 стр. Цена 30 к.

Ха Ан Чен. Идеи Октября живут в корейском народе. 24 стр. Цена 25 к.

Хо Ши Мин. Октябрьская революция и освобождение народов Востока. 24 стр. Цена 25 к.

Ху Си-куй. Мирное преобразование капиталистической промышленности и торговли и классовая борьба в Китае. 72 стр. Цена 85 к.

Янагида Кэндзюро. Эволюция моего мировоззрения. 164 стр. Цена 2 р.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В. Бершадский. Там долго ясны небеса. Стихи. 140 стр. Цена 2 р. 10 к.

Б. Дубровин. Тревожная группа. Лирика. 192 стр. Цена 2 р. 70 к.

Г. Ибрагимов. Дочь степи. Повесть. Глубокие корни. Роман. Перевод с татарского. 342 стр. Цена 5 р. 65 к.

Д. Климов. Изба и поле. Стихи. 120 стр. Цена 1 р. 20 к.

Н. Михайлов. Иду по меридиану. 174 стр. Цена 3 р. 60 к.

И. Мележ. Дом под солнцем. Рассказы и очерки. Перевод с белорусского. 400 стр. Цена 6 р. 80 к.

И. Сельвинский. Арктика. 300 стр. Цена 7 р.

Б. Слуцкий. Память. Книга стихов. 100 стр. Цена 1 р. 20 к.

В. Труханов. Пел над шахтой жаворонок. Стихи. 112 стр. Цена 1 р. 40 к.

М. Ухсай. Буйные ветры. Повесть. Перевод с чувашского. 324 стр. Цена 5 р. 80 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Николай Асеев. Стихи. 1914—1953. 255 стр. Цена 4 р. 70 к.

Ба Цзинь. Любовь. Роман. Рассказы. Перевод с китайского. 431 стр. Цена 8 р. 40 к.

Александр Безыменский. Стихи. 230 стр. Цена 4 р. 35 к.

Ялмари Виртанен. Избранное. Стихи. Перевод с финского. 159 стр. Цена 2 р. 10 к.

Александр Жаров. Стихи. Песни. Поэмы. 215 стр. Цена 3 р. 85 к.

Итальянская новелла Возрождения. 670 стр. Цена 11 р. 70 к.

Василий Казин. Стихотворения и поэмы. 238 стр. Цена 4 р. 15 к.

Н. К. Михайловский. Литературно-критические статьи. 664 стр. Цена 10 р. 75 к.
Алексей Сурков. Стихи и песни. 285 стр. Цена 4 р. 30 к.

Г. Фрилендер. Лессинг. Очерк творчества. 240 стр. Цена 7 р.

Чжан Тянь-и. Избранное. Перевод с китайского 374 стр. Цена 7 р. 70 к.

Юмор и сатира. Рассказы. Фельетоны. Pamфлеты. Басни. Эпиграммы. Пародии. 567 стр. Цена 14 р.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Ванда Василевская. Я хочу рассказать вам... (Путевые впечатления). 126 стр. Цена 1 р. 75 к.

М. Величко. Источник вдохновения (по ленинским местам). 192 стр. Цена 3 р. 10 к.
Вперед заре навстречу. Песни революции. 48 стр. Цена 1 р. 35 к.

Н. Кальма. Вернейские грачи. Роман. 336 стр. Цена 8 р. 90 к.

Ю. Капусто. Повесть Анны Литвейко. 239 стр. Цена 4 р. 95 к.

Н. Киселев, И. Мельников. Над Мельбурном голубое небо. 176 стр. Цена 2 р. 55 к.

А. Кулехов. Памятные годы. 128 стр. Цена 1 р. 80 к.

Б. Леонтьев. Правда против лжи. 89 стр. Цена 2 р. 35 к.

Т. Матвеева. Румынские встречи (путевые впечатления). 64 стр. Цена 1 р. 10 к.

Степан Олейник. С добрым сердцем и горьким перцем. Стихи. 112 стр. Цена 3 р. 60 к.

Н. Н. Пеньков. Юность наша комсомольская. 96 стр. Цена 1 р. 40 к.

Михаил Пришвин. Дорога к другу. 440 стр. Цена 8 р. 55 к.

М. Самсонова. На высокой полонине. 104 стр. Цена 1 р. 20 к.

Славная традиция в жизни комсомола Китая (Материалы III съезда новодемократического союза молодежи Китая 15—25 мая 1957 г.). 128 стр. Цена 1 р. 50 к.

Штурм Зимнего. Сборник. 56 стр. Цена 45 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

И. Е. Глушенко. У зарубежных друзей. 471 стр. Цена 16 р.

Д. М. Лебедев. Очерки по истории географии в России XVIII века (1725—1800 гг.). 273 стр. Цена 3 р. 35 к.

С. А. Покровский. Фальсификация истории русской политической мысли в современной реакционной буржуазной литературе. 183 стр. Цена 5 р. 75 к.

Л. Д. Розенберг. Применение ультразвука. 106 стр. Цена 1 р. 90 к.

О. Ю. Шмидт. Четыре лекции о теории происхождения Земли. 140 стр. Цена 3 р. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С. М. Ахтар. Экономика Пакистана. Сокращенный перевод с английского. 415 стр. Цена 24 р.

Фатмир Дьята. Тана. Повесть. Перевод с албанского. 153 стр. Цена 2 р. 70 к.

Тадеуш Квятковский. Семь смертных грехов. Перевод с польского. 288 стр. Цена 9 р.

Поэты Югославии. Перевод с сербско-хорватского, словенского, македонского. 316 стр. Цена 6 р. 20 к.

О. Х. К. Спейт. Индия и Пакистан. Общая и региональная география с главой о Цейлоне, написанной Б. Х. Фармером. Перевод с английского. 834 стр. Цена 55 р. 55 к.

Димитр Талев. Железный светильник. Роман. Перевод с болгарского. 350 стр. Цена 11 р.

Эрне Урбан. Трудное положение. Перевод с венгерского. 88 стр. Цена 2 р. 70 к.

Герберт Дж. Уэллс. Необходима осторожность. Очерк одного жизненного пути. 1901—1951. Перевод с английского. 327 стр. Цена 10 р.

Главный редактор **К. М. Симонов**

Редакционная коллегия:

Б. Н. Агапов (зам. главного редактора), **С. Н. Голубов**,
А. Ю. Кривицкий (зам. главного редактора), **Б. А. Лавренев**,
М. К. Луконин, **А. М. Марьямов**, **Е. Успенская**, **К. А. Федин**

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Сдано в набор 29/VIII-57 г.
А 06981. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ 9 бум. л.— 24,66 печ. л.

Подписано к печати 24/IX-57 г.
л. Тираж 140 000. Заказ 2070.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 9 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва, Центр, площадь Пушкина, 5.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1958 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Н О В Ы Й
М И Р

Журнал „Новый мир“ выходит
без переплета и в переплете

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1958 ГОД:

	12 мес.	6 мес.	3 мес.
Без переплета	84 р.	42 р.	21 р.
В переплете	108 р.	54 р.	27 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

городскими и районными отделами «Союзпечати», конторами, отделениями и агентствами связи, почтальонами, а также уполномоченными по приему подписки на фабриках, заводах, стройках, шахтах, железнодорожном транспорте, в совхозах, колхозах, МТС, учебных заведениях, учреждениях и организациях.